

АЗБУКА ВЕРЫ

прот. Владимир Воробьев

Лекции

Лекции

прот. Владимир Воробьев

Лекция 1. О Богослужении

Что означает слово «**богослужение**»? Является ли церковная служба служением Богу? Наши просьбы, благодарности Богу — разве это то служение, которое нужно Богу?

Верующие часто говорят: я верю, но Церковь принять не могу. Зачем она Богу?

Да, **церковная служба** нужна не Ему — нам. Она **является богослужением**. Почему?

Представьте себе, что вам нужно идти к большому начальнику с какой-нибудь просьбой. Вы думаете о том, как себя вести, как высказать то, что вас волнует, наконец, о том, как одеться. Скорее всего, вы начнете разговор с того, что поблагодарите начальника за что-то предшествующее, тем самым выкажете ему доверие и, может быть, любовь. Или принесете подарок, цветы.

Так строятся отношения между людьми. А как мы обращаемся к Богу?

Естественно, что мы просим прощения за то, что огорчаем Его своими грехами, благодарим Его, воспеваем Ему хвалу. Все это — наша естественная потребность, именно наша, это нужно нам. И это есть служение Богу, так как, устроив свою духовную жизнь правильно, имея с Богом правильные отношения, мы являем миру факт правильного устройства жизни, т.е. проповедуем это устройство, а это — богоугодное дело, следовательно, мы Ему тем самым служим.

Наше православное богослужение очень развито, оно, пожалуй, самое развитое в мире. Путь его имеет свою историю, древнюю, как само христианство.

Существует точка зрения: богослужение устарело, в нем нет динамики, его никак нельзя изменить, и это неразумно, ибо отгораживает Церковь от мира, препятствует простым людям овладеть богослужением.

Но это ошибочная точка зрения. На самом деле наше богослужением как раз динамично, оно меняется во времени, и остановить это историческое развитие невозможно, иначе прекратилась бы сама жизнь Церкви.

Знание истории богослужения необходимо для того, чтобы в нем участвовать. Церковные традиции, которые трансформировались в истории до нас, — все это составляет церковное предание.

У Церкви два источника — Священное Писание и Священное Предание. Священное Писание — это Библия, Ветхий и Новый завет. Священное Предание — это устное предание, в котором обособленно существует литургическое предание, т. е. история литургической жизни.

Литургия (обедня) шире, буквально — «**богослужение**», «**общее дело**». **Литургическая жизнь — богослужебная жизнь.**

Слово «**религия**» значит «связь», **то, что связывает человека с Богом**, что открывает ему духовную жизнь. **Главная часть религии — богослужение.**

Самые древние археологические находки говорят о том, что религия всегда занимала главное место в жизни общества.

Как возникает, откуда идет религиозность?

Мы знаем, что земная жизнь началась с того, что Адам и Ева были изгнаны из рая. Есть гипотеза о том, что рай — это вполне конкретное место на Земле: Междуречье, устье Евфрата и Тигра.

Есть служба в начале Великого поста, посвященная изгнанию Адама и Евы из рая: «Сидел Адам напротив рая и плакал». Он каялся, молился, просил прощения у Бога.

Человек есть дух и плоть (воплощенный дух). Человеку свойственно воплощать свои мысли, чувства, творческие возможности. Он воплощает и свою молитву. Как? По-разному. Мы поем молитву, одеваем ее в стихи, кладем поклоны, т. е. помогаем своей душе, воплощая свои чувства в телесные движения.

Адам и его потомки создали **первое богослужение**. Оно носило **характер жертвы**. Что это такое? Это **отъятие у себя чего-то**

дорогого и отдавание тому, кого любишь. Настоящая любовь всегда жертвенна. Самый высокий образ любви — жертвование своей жизнью.

Отдать себя можно по-разному: чувства, мысли, волю.

На самом высоком месте строится храм, в красном углу помещают иконы, красивые вещи несут в храм. В древности пастух жертвовал Богу лучшего ягненка, земледелец — часть жатвы. Научные атеисты пытаются на этом основании представить древних людей такими дурачками: зачем, мол, Богу жареное мясо?

Этот образ жертвоприношений был употребляем с древности. Существовали жертвы очистительные, благодарительные, умиловительные. В Законе Моисея было все предусмотрено — когда и какую жертву приносить (птенцы, ягнята). В наше время это свеча, деньги, которые мы жертвуем храму. Мы и сейчас нуждаемся в жертвоприношении.

Религиозный культ развивался естественно. Но не бесппроблемно.

В Библии описывается принесение Авраамом в жертву своего сына Исаака. Мальчику 14 лет, он сам несет дрова, на которых должен быть сожжен. Отец уже заносит над ним нож, но руку его останавливает Ангел...

Что чувствовал Авраам? Какая нужна была вера, чтобы принести эту жертву — единственного и позднего сына?..

Авраам не усомнился, в то время когда любой из нас усомнился бы: «Зачем Богу такая жертва? Не может быть, чтобы она была Ему угодна!». Это был образ той особенной великой жертвы, которую Бог-Отец совершил, отдав Сына Своего на распятие.

Но есть иное понимание жертвы.

Возникает язычество, тоже естественно. Жена царя Ахава Иезавель насаждала его культ. Языческий бог — медный бык с огненной пастью, в которую израильские женщины бросали детей.

С одной стороны, жертвоприношение Авраама, а с другой — бесовские жертвоприношения Ваалу. Это совсем другое отношение к божеству: вместо любви — страх, стремление заслужить себе что-то в

жизни, «договорные отношения»: ты мне — я тебе, выражение недоверия. Божественное заменяется бесовским, вместо веры — магия. Все языческие верования — магизм по своей сути. Истинное же отношение к Богу — это отношение любви.

Лекция 2. О Богослужении

Искушение — это, в конечном счете, вопрос о том, как устоять в истине. Нужно ли истину искать, жертвовать во имя нее чем-то? На пути таких исканий и встает искушение.

Одно из них — возможность подменить истину каким-либо ложным ее изображением. Отсюда — язычество, вера более доступная и понятная.

Можно быть верным внешней традиции, какому-либо кодексу, принимать Св. Писание, но быть неверным в духе. Человек часто ищет легких путей в жизни, и это приводит нас к заблуждению.

Сейчас это очень актуально.

Иногда православие смешивают с церковной политикой, есть и другие возможности для подмены истины. Например, оставаясь в лоне Церкви, участвуя в ее жизни, можно оставаться чуждым духу Православия. Можно не знать, что такое Литургия, чему ты причащаешься. Это страшное и печальное явление. Между тем колоссальное большинство так называемых православных таковыми на самом деле не являются. Люди как будто записываются в пионеры, а ведь они должны принять в свое сердце истину о Боге, что требует большого труда. Иметь примитивную веру — этого недостаточно. Надо полюбить Бога и чувством, и разумом. Мы должны понимать то, что Господь даровал нам для понимания. Истина, за которую люди отдавали жизнь, достойна того, чтобы ее изучали.

Где Дух Божий, там свобода. Поэтому формализм чужд вере христианской. Нужна свободная любовь, свободная вера. Но это не значит, что можно размывать границы Православия.

В древности православное богослужение было харизматично. Харизм — благодатный Божий дар, жизнь по благодатному вдохновению. Первыми христианами были евреи. У них была строгая традиция, очень развитое богослужение. Например, традиция, заложенная в

Законе Моисеевом: помни день субботний. Правоверные иудеи и сейчас боятся ее нарушить. Суббота должна быть посвящена Богу — это было общей нормой еврейской жизни.

Иисус в течение всей жизни постоянно ходил в Иерусалим, хотя жил в Назарете. Зачем? По земной принадлежности Он был правоверным иудеем, а у иудеев был только один храм — Иерусалимский.

(Синагога — это не храм, это молитвенный дом, там нельзя принести жертву). Христос восполнял закон, пополнял его. Само Его распятие было перед Пасхой, когда Он пришел в Иерусалим, чтобы принести жертву. Христос не мог не пойти в храм и не принести жертву даже тогда, когда это грозило Ему смертью. Апостолы следовали за ним. Они каждый день уходили из Иерусалима в пригород, в Вифанию, чтобы их нельзя было схватить, но каждый день возвращались в Иерусалим.

Евхаристию нельзя было совершить в иудейском храме. В первые дни Пятидесятницы апостолы совершали ее по домам. Потом начались гонения, храм был разрушен, приносить жертву стало негде. Но всюду, куда идут апостолы, они совершают евхаристию. В основе ее — Тайная Вечеря. Она имеет две составляющих — ветхозаветная традиция и то, что привнес Христос (новозаветное православное богослужение).

Ветхозаветное богослужение имело целью восхвалить Бога, вспомнить особые моменты ветхозаветной истории. Большое место в ветхозаветном богослужении занимало мессианское ожидание Христа. Ветхозаветное богослужение совмещается со словами: «Бога никто не видел нигде. Познать его близко невозможно». И когда приходит Христос, чтобы вернуть человека к Богу, вернуть его достоинство и богосыновство, все ветхозаветные богослужебные формы наполняются новым смыслом.

Что нового в православной церковной жизни? Сама задача этой жизни, ее смысл. Древние евреи хотели оставаться верными Богу, просить у Него прощения; целью жизни христианской является стяжание Духа Святого, приобщение к Богу. Ветхозаветная жизнь отличается от новозаветной, как небо от земли. Ветхий завет: на Земле помнить Небо; Новый завет: взойти на Небо, соединиться с Богом. Или пусть Небо придет на Землю. Соединение с Богом — этой

задаче посвящена вся богослужебная жизнь. Божественная реальность должна присутствовать на Земле. Земное — это пространство и время, Божественное живет по другим законам, в другом измерении. Все православное богослужение пронизано этим, направлено на это. Оно воспринимается в зависимости от того, чего мы от него ждем.

Все духовное вечно, живет вне времени и пространства. Наш земной мир устроен так, что не вмещает эту вечность.

Духовное бытие может воплощаться. Христианство и есть религия воплощения. Поэтому христианское богослужение имеет целью воплотить события вечные. Например, Рождество — это событие, принадлежащее вечности. А если так, то оно может воплотиться. Эту цель и имеет богослужение. Значит ли это, что Христос снова рождается? Нет. Но духовная реальность этого факта может быть воплощена в богослужении, а мы можем к ней приобщиться.

Духовное тождество — явление во времени и пространстве того, что не имеет ни времени, ни пространства. Богослужение — это приобщение наше к Небу, к Богу, к тому, что Он пришел совершить в этом мире. Без богослужения не может быть полноценной христианской жизни.

Церковь использует здесь язык символов. В Ветхом завете эти символы имели несколько иной смысл.

Под словом «символ» математики понимают знаки сложения, умножения, деления и др. Наша жизнь полна знаков, посредством которых мы обозначаем те или иные действия.

Символ в богослужебном понимании — это способ воплощения одной реальности в другой, присутствие одной реальности в другой. Сам Господь дал нам этот язык символов: хлеб — плоть Моя, вино — кровь Моя. Господь нам указывает: чтобы приобщиться к Божественной духовной реальности, мы должны воспользоваться языком символов. Господь творит чудеса, и такое воплощение — это всегда чудо. Только примитивные люди думают, что язык символов используется по неграмотности. Икона, говорят они, не имеет перспективы и объема, изображение на ней плоско. Но икона — это не реалистическое искусство, это символ. Никакая реалистическая живопись не

обладает силой языка символов. Так же символичны церковная музыка, одежда, архитектура. Язык символов помогает преодолеть пространство и время. Часто на одной иконе изображены события разных времен. Это не примитивизм, а преодоление пространства и времени.

Жития святых часто внушают нам сомнения: достаточно ли они достоверны? Но житие — это словесная икона, она и не стремится к буквальному историческому совпадению, ее задача — дать духовный образ. Средства этого — каноны. В натуралистической живописи задача — изобразить все как есть, «как в жизни». В символическом искусстве вступает в действие закон канона. Есть, например, каноны: как изображать святителя, воина, мученика. Так же и в житиях — для мученика один канон, для воина — другой.

В богослужении действуют такие же каноны. Но складываются они не сразу, и богооткровенное знание стяжать не просто. Здесь нужен подвиг духовный — та стихия, в которой живет любовь. Тогда и получаешь благодатные дары. В духовной жизни все надо выстрадать.

Богослужения первых веков были благодатными (хоризматичными). В древности апостол приходил в тот или иной город и всю ночь беседовал с христианами, объяснял им истины веры, рассказывал о благовестии христианском. Потом они вместе молились и совершали евхаристию.

Сначала апостолы и епископы молились по вдохновению, т. е. как и сколько могли и хотели. Апостолы слышали голос Божий, их молитвы были разговором с Богом. Они не стремились повторять друг друга. Богослужение было экстатичным, т. е. динамичным, все было в становлении. В это время богослужение только складывалось — не только в молитвах.

Когда христиан стало больше (а также пресвитеров и епископов), возникли опасения о возникновении разброса, многообразия. Так было с Евангелием: сначала — изустная передача, потом появились разные списки. Из них-то и было выделено четыре канонических Евангелия, а остальные объявлены не подлинными. Так же и богослужение: оно довольно скоро встало перед проблемой — как сохраниться в своей подлинности? Так появились каноны.

Есть люди, которые думают: как установлено все в первый момент после Вознесения Господа, так все и остается. Но это неправильное представление. Неизменными остаются не формы жизни христианской, а духовная ее сущность. Форма ведь может и помогать, и мешать. Существует диалектика формы и содержания — содержание требует формы. Но форма принадлежит пространству и времени, а содержание вечно. Поэтому форма меняется, развивается, она не догматизируется, иначе она начнет отторгаться от содержания, тормозить духовную жизнь. В истории богослужения христианства диалектика содержания и формы имеет особый смысл.

Богослужение имеет разные части: чтение Св. Писания, молитвы, таинства. Таинство — само слово дает ответ о том, что это такое: некое таинственное действие.

В духовной жизни все таинственно, там ничего нельзя доказать, нельзя поставить эксперимент, по своей воле воспроизвести то или иное духовное событие. Мы узнаем столько, сколько нам открыто. И это знание — благодатнейший дар. Но мы можем только просить о нем. Мы никогда не узнаем всей Божественной Истины вполне. Господь взывает к сердцу человека, постичь разумом мы можем не все, ибо это — тайна Божественного Промысла. Все богослужение пронизано тайной воплощения в этом мире духовных Божественных энергий.

Учение о 7 таинствах: крещении, миропомазании, браке, покаянии, елеосвящении (соборовании), священстве, евхаристии (таинстве таинств). Они выделены из других таинств Церкви по определенному признаку. Ведь освящение воды или дома — это тоже таинства, но в число семи они не входят. В семи таинствах благодать Божия дает нам какое-то новое качество, человек восходит на новую ступень.

Жизнь Церкви состоит из постоянного действия благодати Божией, которая соединяет людей с Богом. Как эти таинства живут в истории Церкви?

И евхаристия, и все другие таинства имеют Божественную природу, т.е. получены от Иисуса Христа, или получены через Св. Писание, или дошли до нас в Св. Предании.

Есть определенная схема в изучении таинств, исходя из того, когда и

как оно было установлено. Но схема — это схоластика.

Богослужение пришло на Русь с Запада, от католиков, а вера — от греков. Вскоре после этого нас завоевали татары, и нам было уже не до веры. А потом греки попали в неволю, и им было не до того, чтобы учить нас вере. Сейчас наше богословие в упадке — 70 с лишним лет коммунистической оккупации.

Избегая католической схоластики и следуя нашим русским богословам на Западе, нам придется полемизировать с католиками. Например, у католиков есть каноническая норма: для совершения таинства необходимо и достаточно, чтобы оно совершалось правильно поставленным священником, правильным способом и правильными словами. Если хотя бы одно условие не соблюдается, таинство не совершится.

Здесь отчетливо проявляется дух юридизма: ради единовластия, контроля, полного послушания, гарантии от какого-либо волюнтаризма папство организует церковную жизнь юридическим способом. Это имеет свои корни в глубокой древности. Дух юридизма противоположен духу Евангелия: каноны нужны, но совместить духовную жизнь и юридические формы нельзя.

Столь всепоглощающий юридизм всегда был характерен для католиков. Это почва для искушения магизмом. Ведь что такое юридизм? Если все сделано правильно, то таинство совершится, а если неправильно, то таинства не будет. А облик самого священника, чистота его сердца? Это, конечно, подразумевается, но необходимым не считается. А если священник потерял веру, но сделает все правильно — значит, таинство совершится? Но это абсурд. Христос приносит на землю благодать, а не закон. Закон нужен там, где нет благодати. Если мы все начнем втискивать в рамки юридические, это нанесет ущерб духовной жизни. И наносит.

Форма богослужения не должна быть догматизирована, и она постоянно меняется. Надо видеть эти изменения, понимать, где они хороши и где плохи. Иначе мы не сможем ни объяснить, ни защитить нашу православную веру.

Лекция 3. Евхаристия

Евхаристия (благодарение) — еще одно название Литургии.

Евхаристия — это суть жизни Церкви, ее сердцевина, центральное переживание и таинство.

Манна небесная прообразовала собой евхаристический хлеб. Она напитала и утешила евреев, и они хранили ее как свидетельство чуда во Святая святых.

Господь в пустыне напитал 5 тысяч человек, не считая жен и детей, пятью хлебами. Это тоже прообразовало собой Евхаристию.

Христос сказал в проповеди, которую Он произнес в синагоге города Капернаума: «Я есмь хлеб жизни...» После этого многие ушли от Него, потому что сочли эти слова словами безумца. Как можно есть плоть и пить кровь? Но Христос настаивает на этом.

Это и сегодня не вмещается в наше сознание. И только дойдя в Евангелии до рассказа о Тайной Вечери, мы связываем все воедино.

Как же понять смысл этого странного таинства, этого чуда? Он открывается, если вникнуть в учение ап. Павла, который говорил: «Церковь есть Тело Христово».

Церковь — это некий **таинственный мистический организм**, который есть **Тело Христово**. Для того Господь и установил таинство Евхаристии, чтобы каждый христианин мог вкусить часть Тела и часть Крови Христа. **Это таинство соединяет небесное с земным**, воплощает Сына Божия на Земле, и он приходит к нам снова и снова, а точнее, остается с нами, являясь нам во плоти. Не в той, которую имел 2000 лет назад, родившись от Девы Марии. Теперь Господь избирает иную плоть — истинную брашну и истинное питие. Мы не смогли бы иначе приобщиться Св. Таин, если бы Тело и Кровь его были подлинными человеческими телом и кровью.

Хлеб и вино — самые простые, благородные, высокие и чистые виды пищи.

В первые христианские времена язычники, не понимая сути таинства Евхаристии, а только зная о нем понаслышке, обвиняли христиан в том, что они едят человеческое тело и пьют человеческую кровь.

Если бы это было так, мы были бы людоедами, и ничто не могло бы

служить нам оправданием.

Хлеб и вино сохраняют свой вид, но преллагаются в Тело и Кровь Христа в таинстве Евхаристии.

Фейербах сказал: «Человек есть то, что он ест», имея в виду, что человек — это материя, и больше ничто. Но слова эти приобретают замечательный истинный смысл, если приложить их к таинству причащения. **Мы принимаем в себя Христа, и происходит обожение человека, он становится сопричастным Божеству.**

Иисус Христос родился в Вифлееме. Название этого города переводится как «дом хлеба»: «Я хлеб, сшедший с небес...»

Св. Кирилл Александрийский: Тело Христа животворит тех, кто является участниками Его.

Учение о Евхаристии, о Литургии таинственно, оно соединяет в себе все главные моменты христианской жизни. В каком-то смысле христианство — это и есть Евхаристия.

Господь предуготовил создание Евхаристии на Тайной Вечери. А апостолы сразу же после сошествия на них Св. Духа стали совершать Евхаристию. Без нее нет Церкви, Церковь евхаристична по природе своей. Евхаристия есть таинство Церкви, постоянно Церковь созидающее. **Невозможно быть членом Церкви, не причащаясь Крови и Тела Христова.** По древнему преданию тот, кто не причащался более трех недель без особой причины, сам себя отлучал от Церкви. Позднее было и так: тот, кто не причастился, побывав в Церкви, отлучался от нее, ибо это считалось оскорблением Господа.

Преп. Серафим Саровский говорил: «чем чаще человек причащается, тем лучше». Св. Иоанн Кронштадтский считал, что причастие должно совершаться ежедневно. Сегодня, конечно, все обстоит иначе. В каждом конкретном случае все решается по-своему, но общее, определяющее отношение к Евхаристии остается прежним.

Время совершения Евхаристии на Тайной Вечери остается не совсем известным. Господь пришел в Иерусалим, чтобы принять участие в праздновании ветхозаветной Пасхи. В это время евреи были уже рассеяны по Средиземноморью и стекались в Иерусалим, чтобы в своем единственном храме принести жертву Богу в соответствии с

установлениями Закона Моисеева. В эти дни в Иерусалиме собиралось до 2,5 млн. человек — для такого маленького города это очень много. Люди расходились по близлежащим селениям. И Христос посылает своих учеников, чтобы они приготовили пасхальную трапезу.

И вот Пасха приготовлена. Приготовлен агнец.

Почему Вечеря называется Тайной? Потому что Христос вынужден был скрываться от фарисеев, решивших убить Его. Чтобы успеть совершить пасхальную вечерю, которая была нужна для рождения Церкви, в тишине, темноте и тайне совершается Тайная вечеря. Это происходит накануне 13-го нисана, и мы теперь тоже совершаем ее накануне Пасхи. Христос пришел с 12-ю апостолами и возлег у стола с пасхальной трапезой (тогда полагалось лежать при этом). Сначала подавалось вино, смешанное с водой — в воспоминание о крови агнца, которой были помазаны косяки дверей еврейских жилищ перед исходом евреев из Египта. Тогда Господь пощадил те еврейские дома, где двери были помазаны кровью. А вот в каждом египетском доме в эту ночь было горе — Бог истребил всех египетских первенцев.

Пасхального агнца полагалось приготовить так, чтобы кости его остались целы, и есть его надо было целиком, с горькими травами, а потом сразу выходить из дома.

Это впечатление грозного избранничества Божия и легло в основу названия «Пасха», слово это означает «прошел мимо».

Исход евреев из Египта символизировал спасение рода человеческого от гибели; Моисей символизировал собой Христа, который изводит человека из плена дьявола.

Эта символика уже тогда имела свой особенный чин (Подробнее см. у Архим. Киприана в кн. «Евхаристия»). Сопоставляя этот порядок с Тайной вечерей, можно предположить, что евхаристическая чаша на Тайной вечере была последней (а их могло быть до 5). Все было, как обычно у евреев бывало на Пасху, кроме слов: «Приимите, ядите...». Христос дает здесь заповедь: «Сие творите в Мое воспоминание...»

На Тайной вечере было омовение ног; здесь же произошло предательство Иуды, о котором предупредил Христос. Потом был Гефсиманский сад, где совершилось моление о чаше, и где Христос

был предан в руки законников.

Тайная вечеря была средоточием всех главных событий. Здесь все принадлежит Вечности, ибо все происходившее там — не только земная история; все, что происходит с Сыном Божиим, имеет смысл Божественного самостроительства. Поэтому Литургия, это продолжение Тайной вечери во все века, — это тоже событие, живущее в истории и принадлежащее Вечности, в ней должны воплощаться Время и Пространство. Через Литургию, через Евхаристию мы можем приобщиться всему, что произошло на Тайной вечере.

Ап. Павел: «Когда вы собираетесь в Церковь...» Это не тот смысл, когда говорят «собираетесь» в значении «намереваетесь пойти». Здесь смысл иной: когда вы собираетесь все вместе в собрание.

Церковь — это собрание, единение. Наука о Церкви называется экклезиологией.

Ученики Христа, собираясь в собрание, совершали Евхаристию в день Господень, т. е. в воскресенье. Было у них правило: все, кто собрались в собрание, должны были причаститься Телу и Крови Христовым, а те, кто не делал этого, отлучался от Церкви за оскорбление, нанесенное Господу, ибо ничем, кроме неверия, равнодушия и нелюбви к Богу, этого объяснить нельзя.

Таким образом, Евхаристия совершалась всеми для всех в собрании христиан во имя единения христиан.

Православное учение о Св. Троице: Отец, Сын и Св. Дух единосущны. Значит, и мы должны быть единосущными во Христе, ибо принимаем в себя Его сущность. **Через причастие Св. Таин мы соединяемся друг с другом и со Христом** — это было главным переживанием для древних христиан. Теперь даже в тех общинах, где часто причащаются, причастие остается личным, индивидуальным делом. «Я буду причащаться», «ты будешь причащаться», «я готовился к причастию» — все это некая моя собственная задача. Это было бы совершенно непонятно первым христианам. Причастие в одиночку — это немыслимо. Если мы собираемся в Церковь, мы все вместе причащаемся Св. Таин. Именно здесь христианин избирается от всего человеческого рода и получает жизнь вечную.

Мы сейчас далеки от той меры единения, которая была присуща первым христианам. Подлинный дух Евхаристии нам недоступен, мы утратили живое переживание Евхаристии как открытие Царства Божьего на Земле. А между тем такое восприятие Евхаристии — самое главное для христианина: жизнь со Христом и во Христе.

А сейчас: идем на литургию, позавтракав, стоим отстраненно, слушаем хор, смотрим на красивое облачение и т. д. Евхаристический дух, евхаристическое сознание утрачены. И уходим, не причастившись.

В первые же века христианства, когда Церковь состояла из мучеников, этот дух сохранялся. Традиционный церковный быт пришел на смену духу самоотвержения и жертвенности, жизни со Христом. Евхаристическое сознание утрачивается. Появляются «годовики» — те, кто причащается раз в год, в Великий Пост. Храмы перестали быть тем, чем должны быть. Не удивительно, что народ, бывший богоносным, утратил саму Литургию. Нам необходимо вернуться к евхаристической жизни, евхаристическому сознанию.

Лекция 4. Евхаристия

Сразу после Пятидесятницы, когда апостолы получили благодать Св. Духа, начинается евхаристическая жизнь Церкви. Хотя апостолы продолжают обычную храмовую жизнь, в их жизни появилось новое — день Господень, т. е. воскресенье, когда они совершают таинство Церкви — Евхаристию.

Как совершалось это таинство поначалу, мы не знаем. Но вся жизнь первых христиан была благодатной. Апостолы получили дары чудотворений, они сердцем ощущали эту благодать. Жизнь их стала служением миру. И борьбой, так как они вызывали у иудеев ненависть.

Апостолы обращались ко Христу с молитвой, говоря все, что было на сердце, никакого особого чина тогда не было, кроме того, что осталось от Тайной Вечери. Вероятно, детали этой молитвы были разными, но таинство совершалось часто, и каждый апостол, уходя в ту или иную страну, приносил его с собой. Таким образом, оно делалось все более значительным для жизни Христовой Церкви.

Вскоре в Иерусалиме появляется апостол Иаков (Братья Христа — Иаков и Иуда — в свое время не верили в мессианство Христа, ибо знали его с детства. Иаков и Иуда были не прямыми братьями Иисуса, они сыновья Иосифа Обручника. Иаков почитается одним из главных, старших апостолов). До нас дошел чин литургии ап. Иакова, который впоследствии был развит и дополнен.

Настало время, когда христиане, рассеянные по миру, ощутили необходимость введения литургического чина. Жизнь Церкви до поры до времени была харизматичной, и не было нужды в канонизированном чинопоследовании. Молились, как Бог на душу положит. Но когда христиан стало больше, когда апостолы стали уходить от них, возникла опасность появления людей, которые произвольно внесут изменения в таинство Евхаристии. Христианам хочется сохранить устное предание, дошедшее от апостолов.

Василий Великий, сочтя литургию Иакова слишком длинной и непонятной для простого народа, сократил ее. Св. Иоанн Златоуст, найдя, что и этот вариант слишком длинен и сложен, тоже сокращает его, заменяя молитвы новыми, более короткими, но тождественными по смыслу.

И вот из множества литургий (а их было несколько десятков) до нас дошло три: апостола Иакова, Василия Великого и Иоанна Златоуста. В Уставе же Церкви — две полных литургии: Василия Великого и Иоанна Златоуста. Они относятся к так называемому византийскому типу.

Литургическое предание — обширная наука, которую можно изучать долго и глубоко. Сотни книг написаны о нем на разных языках. В частности, книга Л. Успенского, где дается отличие наших литургий от католической мессы.

Современный чин литургии состоит из нескольких частей.

Проскомидия (приношение), затем — **литургия оглашенных**, **литургия верных**, которая включает в себя **анафору (возношение)**.

До нас не дошли тексты литургий 4-го, 5-го веков, есть лишь рукописи 8-го века, но в них — только анафора. Василию Великому и Иоанну Златоусту принадлежит именно анафора, и нет оснований

считать, что весь чин современной литургии имеет их авторами.

Литургия жила в истории своей жизнью: она была то краткой, как у апостолов, то длинной, а в 8-м веке мы видим уже определенную работу по оформлению современного чина литургии. Она постепенно узаконивается, складывается ее современное каноническое последование. Но на этом литургическое творчество не заканчивается, части литургии постоянно испытывают добавления и изъятия, и эти изменения не всегда происходят по благословению высшей церковной власти. Пока жива Церковь, не иссякнет и литургическое творчество, и это хорошо. Плохо, когда вносятся в литургию плохие изменения.

Проскомидия в 8-м веке обретает примерно теперешние черты, хотя еще и не канонизируется окончательно.

Зачем нужна проскомидия? Что это такое?

Вот апостолы собираются на вечерний ужин. Берут хлеб, воду и вино, совершают преложение. Но с течением времени ап. Павел замечает, что среди новых христиан появляется некоторое пренебрежение к Св. Тайнам, они приходят на Вечерю любви (Агапу) и начинают есть, и Тело и Кровь Христовы воспринимаются ими просто как еда. Ап. Павел грозно предупреждает их: те из вас, что причащаются без благоговения, болеют и умирают.

Так **возникает необходимость отделить в сознании новых христиан таинство Евхаристии от еды**. Только тогда Евхаристия делается полноценным центром их литургической жизни. Но даже при том, что на Агапах происходит некоторая профанация Евхаристии, они все-таки остаются очень ценными.

Но с первых веков христианства мы обнаруживаем следы совершенствования Евхаристии. Литургии начинают совершаться на гробах мучеников, по утрам, и готовятся к ней, совершая пост, чтобы Евхаристия не могла быть ни с чем совмещена и перепутана.

Первые памятники о Евхаристии мало говорят об Агапах, они доносят до нас, прежде всего, описания Евхаристии.

Апостолы преломляли хлеб и благословляли чашу с вином. Их последователи тоже не видели необходимости в особой проскомидии.

Все члены евхаристической общины знали друг друга по именам, им были известны все скорби и радости друг друга, и легко было молиться вместе. При Константине Великом христианство возводится в ранг государственной религии. Первые христиане знали, что они могут поплатиться жизнью за свою веру, теперь же креститься и стать христианином стало легко, это даже обеспечивало покровительство властей. Первые христиане были постоянно готовы пожертвовать жизнью во имя Христа, и это очищало их сердца. После реформы Константина Великого становится очень трудно отделить подлинных христиан от тех, кто крестился из чисто конъюнктурных соображений. Тем не менее, строятся громадные базилики, которые вмещают тысячи людей, уже не знающих друг друга. Это уже не та христианская община, которая жила не поиском внешнего благолепия, но желанием сохранить верность вере, Христу. Теперь же никто за это не преследует, и христианская жизнь изменяется. Вместе с радостью победы приходит сожаление о том, что та цельность, та жертвенность и горение, которые были у первых христиан, утрачены. И многие бегут — уже от тех, кто мешает молиться по-настоящему.

Однако история идет своим ходом, жизнь в миру продолжается. Меняются богослужебные чины, и это продиктовано необходимостью: старые чины не годятся для теплохладных христиан, к тому же теперь очень многочисленных. **Как помянуть всех, стоящих в храме на литургии?** Священник уже не знает их по именам.

Но сохранить молитву за верных необходимо, и такая форма постепенно складывается. Отсюда и **возникает необходимость проскомидии.**

Раньше она совершалась в жертвеннике, куда христиане приносили свои приношения, как и на Агапы. Кое-что использовалось на вечери, остальное раздавалось бедным и больным (Церковь сохранила этот принцип). Существовала специальная комната, где складывали все приношения, а также держали хлеб, воду и вино.

Начинается литургия с того, что священник и дьякон выходят на амвон и читают разрешительные молитвы. Целуют образ Спасителя справа от Царских врат, затем опять молятся, затем целуют образ Божией Матери. И так далее.

На литургии полагается полное облачение: на священнике подризник (стихарь — на диаконе) — тонкий стихарь, епитрахиль, пояс, поручи, награды, если они есть (набедренник и палица), фелонь. На каждую часть облачения читается своя молитва. Потом, умыв руки, священник и дьякон подходят к жертвеннику, который теперь имеет вид стола, облаченного в особое одеяние. Вся левая часть алтаря называется жертвенником. Здесь же Голгофа. На этом столе священник приготавливает сосуды — потир и дискос, а также звездицу, лжицу и копие. Здесь же покровцы (воздухи). Священник молится. На клиросе в это время начинают читать часы.

Просфора — приношение, символизирующее хлеб, который в древние времена христиане приносили для жертвы. На просфоре всегда имеется печать.

(Далее — рассказ, сопровождаемый рисунками на доске, о совершении проскомидии. Приведенные сведения содержатся в Законе Божиим).

Лекция 5. Евхаристия

В прошлый раз мы с вами закончили разговор о проскомидии, т. е. **о приготовлении приношений для совершения Божественной литургии.** После того как священные сосуды с приготовленным на них агнцем — частицами, вынутыми в честь Божией Матери, святых, в честь живых и усопших, — и чашей с вином с добавлением воды — все это покрыто специальными покровцами, или воздухами.

После этого священник совершает каждение и отпуст. Дьякон отверзает завесу царских врат и совершает полное каждение храма, т. е. сначала кадит алтарь, престол, жертвенник, горнее место, иконы, а затем иконостас, клирос, народ и весь храм.

Вы, конечно, знаете, что каждение есть символ молитвы и в то же время символ благодатного присутствия Божия. Таким образом, освятив весь храм перед совершением Божественной литургии, дьякон возвращается в алтарь, подходит к престолу, где стоит священник, и они совершают вместе короткую молитву перед началом литургии. Священник, воздевая руки, молится: «Царю небесный, Утешителю, Душе истины...» А затем второй раз воздевает

руки и говорит: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...» — дважды. И в третий раз воздевает руки и молится: «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою...» А дьякон говорит на это: «Время сотворити, Господи, владыко, благослови...». Священник благословляет его со словами: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Да исправит Господь стопы твоя, да помянет тебя Господь Бог во Царствии Своем». Дьякон выходит на амвон и провозглашает: «Благослови, владыко».

Все присутствующие в храме обычно видят только этот момент, когда дьякон говорит: «Благослови, владыко». А священник в ответ совершает громкий начальный возглас, литургийный возглас: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь». «Аминь» поет уже клирос.

Во время этого благословения священник поднимает Евангелие над престолом, над антимином, совершает этим Евангелием крестное знамение и полагает его на место.

Этот возглас имеет особенную непосредственную связь с литургией. Литургийная служба начинается обычно с возгласа: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков». Или, скажем, всенощная или утренняя имеют возглас: «Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице всегда, ныне и присно и во веки веков». И только литургия имеет возглас: «Благословенно Царство...». Почему это так, почему здесь говорится о Царстве?

Потому что **именно литургия**, если хотите, **низводит Царство Божие на Землю**, а по-другому можно сказать — открывает нам врата Царства Небесного. **Литургия есть явление Царства Небесного здесь, на Земле**. Это Царство Божие, пришедшее в силу. Именно литургия вводит нас в полноту этого Царства, этой жизни с Богом. В литургии мы соединяемся со Христом, соединяемся, можно сказать, так глубоко, так полно, как не мог бы придумать человек. Это соединение имеет в себе особенную таинственную силу, силу животворящую, которая дает нам вечную жизнь, не только сегодня животворит нас, но соединяет нас с Вечностью, открывает нам дорогу в эту Вечность. Именно это Царство Божие, пришедшее в силу, здесь

и есть Церковь, т. е. можно сказать, что Церковь, о которой мы уже говорили с вами, что Церковь — это литургия, Церковь — это есть Царство Божие. Возглас священника как раз благословляет это Царство, приветствует его. Священник с самого начала как бы громко приветствует: «Вот, Господь грядет к нам, и с Ним грядет Его Царство Небесное к нам, Царство Отца и Сына и Святого Духа».

После возгласа дьякон немедленно возглашает мирную ектению. Вы знаете, что существует несколько разных дьяконских прошений. Они имеют названия: мирная ектения, сугубая ектения, просительная ектения и др. Мирная ектения имеет особое значение, с нее начинается каждая большая церковная служба. Называется она так потому, что первые ее слова — «Миром Господу помолимся». Но «миром» в русском просторечии стало пониматься так: всем миром помолимся, т. е. все вместе помолимся, потому что весь собравшийся в церкви народ назывался этим словом: весь «мир», «помолимся всем миром». И даже на все мироздание перешло это название — «мир».

Но это, конечно, вопрос филологический. Я, тем не менее, позволю себе высказать мнение, что тут, наверное, велико значение мирной ектении, что на Руси даже и народ, и весь земной шар стали называть «миром». Первоначальное значение, смысл этих слов, конечно, иной. Можно было сказать «с миром Господу помолимся», т. е. в мире духовном будем молиться Богу.

Следующее прошение звучит аналогично. Значит, будем молиться в мире — о чем? «О Свышнем мире», о том, чтобы нам был дан этот вышний мир. «О Свышнем мире и спасении душ наших Господу помолимся. О мире всего мира...» Здесь уже «мир» используется в двух значениях: о том, чтобы весь мир, все мироздание пребывало бы в мире.

Эта ектения содержит в себе прошения «о святем храме сем», о Патриархе и всем священническом чине, о богохранимем стране нашей, о граде сем или о веси сей, т. е. о том месте, где мы живем, о благорастворении воздухов и изобилии плодов земных, о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их, о том, чтобы избавиться нам от всякой скорби, гнева и нужды. Иначе говоря, эта ектения являет собой удивительную, великую молитву, где очень кратко, удивительно емко содержится прошение

обо всем самом главном, без чего не может быть нашей жизни, о всем великом. И грустно, когда эта ектения является для нас столь привычной, что мы уже не способны вкладывать в эти удивительные прошения сердечную молитву свою, когда мы автоматически слушаем, что поет дьякон, что поет хор, а сами отсутствуем в это время своим сердцем.

Для того чтобы вы поняли силу этой молитвы, я приведу вам эпизод из своей жизни. Вы знаете, наверное, многие, что у меня был замечательный духовный отец, старец, отец Всеволод. Он был очень заслуженным протоиереем, настоятелем был очень много лет и, конечно, всегда служил с дьяконом. И поэтому никогда не произносил мирную ектению, всегда ее произносил дьякон. Я, конечно, тоже к этой ектении привык и уже как-то пропускал ее мимо ушей, как обычно мы это делаем.

Но вот однажды случилось так, что я пришел в будний день на службу и почему-то отец Всеволод служил без дьякона. Он вышел на амвон и стал говорить мирную ектению. И для меня это было просто открытием, я вдруг услышал что-то совсем другое, то, чего я никогда не слышал, потому что он так молился, произнося мирную ектению, что для меня буквально открылся весь мир. Я почувствовал, что это молитва действительно обо всем мире, за весь мир, в этой молитве утверждается мир.

А ведь так должно быть всегда, чтобы все мы с вами участвовали в этом утверждении мира, чтобы от нашей молитвы этот мир стоял в мире. Если бы так мы все молились, все дьяконы, все священники и все православные христиане, так от всего сердца молились бы Богу о мире всего мира, уверяю вас, не было бы тогда войны и не было бы раздоров, которые нас так мучают.

Вот сейчас ко мне подошел один студент старшего курса и просил направить Патриарху письмо об усиленном молении против раздоров и о мире. Это, конечно, инициатива неплохая. Но я не удивлюсь, если Патриарх спросит нас всех с вами и этого студента: «Как вы мирную ектению каждый день произносите? Вы же молитесь о мире всего мира. Разве там нет этой молитвы? Разве Церковь не молится всю свою жизнь каждый день, по нескольку раз в день, разве она не молится о мире всего мира? Разве не вменено это нам в обязанность

первую, и разве не с этого начинается наша литургия — с того, чтобы вспомнить весь мир и умолять Господа о мире всего мира, о благословении всех Божиих церквей, о граде сем, о том, чтобы здесь действительно силой Божией и благодатью Божией утверждался мир и утверждалась добродетельная, святая жизнь. Это именно и есть миссия Церкви в этом мире. Именно так приходит сюда Царство Божие — через Церковь. Приходит сюда в силе, и сама наша мирная ектения как раз являет это пришествие Царства Божия. Это Царство Божие как бы вступает в войну со злом и отвоевывает у этого зла нас, наши души и наш народ. И от нас зависит, насколько успешно будет это отвоевано. Так что каждое слово службы вообще, и Божественной литургии в особенности, должно, конечно, произноситься нами от всего сердца и с пониманием того космического значения, которое имеет Божественная литургия в нашей жизни. Потому что литургия — это не просто какой-то один молебен. И молебен церковный, молебен святого человека, молитва имеют величайшее значение, конечно, и молитвами такими утверждается жизнь на Земле. Но Божественная литургия — это есть нечто совершенно особенное, это есть нечто превосходящее всякий разум, потому что это есть действительно пришествие Божие к нам, это есть снова пришествие Сына Божия, это снова есть явление в силе Царства Божия, это снова есть наше приобщение к Святой Троице. И ходатайство Церкви перед Богом имеет особую силу, если оно произносится нами от всего сердца, а не только устами, если это не просто какой-то хор поет какую-то очень красивую, может быть, с музыкальной точки зрения ектению, а мы пришли послушать ее только как концерт или какую-то новую вариацию на тему мирной ектении.

Есть пластинка с записью голоса Шаляпина, произносящего мирную ектению. И люди восторгаются: вот как хорошо он взял ноту, каким низким басом сказал: «Господу помолимся». Если мы так будем приходить в церковь, тогда это будет просто профанацией. Я не против Шаляпина, но ему не следовало бы упражняться в таком амплуа. Ектения — это не повод для того, чтобы показать свой бас, продемонстрировать чудеса исполнительского мастерства. Это молитва. Как и вся литургия — это молитва. И если не будет у нас молитвы, тогда все это обратится против нас просто потому, что мы будем кощунниками и просто будем компрометировать Церковь.

После мирной ектении всегда следует священнический возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Вы понимаете, что это значит: потому что Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение. Но какая тут связь?

Мы говорим: «Миром Господу помолимся», «О Свышнем мире помолимся». В конце произносим: «Заступи и спаси и помилуй», и последний возглас дьяконский, особенный совершенно и чрезвычайно глубокий, таков: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувше, сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». То есть, помянувше Божию Матерь и всех святых, сами себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу предадим. И потом вдруг: «Потому что подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение...». Можно, конечно, как-то связать все это, хотя тут нет даже связи грамматической. Сначала в ектении есть обращение к народу: «Помолимся...», а потом в заключение: «Потому что подобает Тебе...». Даже грамматически это не согласуется. В чем тут дело?

Этот вопрос нужно вам сразу понять, потому что таким странным образом будет дальше продолжаться вся литургия. Дело тут в том, что священник в это время, как написано, тайно читает молитву. Скажу буквально: «Священник глаголет тайно молитву первого антифона». Глаголет — значит говорит. Как можно говорить «тайно»? Шепотом? На ухо? Что это значит?

Молитва такая: «Господи Боже наш, Егоже Держава несказанна и слава непостижима, Егоже милость безмерна и человеколюбие неизреченно! Сам, Владыко, по благоутробию Твоему, призри на ны и на святой храм сей и сотвори с нами и молящимися с нами богатыя милости Твоя и щедроты Твоя». И дальше — возгласение: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Как видите, здесь все совершенно грамотно. Эта молитва относится к Богу: «Господи Боже наш...» и заключается: «Яко подобает Тебе всякая слава...» Кому? «Отцу и Сыну и Святому Духу», т. е. Богу-Троице. Молитва обращена ко Святой Троице. И последние слова,

которые произносятся возгласно, т. е. громко, являются просто придаточным предложением, т. е., иначе говоря, окончанием этой молитвы. И вот такая странная ситуация, как я уже сказал, будет сопутствовать нам во время всего служения литургии, т. е. мы будем постоянно слышать, как священник громко возглашает из алтаря разные придаточные предложения: «Яко Тебе подобает...», «Яко Твоя Держава...», «Яко Благ и Человеколюбец...», «Яко милостив и Человеколюбец еси...» и т. д. Все «яко» и «яко», т. е. «потому что». «Потому что Ты милостив и Человеколюбец», «Потому что Твоя Держава» (т. е. власть). В чем же тут дело? И что значит: «Священник тайно глаголет молитвы антифона»? Почему тайно? Что это — секрет какой-то?

Как видим из текста, никакого секрета нет и нет ничего такого, чего нельзя было бы слышать всем находящимся в храме. Напротив: молитва очень хорошая, очень глубокая, и было бы замечательно, если бы ее произносили так же, как все молитвы, если бы в ней участвовали все молящиеся. Но что же все-таки значит слово «тайно»?

Во многих случаях это действительно означает, что священник должен читать молитву в алтаре про себя, тихо. Но первоначально в греческих служебниках это слово употреблялось совсем в другом смысле: там имелось в виду, что молитвы тайные, до которых мы потом с вами дойдем, просто являются молитвами таинства, они вовсе не являются секретными молитвами, которых никому нельзя говорить, которые можно говорить только посвященным или только тихо, про себя. Во все нет. Они просто являются молитвами этого великого таинства, таинственными (с ударением на «а») молитвами. Или таинственными (на «и») молитвами, и так можно сказать, но не в значении «секретными», запретными, запрещенными, которых нельзя знать непосвященным.

Мы к этому вопросу должны будем вернуться еще несколько раз во время изучения литургии. Но сейчас я скажу вам, что тем не менее, хотя таких молитв, секретных и запрещенных, у нас в церкви просто нет и не может быть по самому смыслу, тем не менее, во время литургии почти все молитвы священник читает в алтаре, читает их тихо, про себя, иногда вообще молча, одними глазами — так, что их

не слышат даже присутствующие в алтаре, а иногда он читает вполголоса или шепотом — так, что не слышат те, кто находятся вне алтаря. Почему это происходит?

Тому есть много причин. Одна из них — та, что наш народ, и не только наш, а еще с древности — греческий, например, — оказался не способным внимательно молиться в течение сколько-нибудь длительного времени. Оказался не способным вникать в молитвы, несущие в себе особое глубокое содержание, а поскольку литургия является, по существу, одной непрерывной молитвой или, может быть, двумя, тремя, то в течение полутора-двух часов молиться народ, оказывается, не умеет. И если бы мы с вами поставили такой эксперимент: убрали бы хор, а просто священник стал бы громким голосом молиться среди народа (ну, пусть дьякон говорил бы ектении, а священник читал бы молитвы после этого), то мы бы увидели, что народ или просто ушел или отключился бы, отсутствовал, как мы с вами отключаемся, когда дьякон говорит ектению, а мы этому не придаем никакого значения. Это, мол, пускай он говорит, а мы тут стоим и занимаемся своими делами: кто ищет рубль или теперь уже сто рублей на записку, кто ставит свечку, кто раздевает своего ребенка, а кто еще что-нибудь делает, но только не молится. Попробуйте найти человека, который молится во время мирной ектении, скажем, или во время какой-нибудь другой ектении: «Паки и паки...». Я думаю, что если найдете одного или двоих таких в храме, то вам повезло. И поскольку народ вот так сосредоточиться и молиться не умеет, то Церковь как бы вынужденно, постепенно, а может быть, даже воспринимая опыт ветхозаветной церкви (даже, скорее всего, именно так, и наверняка так), пришла к другому способу служения. Т. е. в нашем богослужении участвует не только сила нашего разума, не только наше внимание, наше «рацио», когда мы должны понимать каждое слово и это слово через свое сердце возносить к Богу — вот что такое молитва в обычном понимании слова, — и не только такой способ молитвы использует Церковь, но и другой. Какой?

Церковь использует еще и эмоциональный способ, кроме рационального, т.е. включает наше сердце, нашу душу другим способом. Иконы, которые помогают нам молиться, которые

настраивают наше сердце на молитву, на особенное расположение духа.

Взгляните на настоящую хорошую икону, древнюю икону, скажем, Владимирскую. Глядя на нее, мне кажется, почти невозможно не молиться Богу, по крайней мере, как-то не возвыситься в душе к Богу — невозможно.

Оказывается, искусство церковное тоже имеет громадную силу. Оно может нас подвигнуть, приблизить к Богу. Оно очищает. Взирая на такой лик, какой являет нам Владимирская икона, мы сразу же очищаемся сердцем, нас оставляют дурные помыслы, всякая суета. Чем больше вы стоите перед иконой, тем больше сосредоточивается ваше сердце, оно как бы устремляется безмолвно к Богу. Может быть, вы ничего не говорите, ни о чем не думаете, но сердце ваше все больше сосредоточивается и как бы открывается перед Богом. Это — тоже молитва.

Пение церковное в еще большей степени есть молитва, потому что оно соединяет в себе содержательную сторону и сторону эмоциональную. Поются определенные стихиры, молитвы, т. е. доносится до нас рациональный смысл какого-то прошения, и здесь используется искусство чрезвычайно высокое и сильное. И настоящее церковное пение, может быть, легче всего, быстрее всего научает нас молиться. Вы сами знаете, что древние, особенно красивые, песнопения буквально нас научают молиться, помогают нам, как бы влекут нас к молитве. И вот Церковь с древности, еще с ветхозаветных времен, пошла по этому пути — не только использовать рациональные возможности человека, которые, оказывается, не так велики, но и включить его душу, его эмоциональную природу.

Так вот в литургии с самого первого момента мы слышим церковное пение. Это пение нас поднимает, и ведет, и нашу немощь восполняет. Более того, я думаю, что, может быть, найдутся некоторые богословы современные, которые меня упрекнут в том, что я говорю что-то с их точки зрения совсем неразумное, но я дерзну сказать. Конечно, **богословие** — это, прежде всего, слово, ведь слово — это есть «логос», это есть разумное прославление Бога. Но мы же говорим: «умозрение в красках», «богословие в красках» — об иконе. Эти слова

принадлежат замечательному русскому философу Евгению Николаевичу Трубецкому.

Т. е. живописные образы тоже имеют, оказывается, способность побуждать нас к богословию, к умозрению. Так вот, можно сказать, что церковное пение — это «умозрение в звуках», оно тоже может открывать нашему сердцу Бога. Конечно, это не вполне богословие, но если поются слова молитвы, если прославляется Бог словесно, то тогда уже можно этому пению дать название «богословие звуков».

Церковь поняла, что оно имеет огромную силу, огромное значение. Свою литургию, свое служение Церковь соединила с такими средствами умозрения. И там, где мы не можем быть внимательными, не можем сосредоточиться, собрать силу своего разума, где мы не можем преодолеть привычку к одним и тем же словам, — там Церковь помогает нам вот этим прекрасным, чудным пением. И идет даже на то, чтобы очень важные молитвы произносил только священник, а большинство молящихся в храме чтобы получали как бы адаптированный, сокращенный вариант, очень даже сокращенный. И отсутствие громогласной молитвы вслух восполняется общим пением.

Роль церковного пения нужно было бы обсудить еще глубже и полнее, чем это сейчас возможно, потому что на самом деле она чрезвычайно велика, и то сердечное знание Бога, которое мы получаем через пение, гораздо больше, чем мы думаем. Это действительно достойное служение Богу, это действительно великое служение Богу — церковная музыка.

Но, конечно, изучая литургию, мы должны, прежде всего, изучить те молитвы, которые нам оставили святые отцы, которые вошли в предание Церкви. И должны знать, что даже если мы не слышим ту молитву, которую произносит священник в алтаре, то возглас священника эту молитву как бы здесь символизирует, указывает нам на то, что священник здесь молится. И мы должны тоже молиться с ним вместе, если не во всей полноте, то посылно участвуя в молитве сердцем.

Но есть сейчас, как я уже сказал, священники, которые пытаются вернуться к древней первохристианской традиции, которые хотят

убрать иконостас, чтобы он «не мешал». А еще они хотят, чтобы все молитвы читались вслух, хотят даже перевести их на русский язык, чтобы они были более понятны. Такие священники есть у нас, и движет ими, конечно, доброе желание. Но я почему-то уверен, что им ничего этого сделать не удастся. И не только потому, что не позволит епископ или косный народ заподозрит в них какое-то обновленчество, коль скоро они переводят на русский язык молитвы и рушат иконостас, который, по традиции, уже освящен Русской Церковью. А, прежде всего потому, что народ и вообще Церковь не смогут отказаться от своего служения Богу древним способом — в церкви и с пением. Потому что народ и сейчас уже не предпочтет словесную литургию той литургии, которую мы имеем вот уже в течение многих и многих веков — почти двухтысячелетие. Потому что очень рано, очень быстро литургия соединилась с пением, и отказаться от этого не смогут, и конечно, не только по привычке, а потому, что это пение несет в себе нечто большее.

Вот недавно один замечательный священник, очень мною уважаемый, высказал такую точку зрения: церковное пение во время литургии должно только не мешать молиться вслух. Что человек должен обязательно молиться вслух, а хор должен не мешать этому. Так давайте мы вообще его уберем — и все. И он не будет нам мешать.

Но я думаю, что мы не сможем это сделать. Потому что он нам помогает, а не мешает. Он нам, может быть, «мешает» услышать то, что священник читает, но не потому, что хочет мешать. Его поставили, если хотите, вместо священника. Вместо священнической молитвы поставили хор не случайно, а потому, что священник, оказывается не смог включить народ в свою молитву. А хору это удастся лучше. В каком-то смысле церковное пение исполняет ту задачу, которую не может выполнить священник в тех условиях, которые наличествуют у нас сегодня.

А первой христианской общине, когда собирались в маленькой комнате, может быть, 9 или 15 человек, в обстановке гонений, когда все они, конечно, горели душой, можно было читать вслух молитвы «едиными усты, единым сердцем» и пение было не нужно, потому что душа горела и так. Если же сейчас вы найдете священника, который сможет в нашем обычном приходском храме, где собирается 300

человек, если не 1000, прочитать молитвы литургии так, что все будут молиться, я сочту, что это чудо. Думаю, что вы не найдете ни одного такого священника. И тот священник, который читает вслух эти молитвы, делает это обычно в будние дни, когда народу мало, а в праздники, когда народу много, он читает их про себя. Так что весь народ он не может включить в свою молитву.

Вот это рассогласование, когда священник молится, а народ не включается, не отвечает — оно невозможно в литургии. Так литургию служить невозможно. Я буду кричать, молиться так, чтобы все слышали, а народ не будет все равно слышать, не будет со мной вместе повторять, не будет со мной вместе молиться. Тогда литургия станет невозможной, ее служить станет нельзя.

И вот когда так стало, когда это стало реальностью, тогда Церковь пошла по другому пути. Священник молитву читает, а с народом поет хор, и народ молится с хором. Проще и более непосредственно, по-детски, если можно так выразиться. Мы ведь от ребенка не требуем, чтобы он все молитвы понимал, но ребенку очень легко петь. Два-три простых слова он будет петь, и сердце его будет петь. Если хотите, народ на таком вот детском уровне может участвовать в служении литургии. Но красота церковного пения, его глубина и величие приподнимают людей с детского уровня, и тут начинается некое новое богословие — богословие в музыке, в пении, в звуке. И этот путь молитвы оказался таким плодотворным, таким богатым, он так много дал, так много накопил удивительных богатств духовных, что от него уже теперь Церковь отказаться не может.

Так же, как не сможет Церковь взять и выбросить свои иконы. Ведь у первохристиан не было икон, не было иконостаса, и было хорошо, когда все стояли около престола. Но теперь, если мы пожелаем вернуться к тому времени и начнем рушить свои иконы, выбрасывать их, Церковь за нами не пойдет, Церковь этого сделать не сможет, потому что в иконах тоже так много благодати, так много духовного прозрения, так много благодатного знания Бога, потому что в них тоже присутствует, живет такая молитва, от которой не может отказаться Церковь сегодня.

Итак, мы с вами находимся перед фактом, что Церковь сегодня не готова и, может быть, даже не собирается перестроить способ своего

служения и произносить тайные молитвы вслух. Из этого нужно исходить и не нужно сердиться, а просто эти молитвы узнать и посылно и наиболее полно участвовать в служении Божественной литургии.

Ну, вот на Западе, например, очень часто бывает так, что молящиеся имеют у себя служебники и читают эти молитвы, в то время как играет орган — скажем, у католиков. У нас была попытка до революции издать такие краткие молитвословчики, где указывалось, какую молитву надо читать во время того или другого пения, но это была почти смешная попытка подменить всю литургию, потому что авторы этих молитвословов не освободились от мысли, что молитвы, которые читает священник, секретны, поэтому они туда вставили совсем другие молитвы. Священник пусть читает эти «секретные» молитвы в алтаре, а народ пусть читает те молитвы, которые ему «можно» читать: «Царю Небесный...», 50-й псалом, молитву третьего часа — это можно. А молитву, которая в служебнике, — ни в коем случае! Таким образом попробовали вручить народу молитвословы, которые совершенно подменяют литургию, там литургийных молитв полностью просто нет. Но это не удалось, не получилось. Однако молитвословы эти были изданы большими тиражами.

Может быть, мы и дорастем до того, что каждый верующий будет иметь в руках служебник и будет вместе со священником молиться теми молитвами, которые мы имеет с древности. Хотя сейчас, я думаю, очень многие духовники вам скажут: «Что? Вы взяли служебник в руки? Это только священник имеет право делать, а вам только издали можно посмотреть».

На самом деле служебник — это не такая книга, к которой нельзя прикоснуться, которая имеет гриф «совершенно секретно». И молитвы литургии печатались много раз в разных изданиях, в том числе в изданиях Московской патриархии, доступных для чтения. Можно взять их в библиотеке, ничего секретного там нет, и никакой просвещенный человек не запретит прикоснуться к служебнику. Так что все вы можете, конечно, иметь служебники и ознакомиться с этими молитвами.

Но есть другая опасность, о которой, может быть, не всегда говорят, но которую чувствуют духовники. Это опасность совершенно другого

плана: она в том, что нам с вами очень часто приходится подменять благоговение страхом Божиим. Благоговения у нас не хватает, трепета сердечного не хватает, так вот пусть у нас будет хотя бы страх, что нельзя прикасаться — святыня. Поэтому-то у нас инстинктивно в церкви так много запретов: нельзя подойти, нельзя поцеловать, нельзя прикоснуться, нельзя шагнуть туда, сюда, на коврик встать. Почему? Разве коврик святой? И по нему нельзя ходить простым людям?

Нет, это есть инстинктивное желание сохранить в Церкви вот такое благоговение. И если в молитве оно не достигается, мы не умеем его сохранить, привыкая к тем или иным текстам, то хотя бы страх пусть будет: нельзя тебе, ты — грешник. И духовники хотят это удержать, и, в общем, это имеет свой смысл. Поэтому, когда меня спрашивают: «Могу я, стоя на литургии, читать все тайные молитвы?» — я отвечаю: «Да лучше не стоит. Пусть тайные молитвы читает все-таки священник». Ну, некоторые можно почитать дома, можно знать их. Можно, конечно, и на литургии подержать служебник в руках, но если все время ходить с ним, то пройдет месяц — и уже ничего не будешь чувствовать. Могут спросить: а что, священник не гарантирован разве от такого привыкания? Увы, нет, и священники тоже не гарантированы. И очень часто они тоже привыкают и начинают совершенно автоматически читать эти молитвы, не включая свое сердце, и тогда горе им, тогда это страшно.

Но священнику в каком-то смысле не то чтобы легче — он поставлен в особые условия, т. е. для него создается особая атмосфера, чтобы он в этой атмосфере мог сосредоточиться. Ведь он в алтаре, там меньше всяких развлечений. И жизнь у него другая должна быть, он должен себя особенным образом хранить от всякой суеты, от всяких развлечений. В общем, он должен прикладывать специальные усилия, которых мы не можем потребовать от всех наших мирян. Поэтому священник в особенности должен сохранять вот это благоговение.

Это такое длинное отступление я сделал о тайных молитвах, которое приостановило наше с вами изучение литургии, но отступление, я думаю, очень важное, потому что без него мы с вами ничего не поймем, т. е., без понимания этой проблемы мы не поймем, почему в Церкви так, и что происходит, и как к этому относиться. И будем,

действительно, так не по разуму ломать иконостасы и выносить престолы, как это делали обновленцы и живоцерковники, или будем запрещать хору петь, «мешать» нам, или не будем понимать, каким должно быть церковное пение. Одним словом, есть много крайностей. Можно, действительно, всем раздать служебники на руки и таким образом тоже потерять очень много. Множество разных трудностей здесь нас подстерегают. Очень важно, чтобы мы поняли суть проблемы: включить наше сердце всеми возможными способами, чтобы оно участвовало в совершении самого великого, самого высокого, самого достойного и праведного, что только есть на свете, — того таинства, к которому, как говорят, святые ангелы желают приникнуть. Того таинства, которое являет нам Бога. И горе нам, если мы, совершая это таинство, остаемся безучастными, если мы в это время думаем только о том, чтобы свою сумку удержать, чтобы ее кто-нибудь не украл, или еще что-нибудь. Если мы не можем оторваться от своей суеты, если остаемся заземленными, не можем приподняться над нашим бытом, — горе нам тогда. И тогда, конечно, литургия будет прятаться от нас за иконостас, в алтарь, а потом, может быть, вообще уйдет от нас. Это может быть.

Сделаю еще одно отступление. Вот у нас было гонение, были трудности, мы лишились множества храмов, священников благоговейных и монастырей, духовных школ, духовной литературы. Почему?

Я думаю, что одной из причин было именно отсутствие благоговения, потеря благоговения. Православная жизнь на Руси стала просто бытом, просто некоторой бытовой христианской традицией — и больше ничем. То есть, люди перестали чувствовать, что к ним приходит Сын Божий, они забыли о своем призвании и забыли ту цену, которой они получили свою православную веру и Церковь. И Церковь у них отнялась.

Это может быть и по-другому. Вот мне только что рассказали, как в Канаде протекает православная жизнь. Вернулась одна знакомая, которая была в Канаде в гостях у одной очень хорошей пожилой монахини. Монахиня эта живет как бы в скиту, там есть маленький, крохотный храмик. С ней живут пожилой священник и пожилой епископ и еще несколько человек. Вот такой маленький скиток.

Там все благополучно. Они живут вдали от города, там очень красивая природа, у них все есть, им ничто не угрожает.

И вот эта знакомая прожила там полтора месяца и была поражена тем, что за это время они не совершили ни одной литургии. Они в воскресенье только лишь служат вместе обедню в течение 35 минут. И никто не причащается.

Она спрашивает: «Вы не причащаетесь никогда Таин Христовых?». Одна старушка сказала, что она причащается на день ангела своего запасными Дарами, потому что литургию не служат. «Как не служат? Вообще не служат? А на Рождество?» — «Нет, не служат». — «А на Пасху?» — «Тоже не служат, только обедню». — «А почему?» — «А потому что нужно просфоры печь, нужно проскомидию совершать...» Это же все трудно. И матушка своему батюшке не позволяет так утруждаться. Зачем? И так они получают свою пенсию, все у них в порядке, ничего им не нужно — зачем трудиться? А если уж очень нужно, запасными Дарами причастимся — и все.

И литургия ушла из их жизни. А уж если они один раз на именины батюшки служат литургию, то батюшка их, может, и причастит, но уж исповедовать никого не будет. Так что они не помнят, когда исповедались. Исповедь от них совсем ушла...

Так что если мы будем жить недостойно, если мы не будем участвовать в литургии по-настоящему, то все может от нас тем или иным образом уйти. И должно уйти.

Вот поэтому-то мы и изучаем литургию, чтобы участвовать в ней всем сердцем, всем разумением своим, всей своей жизнью, всем своим существом. Но, стремясь к такому полному участию в литургии, к настоящему служению литургии, мы должны быть очень осторожны с церковным преданием. Ни в коем случае нельзя принимать легкомысленных самостоятельных решений: а вот возьму и вернусь к служению первых христиан. Это так просто не делается, это не может быть сделано одним человеком или одной общиной, это делается лишь соборным разумом Церкви, потому что здесь есть очень многое, что нажито в течение тысячелетий, что нельзя просто взять и сломать, выкинуть. Нужно очень бережно относиться к церковному преданию. И вот мы с вами будем изучать литургию

возможно подробнее, но не будем призывать к тому, чтобы начать здесь реконструировать, мы не можем, это принадлежит только соборному разуму Церкви или святым людям.

Закончив на этом свое отступление, скажу, что после мирной ектении мы слышим, как клиросы поют так называемые антифоны. Само название антифона означает, что какие-то песнопения поются попеременно двумя хорами. Антифон — два противостоящих хора. То один поет, то другой.

Какие же песнопения называются по этому способу пения?

Антифонное пение встречается часто в богослужении, а литургические антифоны — это вполне определенная вещь, имеющая совершенно определенное происхождение. В древности в Византии церковная жизнь складывалась несколько иначе, чем у нас. Древние города были немногочисленны по количеству жителей. В центре Византии стоит до сих пор, может быть, величайший православный храм, который называется Айя-София (Св. София). К сожалению, этот храм отобран турками и превращен в мечеть.

Этот храм вмещал в себя, по существу, все православное население Цареграда (Константинополя). И в праздник, в воскресный день епископы и священники, весь православный народ сходились в Св. Софию для того, чтобы здесь вместе совершить литургию. Идея была проста: литургия должна быть одна, все вместе могут совершить литургию, вместе причаститься. Литургия должна быть соединением всех. Мы молимся так: «О Свышнем мире и соединении всех Господу помолимся». Потом стали строиться другие храмы, а может быть, не потом, а сначала — одним словом, существовали другие храмы в Константинополе, и была традиция: на праздник идти в тот храм, который был посвящен этому празднику.

Вот, например, был храм великомученицы Ирины, очень чтимой и любимой греками. И в день вмч. Ирины все собирались в Св. Софию и потом во главе с Патриархом шли в тот храм, чтобы там служить литургию. Духовенство вместе с мирянами брали с собой, конечно, святыни какие-то и крестным ходом шли в другой храм. По дороге пели молитвы, псалмы попеременно, разными хорами — это и были антифоны. Это было как бы литийное пение, предваряющее литургию.

Потом уже на Руси, а может быть, и в Византии поздней, но в особенности на Руси, это все изменилось, и уже никто никуда не ходит, а просто приходим в свой храм и там молимся.

Вообще в России очень многое зависит от географической ситуации. Греция очень маленькая страна, очень тесная, а Россия с ее огромными пространствами все изменила сразу.

Так вот, поется антифон, потом бывает ектения, потом бывает молитва священника и возглас, опять антифон, опять ектения, опять молитва и возглас. Антифоны бывают разные. Те, которые поются по воскресеньям, называются «изобразительны»; бывают антифоны будничные, которые теперь мало где поются, к сожалению, хотя они очень красивы. Бывают антифоны праздничные, которые поются на двенадцатые Господские праздники. Все это теперь уже, конечно, без всякого крестного хода и очень часто уже по существу без антифонного пения, т. е. без двух хоров, а только одним хором поется на одном клиросе. Но название сохраняется прежнее: антифоны. После антифонов совершается так называемый малый вход. О нем я буду говорить в следующий раз.

Лекция 6. Евхаристия

На прошлой лекции мы с вами обсудили и постарались понять, что происходило в древности вместо современного пения антифонов в начале Божественной литургии. Вы знаете, конечно, что обычно в конце второго антифона (и после первого) бывают ектении малые, а потом бывает пение догматика «Единородный Сыне и Слове Божий, Безсмертен Сый...» — я думаю, что вы все знаете текст этого догматика и знаете, что само название это — «догматик» — дано этому песнопению потому, что в нем как бы исповедуется догмат о Боговоплощении, о рождении Сына Божия от Девы Марии. И вот после пения догматика, после ектении начинают «Блаженны». Открываются царские врата, и хор поет заповеди блаженства. Это бывает не всегда, но в обычной воскресной службе, которую мы преимущественно сегодня обсуждаем, всегда поются заповеди блаженства, а на праздничной службе бывают праздничные антифоны.

Во время пения «Блаженных» священник берет Евангелие с

престола, отдает его дьякону, перед ними идет свещеносец со свечой (если служат два дьякона, то младший дьякон идет с кадилом перед дьяконом, несущим Евангелие), они обходят престол, выходят через северные врата на солею, на амвон и здесь останавливаются, и священник читает молитву: «Владыко Господи, Боже наш, уставивый на небесех чины и воинства ангел и архангел в служении Твоея Славы! Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать. Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

После того, как окончится пение «Блаженных», дьякон указывает на царские врата и говорит: «Благослови, владыко». Священник благословляет, говоря: «Благословен вход святых Твоих всегда, ныне и присно и во веки веков». Дьякон возглашает: «Премудрость, прости». И совершается торжественный вход с Евангелием. Евангелие полагается на престоле, а священник целует иконы Спасителя и Божией Матери на царских вратах, благословляет свещеносца, потом подходит к престолу и целует Евангелие, в то время как хор поет «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу...».

Вот этот так называемый малый вход, или вход с Евангелием, имеет свое символическое или аллегорическое толкование. По этому толкованию малый вход символизирует выход Христа на проповедь, потому что здесь выносятся Евангелие из алтаря, и Евангелие, которое есть Слово Божие, в данном случае указывает на то, что Слово Божие износится — это Христос выходит на проповедь. Вообще все символическое толкование литургии построено таким образом, чтобы как бы раскрыть в последовательности временной земную жизнь Спасителя, ее главные моменты, чтобы служение литургии понять как вечно пребывающую, вечно открывающуюся, вечно являющуюся нам жизнь Спасителя, чтобы нас сделать участниками всех тех событий, которые были почти две тысячи лет назад на Святой земле. И, конечно, эта цель не только прекрасна, но и совершенно правильна, потому что действительно литургия приобщает нас вечности, приобщает нас всем вечным духовным событиям, всей той Божественной реальности, которая открыта нам, явилась нам с пришествием Христовым на Землю.

Но имеет смысл, и очень большой, обратиться к другому толкованию, историческому, этого момента. И тогда, исследуя, как в древности совершалась литургия, мы найдем, что тот крестный ход, о котором мы говорили в прошлый раз, который шествовал, скажем, из Святой Софии в другой храм, и в этом крестном ходе шел Патриарх с сослужащим ему духовенством и с народом, этот крестный ход приходил к храму, где должна быть совершена литургия, и совершалось торжественное вхождение в храм. При этом открывались царские врата храма, потому что древние храмы были устроены таким образом, что у них был большой притвор, а потом были врата в храм. Они были устроены так, что центральные, главные, врата открывались только для царя, для Патриарха, епископа, а народ обычно входил боковыми вратами. Поэтому центральные врата назывались царскими вратами. В наших храмах, где притвор сделан совсем маленьким или его уже вообще нет, царские врата тоже в этом смысле больше не существуют. И царскими вратами стали называться врата, ведущие в алтарь, — врата иконостаса. А в древности иконостаса не было и не было вот такого глухо отделенного от храма алтаря, как у нас на Руси, и царскими вратами, как я уже сказал, назывались врата, которыми действительно совершалось вхождение в храм.

Так вот, совершался такой торжественный вход в храм, и этот вход к началу литургии являет, я бы сказал, замечательную историческую сохранность в архиерейском служении. Те из вас, кто бывает на архиерейской службе, знают, что архиерей, приходя на службу, не входит сразу в алтарь, но сначала входит на кафедру, которая располагается на середине храма, и там облачается во время пения антифонов, а затем совершается торжественный вход в алтарь с пением «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу», наподобие того, как в древности Патриарх или епископ входил в храм.

Надо сказать, что здесь присоединяется и другое очень важное историческое вхождение. Дело в том, что в древности, когда не было книгопечатания, Евангелие рукописное являлось, естественно, совершенно особенной и чрезвычайной святыней общины. Не только потому, что вся община христианская почитала Слово Божие, но еще и потому, что такое Евангелие возобновить, восстановить было очень

трудно. И поэтому список Евангелия община хранила как зеницу ока, тем более что во время гонений гонители всегда старались Евангелие найти и уничтожить.

Евангелий, конечно, было мало, они были рукописными. Хранились Евангелия обычно не на престоле, как теперь у нас Евангелие лежит постоянно на престоле. Они прятались в специальные хранилища секретные, где их не так легко было найти.

И вот к тому моменту, когда епископ приходил в храм, специально присоединялось изнесение Евангелия, или принесение Евангелия. Евангелие доставалось из хранилища, и его приносили для служения литургии. Таким образом, вход архиерейский как бы совпадал с принесением Евангелия, поэтому вход совершался с Евангелием.

То, что мы имеем теперь, в обычной нашей священнической службе, есть некая трансформация, которая имеет целью сохранить какие-то главные моменты, символизировать их. То есть, наш малый вход просто символизирует все то, что было раньше, хотя большинство из нас уже не помнят, как это раньше было, и не понимают, для чего все обстоит именно так, а не иначе. И вот наше аллегорическое, символическое толкование, разумеется, из хороших побуждений, но дает нам как бы картину совершенно противоположную тому, что было в истории. Потому что тогда это был действительно вход с Евангелием для служения литургии — вход архиерея с Евангелием. А теперь это выход с Евангелием, который как бы изображает, символизирует выход Христа на проповедь. В древности так не понимали этот момент, это уже более позднее и как бы сочиненное символическое толкование, конечно, довольно искусственное. Потому что вместо входа получается выход, потому что вместо того, чтобы вспомнить, как начинается литургия (приносится Евангелие, совершается торжественный момент входа), вместо этого — аллегория, которая в данном случае носит характер некоторого вымысла и определенной натяжки, и это мало что дает для нашего сердечного участия. Трудно нам воспринимать малый вход как выход Христа на проповедь. Конечно, можно себя заставить воспринимать его именно так, но есть ли в этом смысл — сказать трудно. По крайней мере, исторически это не очень оправдано. Мы не видим, чтобы такие аллегорические толкования, довольно далекие и поздние

и имеющие характер благочестивых измышлений, содействовали росту благочестия в народе, чтобы они облегчали нам совершение литургии. Напротив, когда мы представляем себе литургию более близкой к исторической реальности, когда мы понимаем, как это совершалось в древности нашими древними святыми, мучениками, мы лучше можем совершать Божественную литургию.

Поэтому в двух этих подходах — аллегорическом и историческом — бывают иногда некоторые расхождения, причем довольно сильные. Это вполне естественно, ведь это не какая-то симфония, специально сочиненная, все развивалось естественным образом в жизни, поэтому иногда были сближения, совпадения, а иногда некоторые расхождения. Вот почему получается иногда некоторая дисгармония в толкованиях. Но нам нужно научиться и тот и другой подход ценить — не отбрасывать, не осуждать, но уметь и в том и в другом подходе увидеть хорошее, доброе и объединить их должным образом. Тогда наше понимание, наше толкование литургии будет наиболее полным.

Если мы просто отбросим аллегорическое, или символическое толкование литургии, то очень многого лишимся, потому что все-таки литургия есть преодоление пространства, времени, это есть выход из нашей земной реальности, и без понимания литургического символизма мы чрезвычайно обедним наше восприятие литургии. Так что символизм литургический необходим, и понимание его для нас совершенно необходимо. Но он не всегда бывает одинаково удачен, одинаково глубок и имеет разное происхождение во времени, в истории. Некоторые образы бывают менее удачны. Как раз отсутствие исторического толкования делает символический подход слишком надуманным, слишком оторванным от реальности и уже не убедительным. Он будет восприниматься, в конце концов, просто как некая придуманная сказка, неизвестно зачем и почему придуманная.

Историческое толкование, напротив, привязывает нас к исторической реальности, наполняя все литургическое действие живой исторической тканью и заставляя нас чувствовать литургию, в истории, в веках совершаемую. Литургию, которая из века в век совершалась живыми и святыми людьми, из века в век была центром жизни Церкви, ее сердцем.

Зная историческое толкование литургии, мы чувствуем как бы биение

пульса церковной жизни, но если мы забудем символическое толкование, то нам грозит другая крайность — мы можем впасть в искушение видеть только один историзм и заняться одной только археологией, хотя археология церковная, очень полезная и нужная, очень много для нас значит, но все-таки одного этого слишком мало для правильного восприятия Божественной литургии. Здесь, как всегда в нашей христианской жизни, в понимании христианских богословских проблем, важно почувствовать эту антиномию, т. е. противоречие, Божественного и человеческого. Духовный символизм и историческая реальность — только вместе они дают нам нужную глубину и ощущение Богочеловечности нашей литургии и нашей христианской жизни.

Таким образом, вход, который совершается во время литургии после пения антифонов, это есть вхождение в храм прежде всего, потом с кафедры архиерейской происходит продвижение к престолу, архиерей поднимается на амвон, входит в царские врата уже нашего храма, подходит к престолу. Затем, как вы знаете, поется «Святой Боже...». В это время происходит движение на горнее место: архиерей и все духовенство, которое сослужит ему (а если нет архиерея, то священник), восходят на горнее место.

Такое движение вперед и вверх есть, конечно, тоже движение символическое. Оно совершалось так всегда в служении литургии и изображает собой восхождение от земной жизни к жизни небесной. Это есть движение навстречу Царству Божию, которое приходит к нам в силе, потому что, как мы уже говорили, литургия Божественная это есть Царство Божие, пришедшее к нам на Землю. И вот навстречу Богу, навстречу этому Царству Божию мы движемся, начиная литургию. Это есть вхождение в Царство Божие, потому это место и называется «горнее место» — горний престол, престол небесный, к которому мы приближаемся. То есть, здесь замечательным образом подчеркивается, что есть наш престол, земной, и есть горний престол. Дьякон говорит священнику, который отходит от престола, горнего места: «Благослови, владыко, Горний Престол». Здесь подчеркивается, что мы восходим к горнему престолу, мы приближаемся к нему. Иначе говоря, наш престол является как бы неким явлением горнего престола.

Конечно, имеет смысл подчеркнуть, что слова «Благослови, владыко, Горний Престол» вовсе не означают, что мы должны перекрестить крест, который стоит на горнем месте, как думают некоторые, и даже священники, потому что у нас очень распространено такое мнение: благословить — это значит — перекрестить, поцеловать ручку. Но на самом деле слово «благослови» буквально означает: «воздай благую славу», то есть прославь. И когда дьякон говорит: «Благослови, владыко, Горний Престол», он имеет в виду, чтобы священник прославил Престол Божий. И священник благословляет его словами: «Благословен еси на Престоле Славы...» и т. д.

Когда священник или епископ совершают вхождение в алтарь, подходят к престолу, читается молитва «Трисвятого»:

«Боже святой, Иже во святых почиваяй, Иже трисвятым гласом от Серафимов воспеваемый, и от Херувимов славословимый, и от всякия небесныя Силы покланяемый; Иже от небытия во еже быти приведый всяческая, создавый человека по образу Твоему и по подобию и всяким Твоим дарованием украсивый; даый просящему премудрость и разум и не презираый согрешающего, но полагаяй на спасение покаяние; сподобивый нас, смиренных и недостойных раб Твоих, и в час сей стати пред славою Святаго Твоего Жертвенника и должное Тебе поклонение и славословие приносить! Сам, Владыко, прими и от уст нас, грешных, Трисвятую песнь и посети ны благостию Твоею, прости нам всякое согрешение, вольное же и невольное, освяти наша души и телеса и даждь нам в преподобии служити Тебе во вся дни живота нашего, молитвами Святыя Богородицы и всех святых, от века Тебе благоугодивших».

Вот эта прекрасная молитва, которая читается как раз по входе, когда архиерей или священник поднялся к престолу, т. е. как бы в начале литургии, потому что раньше литургия начиналась именно со входа. Во время этой молитвы поются тропари праздника или дня, тропари святого, которому посвящен престол. В конце обычно поется тропарь Божией Матери или кондак Божией Матери — здесь полагаются по уставу тропари или кондаки (этот устав вы будете позднее изучать на литургике). После этого священник громко возглашает: «Яко Свят еси, Боже наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков». Если есть

дьякон, то здесь происходит такой диалог: священник оканчивает свой возглас словами «ныне и присно», а дьякон на амвоне говорит: «И во веки веков». При этом он поводит орарем от иконы Спасителя к царским вратам, поворачиваясь на амвоне. В старых дореволюционных служебниках здесь стоял возглас: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны». Этот возглас изъят из служебников в советское время, потому что, по преданию, этот возглас относился к императору. Благочестивыми называли императора и его семейство, и эти слова относились как бы к поминовению императора, поэтому они были изъяты и долгое время не произносились. В наше время, в последние годы, решили, что ничего плохого в самих этих словах нет, «спаси благочестивые» — так мы все должны молиться, и Святейший Патриарх Алексий снова ввел в практику этот возглас. И здесь получается так: дьякон говорит «Господи, спаси благочестивыя...», это повторяет хор, потом «...и услыши ны», и это повторяет хор, а потом заканчивает: «И во веки веков». После этого поется «Трисвятое»: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас» — это херувимская песнь, известная всем нам. И вот слова, которыми священник благословляет Горний Престол: «Благословен еси на Престоле Славы Царствия Твоего, сядя на Херувимех, всегда, ныне и присно и во веки веков». Теперь уже, стоя на горнем месте и повернувшись к народу, священник после возгласа дьякона: «Вонмем», — говорит: «Мир всем», преподает мир всем народам.

Таким образом, как мы видим, литургия совершается определенным чином. Происходит торжественное вхождение в храм, в алтарь, к престолу, на горнее место, и все это, конечно, отражается в молитве. И вот оттуда, достигши горнего места, священник или архиерей посылает мир всем, мир нам.

После этого благословения следует, как вы знаете, чтение Апостола. За чтением Апостола сразу же следует чтение Евангелия. Я думаю, что нет смысла читать вам все возгласы, но молитву, которая читается перед Евангелием, я вам прочитаю:

«Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыко, Твоего богоразумия нетленный Свет, и мысленныя наша отверзи очи, во евангельских Твоих проповеданий разумение; вложи в нас и страх блаженных Твоих заповедей, да, плотския похоти вся поправше,

духовное жителство пройдем, вся, яже ко благоугождению Твоему, и мудрствующе, и деюще.

Ты бо еси просвещение душ и телес наших, Христе Боже, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Эту молитву священник читает теперь тоже про себя, потом дает Евангелие дьякону, дьякон торжественно обносит его вокруг престола и выходит на амвон.

Чтение Евангелия, чтение Апостола, как вы сами понимаете, есть наше общение со Христом в слове, а вообще, когда мы с вами молимся, это наше слово, к Богу обращенное. А когда мы читаем Священное Писание, то Слово Божие обращено к нам. Получается беседа. Но чтение Евангелия — это не просто беседа, это и проповедь Христова, и Слово Божие, которое особенным образом отмечает сегодняшний день, сегодняшний праздник.

Вы знаете, что евангельские чтения поделены по дням года не случайно, разделение здесь специальное — так, что в течение года в церкви, где служится литургия, прочитывается, по существу, все Четвероевангелие. Вы знаете, конечно, что на праздники читается Евангелие, относящееся к данному празднику, т. е. Евангелие, которое отображает то или иное евангельское событие. Есть Евангелие, специально назначенное на чтение о памяти святых, есть Богородичное Евангелие, которых ... только два.

Конечно, чтение Евангелия — это одно из главных мест, может быть, даже кульминация первой части литургии — литургии, которая называется особенным и несколько странным именем: литургия оглашенных. Почему так называется эта литургия, эта часть литургии? Потому что в древности был особенный разряд присутствующих в храме — тех, кто готовился к принятию святого крещения. И эти готовящиеся к крещению люди оглашались Словом Божиим и словом проповедническим, словом святительским. Поэтому они и назывались оглашенными. И на первой части литургии они могли присутствовать, в отличие от второй ее части — литургии верных, где могли находиться только крещеные, только уже ставшие верными. Именно поэтому первая часть литургии получила такое

название, хотя, конечно, это не означает, что на ней присутствовали только оглашенные, а в конце литургии приходили верные. Вовсе нет: верные стоят с самого начала, а оглашенные должны будут потом уйти.

Чтение Евангелия является кульминацией литургии оглашенных. Это самый торжественный, самый величественный момент, и было бы правильно в символическом толковании именно этот момент считать выходом Господа на проповедь, символизирующим выход Господа на проповедь.

После чтения Евангелия в древности епископ или священник выходил на амвон и говорил проповедь, которая очень часто бывала толкованием на прочитанный евангельский текст. Потому что и в древности тоже Евангелие толковали. Мы имеем много свидетельств об этом у древних церковных писателей. Есть много древних толкований.

Евангелие требует толкования не только потому, что оно читается по-славянски и трудно для понимания людям, не знающим славянского языка. Оно требует толкования, прежде всего, потому, что смысл евангельский чрезвычайно глубок, это есть Слово Божие, слово всеобъемлющее, несущее в себе Божественную глубину, слово, которое бесконечно велико, поэтому каждый, кто читает Евангелие, знает по своему опыту, что можно читать его всю жизнь, и каждый раз будешь понимать все больше и больше, глубже и глубже даже очень хорошо известное тебе место, хорошо известный текст. При чтении Евангелия всегда как бы открывается эта новая глубина, и недаром, поэтому, духовники всегда советуют Евангелие читать постоянно, каждый день. Известный многим из вас замечательный старец, отец Таврион, прямо так и говорил, чтобы все каждый день читали Евангелие, и при этом добавлял: «Будешь читать Евангелие — и будешь иметь ум Христов». Это значит, что ум твой будет просвещен Словом Христовым, что твое разумение станет приближаться к Евангелию, то есть ты будешь думать так, как Господь учит. Христос как бы будет действовать в тебе, в твоём разумении. Поэтому чтение Евангелия действительно требует объяснения, требует особого проникновения в эту глубину, и епископ или священник, конечно, должен объяснять Евангелие, стараться

помочь своей пастве глубину эту постигать с возможной полнотой. Но не только толкование Евангелия было темой проповеди.

Нужно начать с того, что в самой глубокой древности, в первые годы жизни православной церкви, Евангелие еще не было написано, и проповедь епископа или апостола, собственно, и была тем благовестием, которое потом записывалось и стало для нас Священным Писанием. Но не только воспоминания о жизни и чудесах Спасителя были темой даже и апостольской проповеди. Мы с вами знаем из «Деяний святых Апостолов», что ап. Павел, приходя в тот или иной город к новым христианам, в христианскую общину, беседовал с ними о многом и очень многое объяснял и в учении Христовом, и в том, как следует жить. То есть, проповедь это есть тот момент, когда через священника или епископа совершается как бы продолжение благовестия, живое слово Церкви.

Здесь следует подумать о том, каким должно быть это живое слово. Хорошо, конечно, если священник имеет талант проповедника, если он умеет глубоко и сильно говорить, если его слово имеет зажигательную силу. Но такой человеческой проповеди не место во время литургии. Потому что литургия — это есть пришествие Господа к нам, и конечно, здесь, во время литургии, слово должно быть, прежде всего, благодатным. Здесь как раз место для харизматического служения, здесь как раз священник или епископ должен быть орудием Духа Святаго в особой степени, он должен свое сердце открыть для действия благодати Божией и стараться говорить как бы не от себя. Это бывает теперь, в наше время, очень редко, потому что эта должность священника как бы забыта. И если вот это служение, может быть, сохранило немного таких моментов в жизни священника, когда с такой силой сохраняется древняя харизматическая свобода, то нужно сказать, что в наше время и это тоже теряется, и можно сказать, почти утрачено — вот это ощущение харизматического служения в слове.

В древности вся литургия совершалась по вдохновению, т. е. епископ, апостол произносил молитвы так, как он слышал их в своем сердце от Бога. Потом, как вы знаете, пришло время, когда нужно было составить канон служения литургии — и это, конечно, понятно, необходимо, мы об этом говорили, — но вот для живого слова

священнического осталось это место после чтения Евангелия. Читается Слово Божие, а потом это Слово Божие имеет как бы себе продолжение — продолжение в том слугителе слова, которым является апостол, епископ, священник. И, конечно, здесь необходимо, чтобы это живое слово было живо и действенно, чтобы оно было обращено к тем людям, которые стоят в храме сегодня, чтобы оно отвечало на те нужды духовные, которые сегодняшняя паства имеет. Чтобы епископ или священник действительно словом руководил бы, вел, воспитывал свою паству. И чтобы здесь было очевидно благодатное присутствие Божие.

Надо сказать, что так бывает и теперь. И если нам с вами удастся слушать разных проповедников, то я думаю, что каждый такой слушающий христианин имеет какой-то опыт и может сказать: «Сегодня я слышал особенное слово». Наверное, когда-нибудь кто-то из вас слышал такое особенное слово, которое нельзя перепутать ни с чем, нельзя его спутать с обычным человеческим словом. Священник тоже имеет такой опыт. Бывает так, что он часто проповедует, и проповедовать ему трудно. А потом вдруг в какой-то день он выходит на амвон, и слово само как бы льется из уст, как будто оно не от него, не он говорит как бы. Не может он так сказать, как у него вдруг получается, а чувствует вот это благодатное действие в себе. Так бывает, я уверен, что каждый из нас имеет такой опыт, то есть, мы слышали такую проповедь. Мне посчастливилось много слышать таких проповедей, когда очевидно присутствие Божие, очевидно, что это слово — благодатное. Вот таким благодатным словом и должна быть проповедь. Если бы она такой была всегда, то, естественно, она помогала бы нам совершать Божественную литургию. Потому что эта проповедь в особой степени, совершенно по-своему помогает разгореться нашему сердцу.

Проповедь священническая была тоже одним из главных кульминационных моментов служения литургии оглашенных. Из этого видно, что недаром литургист-богослов протопресвитер Александр Шмеман назвал литургию оглашенных другим названием: «литургией слова». Это очень много говорящее название. Действительно, здесь служение слова, которое чрезвычайно необходимо Церкви, всем нам и в особенном смысле необходимо

оглашенным. Литургия слова заканчивается молитвой. После проповеди выходит на амвон дьякон и говорит сугубую ектению. Эта ектения — усиленное прошение, в отличие от обычной ектении, сугубое моление, удвоенное или даже утроенное. Начинается она такими словами: «Рцем вси от всея души и от всего помышления нашего рцем». Никакая другая ектения не начинается таким образом. Здесь с самого начала дьякон призывает нас молиться от всей души, от всего помышления, то есть молиться всем своим существом. Действительно, наступает время вот такой усиленной, особой молитвы. И далее, призвав так народ, он обращается к Господу от лица народа: «Господи Вседержителю, Боже отец наших, молим Ти ся, услыши и помилуй».

Как видим, и это прошение тоже вводное и тоже указывает на особенную сосредоточенность, на особенную силу этой молитвы. Мы особенно умоляем: «...молим Ти ся, услыши и помилуй». И потом начинается прошение, которое всем нам хорошо известно: «Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молим Ти ся, услыши и помилуй. Еще молимся о Великом Господине и Отце нашем Святейшем Патриархе Алексии..., о богохранимем стране нашей..., о братиях наших, священниках, священномонахах и всем во Христе братстве нашем, ...о блаженных и приснопамятных святейших патриархах православных и создателях святаго храма сего и о всех преждепочивших отцах и братиях, зде лежащих и повсюду, православных...»

Здесь мне хочется сказать тем, кто будет когда-нибудь дьяконом или священником: никогда не говорите «повсюду, православных» в одно слово, потому что это звучит уже просто иногда анекдотически: «Зде лежащих и повсюду православных». «Зде лежащих и повсюду, православных» — здесь есть запятая. Дьяконы почему-то все без исключения говорят всегда «повсюду православных» — как бы в одно слово.

Анекдоты тут, наверное, ни к чему, вообще они вредны, как правило, но я расскажу вам все-таки по этому случаю анекдот.

Некий дьякон — это реальный случай, не придуманный, — любивший иногда употребить спиртное в излишнем количестве, лежал где-то около дороги, и бабушки, шедшие в храм, спросили его: «Отец

дьякон, что же ты здесь лежишь?». На что он ответил: «Зде лежащий — повсюду православный». Но я надеюсь все-таки, что вы, когда будете молиться, не об этом будете думать, и ектению будете произносить правильно.

Дальше говорится в следующем, последнем прошении: «Еще молимся о плодоносящих и добродееющих во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебя великия и богатыя милости». И возглас: «Яко милостив и Человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков».

Те, кто знает службу, наверное, заметили, что одно прошение я пропустил — прошение, которое всегда на литургии мы с вами слышим: «Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих, братии святаго храма сего». И дальше — кто как может, в некоторых местах дальше 40 минут читают записки, а в некоторых храмах поминаются, скажем, только служащие в этом храме священники, ктитор храма сего или певчие, ну, иногда поминаются болящие — те, за кого просили особенно помолиться. Но, как бы там ни было, в служебнике этого прошения нет. И вот тем, кто думает, что литургия раз навсегда составлена в каком-нибудь, скажем, третьем веке и никогда не менялась, я здесь скажу, что налицо довольно сильное изменение в служении литургии. Какое?

В древности во время литургии, конечно, поминали. За здравие поминали членов общины, болящих, путешествующих, тех, кто был захвачен гонителями и пребывал в заточении — конечно, за них церковь сугубо (особо) молилась. И, наверное, было и соответствующее прошение в этой ектении. Но потом, как мы уже с вами говорили, наступили времена мирные, когда гонения прекратились. Общины церковные сначала стали расти, а потом, вероятно, заменились приходами постепенно, как у нас в России, и стали очень многочисленными. И священник уже не мог помянуть, скажем, всю деревню по именам или весь приход в городе, и поэтому, чтобы не загромождать литургию перечислением неизвестных имен, поминовение было вынесено на проскомидию, а из сугубой ектении прошение, где поминаются конкретные люди, было изъято. И вот

современный наш служебник как раз и содержит такой текст сугубой ектении. Но по ряду причин, хороших и плохих, это прошение повсюду введено, причем я не уверен, что было соответствующее указание, скажем, высшей церковной власти, может быть, и было — я не знаю этого. Оно, это поминовение поименное на ектении, вошло настолько прочно, что хотя его и нет в служебнике, но произносят его абсолютно везде. Любой дьякон, любой священник это прошение обязательно произносит. Но как?

В еще недавнем прошлом, для вас, может быть, не таком уж близком, все записки разделялись на группы. Были записочки серенькие, синенькие, красненькие — с одной галочкой, с двумя галочками и так далее. За ящиком, когда подавали такую записку, соответственно брали с вас 50 копеек, рубль, три рубля — это было еще, конечно, до перестройки. Сейчас уже я не знаю, сколько берут — 100 рублей или 300. И было правило: красные записочки, трехрублевые, читают на проскомидии, потом на сугубой ектении, ну а самые дорогие еще читают специально на особом таком выходе из алтаря, когда поют «Со святыми упокой» и произносят «Вечную память». И вот тут поминают покойников, за которых заплатили совсем хорошо. Такое разделение записок по денежному принципу, конечно, никак не может соответствовать духу служения литургии. Это, конечно, какой-то коммерческий принцип, который ворвался в литургическую жизнь и означает страшное снижение духа, это означает, что литургия нами утрачена в каком-то смысле, т. е. мы ее не понимаем уже больше, мы уже в ней по-настоящему не участвуем. Потому что мы просим у Бога и чаем в литургии получить бесконечно много, мы просим о вечной жизни, о чуде — всякая литургия это есть самое великое, самое удивительное чудо — и думать здесь о записках трехрублевых или рублевых — это, конечно, ужасно. Но, тем не менее, жизнь есть жизнь, и кушать надо, и батюшки, которые устраивают свою церковную жизнь, должны смотреть на церковный доход и думать, из чего бы его сформировать. Раньше церковный доход формировался из пожертвований, а теперь пришли времена какой-то купли-продажи, когда надеяться на то, что народ пожертвует, не приходится, нужно с него брать какую-то плату за каждую потребу, и даже вот за литургию. Еще в прошлом веке, и даже в нашем веке, это называлось «заказать литургию». То есть, можно было придти в храм и заказать литургию,

заупокойную литургию. К счастью, вам сейчас эта терминология уже не близка и многим вообще не знакома. А еще несколько десятков лет назад это было обычно — заупокойная литургия. И служились раньше такие заупокойные литургии, когда не было ни одного причастника, а была только записка, за которую много заплачено и которая всю литургию только и поминается. Конечно, такое низведение литургии до уровня какой-то требы частной — это тоже вещь совершенно ужасная, катастрофическая, и можно сказать, что это, наверное, тоже одна из причин страшного духовного падения русского народа, которое совершилось в начале века. Потому что, по существу говоря, это означало потерю евхаристического духа, потерю литургической жизни.

Все это я говорю вам потому, что поминовение на литургии, на ектении — это есть некий камень преткновения даже в наши дни. И сейчас тоже можно от многих услышать недоумение: почему это у вас в храме не поминают по запискам? ... благочестивый батюшка скажет — и я это слышал неоднократно — вот, был такой случай, один батюшка служил, служил, а потом умер, и вот явился ангел и сказал, что он в Царство Божие не попал, потому что вместо того, чтобы записки читать, он их под жертвенник кидал и не читал их. Ленился записки читать, поэтому Царства Божия ему не видать. Такие нравоучительные притчи и сейчас в ходу, и смысл имеют они очень простой: обязательно нужно читать записки, ведь записки народ подает, за записки народ копеечки дает, трудовые копеечки. Надо их читать, и вот усердные батюшки эти записки читают во время литургии по 40 минут и по часу. Я сам служил в таком храме, где после Евангелия проповеди не было, а начиналось чтение записок и продолжалось примерно час, и хор выходил покурить во двор, и регент говорил: «Что он, с ума сошел, как же это можно, какая же это литургия?».

Так говорить о священнике, конечно, плохо, нельзя так говорить, он, конечно, имел свою благочестивую цель. Но это разбивает литургию совершенно, она теряет свой дух полностью, потому что бубнить записки с сотнями имен — это нельзя назвать литургией. Никогда такого на литургии не было и не могло быть, это есть, конечно, очень тяжкое и грубое искажение литургии. Приходится увидеть, что здесь

не только доброе желание помянуть и помолиться за больных людей присутствует, но и некий коммерческий, экономический расчет, который вновь из проскомидии вытащил поминовение в литургию оглашенных. Здесь происходит обратное движение, отвечающее уже не духовным потребностям времени, а потребностям коммерческим. Такая мотивация должна быть признана злокачественной, и конечно, с ней нужно бороться. Так литургию портить нельзя.

Можно ли вообще поминать на литургии записки? Конечно, можно. И можно, и очень хорошо. Но нужно, чтобы это не превращало литургию неизвестно во что. Тут не должно быть перерыва в литургии. Если кто-то очень болен, если это случай, когда вся община может помолиться за кого-то, или принесен покойник в храм и, конечно, о нем следует помолиться. Может, не один, может, несколько усопших требуют нашего поминовения. Может быть, мы молимся о каких-то известных всей общине почивших людях или болящих. Помолиться нужно, и помянуть их тоже и можно и хорошо. Но нельзя здесь впадать в другую крайность. То есть, недаром наши святые предки такое поминовение массовое вынесли на проскомидию. И вот для того, чтобы защитить вот такое нечтение записок во время литургии, я и ссылаюсь на служебник, в котором нет этого поминовения, т. е. это есть прямое нарушение устава, когда совершается длинное поминовение на литургии. Некоторые думают, что наоборот — те, кто не читают записки, нарушают устав, а в действительности обстоит дело именно так, что те, кто начинают длинное чтение записок, они-то и нарушают церковный устав.

После сугубой ектении следует заупокойная ектения. И здесь надо сразу сказать, что эта ектения вовсе не всегда должна читаться. На великие праздники, даже в воскресные дни эту ектению можно опустить, потому что и здесь тоже церковь не призывает нас к такому особенному поминовению, а призывает нас к динамичному, сосредоточенному служению литургии. Естественно вставить заупокойную ектению, когда есть покойник у общины, когда мы кого-то хотим особенно вспомнить — скажем, в день памяти каких-то особенно дорогих нам людей. На практике сейчас заупокойная ектения обычно отменяется в большие праздники, а в обычные, даже и воскресные, дни она всегда читается, поскольку всегда бывает

много записок заупокойных. Но эти заупокойные записки также ни в коем случае не должны быть прочитаны все во время ектении. Их нужно читать на проскомидии. А здесь достаточно общей молитвы. Значит ли это, что молитвы поименной быть не должно вообще? Или она должна быть только на проскомидии? Конечно, нет. Мы должны молиться по именам, но наша молитва должна быть осмысленна, т. е. нужно, чтобы мы поминали тех, кого мы знаем или о ком мы что-то знаем, чтобы это были не просто записки о какой-нибудь Марье или Дарье, но чтобы это были люди, о которых мы имеем какое-то хотя бы представление.

Кто может так помянуть? Конечно, мы сами. Когда дьякон выходит и говорит: «Еще молимся о милости, мире, жизни, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих...» и поминает тех, кого он знает: священников храма, певчих, особо болящих кого-то, — в это время все мы, стоящие в храме, должны усиленно молиться за своих близких, о ком мы написали в записках. Неважно, в конце концов, даже и то, кто прочитал эти записки. Вот мы их написали, и эти записки стали символом нашей молитвы, и мы их читаем здесь, во время ектении, и таким образом весь храм поминает своих близких. Вот как должно было бы быть.

Конечно, сейчас у нас делается не так, записок бывает много в храмах, и получается, что эти записки священник прочитать не в силах. Я вам приведу такой пример. Был такой замечательный старец, архимандрит Серафим Тяпочкин, он служил под Белгородом, в деревне. И хотя это была деревня, но к нему приезжал народ со всех концов России. И не так даже было много народу в храме, но записок было очень много. И отец Серафим даже в глубокой старости приходил в храм в 6 утра и совершал проскомидию, пока не помянет по запискам всех, кто там перечислен. Он вынимал частички поименно, за каждого, поэтому литургия частенько начиналась в 12 часов дня. А с 6 часов утра до 12 читали акафисты, каноны разные, правила ко святому причащению со всеми тремя акафистами — в общем, все что угодно делали. Исповедовали без конца. А батюшка совершал проскомидию в течение 5-6 часов, и только после этого была литургия, а выходил он из храма (его почти выносили) в 5 часов вечера. Это, конечно, был его личный подвиг, он был святой человек,

достигший, конечно, особенных благодатных даров, и мы не можем его укорить: он так хотел подвизаться. Но мы не можем признать такой способ служения возможным для всей церкви, потому что даже в этом селе местные жители к отцу Серафиму не ходили. Отец Серафим сначала удивлялся, а потом говорил: «Ну, ведь у меня только одни приезжие, а местные все говорят: «Батюшка за нас помолится», — а сами остаются дома». Почему так происходило? Конечно, если вы специально едете к такому батюшке, то вы можете целый день простоять на литургии. Это эпизод в вашей жизни. А если вы ходите в церковь каждое воскресенье или чаще, то каждый раз с 6 утра до 6 вечера вы не можете находиться в храме. Поэтому такой способ служения литургии не может быть признан возможным для всей Церкви.

Надо сказать, что большинство замечательных служителей литургии, святых людей, литургию совершают быстро. Литургия должна иметь особый динамизм, она должна как бы быть на одном дыхании, совершаться стремительно, это есть огненная молитва, самая высокая, самая сильная, это есть особенное благодатное озарение, действительно пришествие Царствия Божия к нам. И поэтому в литургии нельзя комкать что-то, нельзя затягивать, здесь должен быть свой ритм, и он должен быть стремительным.

Вот стремительно служил и молился отец Иоанн Кронштадтский. И многие замечательные старцы именно так служили и служат Божественную литургию. Если бы литургия так совершалась, мы бы все могли в ней участвовать. Когда литургия искусственно растягивается, и в нее вводятся совершенно не свойственные ей, ненужные длинноты, то народ, который здесь стоит, как бы выпадает, он уже не может в ней участвовать. Священнику, который находится в особом положении — он ведет, — ему легче быть сосредоточенным, а народу, который стоит в храме и который более пассивен по своему положению, не может молиться в течение нескольких часов. Так что литургия ни в коем случае не может быть равнодушной к такому произволу, когда вдруг один начнет записки слишком долго читать, другой начнет проповедовать как-нибудь очень плохо и бессмысленно в середине литургии — так нельзя. Все должно быть по особому вдохновению.

Но вот совершается заупокойная ектения, читается молитва, возглас, и произносятся ектения об оглашенных: «Помолитесь оглашеннии, Господеви. Вернии, о оглашенных помолимся, да Господь помилует их. Огласит их словом истины. Откроет им Евангелие правды. Соединит их Святей Своей, Соборней и Апостольстей Церкви. Спаси, помилуй, заступи и сохрани их, Боже, Твоею благодатию. Оглашеннии, главы ваши Господеви приклоните».

И священник читает молитву об оглашенных: «Господи Боже наш, Иже на высоких живый и на смиренные призираяй. Иже Спасение роду человеческому низпославый — Единороднаго Сына Твоего и Бога, Господа нашего Иисуса Христа! Призри на рабы Твоя оглашенные, подклоньшия Тебе своя выя, и сподоби я во время благополучное бани пакибытия, оставления грехов и одежды нетления, соедини их Святей Твоей Соборней Апостольстей Церкви и сопричти их избранному Твоему стаду. Да и тии с нами славят пречестное и великолепое Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Во время этой ектении священник полностью раскрывает антиминос на престоле, и после этого следует возглас дьякона: «Елицы оглашеннии, изыдите, оглашеннии, изыдите; елицы оглашеннии, изыдите. Да никто от оглашенных, елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся». Этим возгласом кончается литургия оглашенных. Оглашенные, то есть те, кто готовится к крещению, должны выйти из храма, потому что дальше начинается литургия только лишь верных, которая есть величайшее таинство, на котором присутствовать могут лишь посвященные, только верные.

Лекция 7. Евхаристия

Мы с вами остановились на ектении об оглашенных. Этим моментом кончается литургия оглашенных. Читая молитву, которая произносится священником во время этой ектении, я говорил вам, что священник во время возгласа дьякона «Откроет им Евангелие правды» разворачивает на престоле антиминос. К этому моменту я должен вернуться, и даже к моменту еще более раннему, потому что антиминос разворачивается не сразу, а как бы в два приема. Сначала разворачивается нижняя часть антиминоса во время ектении сугубой,

а во время ектении об оглашенных открывается уже весь антиминс полностью.

Этот чисто технический момент, мало имеющий значения для вас, кроме тех, кто станет священником или дьяконом, сам по себе не так, может быть, существен. Гораздо важнее понять, что такое антиминс и для чего он употребляется в Божественной литургии.

Само это слово — «антиминс» — греческое, сложное. В буквальном переводе на русский язык оно означает: «вместопрестол». Как вы знаете, частица «анти» по большей части означает «вместо», хотя иногда принимается как «против». Так вот, вместопрестол — это обычно шелковый плат, на котором изображается положение Христа во гроб. Немного выше центра этого плата, выше изображения Христа, вкладывается частица мощей — как правило, мощей безымянных мучеников, которые церковь содержит с очень древних времен. Антиминс освящается епископом той области, той епархии, которая им управляется.

Для чего и когда возникло употребление антиминсов?

Антиминсы стали употребляться в глубокой древности, когда уже возникло ясное представление о том, что литургия должна совершаться не просто на любом столе или на любом пустом месте — это должно быть место святое.

Сначала, как вы, может быть, помните, первые христиане совершали литургию на гробах мучеников, считая, что мощи святых мучеников освящают место. И эти гробы мучеников, гробницы их, являются достойным местом для совершения Божественной литургии. И в память этого обычая под престол, когда он освящается в храме, а также в антиминс вкладывается частица мощей мучеников. Под престол, правда, не обязательно мощи мучеников, могут быть и другие мощи положены — мощи какого-то святого. Иногда они и не кладутся. Обычно мощи под престол вкладываются тогда, когда престол освящается епископом. А если освящение престола поручено священнику, то мощи не вкладываются.

Потом, когда древняя катакомбная практика и быт — церковный быт — христиан уступили место новой исторической эпохе, эпохе Константиновской, когда стали строиться большие великолепные

храмы с прекрасными престолами, возник чин освящения храма и престола. И вот здесь уже мощи вкладывались под престол.

Освящение архиереем престола является, в принципе, достаточным для того, чтобы совершать на нем литургию. Но, может быть, в особенности в России возникла потребность поручать освящение престола священникам, потому что пространства России не позволяли епископу объехать все храмы области и освятить все престолы в его епархии. Вы сами знаете, что многие епархии России и сейчас превосходят по своим размерам целые большие государства в Европе. Например, Якутская епархия, наверное, больше всей Европы, вместе взятой. При отсутствии транспорта в прежнее время епископ, конечно, не мог объехать всю епархию и освятить там все престолы, какие было нужно. Он поручал это делать по особому чину или какому-то старшему священнику, протоиерею, или архимандриту, и чин освящения при этом сокращался. Но поскольку есть твердая норма, канон — не может быть храм устроен без архиерея, без епископа, одной лишь только священнической властью, — то нужно было как бы свидетельство того, что именно епископ устраивает этот храм.

В качестве такого благословения епископского и его освящения давался священнику антиминос, вместопрестолие — шелковый плат, который полагался на престоле, в нем были уже вложены мощи, обязательно и была надпись, кем, когда и для какого престола освящен этот антиминос. То есть, антиминос освящается архиереем в любом месте, в любом храме, где он служит литургию, и эти антиминосы он может рассылать по всей епархии, отдавая их священникам. Таким образом, здесь происходит восполнение недостатка, который имеется в освящении престола священником.

Может быть, именно это обстоятельство сделало практику употребления антиминосов постепенно всеобщей. Но, вероятно, не только это. Вероятно, в древности приходилось часто совершать литургию не только в храмах, и тогда тоже нужно было иметь с собой как бы некий переносный престол, и таким вместопрестолием являлся антиминос.

Так или иначе, но со временем, уже довольно давно, утвердилась традиция, что литургия совершается только на антиминосе. Поэтому

сейчас и на освященных епископом престолах тоже полагается антиминс обязательно, и такое положение антиминса уже входит в сам чин освящения храма.

Антиминс — это великая святыня, и в древности, когда антиминсы стали уже храниться, стали употребляться повсеместно, была такая норма: если, скажем, случилось какое-то нападение, или бедствие, или пожар, или что-то еще, то, прежде всего, нужно спасти антиминс. Святые Дары, антиминс и священные сосуды. И, между прочим, во времена гонений, которые были в нашем веке, тоже часто верующие спасали антиминсы и хранили их до будущих времен. Частенько эти антиминсы использовались для служения литургии по домам, для катакомбного служения. Это было вовсе не редкость во время гонений в 20 веке.

Антиминс свят потому, что освящен архиереем, потому, что в него вложены святыи мощи, и потому, что на нем совершается Божественная литургия. Так что он освящается еще и той литургией, которая на нем совершается.

Священник, открывая антиминс, целует его, и это не просто добрый обычай, но и знак того, что он является послушным архиерею. Целование антиминса, его открытие символизируют здесь полноту церкви. Вероятно, в курсе теологии вы будете изучать послание святого Игнатия Богоносца, где есть слова: «Где епископ, там и Церковь». Полнота Церкви бывает только вместе с епископом и пресвитерами. И вот это как бы некое присутствие епископа или, по крайней мере, его благословение, то, что литургия совершается по благословению епископа, — все это здесь символизируется тем, что литургия совершается на антиминсе. Антиминс, данный священнику, является благословением ему совершать Божественную литургию.

Так что весьма существенно почувствовать: в литургию входит такой момент — священник каждый раз особенно молится и символизирует свое послушание архиерею в знак того, что он с ним единомыслен, единокорен, что он совершает литургию по его благословению, по его поручению или, иначе, как это говорится более научно, ему делегируется от епископа власть совершать Божественную литургию.

Когда епископ служит литургию, он тоже теперь... антиминс, хотя

епископу это не обязательно, достаточно просто освященного места, освященного престола для епископа. Но теперь уже это настолько вошло в абсолютную традицию, что епископы тоже всегда совершают литургию на антиминсе. То есть, наличие антиминса стало уже непременным условием для совершения литургии.

Антиминс освящается епископом той области, которой епископ управляет. Скажем, у нас в Москве антиминсы освящены Патриархом. Если приходит новый епископ, это не значит, что все антиминсы нужно менять. Старые антиминсы остаются, и на них продолжается совершение литургии. Но если антиминс стал ветхим, если он продырявился от длительного употребления, то его нужно заменить. Тогда священник... возвращает антиминс епископу, из этого антиминса вынимаются святые мощи и вкладываются в новый антиминс. Этот новый антиминс освящается и отдается для служения.

Таким образом, к моменту окончания литургии оглашенных, когда дьякон возглашает: «Елицы оглашении, изыдите...», на престоле открыт антиминс и все готово к следующей части литургии, которая называется литургией верных — именно потому, что здесь могут теперь присутствовать только верные, только крещенные люди (конечно, не формально крещенные, а те, кто является действительно членами Церкви). Дьякон тотчас совершает следующую, очень краткую, ектению. Он говорит: «Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию. Премудрость». А священник читает в это время первую молитву верных:

«Благодарим Тя, Господи Боже Сил, сподобившаго нас предстати и ныне святому Твоему Жертвеннику и припасти ко щедротам Твоим о наших гресех и о людских неведениях. Приими, Боже, моление наше, сотвори ны достойны быти, еже приносить Тебе моления и мольбы и Жертвы Безкровныя о всех людех Твоих; и удовли нас, ихже положил еси в службу Твою сию, силою Духа Твоего Святаго, неосужденно и непреткновенно, в чистем свидетельстве совести нашея; призывати Тя на всякое время и место. Да, послушая нас, милостив нам будеши во множестве Твояе благости».

А потом громко произносится возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и

присно и во веки веков. Аминь».

Как видите, здесь продолжается все та же особенность служения литургии — молитва читается священником в алтаре тихо, а вслух произносится только окончание, возгласы, которые являются как бы придаточными предложениями. После этого дьякон говорит снова ектению: «Паки и паки миром Господу помолимся. О Свышнем мире и спасении душ наших, Господу помолимся. О мире всего мира, благостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех, Господу помолимся. О святем храме сем...» — то есть, иначе говоря, как бы сокращенную мирную ектению.

Как вы знаете, мирная ектения произносится всегда в начале всякого большого чинопоследования. В начале вечерни, в начале утрени, в начале литургии, в начале большого молебного пения всегда произносится мирная ектения. Здесь начинается литургия верных и тоже как бы произносится мирная ектения, но сокращенная, поскольку нет возгласа начального и служба не прерывается. Поэтому говорить вторую мирную ектению как бы неуместно, и она сокращается. Священник читает вторую молитву верных:

«Паки и многожды Тебе припадаем и Тебе молимся, Благий и Человеколюбче, яко да, призрев на моление наше, очистиши наша души и телеса от всякия скверны плоти и духа и даси нам неповинное и неосужденное предстояние Святого Твоего Жертвенника. Даруй же, Боже, и молящимся с нами преспеяние жития, и веры, и разума духовнаго. Дажь им, всегда со страхом и любовью служащим Тебе, неповинно и неосужденно причаститися Святых Твоих Таин, и Небеснаго Твоего Царствия сподобити».

И опять возглас: «Яко да под Державою Твоею всегда храними, Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков». Этот возглас, наверное, всем вам памятен, потому что после этого возгласа дьякон уходит в алтарь и отверзает царские врата. Берет кадило и начинает полное каждение: сначала кадит престол, алтарь, жертвенник и весь алтарь, потом выходит на солею через царские врата. Здесь есть некая особенность, очень характерная. Дьякон, покадивши алтарь, сразу выходит через царские врата на солею и кадит иконостас, а потом возвращается в алтарь, кадит священника или священников, которые находятся в

алтаре, затем снова возвращается на амвон и кадит после этого уже только клиросы и народ.

Обычно бывает не так. Обычно, если дьякон уже вышел с кадилом кадить, он уже в алтарь не возвращается. А здесь он как бы заканчивает каждение алтаря каждением иконостаса. Эта особенность не случайна. Она здесь символизирует, что открытые царские врата соединяют нас с Небом, здесь уже как бы алтарь соединен со всем храмом, уже он не отдельно здесь присутствует, и Царство Божие пришло уже к нам. Поэтому каждение иконостаса — это как бы каждение всего храма, не отдельно алтаря и храма, а весь храм кадится, а потом уже только кадится священник и все люди — тоже вместе.

Такое каждение совершается дважды во время литургии — во время чтения Апостола и в этот момент. Пока дьякон кадит, он должен читать 50-й псалом про себя, а священник в это время читает особенную молитву, которую я сейчас тоже прочитаю вслух, и вы должны ее внимательно послушать, потому что молитва очень важная:

«Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластьми приходити, или приблизитися, или служити Тебе, Царю славы; еже бо служити Тебе — велико и страшно и самем Небесным Силам. Но обаче, неизреченнаго ради и безмернаго Твоего человеколюбия, непреложно и неизменно был еси Человек и Архиерей нам был еси, и служебныя сея и Безкровныя Жертвы священнодействие предал еси нам, яко Владыка всех. Ты бо един, Господи Боже наш, владычествуеши Небесными и земными, Иже на Престоле Херувимсте носимый, Иже Серафимов Господь и Царь Израилев, Иже един Свят и во святых почиваяй.

Тя убо молю, единаго Благаго и Благопослушливаго: призри на мя, грешнаго и непотребнаго, раба Твоего, и очисти мою душу и сердце от совести лукавыя, и удовли мя, силою Святаго Твоего Духа, облеченна благодатию священства, предстати святей Твоей сей трапезе и священнодействовати Святое и Пречистое Твое Тело и Честную Кровь. К Тебе бо прихожду, приклонь мою выю и молю Ти ся, да не отвратиши лица Твоего от мене, ниже отринеш мене от отрок Твоих. Но сподоби принесенным Тебе быти мною, грешным и

недостойным рабом Твоим, Даром сим. Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем и Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Эта молитва очень отличается от всех молитв, которые читаются во время литургии. Если про другие молитвы я все время говорил вам, что они должны были бы читаться вслух и только некая сложность, некие обстоятельства мешают этому чтению вслух, то про эту молитву нужно сказать, что она должна читаться священником про себя. Потому что эта молитва — о самом себе. Все молитвы, как вы могли заметить, произносятся от лица всего народа, как правило. А эта молитва читается священником только о самом себе. Это есть молитва покаянная, и в ней священник просит о том, чтобы Бог дал ему силы для совершения Божественной литургии. Чтобы Он не смотрел на его недостойнство, не смотрел на его немощь, укрепил бы его и дал ему благодать совершить ту литургию, которую совершает Сам Господь.

Молитва эта, как вы видите, особенно трогательна и глубока и исполнена очень сильного чувства. В этой молитве содержится целое богословие. Священник сначала говорит в ней о том страшном моменте, который представляет собой это служение. «Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходити, или приблизитися, или служити Тебе, Царю славы...» — никто не достоин. А дальше объяснение — почему: «...служити Тебе — велико и страшно и самем Небесным Силам. Но обаче, неизреченнаго ради и безмернаго Твоего человеколюбия, непреложно и неизменно был еси Человек...» — но ты, Господи, несмотря на то, что и Небесным Силам служить Тебе невозможно, но Ты ради своего неизреченного человеколюбия стал человеком, непреложно и неизменно стал человеком. «...и Архиерей нам был еси, и служебныя сея и Безкровныя Жертвы священнодействие предал еси нам, яко Владыка всех». Это удивительные слова, которые имеют в себе совершенно особенный и глубочайший смысл. Здесь, как нигде в другом месте, объясняется, исповедуется то убеждение, что истинный Архиерей наш — это Господь Иисус Христос. «...Архиерей нам был еси...» — Ты

Архиерей нам был еси, Ты пришел.

Об этом говорится, конечно, в Священном Писании, в Послании ап. Павла — о том, что Христос — истинный Первосвященник, единственный Первосвященник. И вот здесь тоже говорится, что Архиерей наш — последний, первый — это Господь Иисус Христос. И всякое архиерейство, так же как и священство вообще, дается человеку только по образу Христа.

Прочитав эту молитву, священник воздевает руки и читает следующую молитву:

«Иже Херувимы тайно образующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение».

А дьякон, который в это время кончает каждение, подходит к священнику и добавляет: «Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа».

Это так называемая Херувимская песнь, которую одновременно поет хор во все это время, вы сами знаете, что это одна из самых прекрасных частей литургии и одно из самых замечательных песнопений вообще в христианской службе. Херувимская песнь поется долго, чтобы священник успел в это время совершить все необходимые действия.

Это песнопение не совсем как бы ясно для нас и требует специального разъяснения. Первая часть его более проста: «Иже Херувимы тайно образующе...» — то есть, преобразуя Херувимов и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, мы всякое ныне житейское отложим попечение. Мы сейчас тайно преобразуем Херувимов и, поклоняясь Святой Троице и припевающе Трисвятую песнь, отложим попечение житейское. Последующие слова: «Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа» — несколько более сложны.

Существуют разные толкования на эти слова. Самое трудное слово — это «дориносима». Что это значит? Есть такое толкование, что это образ, взятый из древней Византии, когда победившего полководца воины поднимали на щит, а этот щит несли на копьях. Иначе говоря, на копья как бы втыкали щит, сажали на него своего императора или

полководца, поднимали очень высоко и так торжественно несли его в свой город. Полководец восседал высоко на особом как бы престоле. Слово «дориносима» будто бы изображает такое шествие торжественное.

Но есть и другие толкования. Здесь можно думать, что это слово означает: «невидимо присутствующими здесь ангельскими чинами» Господь носим между нами. Такое толкование возможно.

Для того чтобы вполне уразуметь, что здесь имеется в виду, нужно вернуться к древним временам, вспомнить, как раньше, в древности, совершалась литургия верных. Но прежде чем рассказать об этом, я расскажу вам, как сейчас совершается этот чин, хотя вы, конечно, в основном его представляете.

Трижды воздевая руки и произнося эту Херувимскую песнь, священник целует антиминс, лежащий на престоле, потом поклоняется народу, прося прощения и молитв, и отходит к жертвеннику. Здесь он кадит приготовленные Дары, которые на жертвеннике с момента проскомидии стоят, покрытые воздухами, и говорит: «Возмите руки ваша во святая и благословите Господа». И берет воздух, которым покрыты чаша и дискос, полагает этот воздух на плечо дьякону. Затем берет дискос, тоже покрытый воздухом, и со словами «Священнодиаконство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков» дает дискос с приготовленным на нем Агнцем дьякону, а сам берет чашу, и в предшествии священосца с кадилом и со свечой торжественной процессией все выходят через северные врата на солею и на амвон.

На амвоне дьякон громко возглашает: «Великого Господина и Отца нашего Алексия, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков», — и уходит с дискосом в алтарь. А священник говорит: «Преосвященнейшего митрополита (или: архиепископа, или: епископа), весь священнический и монашеский чин и причет церковный, братию святого храма сего, вас и всех православных христиан да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков», благословляет чашей народ и тоже уходит в алтарь. Затем благословляет священосца. Закрываются царские врата, и даже закрывается завеса, что является особенным

моментом, потому что ни во время вечерни, ни во время утрени завеса не закрывается.

В то время, когда Дары вносятся в алтарь через царские врата, хор поет: «Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо доносима чинми...». Здесь мы остановимся на время и вернемся к тому, как совершался так называемый великий вход в древности. Для этого нужно вспомнить, что проскомидия совершалась раньше не в алтаре, а в другом месте, и жертвенник, на котором приготавливались Дары для причащения и полагался Агнец на дискос, и вино вливалось в чашу — все это находилось не в алтаре, а даже скорее ближе ко входу, потому что именно там в жертвеннике собирались все пожертвования, которые приносили миряне. Там были не только вещества для совершения Божественной литургии, но и другие пожертвования, которые могли быть использованы потом на общей трапезе, например. Это могли быть свечи, ладан или елей, какие-то ткани для украшения храма. Одним словом, жертвенник, место, куда приносили жертвы, находился ближе к двери, ведущей в храм. И вот в момент, когда начиналась литургия верных, епископ оставался в алтаре, а священники и дьяконы уходили в этот жертвенник за Дарами и оттуда торжественно через весь храм несли эти Дары к алтарю, к престолу. И здесь, естественно, они приветствовали епископа словами: «Епископство твое да помянет Господь Бог во Царствии своем, всегда, ныне и присно и во веки веков». И вручали ему эти Дары — сначала дискос, потом чашу.

Остаток этого чина мы видим и сейчас при совершении литургии архиерейским чином. Во время служения архиерея дискос и чаша тоже выносятся дьяконом и священником, а епископ остается в алтаре и в царских вратах их принимает от дьякона и от священника. Теперь, конечно, когда жертвенник находится в том же алтаре, где и престол, перенесение с жертвенника на престол Даров через солею и царские врата тоже стало чисто символичным. Практически было бы, конечно, естественнее просто перенести с жертвенника на престол эти Дары. Выходить на амвон для этого нет никакой необходимости, это чистый символ. Здесь вспоминается и символизируется вот это торжественное шествие, торжественное принесение и вхождение как бы в алтарь для совершения Бескровной Жертвы. Т. е. здесь

символизируется шествие Господа Иисуса Христа на свое крестное страдание, поэтому этот момент является особенно торжественным и многозначительным, величественным. В этот момент от всех нас, конечно, требуется усиленная молитва. Потому что, как вы помните, во время богослужения мы не только вспоминаем все те события, которые упоминаются в тексте службы, но и приобщаемся этим событиям. Не только их вспоминаем, но и являем их снова здесь, они снова как бы здесь воплощаются во времени и в пространстве, и мы можем приобщиться этим событиям. И, таким образом, здесь мы верим, что это шествие Господне на страдание совершается с нашим участием. Мы приобщаемся именно к тому страшному моменту, когда Господь шел на свое крестное страдание — в Гефсиманский сад, а затем на Голгофу, неся крест. И вполне естественно, что мы не можем переживать этот момент легкомысленно и безучастно. Конечно, здесь требуется от всех нас особенная, единодушная и сокровенная, сердечная молитва.

Епископ вспоминается здесь опять-таки не только в память о древнем способе перенесения Даров, но еще и в знак нашего единства с ним, потому что теперь, как правило, епископ отсутствует в храме, литургия совершается только священником, и здесь снова напоминает, что священник литургисает в единодушии с епископом и по его благословию, а не самостийно, не своевольно. Поэтому поминовение епископа на литургии во время великого входа обязательно есть знак послушания этому епископу.

Если, скажем, какой-то священник захотел бы уйти в раскол и больше своего архиерея не слушаться, то первым делом он перестал бы помянуть его на литургии. Это как раз знак того, что больше он своему епископу не послушен. Поэтому когда приходится, скажем, встречаться с какими-то раскольниками — а таких раскольников в разные времена было много, а в наше время особенно много, — то всегда можно узнать, какого толка эти раскольники, спросив, кого они поминают на литургии, какого епископа. Если они, скажем, карловчане..., то они будут помянуть своего митрополита Виталия. Если они принадлежат к свободной церкви так называемой, то будут помянуть митрополита суздальского Валентина на литургии. А все те, кто живет в Патриаршей церкви, поминают на литургии Великого

Господина и Отца своего Патриарха Московского и всея Руси и того епископа, который правит данной епархией. Поскольку Патриарх является нашим епископом Московским, то мы поминаем только его, а в любой другой епархии поминают и Патриарха, и епископа. Таким образом, это есть еще и момент исповедальный, момент исповедания полного единства и церковного послушания, единомыслия, что очень важно.

После совершения великого входа священник ставит чашу на антиминс, уже приготовленный, потом принимает из рук дьякона дискос, тоже поставляет его на антиминс и снимает покровцы, читая молитву:

«Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и благоуханьми, во гробе нове, покрыв, положи.

Во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в Раи же с разбойником, и на Престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй неописанный.

Яко живоносец, яко Рая краснейший воистину и чертога всякаго царскаго, показася светлейший, Христе, гроб Твой, источник нашего Воскресения».

Затем берет у дьякона воздух, который был у него на плече, и, обвивая им кадило, наполняя как бы его благовониями, снова говорит молитву: «Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и благоуханьми, во гробе нове, покрыв, положи». И полагает этот воздух на чашу и дискос одновременно. Маленькие покровцы сняты, а большой воздух положен на Дары.

Судя по этим текстам, вы сами понимаете, что здесь символизируется положение Господне во гроб. Если вход символизировал шествие на страдание, то теперь здесь символизируется как бы снятие с креста и положение во гроб — все то, что мы с вами переживаем в Страстную седмицу. Таким образом, здесь и песнопение Страстной седмицы, Страстного четвертка и субботы тоже вспоминается.

После этого священник берет кадило у дьякона и говорит молитву: «Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския; тогда благоволиши жертву правды,

возношение и всесожегаемая, тогда возложат на олтарь Твой тельцы», т. е. окончание 50-го псалма. Кадит Дары, лежащие на престоле, и говорит: «Помяни мя, брате и сослужителю» дьякону. Дьякон отвечает: «Да помянет Господь священство твое во Царствии Своем». Тогда дьякон говорит священнику: «Помолися о мне, владыко святой». А священник отвечает: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя». Дьякон: «Тойже Дух содействует нам во вся дни живота нашего, всегда, ныне и присно и во веки веков». И опять: «Помяни меня, владыко святой». — «Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Этот диалог, который произносится обычно в алтаре очень быстро и мирянам совершенно не известен, на самом деле являет некую странность. Она нами будет замечена, если внимательно вслушаться в ее смысл.

Священник говорит: «Помяни мя, брате и сослужителю», обращается к дьякону и просит его молитв. Священник у дьякона — это необычно. Казалось бы, должен дьякон просить у священника молитв. Затем дьякон ему говорит: «Да помянет Господь Бог Священство твое», т. е. он как бы его не благословляет, но поддерживает и молится о нем вслух. Потом говорит ему: «Помолися о мне, владыко святой», а священник говорит: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя». Почему именно такие возвышенные слова говорятся дьякону? И почему именно дьякону требуется такое укрепление, ведь его служение второстепенное?

На самом деле этот диалог является остатком того диалога, который совершается при архиерейском служении, в котором все имеет обратный смысл. Там епископ просит молиться о нем своих братьев и сослужителей, и ему священник говорит: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя». То есть, священники, которые собрались вместе с епископом и совершают Божественную литургию, молятся, чтобы Дух Святой пришел на этого епископа перед тем, как он совершит Божественную литургию, самое страшное таинство. Но поскольку обычно епископа нет, то... и та молитва, которая произносилась в адрес епископа, теперь священником произносится в адрес дьякона. Произошло несколько неправомерное смещение, но оно уже стало привычным, и ничего страшного здесь нет. Но для того

чтобы понять смысл, весьма существенно знать этот исторический момент.

Когда совершается архиерейская литургия, этот момент бывает очень торжествен, когда епископ, будучи архипастырем и отцом для всех собравшихся, просит всех помолиться о нем, и все ему хором говорят: «Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя», т. е. молятся, чтобы он облекся силой. Здесь, конечно, этот момент несколько изменен и скомкан.

После этого дьякон исходит на амвон и возглашает ектению: «Исполним молитву нашу Господеви. О предложенных честных Дарех Господу помолимся. О святем храме сем и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в оны, Господу помолимся». И дальше ектения сугубая: «О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды... Заступи, спаси, помилуй... Дне всего совершенно, свята, мирна и безгрешна, у Господа просим...» и т. д. А священник читает в это время молитву:

«Господи Боже Вседержителю, Едине Святе, приемляй жертву хваления от призывающих Тя всем сердцем! Приими и нас, грешных, моление, и принеси ко Святому Твоему Жертвеннику, и удовли нас приносить Тебе дары же и жертвы духовныя о наших гресех и о людских неведениях; и сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей и вселитися Духу благодати Твоея благому в нас, и на предлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих».

Оканчивается эти молитва и ектения возгласом священника, совершенно необычным, только здесь употребляемым: «Щедротами Единороднаго Сына Твоего, с Нимже благословен еси, со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Как всегда, вы видите, что это есть окончание молитвы. Последние слова такие: «...сподоби нас обрести благодать пред Тобою, ...и вселитися Духу благодати Твоея благому в нас, и на предлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих». И окончание: «Щедротами Единороднаго Сына Твоего...».

Здесь священник говорит, поворачиваясь лицом к народу, хотя закрыты царские врата и закрыта завеса: «Мир всем». Вы знаете, что

этот возглас употребляется во время службы не однажды и, конечно, смысл его совершенно понятен. Но этот момент все-таки является моментом особенным. Следует это из того, как отвечает хор. Сначала он поет: «И духови твоему», а дьякон говорит: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы». И хор поет: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

В это время священник трижды поклоняется престолу со словами: «Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь утверждение мое и прибежище мое» — и целует дискос, чашу и престол. И потом, если он служит не один, то отходит немного вбок от престола, а другой священник подходит и целует тоже престол, потом подходит к возглавляющему священнику, а если это архиерей, то к архиерею. И старший священник говорит младшему: «Христос посреди нас», а сослужащий отвечает: «И есть и будет», и здесь полагается братское целование миром. Они целуют друг друга в правое и левое плечо и руку с этими словами. В это время открывается завеса, и после возгласа дьякона: «Двери, двери, премудростию вонмем» — начинается пение Символа веры.

«Двери, двери» — это возглас тоже отчасти архаичный, который здесь употреблялся в древности для того, чтобы приставленная стража, которая называлась по-гречески архалуфы, стоявшая у дверей, следили за тем, чтобы никто из оглашенных или неверных не вошел в храм, чтобы в храме присутствовали только верные, потому что здесь начинается уже самая главная часть литургии верных, и никто из неверных не может здесь присутствовать, это тайное служение, служение только для посвященных. Поэтому возглас «Двери, двери» означает: смотрите за дверями, чтобы никто не вошел в это время.

Но прежде чем пели Символ веры в древности, здесь все верующие тоже целовали друг друга. Мужчины целовались с мужчинами, а женщины с женщинами. В древности они стояли врозь. И это целование мира, конечно, тоже символично. Сам возглас дьякона «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» все объясняет. Прежде чем мы хотим исповедовать свою веру, то есть ее провозгласить вслух (а пение Символа веры есть исповедание веры), мы должны как бы засвидетельствовать свое единство, свою любовь

друг к другу.

Иначе говоря, служение литургии невозможно по-настоящему, если мы не едины в любви. Поэтому священники говорят друг другу: «Христос посреди нас, и есть и будет», вспоминая как бы слова Христа: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Так же и весь народ вдохновляется этими же словами и этой же мыслью: присутствует среди нас Христос, Сам Христос между нами. И мы должны приступать к Нему с любовью и свое дело исповедовать должны, сохраняя Его заповедь. А заповедь Господню вы помните: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга. По тому узнаю, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Невозможно быть учениками Христа, невозможно называться христианами, если не будет между нами любви.

Таким образом, как вы сами понимаете, наша современная жизнь очень далека от того, чем она должна быть, потому что сейчас мы, присутствуя в храме во время служения Божественной литургии, меньше всего думаем о том, чтобы друг друга любить. Обычно мы слушаем все эти слова, совершенно их не принимая в сердце, как бы автоматически. Дьякон говорит, а мы в это время толкаемся, ставим свечи, что нам кажется гораздо более важным, объясняем друг другу, почему нам надо вести себя так, а не иначе... То есть, меньше всего беспокоимся о том, чтобы любить друг друга, а по большей части друг друга просто не знаем. Только, может быть, в новых храмах, которые сейчас открываются, где прихожан еще мало, куда приходит какая-то община новая — там еще люди знают друг друга. А в больших храмах, которые давно уже являются действующими, там существует приход, там общины часто даже и нет. То есть, люди совершенно друг другу не известны и сошлись сюда, что называется, по территориальному признаку, просто они живут в этом районе и поэтому ходят в этот храм. И они могут друг друга так никогда и не узнать. И вот если я спрошу вас, знаете ли вы по именам всех, кто стоит рядом с вами, я уверен, что большинство людей вам не известны. Вы можете годами ходить в храм и никогда не поинтересоваться, как зовут ту или иную бабушку, чем она живет, в чем нуждается, какие у нее сложности, болезни, страдания. Потому что вы не для того пришли, вы пришли помолиться Богу и, может

быть, поговорить с духовным отцом, со священником. Ну, может быть, у вас есть какая-то группа знакомых людей, но до всех остальных вам нет никакого дела.

Вот такое ужасное охлаждение, такая страшная трансформация христианской жизни означает, конечно, последние времена. Это есть, конечно, страшный упадок и отступление. Тут невольно вспоминаются слова Христа: «Когда приду, найду ли веру на земле?» и слова апостола о том, что в последние времена охладает любовь. Именно христианская любовь и делает нас Церковью. Конечно, и Божественная литургия, но она без любви не может совершаться, это противоестественно. Литургия без любви — это почти святотатство. И, тем не менее, как это ни страшно, но это стало для нас нормой. Более того, есть даже совсем страшные случаи, когда священники служат вместе, находясь во вражде.

Вот это особенно ужасно, и это тоже есть страшный образ нашей жизни современной. Священник находится в безвыходном положении, он зависим от архиерея — куда архиерей его поставит, там он и должен служить, в другом храме служить он не имеет права. И вот еще недавно, во времена советской власти, по инициативе уполномоченных специально старались в одном храме соединить священников, которые были несовместимыми по своим устремлениям, для того, чтобы между ними не было единства, не было единомыслия, чтобы они свою энергию тратили на борьбу друг с другом. И очень много было храмов соборных, где между священниками служащими настоящая вражда была. И, конечно, совершать литургию, говорить «Христос посреди нас» в этот момент было очень и очень трудно, почти невозможно.

Здесь мне хочется вспомнить один исторический, очень важный для нас эпизод. Изучая новейшую историю церкви, т. е. историю церкви 20 века, вы услышите о том, что в 1927 году была издана декларация митрополитом Нижегородским Сергием, которая повлекла за собой раскол, и среди ведущих, самых главных и авторитетных архиереев возникло несогласие. Несогласные с митрополитом Сергием были отправлены в ссылку или в тюрьму, а впоследствии расстреляны. Но вот существует и дошла до нашего времени совершенно удивительная переписка митрополита Кирилла, который был назван первым

местоблюстителем Патриаршего престола в завещании Патриарха Тихона, и митрополитом Сергием, которые друг с другом разошлись во мнениях о том, как следует устраивать церковную жизнь. И между ними прекратилось общение литургическое, евхаристическое общение.

Митрополит Кирилл находился в ссылке, а митрополит Сергей стал заместителем Патриаршего местоблюстителя в Москве. И вот в переписке обсуждается вопрос: почему митрополит Кирилл не служит литургию вместе с митрополитом Сергием или его сослужителями — теми священниками, которые ему подчиняются, т. е. поминают его на литургии. Означает ли это, что митрополит Кирилл считает служение митрополита Сергия и его последователей безблагодатным? И митрополит Кирилл отвечает на это: «Нет, я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что литургия, которую вы совершаете, является благодатной. Конечно, совершается Тайна Христова. И не поэтому я не могу с вами служить, а потому, что общее с вами служение, при том, что мы с вами не можем согласиться в очень важных для нас проблемах, потому что мы считаем друг друга неправыми, было бы нам в суд и в осуждение. Не можем мы с вами служить вместе литургию, если между нами нет единомыслия».

Эти письма, которые почти являются мученическими актами, уже опубликованы и будут публиковаться, потому что являются удивительную высоту души митрополита Кирилла. Эти письма показывают, что в страшное время гонений (а митрополит Кирилл, один из крупнейших иерархов нашей церкви, был расстрелян в 1937 году, а до этого почти все время советской власти провел в разных ссылках и тюрьмах, почти не выходя из них — около 20 лет) для него вопрос о том, как он совершает литургию — в единомыслии или нет, — был чрезвычайно важен. Он не мог совершать литургию с тем, с кем он не был единокорен, с кем он не был согласен.

А вот мы с вами дошли уже до такого страшного момента, когда у священников не находится мужества или они бывают равнодушными и готовы совершать литургию формально, когда между ними нет согласия, а они все-таки вместе служат. Хотя по-настоящему они должны были бы сказать: я не могу с тобой служить, раз мы не

можем договориться, примириться, согласиться друг с другом.

Ни в коем случае я не хочу сказать, что нам сейчас надо перестать ходить в храм и, поскольку между нами бывают какие-то несогласия и ссоры и священники бывают не совсем в единомыслии, перестать участвовать в литургии. Я этого сказать, конечно, не хочу и не могу так думать и надеюсь, что вы меня так не поймете. Я хочу сказать совсем другое: совершая Божественную литургию, мы должны быть реально единомысленными, мы должны друг другу все прощать, всем сердцем устремляться к тому, чтобы достичь единодушия, достичь единства. Мы должны уступать, смиряться, любовью покрывать ошибки друг друга. А если же вдруг оказывается такая ошибка, которую мы не в силах покрыть любовью — такое может быть, особенно если дело касается самой церкви, т. е. не меня лично обидел священник, а я вижу, что он кощунствует, что так нельзя поступать, как он поступает. Например, в Выре в недавнее время еще священники были неверующие, то есть священники, которые явно святотатствовали. Оказалось так, что я должен с ним в одном храме быть. Тогда христианский долг требует, чтобы я сказал: нет, я с тобой вместе служить не могу, потому что такое служение совместное при несогласии моем внутреннем будет мне в осуждение.

Таким образом, момент единодушия, единомыслия чрезвычайно важен. И сейчас все мы, совершая вместе Божественную литургию, должны ощущать, что мы — единое стадо Христово, единое тело Христово, Церковь. Между нами не должно быть каких-то недобрых чувств, обид непрощенных или вражды. Не должно быть даже и холодности, равнодушия, мы должны всем сердцем чувствовать свое единство. Это есть неперемненное условие благоговейного совершения Божественной литургии. Мы должны ощущать себя каждой частицей единого Тела Христова, только тогда наше служение не будет нам в осуждение.

И вот после такого целования мира, которое сейчас совершается только в алтаре самими священниками, как я уже сказал, а среди мирян не совершается, к сожалению, мы исповедуем свою веру. Пение Символа веры — это есть наше общее исповедание. Мы тоже, конечно, поем Символ веры уже привычным образом, и у нас не возникает мысли, почему нужно петь здесь Символ веры и вообще,

нужно ли это — петь каждый день одну и ту же молитву. Но в дальнейшем мы увидим, что при совершении таинства от христиан всегда требуется исповедание веры. Это вполне естественно, потому что и Господь сказал: «По вере вашей будет вам». Таинство совершается по вере, так что исповедание веры есть не просто какое-то общее пение или молитва «на всякий случай» — это есть существеннейшая часть литургии. Мы должны здесь засвидетельствовать, исповедовать свою веру. Именно только с этой верой мы можем приступить к кульминации литургии, самой главной части литургии, которая называется анафора, или евхаристический канон. «Анафора», как вы помните, означает «возношение», это центральная древнейшая часть литургии. Так вот перед тем, как будем совершать анафору, мы должны соединиться в любви и вместе единомысленно исповедовать свою православную веру. Только тогда и может достойно совершаться нами Божественная литургия, когда мы единомысленны, когда мы вместе, одинаково верим. И, конечно, здесь дело не только в том, чтобы верить одинаково всем, но и в том, чтобы именно верить.

Почему делаю на этом акцент? Потому что даже здесь, в нашем Богословском институте, у меня нет уверенности, что мы с вами все одинаково верим. Почему? Да просто потому, что большинство из нас, вполне возможно, и не знает, во что, собственно, мы верим. Главные догматы вы, наверное, знаете. Но целое учение Церкви, я думаю, вряд ли многие из вас знают. Вот мы будем изучать в догматическом богословии догматическое учение Церкви, т. е. предмет нашей веры, во что и как мы верим. А до тех пор, я думаю, большинство из вас не очень-то четко будет представлять себе свою собственную веру, а это очень плохо. Ведь для того, чтобы мы могли совершать литургию, очень важно, чтобы мы знали, во что верим, чтобы Символ веры для нас был не просто заученной скороговоркой, а чтобы это было действительно исповедание главных истин веры, чтобы мы понимали свою веру, могли ее объяснить, чтобы могли сказать, что является основанием нашей христианской жизни.

Такое исповедание веры является последним моментом в приготовлении к самому главному моменту священнодействия, которое, как я сказал, называется анафорой, и о которой я буду

говорить уже в следующей лекции.

27.10.93.

Лекция 8. Евхаристия

Мы приступаем к самой главной части Божественной литургии. Эта часть называется **анафора**; это греческое слово переводится как **«возношение»**.

Как я уже говорил, анафора — это самая древняя часть литургии, которая дошла до нас в памятниках письменности древнехристианской церкви. Хотя дошедшие до нас свидетельства относятся в основном к 8 веку, но есть разные научные основания считать, что анафора восходит к самим авторам, которые нам известны. Нам известны несколько авторов, самые главные две анафоры — Василия Великого и Иоанна Златоустого — совершаются обычно в Православной Церкви.

Как вы помните по прошлой лекции, анафоре предшествует исповедание веры, когда весь храм поет Символ веры, а священники в это время, поцеловав друг друга в плечо и в руку, говорят: «Христос среди нас, и есть и будет». Затем они берут воздух, то есть большой покрывец, который лежит на чаше и на дискосе (а другие маленькие покрывцы уже сняты после великого входа), и этот воздух поднимают и веют им над чашей и дискосом, в то время как весь храм поет Символ веры.

После этого дьякон на амвоне провозглашает: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире приносить». Это есть возглас, который призывает нас к особенно внимательной молитве. «Станем добре» — то есть, станем особенно сосредоточенно и внимательно молиться, и не только молиться, но и Святое Возношение, то есть анафору, в мире приносить, то есть совершать анафору. И хор отвечает всем вам известным песнопением: «Милость мира, Жертву хваления».

Уже здесь вы видите, что хор продолжает слова дьякона. Он говорит: «Станем... Святое Возношение в мире приносить», и слова хора — это продолжение: «Милость мира, Жертву хваления» — вот что мы приносим.

Затем следует возглас священника: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами». Хор отвечает: «И со духом твоим». Священник, воздевая руки, возглашает: «Горе имеем сердца» — то есть, небу обратим свои сердца. «Горе» буквально — «кверху». Хор отвечает: «Имамы ко Господу», то есть, имеем уже наши сердца обращенными ко Господу. И священник возглашает: «Благодарим Господа». На что хор поет всем нам хорошо известную песню: «Достойно и праведно есть, поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней».

Здесь я прервусь, не буду читать дальше текст анафоры, а скажу, что все молитвы, которые читает священник во время анафоры, возгласы, которые он произносит вслух, те слова, которые поет хор, — все это составляет одну непрерывную цельную молитву. Все эти части молитвы, которые, как я сказал, произносят то священник, то хор, они продолжают друг друга непрерывно, и поэтому нужно обязательно суметь воспринять всю эту молитву целиком.

К сожалению, как мы уже говорили, главная часть этой молитвы произносится священником тайно, то есть не секретно, а просто тихо, про себя, в алтаре, и люди, стоящие в храме, не слышат этих молитв. Поэтому им кажется, что анафора — это только то, что поет хор. А хор поет очень мало. Довольно длинно, но очень мало.

Для того чтобы понимать, что происходит в это время в алтаре, в церкви, как совершается таинство Божественной евхаристии, нужно обязательно почувствовать всю анафору целиком, и не только почувствовать, но воспринять сердцем, запомнить, как следует понять ее. Есть традиция западного богословия — разделять анафору на части для того, чтобы лучше исследовать ее, лучше осмыслить и запомнить. Это обычный научный подход, когда дифференцируют, разделяют на маленькие части изучаемый предмет. И мы тоже с вами проследим эту обычную традицию, этот обычный подход. Но прежде я прочитаю вам анафору целиком, всю подряд, не останавливаясь, не говоря, где поет хор, а где говорит священник, тем более что, я думаю, вы знаете достаточно хорошо литургию и легко поймете, где голос священника, а где — пение хора.

«ИЕРЕЙ: Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и

Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами.

ХОР: И со духом твоим.

ИЕРЕЙ: Горе имеим сердца.

ХОР: Имамы ко Господу.

ИЕРЕЙ: Благодарим Господа».

Это диалог. Дальше начинается молитва.

«ХОР: Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней.

ИЕРЕЙ: Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего. Ты бо еси Бог Неизреченен, Неизвестом, Невидим, Непостижим, присно Сый, такожде Сый, Ты, и Единородный Твой Сын, И Дух Твой Святыи. Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшия возставил еси паки и не отступил еси, вся творя, дондеже нас на Небо возвел еси и Царство Твое даровал еси будущее.

О сих всех благодарим Тя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святого о всех, ихже ве мы и ихже не ве мы, явленных и неявленных благодееющих, бывших на нас. Благодарим Тя и о службе сей, юже от рук наших прияти изволил еси, аще и предстоят Тебе тысящи Архангелов и тмы Ангелов, Херувими и Серафими, шестокрилатии многоочитии, возвышающиися пернатии.

Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще:

ХОР: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполни Небо и земля славы Твоя; осанна в вышних, благословен Грядый во Имя Господне, осанна в вышних.

ИЕРЕЙ: С сими и мы блаженными Силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святыи. Свят еси и Пресвят и великолепна слава Твоя; Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать Живот Вечный. Иже, пришед и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предаешся, паче же Сам Себе предаеш за мирский живот, приемь хлеб во святыя Своя и пречистыя и непорочныя руки, благодарив и

благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек:

Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов.

ХОР: Аминь.

ИЕРЕИ: Подобне и Чашу по вечери, глаголя:

Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов.

ХОР: Аминь.

ИЕРЕИ: Поминающе убо спасительную сию заповедь и вся, яже о нас бывшая: Крест, Гроб, тридневное Воскресение, на Небеса восхождение, одесную седение, Второе и славное паки пришествие.

Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся.

ХОР: Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш.

ИЕРЕИ: Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащая Дары сия. И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего.

ДИАКОН: Аминь.

ИЕРЕИ: А еже в Чаши сей, Честную Кровь Христа Твоего.

ДИАКОН: АМИНЬ.

ИЕРЕИ: Преложив Духом Твоим Святым.

ДИАКОН: Аминь, аминь, аминь.

ИЕРЕИ: Якоже быти причащающимся, во трезвение души, во оставление грехов; в приобщение Святаго Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение.

Еще приносим Ти словесную сию службу о иже в вере почивших праотцах, отцах, патриарсах, пророках, апостолах, проповедницах, евангелистех, мученицах, исповедницах, воздержницах и о всяком

душе праведнем, в вере скончавшемся.

Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Препоблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии.

ХОР: Достойно есть, яко воистинну блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем.

ИЕРЕИ: О святем Иоанне Пророце, Предтечи и Крестители, о святых славных и всехвальных Апостолах, о святем (имя), егоже и память совершаем, и о всех святых Твоих, ихже молитвами посети нас, Боже.

И помяни всех усопших о надежди воскресения Жизни Вечныя (имена). И упокой их, идеже присещает свет лица Твоего. Еще молим Тя, помяни, Господи, всякое епископство православных, право правящих слово Твоея истины, всякое пресвитерство, во Христе диаконство и всякий священнический чин.

Еще приносим Ти словесную сию службу о вселенней, о Святей, Соборней и Апостольстей Церкви, о иже в чистоте и честном жительстве пребывающих; о Богохранимем стране нашей, властех и воинстве ея. Дажь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.

В первых помяни, Господи, Великаго Господина и Отца нашего Алексия, Святейшаго Патриарха Московскаго и всея Руси, и егоже даруй святей Твоей Церкви в мире, целых, честных, здоровых, долгоденствующих, право правящих слово Твоея истины.

ХОР: И всех и вся.

ИЕРЕИ: Помяни, Господи, град сей, в немже живем, и всякий град и страну, и верою живущих в них. Помяни, Господи, плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и спасение их. Помяни, Господи, плодоносящих и добротворящих во святых Твоих церквах и поминающих убогия и на вся ны милости Твоя низпосли (имена живых).

И даждь нам единими усты и едином сердцем славити и воспевати Пречестное и Великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа,

ныне и присно и во веки веков.

ХОР: Аминь.

ИЕРЕЙ: И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами».

Вот видите, вот эта одна длинная молитва начинается словами: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире приносить. Милость мира, Жертву хваления». А кончается возгласом: «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами». Тут говорится о милости, что будем приносить Святое Возношение, Милость мира и Жертву хваления. А здесь, уже получив эту милость, священник говорит: «Да будут милости Великаго Бога... со всеми вами». Этот возглас как бы начинает следующую часть литургии — ее окончание, последнюю часть.

Анафора Василия Великого гораздо длиннее — наверное, раза в три длиннее, чем анафора Иоанна Златоустого. Именно потому, что наш народ не умеет, не готов воспринять эту молитву со слуха и участвовать в ней так, как должно, эта молитва ушла в алтарь, стала произноситься только священником в алтаре. Некоторые из вас, я предполагаю, может быть, испугались, что я тайные молитвы прочитал здесь вслух. Некоторые даже думают, что здесь какое-то есть кощунство. Это не так. Заранее предупреждаю вас, что никакого кощунства здесь нет, что молитвы эти напечатаны не только в служебнике, но и в богословских журналах, которые не запрещается читать никому, так что все вы, и мужчины, и женщины, можете взять их и прочитать, скажем, в богословских трудах Московской патриархии, в книгах, о которых мы с вами говорили. Потому что никогда Церковь не делала никакого секрета из своих молитв. И в древности апостолы, а потом великие святители, и Василий Великий, и Иоанн Златоуст, и другие читали эти молитвы вслух всей Церкви. Так что тайные молитвы — не значит секретные. Причина их тайного произнесения, то есть не вслух, а тихо в алтаре, только в том и состоит, что оказалось это непосильно для народа церковного, для народной массы — непосильно участвовать в них.

Молодые священники частенько, все это понимая, пробуют свои силы

и пробуют читать эти молитвы вслух. Но крайне редко бывает этот опыт удачным. Обычно священник через некоторое время начинает чувствовать, что вот он старается, читает громко, а народ его как бы не слышит, не участвует с ним в молитве. И он понимает, что так он совершать литургию не может. Нельзя говорить о великом и святом, чтобы тебя не слушали. Ты к человеку взываешь: давай помолимся, «Станем добре, станем со страхом», а никто не становится «добре, со страхом» и не участвует в литургии, не молится. И эта причина, когда священник не может утащить этот воз на себе, не может включить в молитву всю паству, — эта причина и является главной для того, чтобы молитву не читать вслух. Когда священник как бы говорит: ну раз вы не можете, то стойте, молитесь, как можете, а я пойду и в алтаре помолюсь сосредоточенно сам. Конечно, это потеря, и потеря очень большая. Конечно, не так должно быть.

Но что делать? Вот, например, когда у нас маленькие дети, мы не можем их заставить все молитвы прочитать внятно и со смыслом, они еще их не понимают. Но, тем не менее, мы с ними молимся. Мы их берем за ручку или на ручки и поем «Отче наш». Пока они не понимают, что это. Но сердцем они что-то чувствуют. И пение их привлекает, они как-то по-своему участвуют в молитве. Конечно, не в полную силу, как должен участвовать взрослый человек, но в свою детскую силу. Они молятся, и привыкают к молитве, и любят ее, и даже хотят молиться, и пытаются что-то петь. Вот наша народная масса и находится, если хотите, на таком детском уровне. Она не может вслед за священником все осмыслить, все понять, все произнести и участвовать в молитвах. Поэтому церковь давно уже решила заменить чтение определенных молитв пением — очень умильным, очень возвышенным, чистым, прекрасным пением.

Действительно, надо сказать, что нет ничего прекраснее анафоры. Правда, мы с вами очень часто теперь вынуждены слышать оперное пение, которое, конечно, анафоре не только никак не соответствует, а даже как бы противоположно ей и не дает людям почувствовать, что такое анафора, что такое литургия. Это пение крайне вредно. Но пение древнее, настоящее пение церковное изумительно красиво и помогает молиться.

И вот церковь решила говорить с народом этим языком — языком

образов, языком пения, языком церковного искусства. Потому что совместная молитва на самом деле оказалась недоходчивой.

Я уже говорил вам, что найдутся, конечно, такие ревностные священники и учителя церковные, которые объявят меня еретиком и скажут, что ни в каком случае нельзя отказываться от совместной молитвы и неправильно я вас учу, и что надо призывать всех читать все молитвы все-таки вслух, вернуться к прежнему.

Я согласен: надо. И там, где это возможно, надо это сделать. Вот, скажем, во время гонений, в катакомбах, когда священники и епископы служили в каких-то маленьких закутках, комнатках, они могли произносить эти молитвы вслух, потому что молящихся было немного и можно было включить всех предстоящих в одну молитву. А в больших храмах это не удастся. Когда народу мало, это легче, а когда много, это трудно.

Но, конечно, чем лучше мы будем понимать, чем лучше, полнее мы будем в этих молитвах участвовать, тем торжественнее и лучше будет совершаться Божественная литургия.

Так вот, как вы поняли, во время пения «Достойно и праведно есть» священник читает молитву: «Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего». Эта молитва благодарственная (часть анафоры) заключается возгласом священника: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще». Конечно, в церкви этот возглас звучит довольно странно. «Достойно и праведно... поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней» — и вдруг: «...поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще». Даже грамматической связи нет. Она есть в той тайной молитве, которую прочитал священник: «...аще и предстоят Тебе тысящи Архангелов и тмы Ангелов, Херувими и Серафими, шестокрилатии многоочитии, возвышающиися пернатии (здесь запятая), Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще». Это деепричастный оборот, который раскрывает смысл придаточного предложения. То есть, мы Тебя благодарим, благодарим Тя и о службе сей, которую Ты от рук наших прияи изволил еси, хотя и предстоят тебе архангелы и ангелы, поющие, вопиющие, взывающие и глаголющие. Вот какой здесь смысл. Но мы про архангелов и

ангелов ничего не слышим, это священник читает про себя, а мы только этот возглас слышим. И, конечно, такое несоответствие, грамматическое даже, делает еще более непонятной литургию.

Эта молитва благодарственная, по имени которой называется и вся наша служба — евхаристия. Это и значит — благодарение. И все молитвы здесь носят характер благодарения. Вот это начало благодарения в латинской традиции называется словом «префацио».

После возгласа священника «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще» хор продолжает: какую песнь ангелы поют, и вопиют, и взывают. «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоя, осанна в вышних, благословен Грядый во Имя Господне, осанна в вышних». Это всегда поют очень торжественно и длинно, и во время этого пения священник читает следующую часть анафоры: «С сими и мы блаженными Силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят еси и Пресвят и великолепна слава Твоя; Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать Живот Вечный».

Подумайте, какое возвышенное, какое удивительное богословие заложено в этих словах. Здесь исповедание нашего упования. С этими блаженными силами и мы вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят и Пресвят и великолепна слава Твоя. Иже мир Твой тако возлюбил еси, что и Сына Твоего Единородного дать изволил, и всякий верующий в Него не погибнет, но будет иметь живот вечный. «Иже, пришед и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предаешся, паче же Сам Себе предаше за мирский живот, приемь хлеб во святыя Твоя и пречистыя и непорочныя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек:...». То есть, давая Своим ученикам и апостолам, сказал: «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов».

Во время всей этой молитвы хор поет «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф». Вы знаете, что у католиков есть название этой части молитвы — санктус, то есть «свят». По имени этой песни «Свят, Свят, Свят...» та часть анафоры, которую читает священник тайно, тоже

называется «санктус».

Здесь следует тоже остановиться на одном весьма существенном рассуждении. Дело в том, что священник, говоря слова «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», указывает на Святой Агнец, который лежит на престоле, на дискосе, а в католической церкви не только указывает, но и благословляет. Поскольку молитва не слышна, то получается, что священник возглашает слова Христа от первого лица: «...Сие есть Тело Мое...» и указывает рукой на святой хлеб. Получается изображение Тайной Вечери, когда Христос сказал: «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое...» и указал на хлеб. И вот католики считают, что эти слова и являются так называемой сакраментальной формулой, тайносовершительными словами, что это главные слова, слова Христа. Более того, они учат, что в этот момент рука священника — это рука Самого Христа. В этот момент рука священника, благословляющая Агнец, как бы делается рукой Христа. Священник в этот момент является как бы заместителем Христа здесь, на земле. Это католическое учение, которое известно, прежде всего, в отношении папы римского, считающегося как бы наместником Христа на земле. Это учение в отношении папы у нас отвергается, мы не считаем, что кто-либо на земле может быть наместником Христа. Но католики распространяют это учение и в отношении священника — правда, только на литургический момент.

Я был довольно сильно поражен, когда в этом году, готовясь к чтению курса пасторского богословия, взял конспекты лекций из Московской Духовной академии по пасторскому богословию и там нашел конспект лекций очень известного, досточтимого весьма... Тихона, замечательного духовника и подвижника, который ушел в затвор, уехал из Лавры, но раньше он читал курс пасторского богословия. В его курсе, в предисловии к нему, прямо так и говорится: папа — это наместник Христа на земле. Папа — это и есть тот самый человек, рука которого делается рукою Христа. То есть, иначе говоря, это есть католическое утверждение.

Это не удивительно, поскольку наше русское богословие до сих пор не освободилось от плена католицизма. Русское богословие имеет своей колыбелью Киево-Могилянскую академию, которая была, по

существо, почти католической. Для того чтобы получить необходимых профессоров, преподавателей, Петр Могила, митрополит Киевский, посылал молодых людей в католические школы на Запад, а потом они там даже принимали католичество, чтобы их приняли учиться, а потом, выучившись в католической школе, они возвращались в Киев, снова переходили в православие и преподавали богословские дисциплины уже по-латыни. Конечно, они могли преподавать только то, что слышали в католической школе, но в самых очевидных местах перефразируя все это на православный лад и кое-где разоблачая католицизм и утверждая православие — ... в Символе веры и несколько других таких мест они опровергали. А в принципе метод их мышления, система преподавания, весь строй богословия — все это оказалось в плену у католицизма, и на протяжении нескольких столетий с большей или меньшей силой все это жило в нашей православной духовной школе. Дух схоластики, который еще и до сих пор не покидает нашей семинарии, — это дух, идущий с Запада. Так что удивительного ничего нет в том, что даже в конспекте... Тихона такие встречаются утверждения. Это нужно понимать, а не осуждать. Понадобится еще некоторое время, чтобы русское богословие, наконец, скинуло с себя оковы католического мышления. Но наш долг — быть очень внимательными, освободиться от католического влияния и возвращаться к древнему православному святоотеческому богословию — чистому богословию, восточному богословию.

Даже читая наши тайные молитвы, мы легко можем убедиться в том, что ничего такого, что говорят католики, здесь нет, потому что слова «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое...» священник произносит от лица Христа, а не от своего собственного. В тексте молитвы как говорится: «Иже, пришед (то есть, Христос, который, пришедши) и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предаешся, паче же Сам Себе предаеше за мирский живот, приемь хлеб (то есть, принял хлеб) во святыя Своя пречистыя и непорочныя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде (дал) его святым Своим учеником и апостолом и сказал: «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». То есть, здесь священник просто говорит эти слова в качестве пересказа того, что сделал Христос. Он не говорит это от своего лица, а говорит, как

сделал Христос на Тайной Вечери, поэтому нет оснований считать, что это говорится от первого лица.

Дальше хор поет «Аминь», а священник читает тайно: «Подобне и Чашу по вечери, глаголя». Опять-таки: подобне и Чашу в конце вечери, говоря (Христос благословил): «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов». И хор опять отвечает: «Аминь». И опять продолжение, и опять не от первого лица, а пересказываются слова Христа. Священник же указывает на Чашу.

Здесь, однако, нужно оговориться. Не все так просто все-таки, потому что хотя священник и не говорит от первого лица и не благословляет в этот момент Святые Дары, но он указывает — все-таки что-то делает от первого лица. А потом он будет и благословлять Святые Дары. Это значит, что его роль здесь — не просто роль рассказчика, и древняя традиция — не католическая, а православная — называет священника совершителем Божественной литургии. Но ведь мы одновременно говорим, что Ты еси и приносимый, и приносящий — вы помните, это молитва, которая читается в начале литургии верных, перед антифоном. Ты, Господи, и приносимый, и приносящий Святые Дары. И, конечно, мы говорим, что Святые Дары освящаются Богом, Духом Святым освящаются. И все молитвы об освящении Святых Даров возносятся к Богу-Отцу. Но, с другой стороны, священник совершает Божественную литургию. И тут весьма важно понять, что же, собственно, утверждает о литургии наше православное богословие. Оно говорит здесь не то, что священник делается в этот момент заместителем Христа или его рука делается рукою Христа. Но оно говорит, что священник в литургии в наибольшей степени являет образ Христа.

Скажу вам сразу, что богословие — это очень трудная и тонкая область, и вообще истина всегда очень тонко отличается ото лжи, редко бывает так, чтобы ложь была грубой, совершенно очевидной, с каким-то очевидным противопоставлением. Это бывает очень редко, потому что тогда никто этой лжи не поверит. Если, скажем, на белую доску сказать, что она черная, этому никто не поверит. А если сказать, что она не белая, а в рубчик, такая серенькая... Тут уже будет труднее спорить, может, она и на самом деле серенькая, а не

беленькая? Тут уже нужно различать более осторожно все это.

Так вот, поэтому ложь всегда почти в жизни является в виде тонкого искажения, и отыскивать истину, поэтому, бывает особенно трудно. Именно в этих тонких моментах, где требуется особенно чистое сердце, особенно острая чувствительность — тут нужно приложить все свои силы, собрать все свое внимание и искать правильные формулировки. Так было всегда в Церкви. Вы помните, как на Первом Вселенском Соборе св. Афанасий Великий изменил всего одно слово: вместо «подобносуший» он сказал «единосущный», и получилась правильная формулировка догмата, хотя изменился один слог одного слова. И вот на этом уровне открывается истина. Все формулировки догматические найдены с огромным трудом, потому что истину познать, сформулировать очень трудно. Так и здесь: нужно понимать разницу между тем, чтобы быть заместителем Христа на земле, наместником Христа на земле или быть образом Христа на земле. Мы говорим, что священник — это живой образ, живая икона, так и каждый человек есть образ и подобие Божие, а священник — это в особенности образ Христов. И этот образ более всего просветляется, является нам во время Божественной литургии. Так что действия священника, когда он указывает на хлеб и вино, когда он потом благословляет их, его молитва — все это здесь прообразует Христа. Это не значит, что рука священника стала рукою Христа. Нет, но образ здесь дается.

Как это еще почувствовать? Ну, если бы я вам сказал: вот фотография какого-то вашего близкого, родного или друга. И я вам говорю: видите, вот рука, на самом деле это живая рука, та самая. Это будет искажение. А если я скажу: смотрите, какая хорошая фотография, она дает нам образ, это не тот самый человек, но это очень хорошая фотография. Или хорошая очень икона. Эта икона помогает нам, она помогает обратиться к первообразу, она даже может нести в себе особенное благодатное присутствие, таинственное благодатное присутствие, как чудотворные иконы. Они несут в себе благодатный особенный дар, конечно. Но как только мы скажем, что чудотворная икона — это и есть Божия Матерь, то мы сразу делаемся язычниками, сразу же преступаем заповедь: не сотвори себе кумира и не поклоняйся никакому кумиру. Тут уже икона перестает быть иконой,

а делается кумиром. И надо сказать, что в русском народе это часто так и бывает. Потому что эти тонкие моменты народ часто упускает из виду и не умеет почувствовать разницу. И для него икона делается талисманом, именно кумиром, а не образом.

Так вот, православное понимание иконы именно таково, что это есть образ, возводящий к первообразу. Православное понимание священства в том состоит, что священник — это есть образ. И во время литургии является нам образ Христа, Христа-священника.

Надо сказать, что католическое заблуждение здесь отчасти объясняется и смягчается тем, что у них нет литургии Василия Великого и Иоанна Златоустого. Они совершают мессу, которая имеет совершенно иной текст. Текст мессы очень древний, он не имеет строгого авторства, восходит он к первым векам. Автор мессы неизвестен. Но, несмотря на свою древность, текст мессы не имеет тех достоинств, которые имеет литургия Василия Великого и Иоанна Златоустого. В ней нет такого четкого и ясного богословия, не выражена так ясно и так стройно, с такой удивительной духовной красотой, строгостью и последовательностью мысль. Молитва, которая содержится в мессе, тоже, конечно, очень умильная, трогательная, но она не имеет такой ясной четкости. А такая нечеткость, может быть, легче допускает неправильное толкование. И можно в этом смысле несколько смягчить наше негодование на католиков, потому что они исходят из того, что у них есть, а у них есть текст мессы, а не нашей православной литургии.

После того как священник сказал эти два возгласа — «Приимите, ядите...» и «Пийте от нея вси...» — он читает молитву в алтаре, опять про себя:

«Поминающе убо спасительную сию заповедь и вся, яже о нас бывшая: Крест, Гроб, тридневное Воскресение, на Небеса восхождение, одесную седение, Второе и славное паки пришествие».

И дальше возглашает громко: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». Опять деепричастный оборот. То есть, помяная Твою спасительную заповедь и все, что Ты совершил для нас: и Крест, и Гроб, и тридневное Воскресение, и восхождение на Небо, и седение одесную Отцы, и Второе и славное паки пришествие — все это

вспоминая, мы, Твоя от Твоих Тебе приносящие о всех и за вся, «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш». Это целая фраза, а вслух произносится только деепричастный оборот между двумя запятыми.

Но во время этого голоса, который уже стал нам всем привычен, и мы уже не рассуждаем о том, что это деепричастный оборот, а слышим: «Твоя от Твоих Тебе приносяще...» — слышим и воспринимаем это должным образом. Во время этого священник или дьякон берет руками, сложенными крест-накрест, дискос и Чашу и возносит над престолом. И вот это и есть возношение — анафора. Именно со словами «Твоя от Твоих Тебе приносяще» он поднимает и возносит к Богу эти Дары. Это есть возношение. А хор поет в это время: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш». Это и есть кульминация евхаристического канона. В это время многие в храме встают на колени, и хорошо делают. Хор поет обычно медленно и довольно протяжно, долго, потому что во время этих слов — «Тебе поем...» — священник в алтаре произносит много молитв, и происходят все главные действия анафоры. Священник говорит: «Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем (т. е. умиляемся), низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на подлежащие Дары сия». То есть, и просим, и молим, и умоляем Тебя: низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на подлежащие Дары сия.

К кому относятся эти слова, кого мы умоляем? «Приносим Ти словесную сию... службу» — Тебе приносим. Кому — Тебе? Богу, конечно, Богу Отцу. Вся анафора обращена к первому лицу Святой Троицы — к Богу Отцу.

Но вот эта особенная молитва, она называется по-гречески **эпиклезис**, в просторечии **эпиклеза**, что значит «**призывание**». Это молитва призывания Святаго Духа на Святые Дары. После этой молитвы следует: «Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на подлежащие Дары сия». И дальше: «И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего».

Говоря последние слова, священник благословляет Святой Хлеб крестом. Дьякон отвечает: «Аминь». И говорит: «Благослови,

владыко, Святую Чашу». А священник говорит: «А еже в Чаши сей, Честную Кровь Христа Твоего». И благословляет крестом же — рукой совершая крест — Святую Чашу. Дьякон: «Аминь. Благослови, владыко, обоя» (то есть, и то, и другое). И священник благословляет одновременно, одним большим крестным знаменем и дискос, и Чашу со словами: «Преложив Духом Твоим Святым». Дьякон отвечает: «Аминь, аминь, аминь». И оба они и все, находящиеся в алтаре, а те, кто знает, и в храме делают земной поклон. Это и есть кульминация анафоры. После этого момента перед нами Тело и Кровь Христовы. То есть, хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь Христовы. Как видим, священник здесь благословляет Святые Дары.

И здесь тоже возникает очень много разных трудных проблем, связанных опять-таки с католическим учением о литургии и вообще и таинствах.

Как мы уже говорили, католики считают, что для совершения таинства необходимо правильное произнесение сакраментальной, или тайносовершительной, формулы. И наше русское богословие до сих пор еще до конца не отрешилось от этого католического учения, хотя именно в этом веке благодаря усилиям русских богословов в эмиграции началось освобождение от этого учения. Сейчас уже не все так говорят, но до сих пор еще многие не свободны от этого вполне.

До недавнего времени так думали все богословы русские и священники были воспитаны в том, что есть тайносовершительная формула. Встает вопрос: какая же это формула? Где эта формула? Католики совершенно точно говорят: тайносовершительной формулой являются слова Господни: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за Вы ломимое во оставление грехов. Пийти от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов». Слова евангельские, слова Христа — они и являются тайноразрешительной формулой.

Когда священник произносит эти слова, он благословляет Святые Дары, и в этот момент происходит, как они говорят, пресуществление Святых Даров. **Пресуществление**, то есть меняется их сущность. У них есть учение о субстанции и... Была сущность хлеба и вина, а стала сущность Тела и Крови Христовых, произошло

пресуществление.

Но на Востоке у святых отцов мы не находим такого термина и такого грубого понимания таинства. Ища правильный термин, русское богословие нашло другое слово — **преложение Святых Даров**. Сказать, что хлеб и вино превращаются, будет неправильно и грубо, это не улавливает и даже искажает смысл того, что происходит. Превращение — это не то, что происходит здесь. Пресуществление — тоже не так, нельзя сказать, что сущность хлеба и вина здесь превратились в сущность Тела и Крови Христовых, это будет грубо, философски недостаточно, это не улавливает смысла таинства. И вот термин «преложение» оказывается здесь более подходящим. Что значит «преложение»? Это значит, что здесь происходит некая тайна, которая лучше всего этим словом славянским обозначается. Прелагаются хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы.

Может быть, это объяснение покажется вам недостаточным, неубедительным, но так и должно быть, ведь здесь мы говорим о тайне, которая не может быть открыта человеческому разуму. И мудрость, и красота православного богословия именно в том состоит, что оно умеет эту тайну почувствовать и не дерзает объяснить ее до конца. Потому что она необъяснима. А католическое богословие хочет обязательно все разложить по полочкам, все назвать своими человеческими именами, которые здесь не подходят, не действует этот подход. Нельзя все подвергнуть такому анализу и не нужно. Это не целомудренно, это дерзновенно. Здесь нужно именно дать обозначение тайны, и слово «преложение» употребляется в этом смысле. Обозначение тайны, которую мы не дерзаем объяснить в каких-то философских категориях, потому что все это будет неточно, неподходяще, по-человечески.

Вернемся, тем не менее, к учению о таиносовершительной формуле.

Католики говорят, что эти слова и есть таиносовершительная формула. Но говорят они это потому, что в тексте мессы просто нет последующих молитв. Там нет епиклезы, нет призывания Святого Духа. Нет и молитвы, которая называется анамнезис, которая читается после слов «Пийти от нея вси...» — «Поминающе убо спасительную сию заповедь...». Эта молитва называется «Воспоминание». Помните, как Господь говорил: «Сие творите в Мое

воспоминание». Анамнезис и есть воспоминание. Эпиклезы у них просто нет.

Православные богословы (еще преподаватели Киево-Могилянской академии) не могли это принять, потому что в тексте литургии Иоанна Златоустого и Василия Великого следует дальше эпиклеза, призывание Святаго Духа, в которой говорится: «Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащие Дары сия». Какой же смысл просить придти Духа Святого на предлежащие Дары сия, если они уже освящены? Эпиклеза, призывание уже не нужно, если тайна уже совершилась. Поэтому нужно было дать отпор католическому учению: нет, не там находится тайносовершительная формула, а совсем в другом месте. Где? Нашей тайносовершительной формулой являются слова: «**Преложив Духом Твоим Святым**». Этот короткий деепричастный оборот — это и есть тайносовершительная формула, после этих слов на престоле находятся Тело и Кровь Христовы, а до этих слов это были хлеб и вино.

Такое юридическое объяснение в духе католицизма, конечно, претит православному восприятию литургии. Потому что католики в каком-то смысле более правы, когда говорят, что тайносовершительной формулой являются слова Христа, эти удивительные, красивые слова, которые возглашаются на весь храм. А у православных этой формулой оказался деепричастный оборот, который священник в алтаре тайно произносит: «Преложив Духом Твоим Святым».

И вот разгорается спор. Католики доказывают свою правоту, православные сопротивляются и чувствуют недостаточность своих аргументов, их слабость. А нужно все-таки католикам воспротивиться, отстоять свою литургию. И вот уже в глубокой древности, много столетий назад, неизвестно где и как, еще в рукописной традиции появилась так называемая интерполяция, т. е. вставка. Вставка тропаря третьего часа. После молитвы-эпиклезы вставляется тропарь: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся».

В течение многих последних веков православные священники и

епископы на этом месте читают трижды тропарь третьего часа, который, по существу, является тем же призыванием Святаго Духа, т. е. усилением эпиклезы. Для того чтобы ее отстоять, удержать православную литургию, сказать, что вот здесь у нас будет тайносовершительная формула находится, — ради этого тропарь этот был кем-то вставлен, а потом прижился, понравился кому-то, его стали чаще употреблять. Постепенно он вошел из одной рукописи в другую, а когда появилось книгопечатание, то он уже повсюду остался.

Эта интерполяция на самом деле есть явление довольно печальное, хотя она и вошла в обиход, в традицию очень прочно. И сейчас ни один священник, ни один епископ не дерзает эту молитву опускать, хотя в новом издании «Служебника» эта молитва поставлена, наконец, в скобки. Раньше этих скобок не было.

Почему появились скобки? Дело в том, что уже довольно давно греки обнаружили, что в древности этих молитв не было, что это позднейшая вставка, которая искажает древний текст анафоры, и убрали молитву третьего часа. Греки ее не читают, и не только греки — в восточных церквях не произносят молитву третьего часа. И правильно делают.

Во-первых, в литургии ее не было в древности. Во-вторых, есть еще более веское основание ее не читать. Вся анафора, как я уже говорил, есть обращение к Богу-Отцу. Вся анафора непрерывна, и эпиклеза непрерывно произносится вместе со словами: «И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего». «И сотвори» — это опять-таки обращение к кому? К Богу Отцу. «...низпосли Духа Твоего Святаго на ны...» — к Богу Отцу и «Сотвори убо Хлеб сей...» — к Богу Отцу. Это непрерывная молитва. А в середине ее вставлена молитва третьего часа, которая обращена к Богу Сыну, ко Второму Лицу Святой Троицы. Здесь происходит даже весьма сильное нарушение грамматическое. Молитва разрывается, искусственно разрывается. И вполне понятно, что греки, обнаружив такую ошибку, упразднили ее, не боясь католиков. На Руси же у нас все всегда застревает, и мы до сих пор не можем от этой ошибки освободиться. У нас очень страшно вообще что-либо исправить, какую-то ошибку. После Никоновских исправлений, которые привели к расколу, мы теперь ничего никогда

не исправляем. Это очень опасно: какой-нибудь раскол возникнет, объявят тебя Антихристом, и пойдет...

Так вот, все-таки, хотя я исправлять вас ничего не призываю, все-таки хочу объяснить, чтобы вы знали, как должно быть.

Насколько это трагично для нас? Это не трагично, конечно. Потому что священник все понимает, все знает. В конце концов, ему можно объяснить, и тогда он все будет знать. Конечно, молитва третьего часа не мешает литургии, все равно все понятно, как и о чем идет речь. Но нарушается некая стройность, цельность, красота древней анафоры. Особенно грустно это бывает тогда, когда русские вздумают служить вместе с греками. Вот тогда получается случай очень нехороший. Потому что греки очень быстро прочитали и освятили свои Дары. А русские начинают читать молитву третьего часа, а Дары уже освящены. И тут получается несоответствие.

Это все, конечно, не смертельно. Я думаю, что если мы с вами будем все это изучать, будем в это вникать, то постепенно и у нас в русском «Служебнике» тоже все будет исправлено. И, чем скорее, тем лучше. Но торопить эти исправления слишком сильно мы не можем и не можем на себя брать такую смелость. Эти исправления должны вноситься не каким-либо священником отдельным, а должны вноситься полнотой Русской Церкви, т. е. по согласию соборному. Скажем, на соборе русских архиереев нужно принять решение: давайте покажем здесь сноску, что эту молитву произносить не обязательно. Если уж привык батюшка, то пусть произносит, а если не хочет, то пусть не произносит. И тогда через некоторое время она уйдет.

Литургию это не меняет и не портит, поэтому тревоги тут не должно быть большой. Но нужно понимать, откуда и что происходит. А происходит из борьбы католического понимания сакраментальной формулы и православного понимания. А на самом-то деле никакой борьбы было не нужно, она сама по себе надумана, потому что нужно было просто сказать: нет у нас никакой тайносовершительной формулы, не было, не будет и не нужна она. У вас она есть, а у нас ее нет. Она нам просто не нужна. У нас есть текст анафоры древней Василия Великого и Иоанна Златоустого, а тайносовершительной формулы у нас нет. У нас анафора — вся целиком совершительная.

И вот сказать такие слова мы можем только теперь, в XX веке, когда мы, наконец, отделались от плена католического и научились говорить и понимать, что таинство не нуждается в таком юридическом оформлении, таинство есть тайна. Вот если тайные молитвы — это не тайна и не секрет, то таинство — это тайна. В таинстве совершается чудо, и бесполезно и безнадежно будет говорить о том, в какой момент, какими словами юридически это можно совершить.

Это совершается верой и любовью Церкви! Таинство совершается Богом. Наша задача — с любовью и с верой совершить тот чин, который осватила наша Церковь. И весь этот чин нужен. Но если даже какое-то одно слово по ошибке, случайно заменится на другое, беды не произойдет. Скажем, «аминь, аминь, аминь». А если вдруг не успел случайно, забыл, не произнес священник? По-католически уже все — не произнеслась формула, значит, литургия не совершилась. А в православном понимании это все не имеет такого значения. Дело не в формулах, а в том, каким сердцем, с какой верой, с какой любовью к Истине, с какой молитвой к Богу мы совершаем эту службу. Но в службе есть главная часть — кульминация. Вот анафора вся и является кульминацией. И действительно, произнося анафору, мы знаем, что вот здесь теперь у нас — Тело и Кровь Христовы. И после того, как мы делаем земной поклон, дьякон говорит: «Помяни мя, святой Владыко, грешного», а священник благословляет его: «Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Дальше читаются молитвы: «Яко же (чтобы) быти причащающимся, во трезвение души, во оставление грехов; в приобщение Святаго Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение».

После «Еще приносим Ти словесную сию службу о иже в вере почивших праотцех, отцех, патриарсех, пророцех, апостолах, проповедницех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех и о всяком душе праведном, в вере скончавшемся» священник громко возглашает продолжение фразы через запятую: «Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии» (т. е. особенно

же). В это время он берет кадило, делает кадилом крест и кадит Святые Дары. А хор поет «Достойно есть...».

На экзамене у вас будет вопрос в билетах: изменяемые части литургии. Вы должны будете знать, какие молитвы изменяются на разные праздники. Заранее скажу вам: меняются антифоны, тропари, евангельские и апостольские чтения. И обычно на этом студенты замолкают. Вот имейте в виду, что внутри анафоры меняется задостойник. Обычно поется «Достойно есть...», а в праздники поется задостойник праздника на этом месте.

Священник продолжает: «О святем Иоанне Пророце..., о святых славных и всехвальных Апостолах...», о святых, память которых мы ныне совершаем, и «о всех святых Твоих, ихже молитвами посети нас, Боже. И помяни всех усопших...». И вот здесь священник должен помянуть всех усопших, а потом живых.

Именно здесь поминаются усопшие. Мы с вами говорили о поминовении на литургии уже несколько раз. Мы говорили о поминовении на проскомидии, на ектении сугубой и заупокойной. Обычно христиане знают только эти два места поминовения. Но для того чтобы особо дорогую записку взять, в этом веке придумали еще поминовение за упокой, на вечную память. Тоже совершили интерполяцию, и она уже выводится из употребления, но не везде. В некоторых храмах в конце тропарей поют «Со святыми упокой...» и возглашают «Вечную память...». И за это требуют дополнительную стоимость записки. Это неуставное поминовение.

Но вот поминовение, которое здесь должно быть, во время анафоры, после слов «И помяни всех усопших о надежди воскресения Жизни вечныя...» — это поминовение неотменяемое, оно является самым главным. Именно здесь, после того, как на престоле возлежат Святей Тайны, Тело и Кровь Христовы, после того, как кульминация анафоры уже прошла, теперь священник должен помолиться за умерших и живых, за тех, кто особенно требует этой молитвы. И здесь можно помолиться поименно, это самая горячая, самая сильная молитва — в это время.

После того, как помянули святых, Божию Матерь и снова святых поименно, мы поминаем усопших, а потом живых. Эта молитва, где

поминаются святые, а потом умершие и живые, называется ходатайством. Это последняя часть анафоры. Это ходатайство неотменимо, оно обязательно нужно. И нужно, чтобы священник здесь усердно молился, эта молитва имеет особенную силу. И если священник будет усердно молиться, по молитве его будут совершаться чудеса. И помянув усопших, он говорит: «И упокой их, идеже присещает свет лица Твоего». А потом продолжает: «Еще молим Тя, помяни, Господи, всякое епископство православных, право правящих слово Твоя истины, всякое епископство, во Христе диаконство и всякий священнический чин.

Еще приносим Ти словесную сию службу о вселенной, о Святей, Соборней и Апостольстей Церкви, о иже в чистоте и честном жительстве пребывающих; о Богохранимем стране нашей». И здесь вполне уместно помянуть не только власти и воинство, но и все самое главное, что нам нужно. Можно сказать: «О страждущей стране нашей», можно сказать: «Помяни, Господи, людей, которые нужны нашему народу, нашей стране и нашей церкви» — обо всем можно просить Господа в этот момент. И кончается это ходатайство так: «Даждь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».

Может быть, некоторые из вас знают, что в конце 20-х годов, после смерти [Патриарха Тихона](#), был раскол. Одним из поводов к этому расколу была молитва о властях, потому что наиболее ревностные епископы, священники и миряне не хотели молиться за властей советских, за власть, которая гонит церковь, которая преследует ее. А было постановление еще Патриарха Тихона, а потом митрополита Сергия поминать власть на ектениях и в молитвах. И вот такое поминование властей Патриарху Тихону простили, потому что чтили его как святого, а митрополита Сергия не простили. И многие ушли в раскол из-за этого. Говорили, что это есть измена — молиться во время литургии за гонителей Церкви, за богохульников и богоборцев, это недозволенный компромисс, уступка, которая совершается в целях выгоды и сохранности своей жизни.

Так вот, в ответ на это очень важно услышать, как молится церковь за властей:

«Даждь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и

безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Мы поминаем власти не так, как поминаем православных христиан, но молимся за них так, как повелел нам молиться апостол. Вы помните, в послании ап. Павла есть слова, повелевающие молиться о властях. Вот мы так и молимся о них. И ничего здесь плохого нет. Так можно молиться за любого Ирода и Нерона, за кого хотите. Мы молимся, чтобы Господь дал им мирное правление, чтобы мы могли при их правлении тихое и безмолвное житие жить.

После этого возглашается громко: «В первых помяни, Господи, Великаго Господина и Отца нашего Алексия, Святейшаго Патриарха Московскаго и всея Руси, егоже даруй святей Твоей Церкви в мире, целых, честных, здравых, долгоденствующих, право правящих слово Твоея истины». И хор отвечает: «И всех и вся», а священник продолжает: «Помяни, Господи, град сей...»

Завершается это возгласом: «И даждь нам единими усты и едином сердцем славить и воспевати Пречестное и Великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков».

После этого возгласа в «Служебнике» написано: «Священник ... ко дверем, благословляя, глаголет». А до этого еще написано киноварью: «И поминает по именам иже хочет живых». То есть, здесь священник поминает и живых, которые нуждаются в его молитве: больных, тех, кто особенно нуждается в ходатайстве. Это поминовение завершает анафору.

10.11.93.

Лекция 9. Евхаристия

На прошлой лекции мы завершили разговор об анафоре. Вы помните, что после кульминации анафоры, когда хлеб и вино, предложенные для литургии, прелагаются в Тело и Кровь Христовы, совершается молитва — ходатайство, во время которой поется задостойник. Он относится к литургии верных, к анафоре, но в праздники меняется, об этом я говорил на прошлой лекции.

Во время пения задостойника священник молится, как вы помните, сначала помяная святых, Иоанна Предтечу, апостолов и святых дня, затем поминает усопших, а потом в особенной молитве все

епископство православное, Богохранимую страну; здесь же вставляется молитва о властях и воинстве ее. Звучит она так:

«Еще приносим Ти словесную сию службу о вселенной, о Святей, Соборней и Апостольстей Церкви, о иже в чистоте и честном жительстве пребывающих; о Богохранимой стране нашей, властях и воинстве ея. Дажь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».

Раньше, до революции, в этом месте всегда поминалась императорская семья, и было развернутое заздравное прошение о власть предержащих. Здесь очень важна расшифровка, в каком смысле мы поминаем власти и воинство страны нашей. Когда раньше молились о властях, это было привычно, потому что власти были православными, и поминались они так: «Благочестивейшего Государя нашего, благочестивейшую Государыню» и т. д.

И вот когда после революции было введено поминовение властей, то очень многие пришли в смущение: можно ли молиться во время литургии верных за неверных, за богоборцев, можно ли помянуть там, где не поминаются даже оглашенные, коммунистов, гонителей церкви?

На эту тему было очень много споров в конце 20-х годов, были даже расколы. Предлагались и иные формулировки поминовения, например, формула, которая предлагалась на Соборе в 1917 году: «Еще молимся о Богохранимой стране нашей Российской и о спасении ея». Митрополит Кирилл предлагал формулу, заимствованную из практики Константинопольской церкви в период турецкого ига: «Еще молимся о еже избавиться стране нашей от горького мучительства безбожных власти». Примерно такая формулировка принята зарубежной церковью при поминовении России. Но у нас в церкви была принята та, что более всего совпадает с указанием апостола Павла молиться о властях.

Нужно помнить, что время, когда было написано это послание, было далеко не безоблачно, это тоже было время, когда у власти стояли языческие императоры, в частности императоры-гонители Церкви и христиан. Поэтому это место из послания ап. Павла очень важно для

нас. Именно здесь, в этой молитве, наиболее подробно как бы цитируется это послание, где сказано: «Еще молимся о Богохранимой стране нашей, властях и воинстве ея. Дажь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». То есть здесь подробно объясняется, в каком смысле мы молимся о властях. Мы не поминаем их на проскомидии так, как поминаются православные люди. Мы молимся о них в том смысле, чтобы Господь даровал им мирное правление и дал бы нам жить в тишине этих властей, чтобы была тишина, несмотря на их, может быть, и богоборчество, и атеизм, чтобы мы могли в этой тишине пожить тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте. С таким прибавлением очень ясным рассеиваются все сомнения: никакого кощунства, никакого отступления от апостольского слова или от смысла древнехристианского поминовения здесь нет.

К сожалению, такое разъяснение содержится только в той молитве, которая читается тайно. В сугубой ектении оно сокращено, там сказано просто «да тихое и безмолвное житие поживем», а в мирной ектении просто говорится о Богохранимой стране нашей, властях и воинстве ея. Но мы должны знать, в каком смысле поминается здесь власть, не являющаяся церковной, безбожная власть.

После пролога этой молитвы, прочитанного в алтаре тихо, делается громкий возглас:

«В первых помяни, Господи, Великаго господина и Отца нашего Алексия, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, и Господина нашего Преосвященнейшего митрополита ... (или епископа), ихже даруй святым Твоим Церквам в мире честных, Здравых, долгоденствующих, право правящих слово Твоея истины».

Это очень важное поминовение, где говорится, что мы, прежде всего, поминаем Патриарха и епископа той епархии, в которой находится данная церковь. Это место указывает на нашу церковную принадлежность, нашу церковную юрисдикцию.

Если бы мы с вами пришли в приход зарубежной церкви, то по всей службе мы бы не отличили ее службу от православной службы. Все совершается так же, как и у нас. Но на этом месте, так же, как и на

великом входе и в ектениях, будет поминаться другой епископ. По этому поминовению можно всегда понять юрисдикционную принадлежность церкви и прихода. Это дается не только для информации — это есть исповедание своей принадлежности канонической Православной Церковью.

После этого поминовения певцы поют: «И всех и вся». То есть, это все продолжается одна молитва. А священник продолжает про себя:

«Помяни, Господи, град сей, в немже живем, и всякий град и страну, и верою живущих в них. Помяни, Господи, плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и спасение их. Помяни, Господи, плодоносящих и добротворящих во святых Твоих церквах и поминающих убогия и на вся ны милости Твоя низпосли».

И дальше возглас: «И даждь нам единеми усты и едином сердцем славити и воспевати Пречестное и Великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». И опять возглас: «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами». Здесь священник поворачивается к народу и благословляет его. А хор отвечает: «И со Духом твоим».

И хотя конец анафоры в разных трудах не одинаков (существует несколько разных толкований о том, где кончается анафора), мы можем сказать, что анафора кончается именно здесь. Главная часть литургии начинается после возгласа дьякона: «Встанем добре, встанем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире приносить» словами «Милость мира, Жертву хваления» и заканчивается возгласом священника: «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами».

Как видим, там милость — и здесь милость Христова, милость Божья призывается на нас. После этого дьякон исходит на амвон и возглашает особенную ектению, которую мы больше нигде в богослужении не встретим, она присутствует только в чине литургии.

Начинается эта ектения тоже особым образом: «Вся святая помянувшие, паки и паки миром Господу помолимся». Затем: «О принесенных и освященных Честных Дарех Господу помолимся».

И тут можно спросить: что же это значит? Принесены и освящены

Святые Дары, то есть на престоле у нас теперь присутствуют Тело и Кровь Христовы, какой же смысл о них молиться? Пока это были хлеб и вино, мы молились о том, чтобы Господь преложил их в Тело и Кровь Христовы. А теперь, когда это преложение уже совершилось, какой смысл молиться о Святых Дарах? В следующем прошении этот смысл объясняется очень важными, драгоценными словами:

«Яко да Человеколюбец Бог наш, приемь я (то есть их) во святой, и пренебесный, и мысленный Свой Жертвенник, в воню благоухания духовнаго, возниспослет нам Божественную благодать и дар Святаго Духа, помолимся». То есть мы молимся не в обычном русском смысле («молимся о Святых Дарах» или «молимся о ком-то»), тут по-русски понимается всегда, что мы молимся о чем-то, что должно совершиться с предметом нашего моления. А по-славянски предлог «о» имеет более широкий смысл, и когда мы говорим «молимся о Святых Дарах», то здесь вполне может помещаться смысл совсем другой: молимся о том, чтобы Господь, приняв Святые Дары, возниспослал нам Божественную благодать и дар Святаго Духа.

После этого следует продолжение обычной просительной ектении: «О избавитися нам от всякия скорби..., Заступи, спаси, помилуй..., Дне сего совершенна, свята, мирна и безгрешна, у Господа просим» и так далее. Священник в это время читает молитву:

«Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче, и просим, и молим, и мили ся деем: сподоби нас причаститися Небесных Твоих и Страшных Таин, сия священныя и духовныя Трапезы, с чистою совестью, во оставление грехов, в прощение согрешений, во общение Духа Святаго, в наследие Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение».

Это уже молитва перед причащением, и последний возглас ектении, последнее прошение тоже здесь совершенно особенные: «Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Затем священник делает тоже особенный возглас: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смети призывати Тебе, Небеснаго Бога Отца и глаголати:...». И людие — весь храм — поют молитву «Отче наш» — молитву Господню.

Здесь вполне уместно сказать, что молитва Господня в этом месте поется не случайно. Вполне естественно, что самая главная молитва должна входить в чин литургии, самой главной службы нашей. Но можно сказать и больше. Вы помните, что в молитве Господней есть слова: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Обычно мы понимаем это прошение о хлебе насущном в том смысле, чтобы Господь дал нам пропитание. Но многие Святые Отцы толкуют это прошение и в смысле литургийном: чтобы дал Господь нам тот хлеб, который есть Плоть Его.

Вы помните, как в 6 главе Евангелия от Иоанна Господь говорит об этом хлебе, сшедшем с небес: кто не будет есть этот хлеб, тот не может наследовать жизнь вечную. Это есть истинная брашна. Многие отцы так и толкуют эту молитву как молитву о литургии. Поэтому вполне естественно, что здесь помещена эта молитва о том, чтобы Господь не лишил нас этого небесного хлеба.

Затем возглас священника: «Яко Твое есть Царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков». Потом священник говорит снова: «Мир всем. Главы ваша Господеви приклоните». И следует еще одна молитва:

«Благодарим Тя, Царю Невидимый, Иже неисчетною Твоею силою вся содетельствовал еси и множеством милости Твоея от небытия в бытие вся привел еси. Сам, Владыко, с небесе призри на подклоньшия Тебе главы своя; не бо подклониша плоти и крови, но Тебе, Страшному Богу.

Ты убо, Владыко, предлежащая всем нам во благое изравняй, по коегождо своей потребе: плавающим сплавай, путешествующим спутешествуй, недугующия исцели, Врачу душ и телес». И возглас: «Благодатию, и щедротами, и человеколюбием Единороднаго Сына Твоего, с Нимже благословен еси, со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Это снова молитва особенная, она объединяет в себе как бы сразу все. Она начинается словами: «Благодарим Тя» — значит это молитва благодарственная, и вся литургия — это благодарение, евхаристия. В то же время в этой молитве говорится о том, чтобы Господь сподобил нас своей особенной милости, что выражается словами «призри на

ны» — «призри на подклоньшия Тебе главы своя», то есть на тех, кто здесь присутствует, призри, участников литургии сподоби Своей милости особенной.

А дальше содержится в этой молитве еще ходатайство обо всех плавающих, путешествующих, недугующих, об их исцелении. И, наконец, читается последняя молитва перед заключительным литургийным моментом:

«Вонми, Господи Иисусе Христе, Боже наш, от святого жилища Твоего и от Престола славы Царствия Твоего и прииде во еже освятити нас, Иже Горе со Отцем седяй и zde нам невидимо спребываяй. И сподоби державною Твоею рукою преподати нам Пречистое Тело Твое и Честную Кровь, и нами — всем людям».

Как видите, это уже молитва о причастии: «И сподоби державною Твоею рукою преподати нам Пречистое Тело Твое и Честную Кровь, и нами — всем людям». И после этого священник молится: «Боже, очисти мя, грешнаго, и помилуй мя» трижды, а дьякон на амвоне провозглашает: «Вонмем».

Здесь заключительный момент литургии. Священник, трижды помолившись и поклонившись, подходит вновь к престолу, берет обеими руками Святой Агнец и вновь возносит его, уже отдельно, поднимает над диском, громко возглашая: «Святая Святим!».

Такое возношение было еще в середине анафоры, когда дьякон или священник поднимал дискос и Чашу, а в это время возглашалось: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». А вот теперь уже освященный Агнец снова возносится со словами «Святая Святим!». И хор поет: «Един Свят, Един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь». А дьякон, войдя в алтарь и приблизясь к престолу, говорит: «Раздроби, владыко, Святый Хлеб».

Священник говорит: «Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но причащающихся освящаяй». Говоря эти слова, он разламывает Агнец на четыре части. Вы помните, как на проскомидии Агнец надрезался крестообразно. Вот по этим разрезам священник разделяет Агнец на четыре части и помещает их на дискосе таким образом: сверху частицу «ИС», снизу частицу «ХС»,

частицу «НИ» — с северной стороны дискоса, частицу «КА» — с южной стороны.

Затем дьякон говорит: «Исполни, владыко, Святый Потир».

Священник берет частицу «ИС» и погружает его во Святую Кровь в Св. Потир со словами: «Исполнение Духа Святаго». Тогда дьякон подносит теплоту, т. е. горячую воду в специальном сосуде или в ковшике, и говорит: «Благослови, владыко, теплоту».

Священник благословляет теплоту рукой крестообразным знаменем и говорит: «Благословенна теплота святых Твоих, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь». И дьякон вливает эту теплоту в Святую Кровь в Потир. Это древний обычай, ставший многовековой традицией. Этому вливанию теплоты придается особенное значение — это «теплота святых Твоих», полагается, чтобы Чаша слегка согрелась от этой теплоты. В «Учительном известии» даже есть прельщение на священника, который будет причащать холодной Кровью Господней. Чаша должна быть хотя бы слегка теплой. Это особенно можно понять, если мы вспомним, что в наших северных странах прежде храмы бывали очень холодными зимой, потому что не было центрального отопления, обогревались храмы печками. И бывало иногда очень холодно в алтаре, поэтому вполне могло получиться так, что Чаша со Святою Кровью во время литургии остывает настолько, что делается как бы ледяной. Причащать такой холодной Кровью воспрещает «Учительное известие». Теплота здесь символизирует теплоту святости, теплоту веры, теплоту любви, теплоту жизни и благодати Божией. Так что эта традиция имеет под собой естественное основание.

После этого священник берет частицу «ХС» и разделяет ее — если служит с дьяконом, то на две части, если сослужащих больше, то по количеству сослужащих ему священников и дьяконов, как бы много их ни было. Если служит Патриарх, бывает 50 сослужащих епископов, священников и дьяконов. И все равно частица разделяется по числу служивших (в этом случае Агнец берется большой).

Затем священник говорит: «Диаконе, приступи». Священник и дьякон (или епископ) совершают земной поклон и даже читают коленопреклоненную молитву перед престолом, особенно усердную молитву. Обычно говорят молитву «Ослаби, остави, прости...» или

молитву своими словами. Некоторые говорят: «Се, приступаю...». Дьякон говорит, целуя и поклоняясь престолу: «Преподаждь ми, владыка, Честное и Святое Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Священник берет частицу Тела Христова и говорит, скажем, так: «Александру, священнодиакону, преподается Честное и Святое и Пречистое Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов его и в Жизнь Вечную». И вкладывает в руки дьякона частицу Святого Тела Христова. Дьякон целует руку священника и благоговейно становится сбоку от престола.

После этого священник берет другую частицу и читает молитву: «Верую, Господи, и исповедую...», которую мы обычно слышим перед причастием. Потом «Вечери Твоея Тайныя». Затем произносит: «Честное и Пресвятое Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа преподается мне (имя), священнику, во оставление грехов моих и в Жизнь Вечную». И вместе с дьяконом и с сослужащими причащается Тела Христова.

Если служит епископ, то он причащается первым сначала Тела Христова, потом от Чаши, потом причащает священников и дьяконов. Если служат несколько священников, то сначала причащаются все священники, а потом уже все дьяконы.

Важно здесь то, что после того, как все причастились Тела Христова, священник берет в руки Чашу со словами: «Честныя и Святыя Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа причащаюся аз, раб Божий, священник (имя), во оставление грехов моих и в Жизнь Вечную. Аминь». Обычно священник отпивает от Чаши трижды со словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Потом целует Чашу со словами: «Се прикоснуся устам моим, и отымет беззакония моя, и грехи моя очистит». И дальше говорит: «Диаконе, приступи».

Подходит дьякон со словами: «Се прихожду к Безсмертному Царю и Богу моему. Преподаждь ми, владыко, Честное и Святое Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». И священник из своих рук дает ему причаститься от Чаши трижды — так же, как причащался сам. Если служит епископ, то он причащает так священника и дьякона.

Для чего я так подробно рассказываю вам о том, чего вы никогда не можете видеть, кроме как на Пасху, на Пасхальную седмицу? Для того чтобы сказать, что именно так в древности причащались все христиане. Каждый христианин, и мужчина, и женщина, подходили к престолу и получали из рук священника или епископа частицу Тела Христова и причащались ей. Затем подходили во второй раз, и священник причащал их от Чаши.

Это, конечно, очень величественный и прекрасный образ причастия, и нам приходится сожалеть, что сейчас миряне так не причащаются. Но причина этого ясна: после эпохи гонений на христиан, когда множество недавних язычников после эдикта начали принимать Святое Крещение и стали строиться большие базилики, которые наполнялись тысячами людей, в церкви наступила новая эпоха. В храмах появилось очень много людей теплохладных — таких, которые приняли христианство, вовсе не предполагая отдать Господу всю свою жизнь, не имея той любви, того благоговения, которые имели мученики-первохристиане, готовые умереть в страшных страданиях за свою веру.

Соответственно этому во время причастия Св. Христовых Таин стали возникать тяжелые злоупотребления. Получив в свои руки Тело Христово, многие обращались с Ним неблагоговейно: роняли крошки на пол, выходили из храма, имея в руках Тело Христово, или уносили Его с собой. И тогда священноначалие приняло меры. Мирян стали причащать другим образом. После того как причащаются священнослужители в алтаре, священник берет частицы «НИ» и «КА» и раздробляет их на много-много частей, но теперь уже не дает их в руки причащающимся, а погружает в Св. Чашу. Потом Чаша выносится на амвон, и все причастники причащаются лжицей сразу двумя видами — Телом и Кровью Христовыми, что позволяет избежать всяких злоупотреблений, неблагоговейного и кощунственного обращения со святыней.

Образ нашего причастия сильно отличается от причастия католического, потому что католики опять несколько упростили способ причащения. Прежде всего, они стали приготавливать хлеб, который должен стать Телом Христовым, иначе, чем православные. Они готовят его из опресноков, т. е. это хлеб не квасной, а пресный.

Мы наши просфоры, и агничные в том числе, готовим из обычного дрожжевого теста, а католики усвоили практику ветхозаветную и готовят этот хлеб из пресного теста. Кроме того, если у нас Агнец вырезается из большой просфоры, то у них приготавливаются так называемые облатки. Пластинки с печатью, разделенные на множество частичек, очень твердые, освящаются во время мессы и очень легко разламываются на частички. Это и есть облатки.

Самое серьезное искажение православной практики состоит в том, что эти облатки не погружаются в Чашу, миряне причащаются, как говорят, под одним видом — только Тела Христова. Как мы уже говорили, месса католическая признается нами как литургия и как благодатное Таинство. Мы считаем, что они причащаются Тела и Крови Христовых, у них есть это Таинство. Но на самом деле они причащаются только Тела Христова. Под двумя видами причащаются только священнослужители. Только они отпивают от Чаши, а мирянам — вероятно, тоже из соображений безопасности, чтобы не было злоупотреблений — даются только облатки.

Это повлекло за собой еще одно очень тяжелое искажение.

Поскольку был догматизирован такой способ причастия — под одним видом, — стало понятно, что детей маленьких причащать нельзя, т. к. ребенок проглотить облатку не может. Мы маленьких детей тоже причащаем под одним видом — Святой Кровью. Но считаем это достаточным потому, что в эту Святую Кровь уже погружено Тело Христово, в Св. Чаше есть полнота — и Тела, и Крови Христовых. Мы берем на лжицу Св. Крови и даем младенцу, чтобы он мог причаститься. Но поскольку у католиков миряне не причащаются Кровью Христовой, то они младенца таким образом причастить не могут. Отсюда это новое серьезное искажение: младенцы у католиков не причащаются вообще.

Сейчас, в XX веке, а может быть раньше, практика причащения у католиков сильно меняется, как и многое другое, под влиянием Православия. Потому что Православное богословие, вышедшее из-под влияния католиков, нашло такие аргументы против католической практики, что католики стали, наконец, прислушиваться к православным. До сих пор они нас называли только схизматиками, т. е. раскольниками, и не желали внимать нашему голосу, хотя о

существенных искажениях в католической литургии писал Патриарх Фотий. Но тогда это не принималось. В XX веке католики стали прислушиваться к православным. Сейчас они стали причащать детей, но только таких, которым уже можно дать облатку. Причащать мирян под двумя видами они пока не могут.

Это тоже вызывает некоторое удивление, потому что у них нет таинства миропомазания. Следовательно, они причащают детей до миропомазания. Но об этом мы еще будем говорить.

В Православной Церкви сохранилась древняя практика причащения мирян под двумя видами. У нас причащаются все в полноте так же, как и священники, хотя и несколько другим образом. Но все получают Тело и Кровь Христову.

Причастившись, священник в алтаре читает благодарственную молитву, и когда все причастники причастились, он уносит Чашу в алтарь. Дьякон произносит молитву: «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, Единому Безгрешному...», а потом Пасхальные тропари: «Светися, светися, Новый Иерусалиме!» и «О Пасха велия и Священнейшая, Христе!».

Потом, поставив Чашу на престол, священник берет дискос, на котором, как вы помните, осталось множество частиц, вынутых из просфор, и погружает эти частицы в Чашу, ссыпая их с дискоса, со словами: «Отмый, Господи, грехи поминавших зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих».

Здесь нужно понять существенную последовательность событий. В «Учительном известии» в конце «Служебника» есть очень строгое предостережение на священника, который вдруг перепутал бы частицу Тела Христова с частицей, вынутой из просфоры, и причастил бы кого-нибудь случайно не Телом Христовым, а вот такой неосвященной частицей, вынутой из просфоры. Это считается смертным грехом для священника.

Чтобы этого не случилось, сначала раздробляется Агнец, частица Агнца большая, крупная снимается с дискоса, если к ней пристали маленькие частички, вынутые из просфор, то они отделяются. Затем на специальной тарелочке раздробляется Агнец и погружается в Чашу. В Чаше таким образом только Тело и Кровь Христовы, а

частицы поминальные остаются на дискосе и погружаются в Чашу только после того, как все причастятся Св. Христовых Таин. Погружаются с многозначительными, особенными словами: «Отмый, Господи, грехи поминавших зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих».

Таким образом поминовению на просфорах присваивается некое особое сакраментальное значение. Это поминовение символизируется особым образом, погружая в Кровь Христову эти частицы и призывая в молитве Господа, чтобы он Кровью Честною отмыл бы грехи, как мы обычно просим в молитве, так мы говорим очень часто в наших молитвах, особенно в песнопениях Страстной седмицы. Здесь совершается в этот момент Таинство. Конечно, обычай довольно поздний, потому что поминовение на просфорах возникло довольно поздно, может быть, в 8 веке, но все же вошло в нашу богослужебную традицию очень прочно. Это усложнение литургийного чина, но очень многозначительное, красивое и для нас дорогое.

После этого священник накрывает Чашу и дискос покровцами и отдает дискос дьякону, а сам поднимает Чашу над антимином, делает ею крест над антимином со словами «Благословен Бог наш». Затем поворачивается к народу, вносит Чашу на амвон через царские врата и, Чашей благословляя весь народ, громко возглашает: «Всегда, ныне и присно и во веки веков».

Этот возглас вы, вероятно, понимаете так: пусть Чаша эта будет всегда, ныне и присно и во веки веков, пусть во веки веков совершается литургия. Это, конечно, очень красивый смысл, но на самом деле он иной. Здесь говорится: благословен Бог наш ныне и присно и во веки веков. Происходит некое удвоение смысла, которое, конечно, ничему не противоречит.

Потом, как вы помните, хор поет «Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи» — хвалебную песнь благодарственную, а дьякон выходит и говорит ектению: «Прости приемше Божественных, Святых, Пречистых, Безсмертных, Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Таин, достойно благодарим Господа».

Вы можете спросить: что значит «Прости приемше»? Напомню вам,

что это слово употребляется в службе не однажды. Всегда перед чтением Евангелия вы слышите: «Премудрость прости. Услышим Святаго Евангелия...». Что значит «**прости**»? Это значит — **внимательно, благоговейно**. С особым благоговением приимше Божественных, Святых, Пречистых, Безсмертных, Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Таин, достойно благодарим Господа.

После возгласа «Яко Ты еси Освящение наше, и Тебе славу возсылаем...» священник говорит: «С миром изыдем», исходит из алтаря и спускается с амвона к народу. Поворачивается лицом к престолу и читает так называемую заамвонную молитву. Есть обычай, по которому эту молитву читает младший священник, если много сослужащих:

«Благословляя благословящия Тя, Господи, и освящай на Тя уповающия, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое, исполнение Церкви Твоея сохрани, освяти любящия благолепие дому Твоего; Ты тех возпрослави Божественною Твоею силою, и не остави нас, уповающих на Тя. Мир миру Твоему даруй, Церквам Твоим, священником, воинству и всем людям Твоим. Яко всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе, Отца Светов; и Тебе славу, и благодарение, и поклонение возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков».

Вы все эту молитву знаете и помните, некоторые слова ее знают не только верующие, например, «всякое даяние благо». К сожалению, очень часто эти слова употребляются в смысле, противоположном тому, который имеет молитва. Для того чтобы что-то получить, взять, принять у кого-то, люди, оправдывая себя, говорят: «Всякое даяние благо». Но в молитве это говорится в ином смысле: потому что (яко) всякое даяние есть благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе, Отца Светов. То есть мы благодарим Тебя, Господи, потому что всякое благое даяние и всякий совершенный дар свыше исходят от Тебя, Отца Светов. Не может благое даяние и дар совершенства, совершенный дар, исходить снизу — не от Бога, а от нечистой силы. Только от Тебя может придти к нам благое даяние. Мы говорим: «Всякое даяние благо», желая оправдать любое даяние — что бы ни получить, все благо. А здесь, наоборот: все благое всегда исходит от

Отца Светов.

После этого поется «Буди имя Господне» трижды, и есть древний обычай петь 33-й псалом «Благословлю Господа на всякое время», который теперь уже не поется в литургии, хотя в служебнике и упоминается. Такое сокращение литургии стало уже традиционным, и никто не возмущается, хотя в некоторых местах благочестивые батюшки 33-й псалом читают или поют все-таки. Этот псалом всегда поется в этом месте на литургии Преждеосвященных Даров, о которой мы будем говорить позже.

После этого священник, если он служит один, уходит в алтарь и читает молитву себе, а если есть дьякон, то дьякон приходит в алтарь, наклоняет к престолу главу, и священник читает молитву ему:

«Исполнение законов и пророков, Сам сый, Христе, Боже наш, исполнивый все Отеческое смотрение, исполни радости и веселия сердца наша, всегда, ныне и присно и во веки веков». И благословляет голову дьякона. Эта молитва называется молитвой на потребление Св. Даров, или «Молитва, глаголемая внегда потребити Святая». Что это значит? Это значит, что все оставшееся в Чаше священник или дьякон должен после литургии потребить, вкусить, принять. Чашу должен омыть, чтобы Св. Дары не остались в Чаше.

Сейчас обычно потребляют Св. Дары дьяконы, если они есть в храме, и священник служащий. Конечно, это может сделать только тот, кто причащался. А в древности было не так. Очень часто Св. Дары потребляли отроки. Они подходили к престолу, и священник им давал потребить оставшиеся Св. Дары.

Замечательно, что в практике отца Иоанна Кронштадтского этот обычай был возрожден, потому что, как вы помните, о. Иоанн Кронштадтский причащал всех, и очень многих ежедневно. И в конце его жизни ему приходилось служить в огромных Чашах, чтобы Св. Даров хватило на тысячи людей — а причастников бывало до 12 тысяч, причем многие стояли даже на площади вокруг Андреевского собора. Конечно, чтобы всех причастить, нужно было приготовить очень много Св. Даров. Современники вспоминают, что Чаша для Св. Даров была похожа по размеру на суповую кастрюлю. И для того, чтобы всех причастить, с о. Иоанном бывало очень много сослужащих

священников. В последние годы он один практически не служил. К нему приезжало много духовенства, желавшего вместе с ним служить и причаститься, они помогали ему причащать народ. Так же, как и теперь: когда служит не один священник, а несколько, то все священники могут причащать. Тогда Святая Кровь разливается после преложения, после возгласа «Святая Святим!», в несколько Чаш, и частицы для причащения мирян тоже всыпаются во все Чаши. Служба совершается всегда с одной Чашей, она символична, нельзя служить на нескольких Чашах. Но когда служба уже окончена, можно Св. Дары разделить на несколько Чаш. У о. Иоанна Кронштадтского бывало до 12 таких Чаш. Выходили 12 священников и причащали народ из 12 Чаш. Конечно, потребить потом оставшиеся Св. Дары одному человеку было невозможно. И вот о. Иоанн призывал мальчиков в алтарь и давал им потреблять Св. Дары.

После этого священник возглашает молитву: «Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков». Затем говорится: «Слава Тебе, Христе Боже, Упование наше, слава Тебе» и отпуст: «Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матере», дальше поминаются святые храма, святые дня, затем говорится: «иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константины града, Златоустаго (т. е. поминается святой — автор литургии, которая совершалась), и всех святых, помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец».

Замечательно то, что в этом возгласе отсутствует поминовение Иоакима и Анны. Это, конечно, мелкое замечание, для вас, может быть, малоинтересное. Но вы, вероятно, помните, что обычно в отпусте говорится: «Святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны и всех святых, помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец». А на литургии поминовения Иоакима и Анны нет.

Надо сказать, что большинство епископов и священников этого не замечают и поминают Иоакима и Анну, хотя в служебнике этого нет. В этом состоит отличие литургийного отпуста.

По древнему обычаю, как мы уже говорили, проповедь священника является необходимой составной частью литургии, и раньше она произносилась после Евангелия, во время литургии Слова. Сейчас укоренился другой обычай. По образу больших соборов, где служат

епископы в сослужении большого количества священников, когда бывает много духовенства, возникают большие сложности. Дело в том, что причащение духовенства, скажем, на патриаршей службе, занимает весьма длительное время, когда бывает несколько десятков священников и дьяконов. Чтобы сэкономить время и облегчить народу выстаивание литургии, вошел в жизнь такой обычай: после запричастного стиха и пения запричастных песнопений (в это время исполняются обычно концерты) выходит проповедник и говорит проповедь, а в алтаре причащается духовенство и приготавливается Чаша для причащения мирян.

Надо сказать, что это довольно несвоевременно, потому что проповедь перед причастием часто не очень уместна. Но это экономит время. И вот по образу храмов, больших соборов архиерейских этот обычай все больше распространяется. А если выходит какой-нибудь вития-проповедник с намерением сказать проповедь минут на 40, то здесь происходит нечто ужасное, потому что обычно к этому моменту приходят родители с маленькими детьми, чтобы их причастить. Они боятся пропустить момент, когда будет вынесена Чаша, а проповедник знай себе разглагольствует. Дети, естественно, начинают кричать, возникает давка, потому что все причастники стараются пробраться вперед, но это не влияет на увлекшегося проповедника и он продолжает говорить. Если голос у него сильный, он может перекричать людей...

Но трудность не только в этом. Это вообще место не подходящее для проповеди. Проповедь бывает или по евангельскому чтению, или на тему праздника, она имеет как бы расширительное значение. А здесь требуется особая сосредоточенность, нужно собрать все свое внимание и молиться перед причащением Св. Христовых Таин. Здесь нужно уже не обсуждать богословские истины, или учение Церкви о каком-то предмете, или толкование какой-то притчи — в этот момент нужно готовиться к причащению. Но проповедь-то бывает посвящена не этой подготовке, а чему-то еще. Потому и неудачное это место для проповеди.

Проповедь после Евангелия говорить очень хорошо, но только в том случае, если священник имеет благодатный дар, умеет возвестить Слово Божие, если он имеет чувство меры, если он действительно

может свою проповедь сделать достойной частью литургии Слова.

Если же он проповедует не очень хорошо, не очень благодатно, его проповедь будет мешать, разбивать литургию. Получится, что идет литургия оглашенных, потом проповедь и длинный перерыв, и только потом начинается литургия верных. Вот это разделение литургии на две части тоже очень тягостно, если проповедь говорится неудачно, неумело.

Есть и другая практика, очень хорошая: говорить проповедь в конце литургии, когда все уже причастились, младенцы унесены из храма, остаются лишь те, кого проповедь интересует. Но поскольку проповедь должна быть частью литургии, то, например, замечательный проповедник нашего времени протоиерей Всеволод Шпиллер проповедовал после «Буди имя Господне» (вместо пения псалма 33-го), а потом заканчивал ее возгласом: «Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков». Его проповедь входила в состав литургии. Он придавал этому значение. Для меня это всегда было очень дорого и трогательно. Он хотел, чтобы проповедь была не после отпуста, а внутри литургии. Мне кажется, что для современных священников и современных условий это практика очень хорошая.

Отпуст произносится с крестом в руках, и священник благословляет народ. После этого дается целовать крест, а чтец читает в это время благодарственные молитвы.

Осталось сказать немного о двух литургиях, которые совершаются в православной церкви — литургии Василия Великого и литургии Преждеосвященных Даров. Вы уже помните, наверное, что литургия Василия Великого совершается только 10 раз в году. На экзамене вы точно должны знать, в какие дни: в навечерие праздника Рождества Христова и праздника Крещения, если это навечерие не совпадает с воскресным днем (в навечерие — накануне, в сочельник). Тогда порядок меняется: накануне совершается литургия Иоанна Златоустого, а на праздник — литургия Василия Великого. Затем литургия Василия Великого совершается на старый Новый год: 14 января по новому стилю, 1 января по старому — на день Василия Великого. Затем — в пять воскресных дней Великого Поста (в 1, 2, 3, 4 и 5 недели) и дважды на Страстной седмице — в Великий Четверток

и Великую Субботу. Больше литургия Василия Великого никогда не совершается.

В этой литургии есть ряд характерных особенностей. Они не столь значительны в своих отличиях, кроме анафоры. Отличия такие: на проскомидии поминается не Иоанн Златоуст, а Василий Великий — вынимается частица за Василия Великого. Затем отличается молитва об оглашенных. Молитвы отличаются от литургии Иоанна Златоустого, но особенно отличается анафора. Она намного длиннее анафоры Иоанна Златоустого. Вы помните, что литургия Иоанна Златоустого была составлена как сокращение литургии Василия Великого. И молитвы Василия Великого намного длиннее. Поэтому песнопения — те же самые, что поются и на литургии Иоанна Златоустого, — поются очень протяженно, и выбраны специальные напевы, которые позволяют священнику прочитать тайные молитвы, которые намного длиннее.

Анафора Василия Великого обладает неподражаемым совершенством. Это как бы венец всего литургического творчества. Нет в нашей литургической сокровищнице ничего более прекрасного, чем анафора Василия Великого. В ней соединяется поэтичность, удивительная литературная красота с совершенным богословием, с его полнотой, потому что в анафоре Василия Великого очень кратко, очень четко, а с другой стороны, чрезвычайно литературно, художественно исповедуется вероучение Православной Церкви, православная догматика. И очень жаль, что эти молитвы практически никогда не читаются вслух. Но они достаточно трудны для усвоения, особенно по-славянски, а на русский язык, я думаю, их никогда никто не решится перевести, потому что при этом будет очень многое утрачено, именно в славянском тексте они обладают особенной красотой. Эти молитвы довольно трудны, поэтому читать их вслух для народа еще труднее, чем молитвы Иоанна Златоустого, поэтому они практически никогда не читаются. Но познакомиться с ними можно по «Служебнику» или прочитать в 14-м номере «Богословских трудов».

Скажу об одной очень важной особенности. Возглас священника, который произносится в анафоре литургии Василия Великого, отличается от возгласа литургии Иоанна Златоустого. Если там

священник возглашает: «Приимите, ядите: Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», то здесь священник говорит: «Даде Святым Своим учеником и апостолом, рек: Приимите, ядите: сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». Так же и следующий возглас: «Даде Святым Своим учеником и апостолом, рек: Пийте от нея вси: сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов».

Эта как бы вводная часть фразы «Даде Святым Своим учеником и апостолом, рек» очень важна. В литургии Иоанна Златоустого священник возглашает: «Приимите, ядите: Сие есть Тело Мое», и это производит впечатление возгласа от первого лица, т. е. мирянам кажется, что священник говорит это как бы от себя, что дает некоторым возможность толковать это в том смысле, что священник здесь как бы в особенной степени прообразует Христа. А у католиков есть даже учение о том, что десница священника в это время уже есть десница Самого Христа.

В литургии Василия Великого всему этому полагается законный предел, потому что здесь совершенно ясный смысл: Господь дал Своим ученикам и апостолам и сказал. И дальше прямая речь: «Приимите и ядите...». То есть никаких недоразумений здесь уже быть не может.

Далее следует обратить внимание на то, что здесь совершенно другой текст молитвы-эпиклезы. Она звучит так:

«Сие творите в Мое воспоминание: елижды бо аще ясте Хлеб сей и Чашу сию пиете, Мою смерть возвещаете, Мое Воскресение исповедаете.

Поминающе убо, Владыко, и мы спасительная Его страдания, животворящий крест, тридневное погребение, еже из мертвых Воскресение, еже на небеса восшествие, еже одесную Тебе, Бога и Отца, седение и славное и страшное Его второе пришествие. Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

И дальше эпиклеза:

«Сего ради, Владыко Пресвятый, и мы, грешнии и недостойнии раби Твои, сподобльшиися служити Святому Твоему Жертвеннику, не ради правд наших — не бо сотворихом что благо на земли, — но ради

милости Твоя и щедрот Твоих, яже изливал еси богато на ны, дерзающе приближаемся Святому Твоему Жертвеннику. И, предложше вместообразная Святаго Тела и Крове Христа Твоего, Тебе молимся и Тебе призываем, Свете святых, благоволением Твоея благости, приити Духу Твоему Святому на ны и на предлежащия Дары сия, и благословити я, и освятити, и показати».

И дальше священник говорит: «Хлеб убо сей — самое честное Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Чашу же сию — самую честную Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, излианную за живот мира».

Иначе говоря, эпиклеза и слова, которыми благословляется Хлеб и Чаша, здесь совершенно иные, чем в литургии Иоанна Златоустого. И это тоже является концом споров о тайносовершительной молитве — должно было бы являться, потому что оказывается, что в литургии могут быть разные тайносовершительные молитвы, если они вообще нужны. У Иоанна Златоустого одна, здесь — другая.

Тайносовершительная формула здесь, по понятию католиков, отсутствует.

В тех бесплодных и досадных спорах, которые православные вели в течение долгого времени с католиками, была сделана роковая ошибка. Уличаемые католиками в том, что у нас отсутствует тайносовершительная формула, потому что в литургии Иоанна Златоустого силу тайносовершительной формулы ... словам «Духом Твоим Святым», как вы помните, а здесь этих слов нет, и поэтому православные богословы того времени решили исправить Василия Великого и эти слова внесли сюда из литургии Иоанна Златоустого. Поэтому после слов «излианную за живот мира» священник говорит: «Преложив Духом Твоим Святым». И это получается очень бессмысленно.

Читаю еще раз. «И, предложше вместообразная Святаго Тела и Крове Христа Твоего, Тебе молимся и Тебе призываем, Святе святых, благоволением Твоея благости, приити Духу Твоему Святому на ны и на предлежащия Дары сия, и благословити я, и освятити, и показати. Хлеб убо сей — самое честное Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Чашу же сию — самую честную Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, излианную за живот мира» — и вдруг:

«Преложив Духом Твоим Святым». Нет согласования, даже грамматического. До таких ошибок доводит схоластический формализм, и надо сказать, что грамматическая ошибка, которая здесь возникла, очень досадна, потому что ничего более совершенного, чем текст Василия Великого, никто никогда не создал, и исправлять Василия Великого — это более чем неуместно. И портить его литургию не следовало бы.

Конечно, эта порча давно исправлена везде, кроме нашей Русской Церкви. У нас этот текст остался. Опять-таки не нужно думать, что наша литургия от этого что-то теряет. Теряет только лишь чистоту и строгость молитвы, но по существу, конечно, литургия остается той же самой. Однако нужно сознавать, что такие вещи нежелательны, и хотелось бы, чтобы наше священноначалие, наконец, собралось с духом и внесло бы необходимые исправления, и все эти лишние интерполяции были, наконец, изъяты, как это сделано во всех православных церквях.

Здесь еще нужно сказать, что сюда вставлен тропарь третьего часа — причем в середину фразы, как и в литургии Иоанна Златоустого. Здесь это получилось даже еще более грубо.

После того как освящены Святые Дары, идет молитва-ходатайство, которая в литургии Василия Великого особенно пространна и прекрасна. Во время этой молитвы хор поет обычно «О Тебе радуется», если это Великий пост. А на праздник Рождества, Крещения, Василия Великого, в день Святого Четверга и Субботы поются другие задостойники.

В молитве-ходатайстве особенно умирительно, особенно полно содержится молитва обо всем мире, о церкви святой, обо всех людях, которые присутствуют, и об отшедших, о заключенных, о тех, кто страдает в каких-то болезнях — эта молитва действительно дает удивительную полноту церковного ходатайства. Ее хотелось бы читать вслух, но она слишком длинна и никогда из-за этого не читается. Это самое главное прошение литургии.

Ну а концовка литургии такая же, как и у Иоанна Златоустого, но на отпуске поминается Василий Великий.

01.12.93.

Лекция 10. Евхаристия

В прошлый раз мы говорили о литургии Василия Великого, и я хочу сделать некоторые дополнительные замечания о ней.

Несколько раз в году литургия Василия Великого совершается особым чином. Она совершается на вечерне, и это вполне естественно, потому что, как вы помните, впервые евхаристия совершилась именно как Тайная Вечеря. И апостолы в первое время после Пятидесятницы совершали евхаристию тоже на вечерах любви, или на вечери просто, т. е. после вечернего ужина.

И вот осталась традиция в некоторых случаях совершать литургию на вечери, на вечерне: в канун Рождества Христова и Крещения, т. е. в сочельники, в Великий Четверток и Великую Преблагословенную Субботу на Страстной неделе.

Чин соединения вечерни с литургией довольно прост. Вечерня начинается литургийным возгласом: «Благословенно Царство», а затем следует обычный чин вечерни со входом. Читается предначинательный псалом, мирная ектения, стихиры на «Господи, воззвах», затем вход. Могут быть прочитаны паремии, если они есть. А затем вечерня переходит в литургию. Присоединение к литургии совершается в момент пения Трисвятого.

Таким образом, вместо обычного входа на вечерне с кадилом совершается вход с Евангелием, литургийный вход. Возглашается прокимен дня, а после паремий, если они есть, начинается пение «Святой Боже», а дальше продолжается литургия.

По древней уже теперь традиции литургия совершается натошак. И священники, конечно, и дьяконы совершают литургию натошак, а теперь уже многие прихожане тоже приходят на литургию натошак. И уж, конечно, те, кто причащается, обязательно совершают это натошак. И это оказалось весьма существенным в служении литургии вместе с вечерней. Если бы мы совершали литургию вечером, то пришлось бы тогда целый день не есть и не пить. И вот литургия вместе с вечерней совершается теперь утром. Так что наш довольно странный обычай служить утреню с вечера дополняется теперь еще в этих случаях служением вечерни утром.

Но это сделано для удобства не только в соблюдении поста перед причастием, но и, конечно, для того, чтобы такую большую и важную службу совершить со свежими силами утром, чтобы успеть уложить службы суточного круга в недолгое время дня.

Когда литургия совершалась на вечери вечером, то, во-первых, она совершалась не натошак, а после вечери, вечером, а во-вторых, тогда не было такого развитого суточного богослужебного круга. Теперь наши службы Страстной седмицы, которые мы стараемся совершать наиболее полно, требуют от нас очень много сил и времени. Службы последних дней занимают практически все время, а в Великую Субботу дополняются еще и необходимостью освящать куличи и пасхи. Так что поневоле как бы приходится литургию совершать с утра.

В конце концов, это не так существенно и не так страшно, что утреня у нас вечером, а вечерня утром. Церковная жизнь от этого серьезно не страдает. Такое перемещение произошло по духу времени, а правильное расположение служб сохраняется теперь в основном в монастырях, где люди полностью могут посвятить себя богослужению. Даже на приходах, где иногда служат утреню утром, а после нее служат литургию, это бывает довольно трудно. Получается длинная и трудная служба: настоящая утреня занимает часа полтора или два, затем часы, литургия, а еще и требы, так что получается 5-6 часов службы. Это довольно трудно. И если священник призван это выдерживать, то прихожанам это совсем плохо. Но это мелкие замечания, а вот существенно здесь то, что есть такое особенное сочетание служб, которое нам придется встречать еще несколько раз. И вот мы сейчас перейдем к короткому обсуждению литургии Преждеосвященных Даров, которая тоже всегда совершается на вечерне.

Литургия Преждеосвященных Даров, составленная, по преданию, римским папой Григорием Двоесловом (пусть вас не пугает, то автором является римский папа, потому что это было еще до разделения церквей). Так вот римский папа, который может считаться в данном случае вполне православным, составил прекрасную службу ввиду того, что по древнему обычаю Великим постом прекращалось совершение Божественной литургии. Те из вас,

кто слышал или читал житие прп. Марии Египетской, должны помнить, как в том монастыре, где подвизался прп. Зосима, автор этого жития, был обычай в Прощеное воскресенье всем причащаться, затем прощаться друг с другом и уходить на весь Великий пост в пустыню.

Тут тоже такая примечательная разница с нашим временем. Я помню, как давно один уже покойный теперь старичок дьякон, увидев, как я собираюсь причаститься в Прощеное воскресенье, глядя мимо меня, сказал: «Совсем нынче отатарились люди. Завтра пост, а они сегодня причащаются». Он считал, что это настолько неправославно, что выходит за все рамки. Но такой обычай, как видим, был в глубокой древности — перед началом Великого поста причаститься и потом уже удалиться в пустыню для особенного подвига уединения, богомыслия, смирения. И возвращались монахи в монастырь к Вербному воскресенью, ко Входу Господнему в Иерусалим, чтобы Страстную седмицу провести в монастыре и вместе молиться и совершать Божественную службу.

Такое требование монастырского аскетизма было воспринято и всей Церковью, хотя и не в полной мере, потому что не все православные удалялись в пустыню, но считали, что совершение Божественной литургии Великим постом несколько не соответствует духу Великого поста. Литургия — это всегда праздник, всегда торжество, а Великий пост — время покаяния, время, когда мы должны себя ограничить во всем. Ограничивается даже наша храмовая богослужебная жизнь.

Можно привести еще один довод в пользу такого ограничения. Вы помните, что самой обычной епитимией за какой-либо грех всегда было и сейчас является отлучение от причастия и назначение сугубого покаяния. То есть покаяние всегда связывалось Церковью с отлучением от Чаши, и если Великий пост назначается Церковью именно как время покаяния, то она ограничивает и совершение Божественной литургии. Но не так, как это было в том пустынном монастыре, а несколько более символично, в другом ключе, таким образом, что литургия совершается только в субботу и воскресенье — в дни, которые несколько выпадают как бы из Великого поста, особенно воскресенье. А в остальные дни седмицы полная литургия не совершается.

Но поскольку миряне в пустыню не уходя, и наряду с обычаем ограничивать посещения во время покаяния явился другой обычай — именно Великим постом причащаться, — то эти два встречных течения дали некий неожиданный новый результат — причащаться запасными Великими Дарами. Отсюда развилась литургия Преждеосвященных Даров.

Почему возник обычай причащаться Великим постом? Еще и сейчас есть много бабушек, которые говорят: «Я причащаюсь раз в год, Великим постом». А в прошлом веке и даже еще до довольно недавнего времени даже священники говорили, что причащаться нужно раз в год — Великим постом. Почему так?

Мы еще об этом будем говорить не раз в нашем курсе. Частое причащение требует очень многих условий, и, прежде всего, достаточной высоты церковной и духовной жизни человека. Обычному же человеку, который не желает жить в такой полноте церковной жизнью, к причащению нужна сугубая подготовка. Нужно говеть. Такое говение раньше подразумевало 7-дневный пост, ежедневное посещение богослужений, особенную сугубую молитву, исповедь подробную и потом только причащение. То есть, по существу говоря, это была особая покаянная дисциплина, которая должна применяться к грешникам. И вполне естественно, если человек не причащался целый год, то его и нужно вот так очищать прежде, чем он придет к Чаше.

И вот народ не находит в себе силы готовиться таким образом к причащению, так говеть довольно регулярно и часто. Особенно неприятно такое говение в дни мясоеда, когда можно все есть, а тут надо поститься. Естественным образом приурочили такое говение к Великому посту, когда все равно поститься надо. Таким образом, можно как бы сэкономить эти постные дни.

Вот по этому и по ряду других соображений, и потому что, конечно, и служба покаянная Великим постом, и священник набирается сил, чтобы Великим постом сугубый подвиг понести, исповедуя и причащая до конца Светлой недели, а в другое время ему тоже хочется немного расслабиться и отдохнуть, как это было на Руси. По всем этим причинам и возникла традиция причащаться Великим постом. Даже и сейчас у нас Великим постом бывает множество

причастников, гораздо больше, чем в другие времена года, хотя эта традиция все-таки в новом поколении понемногу изживается. Мы теперь, слава Богу, возвращаемся к евхаристической жизни, когда церковные люди поняли, наконец, что причащаться нужно чаще, тогда все меняется, тогда не требуется и такая покаянная дисциплина. И все требует совершенно другого восприятия и отношения. Но об этом речь впереди.

Возвратимся к литургии Преждеосвященных Даров. Она назначалась на два будних дня — на среду и пятницу и те дни, когда большой какой-то праздник приходится на будние дни Великого поста. Например, есть такой день памяти 40 мучеников Севастийских, когда принято, если он приходится на будний день, совершать литургию Преждеосвященных Даров. Также и в день памяти Марии Египетской. Обычно, если нет особенных дней, литургия Преждеосвященных Даров совершается дважды в неделю, а на Страстной седмице — три раза, в понедельник, вторник и среду. В эти дни к обычному чинопоследованию суточного круга, а именно к вечерне, добавляется новый чин.

Литургия Преждеосвященных Даров, так же как и литургия Василия Великого, как бы продолжает вечерню. Она начинается возгласом «Благословенно Царство», потом также предначинательный псалом, мирная ектения, стихиры на «Господи, воззвах», вход с Евангелием, если литургия, затем читаются паремии, и как вы, вероятно, помните, между первой и второй паремиями открываются царские врата и священник выходит с зажженной свечой и возглашает: «Свет Христов освещает всех!». Все молящиеся должны стать на колени и сделать земной поклон.

После того, как прочитана вторая ектения, начинается замечательное пение, бываемое только на литургии Преждеосвященных Даров, — «Да исправится молитва моя». В это время священник кадит престол, а миряне должны стоять на коленях. Но по уставу бывает так, что сначала одна половина храма должна стоять на коленях, а потом другая. Практически это не выполняется, но прилично всем в это время стать на колени.

После того, как спето это песнопение, бывает сугубая ектения «Рцем вси», затем — молитва об оглашенных, затем, если прошла уже

середина поста, добавляется особенная ектения — о готовящихся ко Святому просвещению. Дальше мы поймем, почему это здесь вставляется. Здесь молятся о тех, кто готовится к Святому крещению на Пасху.

Затем подходит время, которое в обычной литургии соответствует Херувимской песни, но ее быть не должно, потому что литургия не совершается. Здесь поется особенное песнопение — «Ныне силы небесные с нами невидимо служат».

Теперь нам нужно вернуться немного назад и сказать о том, как будет совершаться причащение Святыми Дарами. Святые Дары, как говорит само название литургии, освящаются заранее, обычно в воскресенья, предшествующее литургии Преждеосвященных Даров. Это бывает или на литургии Василия Великого Великим постом, или в Прощеное воскресенье на литургии Иоанна Златоуста, так же, как на Вербное воскресенье. Священник поставляет на дискос не один Агнец во время проскомидии, а три или даже четыре — смотря по тому, сколько будет совершаться Преждеосвященных литургий. Они поставляются вместе. Все они приготавливаются во время проскомидии точно так же, как и обычно приготавливается Агнец, и освящаются во время полной литургии (или Василий Великого, или Иоанна Златоустого) все вместе, как один Агнец, одним благословением. Затем священник запасные Агнцы — те, которые не будут раздробляться для причащения в этой литургии, а останутся на богослужение литургии Преждеосвященных Даров, — священник специально напояет Святой Кровью. Практически это делается так: священник берет Агнец и погружает его не до конца в Чашу со Св. Кровью или, что более соответствует уставу, напояет Агнец лжицей. Затем такой напоенный Агнец ставится на дискос, на Престол, немного в сторону, и покрывается каким-то футляром, чтобы никто не мог прикоснуться к Агнцу или повредить его.

Этот Агнец священник достает во время чтения кафизмы (вы, наверное, помните, что на вечерне полагается чтение кафизмы. Обычно в нашей приходской службе чтение 18-й кафизмы опускается, а Великим постом кафизма читается). Затем Агнец поставляется на другой дискос, переносят его торжественно на Жертвенник, в Чашу наливают вино с водой и во время пения «Ныне

силы небесные с нами невидимо служат» выносят Чашу и дискос на солею так, как это обычно бывает во время Великого входа. Только во время Великого входа впереди идет дьякон и несет дискос, а за ним идет священник и несет Чашу. Здесь только еще предложенные Дары, не освященные.

Теперь все по-другому. Теперь вносится уже освященные и напоенный Св. Кровью Агнец, которые лежат на дискосе, а в Чаше только вино. Поэтому дискос берет священник вместе с Чашей, но дискос поставляет как бы на Чашу, сверху. Полагается даже на голову, но это опасно, потому что можно уронить. Поэтому обычно левой рукой берет Чашу священник, а другой рукой берет дискос и так выносит на солею, а дьякон предшествует ему и кадит Святые Дары. Поэтому и поется такое торжественное песнопение «Ныне силы небесные с нами невидимо служат». Потому что Сам Господь Иисус Христос в Своем Теле и Крови здесь присутствует.

Совершается вход Господа. И если во время пения Херувимской песни вставать на колени вовсе не предписывается уставом, то в момент пения «Ныне силы небесные с нами невидимо служат» все должны не только стать на колени, но и преклонить главу до земли, потому что это есть величайший момент литургии Преждеосвященных Даров.

Затем закрываются царские врата, а завеса задергивается только наполовину. В это время произносится ектения «Исполним вечернюю молитву нашу Господеви», читается особенная молитва (только в литургии Преждеосвященных Даров) и, как в обычной литургии, поется «Отче наш». Затем читается снова молитва обычная, и священник, задернув предварительно полностью завесу, не возносит Агнец, как на обычной литургии, а только лишь прикасается к Св. Агнцу рукой и произносит: «Преждеосвященная Святая Святым».

Затем раздробляется Св. Агнец, священник и дьякон причащаются (сразу Телом Христовым, напоенным Св. Кровью). В Чаше нет сейчас Св. Крови, от Чаши можно теперь только запить, там только вино. После причащения священник раздробляет оставшуюся часть Агнца и погружает в Чашу частицы Св. Агнца, напоенные Св. Кровью. Чаша выносится и бывает причащение мирян.

Наверное, вы знаете, что на литургии Преждеосвященных Даров

обычно младенцы не причащаются, потому что младенцы причащаются только Св. Кровью. Им опасно давать частицу, они могут не проглотить ее. Им дается только немного Св. Крови. А на литургии Преждеосвященных Даров в Чаше Св. Крови нет, т. е. она там присутствует только в Теле Христовом, потому что Агнец был уже напоен Св. Кровью, но теперь уже высох. И хотя естество Св. Крови здесь присутствует, но погружается этот Агнец просто в вино. И вот дать просто на лжице этого вина вместо причастия нельзя, поэтому младенцев не причащают.

Затем бывает обычная концовка литургии, только вместо заамвонной молитвы обычной читается молитва литургии Преждеосвященных Даров:

«Владыко Вседержителю, Иже всю тварь премудростию соделавый и неизреченным Твоим Промыслом и многою благостию введый нас в пречестные дни сия, ко очищению душам и телом, к воздержанию страстей, к надежде воскресения, Иже четырьдесятьюми деньми скрижали вручив, благоначертанная письмена, угоднику Твоему Моисеови! Подаждь и нам, Блаже, подвигом добрым подвизатися, течение поста совершити, веру нераздельну соблюсти, главы невидимых змиев сокрушити, победителем же греха явитися и неосужденно достигнути поклонитися и Святому Воскресению. Яко благословися и прославися пречестное и великолепное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Потом поется 33-й псалом и бывает отпуст. Здесь остается только сказать, что песнопения литургии Преждеосвященных Даров для тех, кто вырос в церковной жизни или кто уже давно ходит в церковь, живет церковной жизнью, они как бы связаны с Великим постом. Уже невозможно себе представить Великий пост без этих чудных особенных песнопений, без длинных покаянных служб, без этой особенно таинственной, тихой, прекрасной атмосферы Великого поста. Такие богослужения создают особенный дух постного времени, постного богослужения.

Теперь, конечно, у нас все меняется, мы не можем уже проходить пост так, как это было прежде, но все же эти службы продолжают для нас сохранять эту особенную прелесть Великого поста.

Следует здесь сказать с горечью, что ввиду массового закрытия церквей, поголовного уничтожения духовенства при советской власти получилось так, что Великий пост стал временем не просто трудным, а невероятно трудным для священства. Сейчас немного все выравнивается, потому что поколения тех, кто родился после революции, уже практически сошли, а новые поколения живут иначе. А вот еще лет десять назад и двадцать тем более — я это прекрасно помню — Великим постом творилось в церквях нечто невообразимое. Храмы были наполнены старушками, которые приходили причащаться раз в год. Они приходили как раз для того, чтобы, поговевши, принести, как полагается, исповедь и сделать все как должно, а получалось как раз наоборот. Потому что при таком колоссальном стечении народа, когда причастников бывают многие сотни, невозможно провести полную нормальную исповедь. И получалось так, что люди, которые целый год не причащались и не исповедовались, а все ждали Великого поста, приходят и получают только одну разрешительную молитву, общую исповедь и в такой страшной давке еле-еле могут пробиться к Чаше. И бывали даже увечья, и часто выносили этих бабушек из страшной духоты. Я сам служил в таких условиях, когда каждое воскресенье Великого поста или даже часто на литургии Преждеосвященных Даров бывала просто невозможная давка.

Сейчас все меняется, храмов стало больше, священников больше, народу меньше, так что постепенно мы возвращаемся к какой-то норме. И надо надеяться, что лучше эти нормы будут воплощаться в нашу жизнь.

На этом я заканчиваю свой рассказ о литургии. Конечно, эти лекции не могут претендовать на полноту, помните, что наш курс называется «Введение в литургическое предание», это даже не литургика. Так что я не претендую дать вам обстоятельно и подробно объяснение чина богослужбного. Конечно, очень многое упущено по недостатку времени, да вы и не готовы, наверное, к изучению подобного устава и не всем из вас это в равной степени нужно. Моя цель — дать вам достаточно глубокое понимание сути дела. Вы должны понимать, что это за службы, как они совершаются, как они вошли в нашу церковную жизнь.

08.12.93.

Лекция 11. Святое Крещение

Мы начинаем изучать Церковные таинства. Первым, самым главным, таинством является Божественная евхаристия, которую мы изучили. Можно было бы изучать ее в конце курса, после всех других таинств, как мы это сделали в прошлом году. Потому что в этом была своя логика: сначала изучить более простое, а от простого подняться к сложному. Но дело в том, что все таинства неразрывно связаны с евхаристией, они все в евхаристии как бы получают необходимую полноту. Поэтому без литургии, без евхаристии их до конца понять нельзя. И в этом году мы решили сначала пройти литургию, а затем уже изучить и основные таинства.

Таинства церкви, вернее, их чинопоследование, содержатся в книге, которая называется **требник** (по-гречески «**евхалогии**» или «**евхалогийон**»). В требнике содержатся требы, т. е. те службы, которые совершаются по требованию. Если, скажем, кому-то нужно причастить больного или кого-то поисповедать, крестить, венчать, кому-то отслужить молебен или отпевание, тогда приходят в церковь и требуют, просят, поэтому и службы называются **требами**.

Требники бывают разные — есть **большой требник**, двухтомный, который называется «**Требник Петра Могилы**». Петр Могила — это Киевский митрополит, основатель Киево-Могилянской академии, она носила его имя. Сам Петр Могила получит образование на Западе, у католиков и был весьма не чужд некоторого католического духа. Он был человеком, видимо, весьма одаренным и успел за свою жизнь сделать очень много. В христианстве хотел навести порядок в чинопоследованиях, которые употребляются Православной Церковью, — порядок, который есть у католиков.

Поэтому он стал собирать разные чинопоследования и унифицировать их в каком-то смысле, придавать им такую форму, такой вид, которые соответствовали бы его отчасти католическим представлениям. В частности, он следил за тем, чтобы везде были на месте тайносовершительные формулы, и все было так, как его научили католики.

Кроме того, ему, видимо был не чужд дух магизма, и он придавал

большое значение форме. Он составил множество новых чинов, которых в церкви раньше не было, в результате получился огромный двухтомный требник, в котором есть все на свете, все молитвы — и над гумном, и над скотом, и над кораблем, всякие запретительные молитвы и чины, и как нужно делать одно и другое, на все случаи жизни есть чинопоследования, строгие, оформленные и в каком-то смысле канонизированные Церковью, потому что церковь не имела до тех пор такого единого евхалогия. А Петр Могила его составил, и он постепенно стал как бы мерилком, критерием, нормой, постепенно вытеснил все остальные чины и стал употребляться Церковью, хотя и в сокращенном виде, но именно в той редакции, какую придал им Могила. Так что мы употребляем обычно сокращенный требник, который приведен в такой вид именно Петром Могилой.

Если мы откроем требник, его оглавление, то сразу же найдем, что начинается он с молитвы в первый день «Внегда родити жене отроча». Затем молитва «Во еже на отроча...» Затем молитва «Жене-родильнице...», затем молитва «Жене, егда...младенца». Наконец, молитва «Во еже сотворити оглашеннаго» и последование Св. Крещения. Таким образом, здесь содержится не только шесть главных таинств (я не называю евхаристию, потому что ее чинопоследование содержится в служебнике, а не в требнике), но очень много других чинов, других молитв.

Являются ли они таинствами? Мы с вами говорили уже, что **всякое действие Церкви всегда в некотором смысле являются таинствами**. Но Церковь выделяет **семь главных таинств**, которые отличаются от остальных тем, что **в них дается некое особенное, новое качество** человеку, некий особенный духовный дар, **который изменяет жизнь человека** — качественно изменяет. Поэтому не всякая молитва и не всякий молебен называются таинствами.

Первым великим и главнейшим таинством является **Таинство Крещения**. Вы знаете, что если таинство дает некое новое качество, то нужно понять, какое именно качество, что именно является содержанием этого таинства, что в нем происходит, что дается человеку. И будущим катехизаторам надо уметь объяснить, какое

таинство и какой дар дает человеку.

Что такое таинство крещения, что в нем дается? **Крещение — это таинство духовного рождения, в нем человеку дается благодатный дар родиться свыше.** Вы помните, как в Евангелии от Иоанна говорится об этом. Помните, ко Христу ночью пришел фарисей Никодим, тот самый, который потом снимет Тело Христово с креста. Он беседовал с Господом, и Он сказал ему: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Тогда Никодим дивился и сказал: «Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?». Иисус ответил: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух... Дух дышит, где хочет». Должно вам родиться свыше, родиться для духовной жизни — вот смысл Слова Господня.

Эти слова можно считать в определенном смысле основными для понимания таинства крещения. Есть такая католическая норма: всегда при изучении таинства называть некие **установительные слова в Евангелии**, которые это таинство устанавливают. В нашей семинарии эта схоластическая традиция бытует до сих пор, и обязательно нужно знать, какие это слова. Так вот для крещения такими словами считаются последние слова Евангелия от Матфея: **«И так, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа»**. Это послание апостолов крестить мир считается установлением таинства крещения.

Но мы не можем ограничиться таким схоластическим подходом, для нас важнее понять, где Господь объяснил, что это за таинство, что им дается, и нужно это место знать в Евангелии от Иоанна.

Итак, рождение свыше. Мы знаем, что крещение совершалось и до Христа Крестителем Господним Иоанном, и знаем из посланий апостольских и из деяний, что крещение Иоанново отличалось от крещения, которое Господь завещал совершать Своим ученикам. И ап. Павел говорил, что крещение Иоанново есть крещение покаяния, а нужно креститься в жизнь вечную, нужно родиться свыше для новой жизни. То есть крещение Иоанново еще не было этим таинством, но форма была воспринята от Иоанна.

Крещение — это некое таинство, которое имеет обряд погружения в воду. У нас здесь происходит некоторая путаница, об этом мы скажем сразу. У нас слово крестить (по-русски) никак не связано с водой, а в греческом языке это не так. Вы знаете, что **«Креститель»** значит **«Баптист»** по-гречески, и это слово как раз и означает **«погружать в воду»**. А у нас это слово соединилось с понятием креста, потому что к нам на Русь крещение пришло уже через тысячу лет, когда это таинство **соединилось с надеванием креста на грудь человеку.** И на Руси этот момент воспринялся с особенной остротой, произвел особое впечатление — не столько погружение в воду, сколько приобретение креста. Поэтому и все таинство стало называться крещением. Но в действительности в таинстве крещения надевание креста не занимает такого большого места, которое придается ей русской традицией, русским словом. В чинопоследовании таинства крещении о надевании креста вообще ничего не говорится, это есть уже поздний обряд.

Таким образом, мы можем различить **содержание таинства (благодатный дар родиться свыше) и форму таинства (погружение в воду).** Конечно, содержание и форма должны быть едины. Расчленив все на содержание и форму, может быть, и полезно для изучения, но вредно для восприятия. Полезнее и лучше, когда мы воспринимаем все вместе, когда мы не будем все по полочкам раскладывать, когда у нас будет цельное, целомудренное восприятие. Потому что на самом деле **форма освящается содержанием, а содержание символизируется формой.** Все это соединено — так же, как в человеке соединены тело и душа. Можно говорить о душе отдельно и о теле отдельно, но если их разделить, то человек умрет. Так и здесь: **таинство нуждается в своей форме и вне формы на земле не совершается.** Поэтому **чинопоследование, т. е. обряд, в котором совершается это таинство, приобретает для нас особое значение. Это святой обряд, который имеет целью символизировать духовное содержание происходящего. Символизировать — это значит, в древнем понимании, явить, воплотить, не просто изобразить, сделать знак чего-то, это есть гораздо большее событие, это есть именно воплощение некоего духовного действия, духовной благодатной энергии.** И так же, как тело человека считается

святым, потому что в это тело вселяется Вечный Дух, Богоподобный Дух человека, так и обряды тоже святы.

Уразумев содержание этого таинства, его смысл и значение, должны изучить достаточно хорошо чинопоследование, т. е. обряд этого таинства. Это поможет нам лучше понять и место этого таинства, и содержание, и значение его.

Теперь нужно вернуться немного назад и вспомнить свои впечатления от Таинстве Крещения. О том, как крестили вас самих, вы тоже можете вспомнить, если крестили вас уже взрослыми. Но каждый видел потом, как крестят младенцев, как вообще совершается крещение в нашей Церкви.

Мне тоже пришлось не только видеть, но и совершать таинство крещения в течение многих лет в разных храмах. И должен сказать, что впечатление от этой службы у меня осталось, как это ни грустно, ужасное. Потому что совершается это таинство у нас совершенно не подобающим образом. Ну, вот сейчас, когда храмов стало больше, их уже сейчас, кажется, 170 в Москве, что-то стало исправляться. А вот когда я начинал служить (да и 3-4 года назад), храмов было только 50, включая те, что были на самых отдаленных окраинах Москвы. Именно на этих окраинах храмы были очень редки, а население там возросло, основная масса населения проживает сейчас как раз на окраинах города. Вот и получается, что в маленьких деревенских храмиках и производилась основная масса крещений.

Я служил в храме в Вешняках. У нас там бывало, как правило, в воскресенье и субботу 60-70 крестин, а однажды, я помню, мы крестили сразу 107 человек. Мы пытались разделить людей на партии, но храм небольшой, и представьте себе, пусть не 100, пусть даже 80 или 50 младенцев. У каждого младенца должно быть два крестных — значит, еще 100 взрослых человек. И тут же должно быть 50 мам — это уже 150 взрослых и 50 младенцев. А если добавляются еще взрослые крещаемые — это уже новая группа. Одним словом, весь храм наполнен крестными, родителями, бабушками и кричащими младенцами. Надо сказать, священнику тут совсем не до смеха. Это самая трудная для него работа.

Полагается прочитать чин [оглашения](#), молитвы на крещение, очень

красивые, очень важные. Но в такой обстановке это абсолютно бессмысленно и бесполезно — не только сам своего голоса не слышишь, но и никто другой тебя не слышит, такой ор стоит в храме. Необходимо спросить что-то у родителей, объяснить им, что такое крещение, потому что приходят в основном люди очень мало верующие, людей церковных очень мало, в основном присутствуют люди, которые хотят окрестить ребенка, но не знают что к чему и зачем, что, собственно, происходит. Ну, просто: мы же русские люди, значит, принято крестить ребенка. Объяснить что-то — это просто безнадежно. Как можно что-то объяснить, когда такое творится? Никто не слушает, да и невозможно к каждому подходить и каждому по очереди объяснять, перекричать толпу невозможно.

В таинстве крещения, вернее в чине оглашения, нужно принести крещальные обеты, от лица младенцев их произносят крестные. И вот священник начинает, напрягая как только возможно голосовые связки: «Отрекаетесь ли вы от сатаны?» В ответ ему, конечно, смех и улыбки: ладно, отрекаемся, мол, от всего на свете — крести скорее. А если священник проявит некоторую строгость, то тут он обязательно нарвется на скандал. Сразу найдется несколько бабушек, мам и пап, которые обязательно скажут: мы заплатили деньги, так чем ты тут занимаешься, почему мучишь детей? Давай быстрее делай свое дело — и все. Они уверены, что главное — это опустить ребенка в воду, а о миропомазании уже ничего не слышали.

В такой обстановке крестить — это, конечно, очень тяжело для совести священника, потому что если она еще не уснула, он понимает, что происходит настоящая профанация таинства. Он оказывается перед очень тяжелой проблемой. Рассуждая строго, он должен всех выгнать из храма и сказать: никого крестить не буду, это не шутки и не базар. Нельзя великое таинство превращать в такое непотребство. Но если он начнет всех выгонять, то что же получится? Люди все-таки приходят с добрым желанием, они не понимают, они не научены, они хотят хорошего, хотят приобщить своих детей к Церкви именно так, как они понимают. И священник должен все-таки встречать их с любовью, должен стараться им помочь, открыть ворота церковные, а не выгонять людей за ограду. Значит, «милости хочу, а не жертвы» здесь тоже действует, правда? И священник, поэтому, не

может никого выгонять. Это бывает с молодыми священниками, они начинают наводить порядки и во что бы то ни стало требуют, настаивать на своем. Получается скандал, и на совести остается очень тяжелое чувство: все-таки ты кого-то выгнал, не допустил, человек пришел, а теперь он уйдет, и неизвестно, придет ли он еще раз.

Почему так все получилось? Ответ ясен: Россия была православной страной, в ней было государственное православие, в стране не было даже никаких органов регистрации гражданского состояния (рождения, брака, смерти), все регистрировала Церковь. Запись о крещении считалась регистрацией рождения, запись отпевания — регистрацией смерти, запись о венчании была регистрацией брака. Иначе говоря, все должны были обязательно креститься, нельзя было быть русским человеком и остаться некрещеным. Это делалось автоматически, и крестили всех в младенческом возрасте на протяжении веков. А младенцев оглашать нет нужды, и ничего не нужно объяснять. А взрослый и сам понимает, что к чему, он изучал Закон Божий, он в церковь ходит, там все объясняется. То есть смысл оглашения утратился, а чин оглашения остался только в виде древней традиции, лишенной серьезного смысла. Остались одни лишь детские купельки, потому что никто не крестился взрослым никогда в России. Всех крестили на восьмой день, а иногда и сразу после рождения, если слабый младенец. Редко когда позже, во всяком случае, очень скоро после рождения.

Конечно, крещение происходило в индивидуальном порядке, храмов было много, в каждой деревне был храм, и священников было много (населения меньше, а священников чуть ли не 300 тысяч в России, а не как сейчас — 10 тысяч вместе с Украиной). Так что проблемы крещение не представляло. Это была легкая, радостная, приятная, само собой разумеющаяся треба. Каждый мог быть крестным — все были верующие, православные, никого не нужно было спрашивать, православный он или нет, верит он или нет — все были верующие, никто не говорил, что он атеист, все исповедовали православие.

И вот происходит революция. И весь этот порядок, который стал в значительной степени внешним, формальным, весь рухнул. Взорвана большая часть храмов, расстреляны и отправлены в тюрьмы почти

все священники, города делаются громадными, потому что деревня разоряется, и деревенские жители бегут в город. Граница старой Москвы проходила по нынешним заставам — Калужской и другим, так вот внутри старой Москвы до революции было 600 храмов. Теперь же в черте Большой Москвы до Окружной дороги до недавнего времени было 50 храмов. Населения до революции было миллион человек, а сейчас — десять миллионов... Соответственно и священников — сколько было и сколько осталось. Никто не преподает Закон Божий, воспитываются все в атеизме. И если приходят люди креститься, то они ничего не знают, они не читали Евангелия, потому что его никто не издавал, и купить его было нигде нельзя. И потребовать поэтому, чтобы люди прочитали, тоже нельзя — негде достать.

И вот они приходят, зная, что всегда детей крестили, они тоже русские и тоже хотят, чтобы ребенок был крещен, а что это значит, к чему обязывает, какие даются обеты — они ничего не знают. И приходят сотнями, в выходные дни, одновременно — и происходит нечто невероятное, невозможное. Весь чин, весь порядок рушится. К тому же скоро стали приходиться взрослые люди креститься, потому что их мамы-атеистки их не окрестили в свое время, а сейчас они обрели веру. А в храмах нет баптистериев, а есть только детские купельки, потому что никто никогда взрослым не крестился. Что делать? Начинают крестить обливанием — это как раз тот способ, который всегда был запрещен, и всегда на Руси укоряли католиков за то, что они крестят обливанием, и таких крещеных называли обливанцами, потому что чинопоследование крещения предполагает погружение в воду. Это может показаться вам формальностью, но чин есть чин, и смысл погружения мы уясним себе дальше, он очень важен. И вот оказалось, что погружать негде, погружать в реку нельзя, потому что закон запрещает крестить вне храма. Даже на дому крестить нельзя, только по секрету ходили крестить на дому.

И вот один священник так выходит из положения, другой иначе, каждый придумывает что-то свое. В каждом храме староста устанавливает свои порядки, а настоятель — свои, к тому же находятся люди, которые хотят извлечь из этого некую денежную выгоду, заработать на крещении, потому что требы приносили

основной доход храму. Сделать так, чтобы побольше было крестин, значит и заработок будет больше. Так что старосты не были заинтересованы в том, чтобы уменьшить скопление крещаемых и упорядочить его.

Получается невозможная профанация. Такая профанация постигла еще одно таинство — Таинство Покаяния. Таким образом и получилось, что два таинства, имеющие смысл духовного рождения человека, введения человека в церковную жизнь, — именно эти два таинства и профанируются больше всего в наше время. Они совершенно начинают иначе пониматься, чем понимались раньше. И очень скоро новый порядок крещения делается привычным для народа, а потом и для священников. И вот когда я, уже будучи священником, пришел в храм и возмутился тем, что происходит, мне сказали: ты что тут умничаешь? До тебя так крестили, и везде так крестят. Делай, как все делают, так было, есть и будет, и не надо от тебя никаких умничаний и богословствования. Очень часто люди, привыкшие к какому-то новому порядку на протяжении жизни одного поколения, в силу своей неграмотности, необразованности думают, что так всегда было. Они и не знают, как было, но раз они увидели, как их отец, например, делал, значит так всегда и было.

Так, конечно, никогда не было. Такого столпотворения, какое устроилось у нас в России в 20 веке, никогда нигде не было. Это нечто совершенно новое и очень страшное и вредное явление. И, конечно, явление нетерпимое.

Я приведу еще примеры, чтобы вы поняли, насколько все это ужасно, расскажу о том, что видел своими собственными глазами.

В одном храме протоиерей, настоятель, когда к нему принесли крестить младенца и хотели его раздеть, он сказал, что раздевать не надо, а надо снять только чепчик, ботиночки снимать не надо. А когда настал момент погружения в воду, он просто руку опустил в купель и три раза перекрестил младенца мокрой рукой. Хотя и купель была рядом, и вода там была.

Другой пример. Маленький храм, крестильни нет, не позволяют ее строить. Есть маленькая комнатка, которая является одновременно кухней, бухгалтерией, раздевалкой, там же еще и

певчие расппеваются — и все это на пяти квадратных метрах. И вот в купели между плитой, помойным ведром и раковиной надо крестить. Туда приходят, наталкивают людей и за пять минут крестят.

А недавно мне рассказали еще интереснее случай, как один священник решил, что крестить нужно во время литургии. Так оно и есть на самом деле, но он решил это сделать по-своему. Зачем думать о том, как это делали раньше? Он сам нашел способ, как это сделать. Он служит литургию, а когда начинают петь Символ веры, он говорит дьякону: «Я сейчас приду», удаляется из алтаря, и к концу Символа веры желающие креститься у него уже крещены.

Это все не сказки, это все в наше время происходит, даже сейчас. Есть еще более грустные случаи. Как это обливать водой? Ведь в одежде человека не обольешь, нужно его раздевать, а где в храме раздеваться. И получается, что кого куда распихают и заставят раздеваться. Одних до состояния Адама и Евы, другим, наоборот, говорят: «Наклоняйся, чтобы вода не натекла за шиворот». И все это представляет собой настоящий анекдот — грустный, страшный и тяжелый. Вот во что превращается великое и радостное, торжественное таинство.

Прежде всего, вам нужно понять, что так продолжаться не должно. Более того, если так будет продолжаться, если таинство крещения будет совершаться вот так и так планироваться, то тогда не может быть нормальной церковной жизни. Если человек так входит в Церковь, то что же будет потом? Как он воспринимает церковную жизнь? Никак его не приготовили, ничего ему не объяснили, просто его прокрутили за полчаса и выгнали из храма, ничего не сказав. Какой же он крещеный после этого? Это, конечно, кошмар, настоящее разложение церковной христианской жизни. И нельзя сказать, что вся вина здесь целиком ложиться на священников, потому что священники были поставлены в ужасные условия. Они уже не знают, как свести концы с концами, как поступить. А следующие поколения уже и не чувствуют такой потребности, они думают, что так всегда и делали.

Конечно, для того, чтобы наша церковная жизнь упорядочилась, чтобы она стала тем, чем она должна быть мы об этом знаем и всегда беспокоимся, хороший ли родильный дом, хорошие ли там акушеры,

помогут ли они матери и ребенку.

Это необходимо, чтобы ребенок прошел правильный утробный период, чтобы мать ничем не заболела, не подняла ничего тяжелого, не съела какой-то продукт нехороший, мы ее оберегаем, чтобы никто ее не ушиб, не толкнул, и она не упала. Нужно, чтобы был подготовительный период к рождению, чтобы роды прошли правильно, тогда ребенок родится здоровым, хорошим, радостным, и у него начнется нормально жизнь.

Если же он в утробном периоде не будет так охраняем, если мать будет болеть, есть то, чего нельзя и т. д., то ребенок родится больным. Если роды будут неблагополучные, невнимания будет проявлено со стороны врачей, ребенок может родиться уродом.

Точно так же и здесь, в таинстве духовного рождения. Тоже очень многое зависит от того, как человек готовится к этому рождению, и как оно совершается. И здесь нужно сказать, что рождает человека отец и мать. Вот и здесь Бог является Отцом нашим, а Церковь является нашей матерью. И нужно, чтобы рождение ребенка проходило с особенной заботой и любовью, чтобы Церковь радостно встречала того, кто приходит в новую жизнь, к Богу, чтобы она заботилась, чтобы она готовила человека к этому великому в его жизни моменту. Это необходимо.

В древности, поэтому, крещению предшествовало долгое оглашение словом, которое означало, что желающий креститься, поверивший в Бога человек приходит в храм, и ему назначают определенный курс оглашения. У нас остались древние памятники, например огласительные беседы епископа Иерусалимского Кирилла, есть и другие древние огласительные беседы, которые вводят человека в курс христианского учения. Обычно это объяснение главных догматов христианских, Символа веры — не формально, а по существу: что такое христианская вера, христианское учение, христианская жизнь. И только тогда, когда человек утвердится в вере, когда он осознает, куда он идет, чего ищет, чего просит у Бога, когда он приготовится к тому, что его в дальнейшем ждет, и решится вступить на новый путь, трудный крестный путь (недаром же надевается крест на грудь новокрещенного), — вот тогда только допускается человек к крещению.

Такое оглашение в древности могло длиться 2-3 года. Церковь относилась к этому чрезвычайно серьезно. Первое время младенцев не крестили вообще, потому что считали, что креститься нужно только сознательно, нужно принять веру. Нужно сознательно прийти к Богу, а младенец не способен это сделать. Теперь очень часто люди переживают, если умирает младенец некрещеным. Древние христиане не переживали этого, потому что они понимали, что младенец не ответственен за это, и Господь, конечно, не погубит его душу. Была твердая норма — креститься только взрослым. Эта норма вновь ожила у баптистов. Она диктовалась еще одним соображением. Очень скоро после Вознесения Христова, после Пятидесятницы, начались гонения на христиан, и христиане понимали, что креститься должно только тому человеку, который готов умереть за Христа, который не отречется от веры. То есть вера должна быть принята сознательно, именно как некий подвиг, может быть даже смертный подвиг, который требует жертвы, готовности на все. Нельзя требовать от младенца, от отрока такой твердости во время гонений, пыток, поэтому креститься мог только взрослый.

Но вот гонения стали ослабевать. Между гонениями, которых в течение первых трех столетий было десять, бывали некоторые промежутки, когда христиане жили относительно спокойно. Христиан стало довольно много. У них появились новые храмы, свой уклад жизни, они уже вышли из Палестины, распространились по территории Римской империи и жили своими общинами вполне правильной, даже устоявшейся жизнью, обеспеченной богослужебным культом.

И вот получилось так, что древние христиане часто причащались, ходили в храм. Вся семья идет каждое воскресенье, каждый праздник на литургию. Вся семья причащается Святых Христовых Таин. А младенцы не имеют права быть внесены даже в храм, потому что они некрещенные, они не могут быть вместе со своей семьей, не могут соединиться во Христе со своей семьей. Хотя очевидно для всех, что младенцы безгрешны, что у них ангельские души, но полноты церковной жизни они, тем не менее, не могут достигнуть, не могут к ней приобщиться. Это, конечно, очень скоро было осознано как совершенно искусственное и неправильное ограничение. И Церковь

приняла решение, что можно крестить младенца в том случае, когда гарантируется их церковное воспитание, их церковная жизнь с момента крещения. Для этого Церковь не удовлетворилась наличием верующих родителей, но потребовала как бы неких особых гарантов — крестных, или восприемников.

Собственно говоря, по древнему чину восприемник должен быть один: у младенца мужского пола крестный, а у девочки — крестная. Позднее институт кумовьев развился и приобрел некие новые черты (то двоих пригласят, то десятерых кумовьев; в Молдавии, например, по десять человек воспринимают младенца, и это считается, прежде всего, поводом для хорошего праздника). Но в древности было не так, относились к этому очень серьезно: должен был быть человек, который гарантирует перед Церковью, что младенец будет воспитан в вере, который берет на себя как бы сугубую ответственность именно за этого младенца, который будет следить за тем, чтобы он часто причащался, чтобы он учился молиться — словом, что он будет жить церковной жизнью. В таком только случае и можно было крестить младенца. Конечно, никогда не предполагалась такая ситуация, когда в Церковь будут приносить младенца, у которого родители не верят, а бабушки не верят, и крестные не верят. И никто, собственно, даже не понимает, что это такое и зачем это нужно.

Это, конечно, полный абсурд, который сейчас стал нормой и который трудно даже объяснить, потому что когда начинаешь объяснять, то в ответ слышишь: а почему вы это говорите, вот в другом храме этого не говорят. А я крестилась, и мне этого тоже не говорили. Может быть, вы самый умный?

Но объяснять нужно обязательно. Если вы будете катехизаторами, это как раз и означает, что вы будете готовить людей к крещению. Катехизация — это и есть оглашение. **Оглашаемые** назывались в древности **катехуменами**, а **процесс оглашения — катехизацией**.

Так вот, если к вам приходит человек и говорит, что он хочет крестить своего младенца, то вы должны спросить его, для чего он пришел. Обычно у нас в церкви бывает так, что приходят сразу несколько человек. Мы их собираем в назначенное время (сейчас есть возможность регулировать этот поток), после вечерней службы. Приходят, скажем, человек пять взрослых людей или родителей,

которые хотят крестить младенца. Мы спрашиваем: зачем вы сюда пришли, чего вы хотите здесь добиться, чего вы ждете от крещения, что хотите получить?

В ответ слышатся самые разные заявления. Один говорит, что сам не знает, зачем пришел, все крестятся, и он хочет креститься. Другой сообщает, что он хочет, чтобы его ребенка кто-нибудь охранял. Кто будет его охранять, он не знает, но что-то такое должно быть. Иной говорит, что сам креститься не хочет, этого требует его невеста, поэтому он и пришел. А кто-нибудь говорит, что решил креститься, чтобы не болеть.

И почти никто не скажет никогда единственной причины, по которой действительно креститься следует: что он поверил в Бога и хочет соединиться с Богом, прийти к Нему, отдать Ему свою душу. Но современные люди не имеют таких понятий. И вот нужно поговорить с человеком, все ему объяснить, спросить, читал ли он Евангелие. Правда, многие священники и сейчас говорят, что некрещеному Евангелие читать нельзя. Это древнее мнение. Считалось, что когда человек крестится, только тогда он и может взять в руки Евангелие. Но нужно учесть, что Св. Писание было тогда рукописным и хранилось в храме как величайшая святыня. Его читали вслух. На такое чтение за литургией оглашенные допускались, это явствует из чина литургии оглашенных. Но в руки Евангелие, конечно, не давали — неизвестно было, останутся эти люди в Церкви или уйдут.

Теперь все изменилось. Евангелие продается везде и всюду, оно стало достоянием любого мало-мальски культурного человека. Продают его и баптисты, и неверующие, и вообще некрещеные люди. И охранять Евангелие сейчас уже невозможно. Поэтому следует, конечно, сказать, чтобы желающий креститься прочел Евангелие и Деяния апостолов. Тогда человек уже имеет представление о той вере, к которой он хочет обратиться, о Церкви, к которой он хочет прийти. После этого уже можно спросить: веришь ли ты в то, о чем говорится в Евангелии? А если не веришь, то какие у тебя сомнения? Можно ему что-то объяснить, может состояться какой-то разговор. А сначала нет никакого общего языка.

Очень часто приходится объяснять человеку, что такое вера, как нужно относиться к Богу, как понять, скажем, учение о Троице.

Конечно, это объяснить до конца вообще невозможно. Но можно сказать, что учение о том, что Бог един по своей сущности, но имеет три Божественные Личности, непознаваемые для нас, таинственное, отчасти может быть нами узнано, если мы вспомним, что человек создан во образу и подобию Божию и, следовательно, в его существовании, в его жизни тоже должно быть нечто от этих тайн. Объяснить, что все люди имеют одно естество, одну природу, но каждый из нас является, тем не менее, отдельной личностью.

Мы можем сказать, что эти отдельные личности могут быть очень близкими и родными. Например, так бывает в хорошей семье, где родители и дети воспринимают себя как некое единство, где эти личности могут быть соединены любовью, как, скажем, мать и дитя, нечто единое целое. Таким образом, любовь соединяет, а там, где есть разделение, там есть причина этого разделения — грех. Но поскольку в Боге нет греха, в Боге есть любовь, поэтому три Божественные Личности взаимно проникновенны, и единство их, единосущность совершенно ясно проявляется. А в падшем человеческом роде люди забыли о своей единосущности, они помнят, что человек человеку — враг, или волк. Они ощущают себя как некие отдельные сущности, они забыли, что у них одна природа, все мы — один род человеческий. Таким образом можно объяснить нашу веру во Св. Троицу — важнейший христианский догмат.

Затем нужно объяснить второй важнейший догмат — о Богочеловечности Христа. Это тоже великая тайна, и нужно много самому продумать, прочувствовать и пережить, чтобы найти доходчивые слова, которые современный человек, воспитанный совершенно уродливо, мнящий себя культурным, а на самом деле являющийся неким допотопным дикарем, который знает много технических вещей, но духовно совершенно неграмотен, — чтобы эти слова такой человек понял, чтобы они дошли до его сердца, чтобы он понял, что его представления о вере, о Боге просто глупы, не соответствуют истине.

Объяснить второй догмат можно попробовать таким образом: сказать, что человек, отпавший от Бога, впавший в грех, не может быть исправлен никакими механическими, внешними средствами. Очень часто неверующие люди говорят: если Бог есть, почему же он терпит

все это зло в мире? Такой довод считается последним, сокрушающим доводом. Кажется, что на него нет ответа.

Но ответ на него есть. И называется он **теодицея — оправдание Бога, защита Бога**. Почему Бог терпит все наше безобразие? Потому что Он создал нас богоподобными, а одна из главных черт нашего богоподобия — это наша свобода. И вот если бы Бог взял и механически нас переделал, мы были бы лишены свободы и утратили бы богоподобие. Это стало бы для нас просто уничтожением, уничтожением рода человеческого. И если Бог терпит, то только потому, что не хочет еще уничтожить нас, а хочет нам дать возможность обрести тот образ, ради которого создал нас.

Но как это сделать, не насилуя человека, не попирая его свободы? Никак нельзя. Только изнутри. Есть такие слова: если человек не восходит на небо, то Бог сходит на землю. Если человек не может прийти к Богу, то Бог приходит к человеку. Человек падший, отпавший от Бога уже не может преодолеть ту пропасть, которая отделила его от Царства Божия. И вот тогда любящий Бог Сам приходит к человеку, Сам преодолевает эту непреодолимую пропасть. И принимает на Себя человеческое естество, чтобы в этом естестве обновить падшую человеческую жизнь, совершить исцеление изнутри, обожить человека, вернуть его к Богу. На нашем человеческом языке Он научает нас истинам веры, потому что человек давно перестал слышать голос Божий и понимать Бога.

Бог приходит к нам для того, чтобы явить нам Свою любовь, потому что **зло побеждается только любовью**. Нельзя зло победить злом, нельзя зло победить силой — только любовью. И вот Христос являет нам любовь — безграничную Божественную любовь. Христос изживает в Себе все последствия греха, которые стали уделом человеческого рода. Сам в Себе Христос не имеет греха, но Он как бы принимает на Себя последствия греха и отдает Себя в жертву. Кто распял Христа? Христа распял грех человеческий. И как нельзя огонь погасить огнем, так нельзя грех победить грехом, нельзя зло победить злом. Огонь водой тушится, а грех побеждается любовью. Христос говорит: «Больше той любви никто не имеет, как если кто душу свою положит за други своя». Христос отдает Себя в жертву, отдает Себя на смерть, Он дает Себя мученически убить этому греху,

этому злу для того, чтобы это зло было побеждено любовью, чтобы зло было побеждено в своей сущности. На войне, когда мы убиваем врагов, то мы убиваем носителей зла, а зло мы убить не можем. А целью Христа является победа над злом в его сущности — не над людьми, а над злом.

И вот любовь Христова, крестная любовь, одерживает эту победу. Это победа не только над злом, но и над самым страшным следствием греха — над смертью. Воскресением Христовым побеждена смерть. И вот в человеческом естестве является победа. Одержана победа над грехом и над смертью. Теперь к этой победе каждый человек может приобщиться. Теперь эта победа уже торжествует, она уже живет именно в душе человечества, внутри него. И каждый может приобщиться к этой победе. Для этого Христос и устроил на земле Церковь, которая есть, по слову ап. Павла, Тело Христово, есть некий новый Адам, новый организм, таинственный богочеловеческий, мистический организм, которым Церковь может приобщить нас к этой благодатной победе над грехом и смертью. Может приобщить нас к новой жизни.

Все это нужно объяснить до крещения — объяснить доходчиво, убедительно, чтобы человек поверил и понял, что его крещение — это приобщение к Церкви, рождение в новую жизнь. Если крестится младенец, то так должны верить его родители и его крестные, без такой веры крестить нельзя, нельзя быть крестным. Такое оглашение совершилось, если мы объясняем, что крещение, будучи таинством духовного рождения, требует потом и жизни соответствующей. Ведь ребенок рождается не для того, чтобы его бросили и ушли. Мать будет кормить его, она никуда его от себя не отпустит. Так и здесь. Если рождается человек в Церкви, то мать его, Церковь, должна его кормить, должна его иметь при себе, в себе. Нелепо, абсурдно: креститься — и уйти. Крещение имеет смысл только в том случае, если человек потом будет жить настоящей, полноценной духовной жизнью. Если он будет регулярно причащаться, исповедоваться, приходить к Богу, если вся полнота церковной жизни станет его жизнью. И вот только тогда, когда он скажет: «Да, я понял, я поверил, я хочу именно этого, именно для этого я пришел сюда», — тогда можно будет допустить его к крещению.

Такое оглашение в наше время мы не можем, конечно, разложить на три года. Конечно, если мы сейчас начнем требовать, чтобы люди по году и больше проходили оглашение, то мы людей поставим перед невозможностью креститься. Очень многие не смогут выдержать такие требования. Поэтому Церковь во всей полноте этого не требует, хотя раздаются голоса за то, чтобы оглашение проходило не меньше года. Но если мы будем такое требование предъявлять ко всем, то мы поставим людей в невозможные условия. Оглашение можно провести быстрее. Но оно должно быть обязательным. Можно прочесть несколько огласительных лекций, бесед или провести какое-то чтение; бывает, что священник один раз побеседует — в зависимости от того, кто пришел.

Вероятно, здесь не должно быть формального подхода, но оглашение все-таки необходимо.

15.12.93.

Лекция 12. Святое Крещение

В прошлый раз мы с вами говорили о таинстве крещения вообще, о том, как нужно понимать это таинство и как к нему готовиться. Вы помните, что таинство крещения — это первое таинство, которое имеется в нашем требнике, и это вполне естественно, потому что с него начинается церковная жизнь, это таинство духовного рождения.

От того, как человек рождается, зависит вся его жизнь. Если, скажем, роды будут неблагополучными, то человек может родиться уродом или даже умереть, может быть слабым всю жизнь, может быть недоношенным и т. д. Подобно этому, и таинство духовного рождения накладывает серьезный отпечаток на всю дальнейшую церковную жизнь человека. От того, как человек крестился, зависит очень много.

В первые века креститься было непросто. Во-первых, существовали большие ограничения, а, кроме того, это была эпоха гонений, поэтому крестили в основном взрослых, и нужно было решиться на то, чтобы поставить себя перед лицом гонителей. Каждому крещеному могла угрожать смерть, пытки. Естественно, что люди относились к крещению очень серьезно, и крещаемый не только понимал, на что он идет, но и старался понять смысл происходящего — не только чем

ему это грозит, но и что именно происходит и как.

Сейчас все изменилось, и более всего трансформировалось понимание таинства крещения и таинства покаяния. Так получается, что именно эти два таинства, которые вводят человека в церковную жизнь, пострадали первыми, когда началась эпоха новых гонений. Церковь оказалась не готовой к этим гонениям в том смысле, что она не смогла все сохранить в условиях гонений. Потому не могла сохранить, что в переменившейся обстановке — в эпоху государственной религии, государственного православия — люди перестали понимать, что происходит, что надо делать, что должно быть. И здесь возникли тяжелые злоупотребления. Эти злоупотребления сейчас воспринимаются практически везде как норма. То есть, считается нормальным, например, если приносят с улицы ребенка и, заплатив за ящиком сколько-то денег, требуют, чтобы священник немедленно его крестил. При этом никто не спрашивает, верят ли в Бога его родители, являются ли церковными людьми его крестные, гарантируется ли ему церковное воспитание в дальнейшем, будут ли его причащать, учить молиться. Об этом никто не спрашивает, а если священник и спросит, то очень часто в ответ получит окрик: «Хватит! Мы заплатили — делайте свое дело». Такое хамское и грубое отношение приходилось и мне довольно часто встречать от проходящих с улицы. И это вполне естественно, потому что Церковь для них — это просто магазин своеобразных товаров, и больше ничего.

Тем не менее, считается, что крестить нужно всех даже в таких условиях, и мнение это стало нормой нашей церковной жизни, что, конечно, очень страшно и прискорбно. Может быть, лет 10-15 назад и можно было оправдать такое компромиссное отношение Церкви к этому вопросу. Ведь отказать в крещении тоже язык не поворачивается, это трудно. И ничего нельзя потребовать от тех людей, которых ничему не учили. И если они приходят крестить младенца, то это все-таки, наверное, неплохо, все-таки им захотелось его крестить. И прогнать их — это и тяжело, да и, может быть, неправильно.

С другой стороны, совершать это великое и страшное таинство формально, без веры, совершать его, лишь бы совершить, — это

граничит с кощунством. Здесь происходит, конечно, профанация таинства. Сейчас, когда появилась возможность приложить какие-то усилия, чтобы привести все в должный порядок, мы никак не можем игнорировать эту возможность, мы должны обязательно ею воспользоваться и все силы приложить к тому, что таинство крещения в нашей Церкви происходило так, как положено ему происходить. Это относится и к таинству покаяния. Это необходимо для того, чтобы вернулась настоящая христианская жизнь, чтобы духовная жизнь людей не повреждалась в самом своем начале.

Теперь перейдем к изучению самого чинопоследования крещения. Я уже, кажется, говорил, что в начале требника мы имеем ряд молитв. **Первая молитва — «В первый день по внегда родити жене отроча».** Затем следует **молитва «Во еже назнаменовати отроча, приемлющего имя в восьмый день рождения своего».** Затем идут молитвы **«Жене — родильнице по четырнадцати днех»**, т. е. молитвы сорокового дня. Эти молитвы, как легко понять, составлены по образу ветхозаветных молитв. В нашем требнике молитв, конечно, гораздо больше, чем в Ветхом Завете предусматривалось, но Ветхий Завет оказал существенное влияние на наше богослужение и на разные требные моменты жизни.

Вы помните, что в Ветхом Завете был закон, по которому в восьмой день полагалось обрезание отроча. В Новом Завете вместо этого обряда обрезания ставится наречение имени. Молитва сорокового дня тоже связана с Ветхим Заветом, потому что в этот день обычно женщина-родильница кончает срок очищения и может прийти в храм.

Я позволю себе подробнее остановиться на этом вопросе: почему нельзя женщине приходить в храм до сорокового дня? Очень часто у нас вызывает удивление это ограничение, и многие считают его пережитком Ветхого Завета. В Новом Завете таким ограничениям, казалось бы, не должно быть места. Некоторые смиряются, считают, что можно смириться, но, в общем, смысл непонятен. Раз уж так повелось, раз уж пришлось от Ветхого Завета все это принять, то будем смиряться, но почему это так — непонятно.

Имеет смысл это понять. Вы помните, что в начале Книги бытия, после грехопадения Адама и Евы, Господь дает епитимию Адаму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб свой». И Еве тоже дается

епитимия: «В муках будешь рождать детей». Известно, что в Новом Завете есть такое утверждение: чадородием спасается женщина. То есть, этому естественному моменту рождения ребенка Господь после грехопадения усваивает еще как бы особенность и свойства епитимии. Это не просто радостное, торжественное событие, но это еще большой и трудный подвиг, и родиться ребенку приходится в муках.

Вы помните, что епитимия (мы об этом будем говорить позже, когда будем изучать таинство покаяния), то есть некоторое научительное, воспитующее педагогическое наказание, которое дается, когда человек согрешил, чаще всего бывает сопряжено и даже состоит в ограничении евхаристической жизни. Человек, который согрешил, прежде всего, отлучается от причастия на больший или меньший срок. Приступать к Чаше может только человек, имеющий чистое сердце, а всякий грех разлучает нас с Чашей Христовой. И нужно покаяться, как-то потрудиться, пройти какую-то особую покаянную дисциплину для того, чтобы снова быть допущенным к Чаше. Это и называется епитимией. Поэтому епитимия, возложенная на Еву, тоже имеет оттенок ограничения евхаристической жизни.

Можно спросить: а почему Адам не отлучается от причастия, а просто в поте лица должен есть хлеб свой? Труд в поте лица тоже отлучает от евхаристической жизни, как нам всем хорошо известно. Даже дети очень часто страдают, когда не хотят идти в школу, а хотят пойти в церковь, а родители говорят им: нет, хоть и хорошо, конечно, пойти в церковь, и приятно, и радостно, и мне очень приятно, что ты хочешь в церковь пойти, но все-таки тебе придется пойти в школу. Тем более человек, который трудится на какой-то работе, не может участвовать во всех церковных праздниках, и очень часто этот труд в поте лица является как раз ограничением евхаристической жизни.

Кроме того, работа в поте лица заповедана человеку, можно сказать, на всю его жизнь. Потомки Адама так всю жизнь и трудятся в поте лица: без труда, как говорят, не вынешь и рыбку из пруда. И вот рождение ребенка и вообще вся сфера деторождения должна была бы иметь продолжительный срок и смысл. Если бы речь шла о том, что только родивши один раз ребенка, женщина уже освобождается от

епитимии, то было бы существенное неравенству между мужчиной и женщиной: мужчина должен всю жизнь трудиться, а женщина только один раз родит ребенка — и все. Тем более что дети бывают не у всех. Тут понятно, что детородная деятельность и жизнь женщины тоже воспринимается Церковью как епитимия. Ею налагается некое ограничение евхаристической жизни на женщину.

Когда человек согрешил, он приходит на исповедь и очень часто слышит от духовника: грехи тебе прощаются, а причащаться ты еще не можешь. Пойди и исполни то, что я тебе скажу: помолись в течение какого-то периода или еще что-то сделай и тогда будешь допущен к причастию.

Подобно этому и здесь. Когда женщина носит ребенка, то ей говорят: причащайся как можно чаще. И до рождения ребенка стараются часто причащать ее, чтобы укрепить, напитать ее благодатными силами. Когда же она родит ребенка, и уже как бы исполнила свою епитимию, то здесь в соответствии с природой и с духовным смыслом епитимии ей дается продолжительное время, когда она ограничена в евхаристической жизни, не может приходить в храм. Она должна понять, что рождение ребенка — не только радость, не только торжество, но и епитимия за первородный грех. Поэтому на 40-й день женщина должна придти в храм и получить молитву очистительную, т. е. молитву, в которой говорится, что она исполнила то, что Господь ей дал исполнить, и теперь. Так что все это не просто является пережитком ветхозаветной жизни, а полно глубокого смысла.

В чине молитв сорокового дня мы находим две молитвы, обращенные к матери. В них говорится, что пришла женщина, «да не осужденно сподобится причаститься Святых Твоих Таин». И во второй молитве тоже говорится: «...причащение Святаго Тела и Крови Твоея». В этой молитве как раз акцентируется то, что она приходит и снова будет допущена к причащению Св. Христовых Таин.

Потом следуют две молитвы, которые читаются младенцу. Эти молитвы содержат в себе прошение о том, чтобы младенец был крещен. Они имеют явный приготавливающий к крещению смысл. Там говорится о том, чтобы младенец был сподоблен очищения в купели и был бы потом соприсчислен стаду Христову. Я подчеркиваю этот момент потому, что по утвердившейся теперь практике эти молитвы

читаются во время чина воцерковления, после крещения. Сначала крестят, а потом читают эти молитвы, воцерковляют младенца. Это вызывает некоторые своеобразные последствия. Поскольку в чин входит и молитва сорокового дня для матери, то матери, не получившие молитву, не могут присутствовать на крещении. Только когда окрестят младенца и будут его воцерковлять, читаются молитвы родильнице, молитва сорокового дня. И только здесь матери допускаются в храм. Поэтому если вы участвовали в крещении младенца, вы, наверное, заметили, что священник всегда очень старательно выгоняет матерей, не допускает, чтобы они присутствовали при крещении. Это даже воспринимается часто как некое особенное магическое требование: матери нельзя почему-то быть, когда крестят ребенка.

На самом деле матери при крещении младенца быть и можно, и должно было бы, но просто это должно быть уже после того, как она допущена в храм, если крещение происходит в храме. Для этого нужно, чтобы молитва была прочитана раньше, чтобы она раньше пришла, получила разрешительные молитвы, и ей можно было бы присутствовать при крещении. А у нас делается все наоборот, потому что воцерковление ребенка совершается после крещения.

Что такое воцерковление? Это принесение к алтарю, к престолу. Естественно, что приносить к алтарю некрещеного младенца нельзя, воцерковление должно совершаться после крещения. А раз после крещения, то заодно и весь чин читается после крещения и молитва матери читается тоже после крещения. Поэтому матери не могут присутствовать при крещении.

Все это происходит от недостаточного понимания того, как на самом деле должно быть. Может быть, отчасти от спешки, а может быть примешиваются и причины коммерческого свойства: у нас в церкви очень любят брать деньги за молитву матери, к сожалению.

На самом деле должно быть все не так. Молитва матери должна читаться именно в сороковой день. Не когда угодно, не через три года после рождения ребенка, как теперь это часто бывает.

Приходится так делать, поскольку мать вовремя не приходит, но на самом деле молитва должна читаться в сороковой день. И это существенно. А молитвы младенцу тоже могут читаться вместе с

молитвой матери, но в принципе они к сороковому дню не имеют прямого отношения, кроме того, что тут сказано: «...».

То есть, принесение младенца к алтарю в сороковой день просто взято из Ветхого Завета. Там был закон: мать должна принести в храм младенца, особенно первенца, и выкупить его, принести за него жертву, а его посвятить Богу (это есть содержание праздника Сретения) в сороковой день, когда окончится время очищения ее. Следуя этому ветхозаветному обычаю, и здесь так же устраивается.

Но в принципе я думаю, что можно эти молитвы прочитать ребенку и раньше, если он крестится. Но вообще здесь все очень сильно у нас перемешалось. Раньше младенцев крестили обычно на восьмой день, когда нарекали имя. И тогда их никто не воцерковлял. А затем, когда у матери проходило сорок дней, она с уже крещеным младенцем приходила в храм, и там ей читали молитву очистительную и заодно молитвы младенцу и младенца воцерковляли. При этом происходила некоторая ошибка, потому что в молитвах младенцу содержится прошение о крещении, а он уже крещен. Это тоже послужило причиной того, что у нас эти молитвы читаются после крещения. На самом деле молитвы младенцу должны быть до крещения, то есть, иначе говоря, младенец должен был бы креститься не на восьмой день, а на сороковой.

Но, так или иначе, все это не имеет существенного значения. Важно одно: эти молитвы читаются перед крещением младенца, а воцерковление совершается после крещения младенца. И об этом прямо написано в требнике. Эти молитвы вовсе не обязательно связаны с воцерковлением. После молитв младенцу написано: «И аще младенец крещен есть, творит иерей воцерковление, аще же ни, творится се по крещении. Молитвам же zde творит отпуст». То есть, если младенец некрещен, то здесь говорится отпуст молитвам, а дальше совершается крещение, а воцерковление не совершается.

Поэтому разумнее всего в наше время поступать следующим образом: когда приходит мать с младенцем, если уже прошло сорок дней, то тогда ей читают молитву сорокового дня и читают молитвы младенцу. А после этого совершают крещение, и мать уже может при нем присутствовать. Воцерковляют же после крещения младенца.

Если же младенец крестится раньше сорокового дня, то молитвы матери, естественно, не читаются, а молитвы младенцу читаются тоже до крещения. Так что после крещения эти молитвы читаться, конечно, не должны, это странно и бессмысленно: получается, что мы молимся о том, что уже совершилось. Просим младенца крестить, а он уже крещен. Этого, конечно, делать не следует.

Если бы мы так научились делать, не было бы проблемы с матерями. А проблема эта очень существенная. Представьте себе: обычно приносят младенцев уже не маленьких — годовалых, а то и в два, три года. Приносят в храм и начинают выгонять его маму. А ребенка берут чужие дяди и тети, священник в какой-то необычной одежде. Ребенок начинает, конечно, безумно орать. И получается, что мы своими искусственными ограничениями превращаем крестины в невозможный базар. Когда гораздо проще и естественнее было бы оставить ребенка у матери, и он спокойно сидел бы у нее на руках, и никакого бы шума не было.

Обращу ваше внимание на то, что все эти молитвы, о которых я сказал, точнее, молитва матери на сороковой день и молитва наречения имени на восьмой день, начинаются возгласом: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков! Аминь» — возгласом, которым начинаются почти все богослужения. А после этих молитв должно начинаться крещение. Оно состоит из двух частей: оглашения и собственно крещения. Чин оглашения не имеет никакого возгласа. Если вы посмотрите по требнику, то там прямо содержится краткое предисловие, потом «Господу помолимся» и молитва. В предисловии говорится: «...и совлачает, и отрешает его, и поставляет к востоку во единой ризе, непрепоясана, непокровенна и необувенна, имущего руце долу».

Что значит «совлачает»? Это значит «раздевает». То есть, он должен быть раздет. Но отнюдь не догола. Тут сказано, что «в единой ризе» он остается — в какой-то нижней одежде. После этого священник дует на лице его трижды, накладывает крестное знамение на чело его и перси трижды, полагает руку на главу его, глаголя: «Господу помолимся...».

И тут уместно спросить: почему при начале такого чина нет никакого начального возгласа? Он есть в начале утренних и вечерних молитв

(«Благословен Бог наш...»), в начале всех наших служб, в начале любого чинопоследования, а здесь его нет. Почему? Это не случайно, и это вовсе не ошибка. А просто потому, что этому чину предшествует другой чин — чин наречения имени или чин сорокового дня, где возглас есть. А дальше оглашение присоединяется непосредственно, и новый возглас не требуется. То есть, здесь мы тоже находим подтверждение тому, что молитва сорокового дня и молитва на воцерковление ребенка должны быть прочитаны до крещения, до оглашения.

Дальше следуют молитвы из чина оглашения. Вы помните, что этот чин имеет свое название вовсе не случайно. Что значит «оглашение»? Это значит, что крещаемый оглашается Словом Божиим, оглашается молитвами. Он должен выслушать эти молитвы, он должен пройти как бы специальный путь, когда над ним прозвучит Слово Церкви, Слово Божие. Отсюда — довольно странное для нас название: «оглашенный». У нас оно обычно употребляется в таком контексте: «Что ты кричишь, как оглашенный?». Может быть, это именно потому, что дети оглашаемые очень сильно кричат, когда их разлучают с матерями. На самом деле **оглашенный**, или «**катехумен**» по-гречески, — это **человек, который проходит оглашение — период, время, или чин оглашения.**

В древности такой период оглашения мог быть очень длительным: год, два и даже три года. Оглашали, не сразу читая молитву. Оглашение включало цикл огласительных бесед, которые часто проводил епископ. У нас сохранились такие чины. Всем известны огласительные беседы Кирилла, Патриарха Иерусалимского. Такие беседы мог проводить и пресвитер (священник). Они проводились в течение длительного времени и носили характер вероучительный. В этих беседах оглашаемому объясняли истины веры, православное христианское вероучение. И оглашающий должен был понять, почувствовать, готов ли пришедший к нему креститься принять таинство или не готов, имеет ли он для этого нужную веру, расположилось ли его сердце в достаточной мере, чтобы принять это таинство.

Такое отношение к совершению таинства очень существенно. Оно совершенно сейчас нами утрачено, и в современных храмах такого

чина мы почти нигде не встретим. Крестят всех подряд, и священник не считает себя ответственным за то, как он преподает благодать Божию. А между прочим, еще недавно православные люди помнили пословицу: «Не предаждь креста в беззаконные уста». И сейчас у нас еще священник ... наблюдает, не приходит ли к Чаше Святой человек без исповеди, то есть, подготовлен ли он к причастию исповедью.

Точно так же **священник всегда должен** быть начеку и **следить за тем, подготовлен ли человек к совершению любого таинства.** В любом таинстве дается благодать Св. Духа, и священник не имеет права давать эту благодать кое-как. Он должен знать, что эта благодать может быть для спасения, а может быть в суд и в осуждение. И должен об этом предупредить того, кто приходит к таинству, убедиться в том, что ему это будет на пользу, что он способен его воспринять с необходимым благоговением и верой. Поэтому чин оглашения, когда священник имеет дело с человеком, пришедшим извне, то есть неверующим очень часто, или только что пришедшим к вере, или думающим, что он верит, а на самом деле нужной веры не имеющим.

Здесь оглашение приобретает особенное значение. Оно было необходимо в древности, считалось совершенно необходимым перед крещением взрослого. Но, конечно, когда крестили младенцев, то об оглашении в этом смысле речи идти не могло, потому что объяснять младенцу ничего нельзя. Здесь оглашение сводится только к чтению огласительных молитв. У нас на Руси ввиду того, что в течение многих веков вся Русь была православной, крестили только младенцев, взрослых практически не крестили. Поэтому оглашение, как некая подготовка к крещению, у нас на Руси было просто забыто, утрачено. Забыли о том, как оглашение делается, что требуется и даже о том, что оно вообще нужно, тоже забыли наши священники.

И вот происходит революция, и очень быстро появляется большое количество взрослых людей неверующих, которые хотят креститься. А священники не только не знают, что нужно оглашать — они не умеют этого делать, они веками никого не оглашали. Они даже купели не имели, где крестить взрослых, они ведь крестили только младенцев в маленьких купельках. Отсюда возникает почти кощунственное словосочетание, как советский способ крещения,

когда крестят кое-как, ни о чем не спросив, не предупредив, ничего не объяснив. Поливают водой или брызгают вместо того, чтобы погружать.

Все это возникло от внезапно начавшегося гонения, когда условия жизни Церкви внезапно полностью изменились, к чему Церковь оказалась не готовой. Мы с вами должны восполнить этот пробел и вернуться к древней практике.

Священник или епископ, убедившись в том, что оглашаемый готов к крещению, над ним совершают чин оглашения. А в древности это могло быть не так — чин оглашения частично мог совершаться и раньше, если можно так сказать, растягиваться во времени.

Итак, первая молитва из чина оглашения (текст молитвы).

И потом следует молитва под названием «Запрещение первое»: (текст молитвы).

Первая молитва, как вы видите, носит характер просительный. «А теперь запрещение». Это слово может нас насторожить. Не попали ли мы с вами в сферу какой-то магии? Мы привыкли, что всякие заклинания совершают колдуны, маги. Почему же здесь, в чине крещения, священник начинает что-то запрещать, то есть, иначе говоря, заклинать?

Всякие заклинания — вещь очень опасная, это очень легкий путь потери православного устройства, православного духа, тут легко можно скатиться к какому-то магическому католицизму или просто к язычеству, и мы это должны помнить, знать и быть здесь очень осторожными. И все же мы должны вспомнить, что Сам Господь Иисус Христос запрещал нечистым духам, и духи исходили из бесноватых. Мы помним также, что Господь послал Своих учеников на проповедь и сказал: «Се, даю вам власть вязать и решить и наступать на всякую силу вражию», т. е. Господь дает им власть побеждать эту вражию силу, нечистый дух. И когда ученики возвратились ко Христу, то они сказали: «И бесы нам повинуются», т. е. они исходят по слову апостолов. Апостолы употребили власть, полученную от Христа, и запрещали нечистым духам, и те исходили. То есть, такая вот запретительная власть или, как говорят, заклинательная власть, была присуща еще апостолам и христианам с

самого начала.

Тогда встает другой вопрос: может, мы напрасно так сердимся на магизм и всякие заклинания, а на самом деле в Церкви всегда это было? Почему же мы теперь хотим вдруг лишиться Православную Церковь, православную службу ее заклинательного как бы значения, хотим, как бы, обессилить Слово?

Что такое **магизм** ? Это подход, который характеризуется католической формулой: «Ех opere operatum», т. е. «по силе сделанного действия» — **что-то должно совершиться в силу совершенного действия или в силу сказанного слова**. То есть само по себе действие, само по себе слово уже обладают такой силой, что все должно совершаться по этому слову.

Это довольно опасное утверждение. Если слово — это чистый магизм, то не лишаем ли мы слово его силы? Ведь Слово — Логос — есть богоподобный дар. Недаром мы говорим, что Господь Иисус Христос — вторая ипостась Святой Троицы — Бог Слово. Значит, слово действительно имеет особую божественную силу в себе, и нужно ли удивляться тому, что оно имеет власть вязать, решить и творить чудеса?

Конечно, это так. С этим спорить было бы неправославно, это было бы в корне неверно, если бы мы стали это отрицать, сказав, что слова не имеют никакого значения. Конечно, слово имеет великую силу.

Тогда в чем же магизм, почему мы не позволяем положиться на силу слова и считать, что если слово сказано, то уже в силу одного этого должно произойти какое-то действие? Вот это — магизм?

Да, это магизм. И вот здесь весьма тонкая есть грань, и от нас требуется весьма тонкое различие. Естественно, магизм для нас крайне опасен и противоположен по своему смыслу нашему православному устроению. Здесь лежит и различие православия от католицизма в значительной степени, и тем более от язычества, так что нам нужно понимать обязательно, где магизм, а где нет. Особенно в наше время, когда всякие маги и всякий магизм приобрели такое распространение в мире, что отовсюду только и слышишь всякие угрозы, что тот или иной маг сейчас тебя по телевизору заколдует или еще что-нибудь сделает. И очень много

сект, очень много соблазнов такого рода.

Значит, нужно понимать — и я это еще раз подчеркиваю — что в православном богословии никакого магизма нет и быть не может и не должно быть. Никогда, нигде.

Но где же этот магизм может пролезть, где мы можем его не заметить и пропустить? Именно в том случае, если мы будем думать, что слово само по себе может обладать какой-то силой. Или действие может обладать какой-то силой само по себе. Этого быть не может с точки зрения православия, так бывает только у колдунов. Но в православной вере так быть не должно. Слово имеет огромную творческую, созидательную силу, действительно «власть вязать и решить», но только тогда, когда это слово исходит от веры, от любви, когда оно несет в себе сердечную веру, когда оно несет в себе исповедание этой веры. Вот тогда слово действительно является тем, чем оно должно быть. Это действительно будет Божественный дар, Богоподобный дар, полученный человеком от Бога при творении, когда понятно, что человек — это словесная тварь, в отличие от всех бессловесных. И одна из черт богоподобия человека — именно в этом даре словесном, Логосе. Вот такое слово, которое несет в себе как бы духовную жизнь человека, является как бы носителем его духовного первородства, его богоподобия, — такое слово имеет огромнейшую силу. И всякое заклинание православное ли запрещение имеет именно эту силу, эту власть. Не «*Ex opera operatum*» священник запрещает что-либо — он молится, он запрещает с верой, обращаясь к Богу. Он знает, что делает это не потому, что знает какую-то формулу, как это делают колдуны — вот сейчас, мол, скажу, и с тобой неизвестно что будет, ты заболеешь или умрешь. Это колдовской магизм. Такого в православии нет и быть не может. Слово, сказанное с верой, властью, которую дает мне Бог, — только такое слово будет иметь силу.

Так что священник, запрещая нечистым силам, прекрасно знает и помнит, что не своей силой он действует и не просто знанием каких-то формул, а через него действует Бог, через его логосный дар действует Божественная сила. Когда он запрещает нечистым духам, то он действует от лица Церкви, от лица Божия.

Есть такое слово латинское — «**экзорцист**», т. е. **изгонитель бесов**.

Вот священник в данный момент является таким экзорцистом. Но горе ему, если он хоть на минуту подумает или почувствует, что это он вот такой стал сильный и святой, что он может повелевать бесам своей силой, как говорится, своей энергетикой, своим «биополем», и они будут его слушаться. Как только человек так начнет думать, ему обеспечена прелесть, это грозит ему духовной гибелью.

Напомню вам одно место из Деяний святых апостолов. Вы помните, как однажды семь сынов иудейского первосвященника, не верующие во Христа, пытались изгонять бесов, говоря: «Заклинаем вас Иисусом, которого Павел проповедует». Но злой дух сказал в ответ: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?». И бросился на них человек, из которого они хотели изгнать бесов, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома (Деян. 19).

Случай замечательный для нас, который как раз предостерегает не только простого человека, но и священника от того, чтобы он не брался изгонять бесов, не зная Христа, не зная Павла и думая, что это он делает своею силою.

Мы оправдались от обвинения в магизме и теперь уже можем к этому не возвращаться. Будем помнить, что мы к магизму не имеем никакого отношения, а запрещать бесов Господь дал нам власть. Между прочим, не только священникам. Каждый христианин принадлежит к роду избранному, вы — царственное священство, люди, взятые в удел, так что **каждый христианин очень часто пользуется этой силой, читая молитвы**. Есть даже у нас такое твердое поверье, и даже уверенность, что молитва «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его» имеет такую силу. Но опять-таки предупреждаю: если вы будете думать, что сама по себе формула этой молитвы имеет такую силу, то это будет, как у того... А мы можем читать эту молитву, именно молясь Богу. Мы говорим: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его». Мы просим этого у Бога, и наши слова, сказанные с молитвой и верой, будут иметь силу.

Так вот, запрещение первое. «Господу помолимся». И лик отвечает: «Господи, помилуй». Священник говорит весьма страшные слова: «Запрещает тебе, диаволе, Господь, пришедый в мир и вселивыйся в человецех...» (текст молитвы).

Обратите на эти слова внимание. Сначала говорит «запрещаю», а потом как бы уточняет: Бог запрещает тебе, «убойся, изыди...» (текст молитвы).

Эта молитва как бы производит впечатление духовного единоборства, когда священник выходит именно от лица Церкви, от лица Божия для того, чтобы измать Сатану. Эту молитву следует читать именно с такой верой, нужно, чтобы священник понимал значение, смысл, величие этого единоборства, этой молитвы, потому что именно через него Церковь устремляется на спасение человека. Он от лица Церкви это говорит. То есть Христос, пришедший спасти мир, и сейчас тоже спасает этого человека, хочет отнять этого человека у темной силы. И священник именно от лица Христова, нося на себе образ Христов, вступает в этот бой. Эта молитва читается, конечно, лицом к крещаемому, к оглашаемому. Если молитва, обращенная к Богу, совершается лицом к алтарю, то здесь священник поворачивается к оглашаемому и говорит: «Запрещаю тебе, дьяволе».

Затем следует второе запрещение: «Бог святой и страшный, славный...» (текст молитвы). В этой молитве, которая является страшным заклинанием, изгнанием беса, мы видим, казалось бы, нечто противоположное по духу. Вся средняя часть этой молитвы, является совершенно особенным поэтическим любованием Богом. Вдумайтесь, как это удивительно сказано, такой красивой молитвы, может быть, нигде больше и нет. Эта молитва исключительно поэтична. А ведь на самом деле это заклинание, запрещение бесам. Еще раз читаю вам (текст молитвы). Это же просто стихи, и в них — прекрасный образ, образ неизреченной красоты Божией. Изгоняя нечистую силу, здесь изгоняется всякое уродство, зло, мрак, темнота. Священник как бы рисует красоту горнего мира, красоту Божию. И этой красотой как бы изгоняется зло и уродство. Помните, как Достоевский говорил: «Красота спасет мир». Это древняя очень молитва, и в ней замечательно сочетание поэтического восхваления Богу с активным воспрещением дьяволу.

Заканчивается эта молитва словами: «Запрещаю тебе...» (текст молитвы).

Все эти молитвы, которые теперь священники бормочут про себя, когда крестят, потому что у них не хватает силы прочитать это

внятно, когда множество младенцев, когда нужно как можно скорее все сделать, потому что они кричат, и тут, конечно, уже не до поэтических описаний. И священник, действительно, как какой-то маг, быстро-быстро про себя все это бормочет. И может быть, именно в том, что священник не молится как должно, не сознает себя здесь представителем Божиим в единоборстве с нечистой силой, это имеет значение в том, что современные крещаемые как бы не воспринимают часто благодать крещения так, как должно. Они очень часто уходят от крещения, ничего не почувствовав, и это изгнание нечистой силы над ними как бы неполно совершается, потому что не так совершается крещение современное, как это должно делать.

Затем — запрещение третье: «...». Здесь уже следует повернуться к алтарю, потому что, хотя это и запрещение, но уже здесь оно обращено не к диаволу, а, как всякая молитва, к Богу. «Призри на раба Твоего...» (текст молитвы).

Эти три запретительные молитвы, имеющие такое особенное значение, приготавливают к дальнейшему чину. Есть еще одна молитва, которая не называется запрещением, а просто называется молитвой (текст молитвы). Здесь священник дует на уста его, на чело и на перси: «Изжени из него...» (текст молитвы). И дует трижды. Здесь уже совершается некое действие, которое должно навести нас на вопрос о магизме. Но и здесь, точно так же как в слове, не будет никакого магизма, если мы будем совершать это действие с молитвой. На этом сегодня закончим.

26.01.94.

Лекция 13. Святое Крещение. Чинопоследование

Мы с вами остановились в прошлый раз на четвертой молитве оглашения. После этой молитвы священник поворачивается к крещаемому или крещаемым и говорит: «Изжени из него (из них, из нея) всякаго лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнездящагося в сердце его». Эту молитву священник повторяет трижды и дует каждый раз на уста, на чело и на перси крещаемого. Затем говорит более подробно: «Изжени из него всякаго лукаваго и нечистаго духа...», а дальше: «...духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения и всякаго лихоимства, духа лжи и всякия нечистоты

... по наущению диаволу. И сотвори его оча словесныя...» (текст молитвы).

Здесь следует остановиться на моменте, который, может быть, внушает некоторые сомнения: почему так много раз нужно дуть или еще какие-то действия совершать? Разве сами по себе молитвы недостаточны? Зачем священнику нужно дуть и на чело, и на уста, и на перси?

Нужно помнить, что мы с вами всегда нуждаемся по самой природе своей в воплощении всего духовного. Мы не умеем воспринимать духовное только духовно, потому что сами имеем как бы двойную природу — духовную и телесную. Человек является воплощенным духом, поэтому всякая духовная энергия, духовное действие требуют воплощения, чтобы нам было легче их усвоить.

Сам Господь Иисус Христос, совершая чудеса, всегда прибегал к какому-то воплощению своих действий. Например, он делал брение из плюновения — брал землю, разводил ее слюной и помазывал такой мазью слепым очи, и они прозревали. В других местах он тоже совершал дуновения, иногда ударял, как сказано в Евангелии, слегка похлопывая, по какому-то члену, и брал за руку. Одним словом, Христос тоже прибегал к воплощению своего духовного действия. И все наши чинопоследования и обряды имеют ту же самую цель: нам нужно совершить некое духовное действие, но так, чтобы оно было воспринято телесными людьми. Поэтому мы прибегаем к разным символам, которые являются воплощением духовного действия, они помогают нам соединить мир духовный с миром телесным, в котором мы живем.

Это необходимо. И у нас это не вызывало никакого сомнения, если бы какие-то действия не были для нас в какой-то мере скомпрометированы. Собственно, не само воплощение того или иного момента нас смущает, мы всегда так делаем: молимся Богу — делаем поклоны, это то же самое. Или совершаем крестное знамение. Можно мысленно перекреститься, а нам нужно обязательно рукой перекреститься. Это то же самое.

Но то, к чему мы привыкли, что вошло в наш быт, — оно не вызывает сомнений. А есть моменты, которые как-то чем-то

скомпрометированы, и их нам понять и принять труднее.

Этой компрометации очень содействовали всегда колдуны, которые используют тоже средства, у них тоже есть символика, только смысл у нее другой. Для нас символ нужен, чтобы помочь молитве, чтобы она была более доходчивой, более ясной, чтобы выразить и воплотить наши духовные усилия, духовные устремления. В колдовстве, в магии, как мы говорили много раз, символ употребляется как некая самодостаточная формула, там не требуется никаких усилий, никакой молитвы, никаких чувств или устремлений — ничего этого не требуется. Там требуется просто подтвердить как бы договор с темными силами посредством исполнения каких-то формальных моментов. Если я проговорю какую-то тарабарщину, значит, я тебе послушен, значит, я использую ту формулу, которую ты мне дал. Поэтому я твой, и ты исполняй свою часть договора, делай то, что обещал. Это магизм. Поскольку всякое колдовство, всякое волшебство вообще в истории человеческого рода и в русской истории, в русской жизни всегда оставалось очень распространенным и сильным (им полны и сказки, им полны до сих пор не только глухие деревни, но теперь даже и города столичные), поэтому очень часто у нас происходят какие-то неприятные ассоциации, и нам бывает трудно воспринять тот или иной символ.

Нужно помнить, что всякий чин, который мы изучаем, имеет очень древнее происхождение. И тогда, когда он составлялся, символ, употребляемый в нем, был естественным, он воспринимался тогда легко и естественно — иначе, чем теперь. И в некоторых случаях мы даже можем как-то изменить эту символику, но по большей части стараемся сохранить древний обычай, древний чин. И нужно, поэтому, относиться ко всем этим моментам естественно.

Конечно, если мы будем думать, что дуновение священника или кого-то из нас — крещаемых, крестных, присутствующих, молящихся — имеет особенную силу, в нем какое-то святое дыхание, само по себе попадающее всякую нечистую силу, то это губительно для нас. Это опять-таки магизм, колдовство, усвоение себе какой-то особенной силы и святости, что, конечно, ведет к гордыне, прелести и превращает всю нашу духовную жизнь в язычество.

Нужно всегда помнить, что всякое наше действие, всякое

символическое движение священника или что-то другое выражает всегда действие Божественное, Божие действие. Это есть всегда символ того, что дает нам Бог. Мы должны возводить всякое свое слово и всякий символ к Богу и не себе усваивать силу Божественную, а помнить, что все — от Бога. Тогда никакого магизма здесь не будет, тогда будет понятно, что все это будет происходить по вере Церкви, по любви Церкви, по ее молитве. Это то, что отличает подлинно православное христианское отношение и богослужение от всякого колдовства и магизма.

Я об этом говорю, может быть, на каждой лекции, но не боюсь, что вам это надоест, потому что такое твердое понимание, мне кажется, очень важным и необходимым. У нас сейчас практически в Церкви это различие утрачено, и куда ни посмотришь, везде сталкиваешься с элементами магического восприятия христианства и богослужения. А в католицизме оно уже узаконено. И это, если хотите, есть как бы не выявленная еще ересь, очень страшная. Это не я открыл, эта ересь была известна и в древности, с ней боролась Церковь всегда. Я вам уже говорил, что древние каноны об этом говорят очень ясно — скажем, каноны Василия Великого, стоят на страже чистоты православия, чистоты православного восприятия веры. Василий Великий назначает даже тяжелое наказание — до отлучения от причастия и от Церкви за подмену духа, подмену правильного восприятия, чтобы оградить православие от язычества. Тогда это было не менее актуально, чем теперь. Мы теперь забыли эти каноны, забыли эту строгость и опять возвращаемся к языческому мироощущению, что особенно, конечно, страшно внутри Церкви.

Именно на этом основаны очень многие наши заблуждения, отсюда происходит очень часто совершенно неправильное истолкование даже и священниками своих действий в богослужении, и миряне очень часто не понимают, что такое служба, что такое таинство христианское православное. Для нас необходимо обязательно всегда помнить, чувствовать это очень важное, принципиальное различие, которое очень тонко, но его нужно всегда улавливать.

Не будем смущаться с этими дуновениями, плюновениями и т. п., не будем думать, что это какое-то колдовство. Это просто древние

символы, которые для простого сознания древнего был естествен.

После той молитвы, которую я прочитал, в требнике содержится следующее указание: «И совлечену и отрешенну крещаемому отвращает его священник на запад, горе руци имущего, и глаголет». «Совлечен и отрешен» — значит «раздет и распоясан» тот, кто будет креститься, с него снята одежда, снят пояс. Его священник поворачивает лицом на запад, и он должен поднять руки горе, и священник ему говорит: «Отрицаешься ли сатаны и всех дел его, И всех ангелов его, и всего служения его ...?» Что это такое? Это уже не молитва, не заклинание, не запрещение нечистым силам. Это вопрос, который требует ясного ответа. Речь идет о некотором исповедании отношения со стороны того, кто приходит и просит таинства, просит, чтобы над ним совершилась тайна Божия.

Этот момент очень принципиален, потому что во всех таинствах всегда, во всех чинопоследованиях в более или менее ясной форме присутствует этот момент — момент исповедания своей веры. И вполне естественно, потому что вы помните слова Христа: «По вере вашей будет вам». Все духовное совершается всегда по вере. Вера есть необходимое условие для того, чтобы совершилось какое-то духовное действие. Это настолько удивительно, что требует нашего особенного внимания.

Вспомним слова Евангелия о том, как Христос в Назарете не мог совершить никакого чуда «за неверствие их». Потому что Его соплеменники, те, кто жил вместе с Ним в этом городе, кто провел рядом с Ним детство и юность, — они не верили в Него. Они говорили: «Какие он может творить чудеса? Это же сын плотника. Все мы его знаем, знаем его братьев и сестер, откуда же у него такие силы, такие чудесные дарования?».

Они не верили в Него, и поэтому Евангелие говорит, что Христос не мог — я подчеркиваю эти очень странные для нас слова — не мог совершить никакого чуда. Как это увязать со всемогуществом Божиим, ведь Христос — Сын Божий, Ему все возможно. Но Христос Сам говорит в другом месте: «Все возможно верующему». Вы видите, вера каждый раз Самим Христом поставляется как некое необходимое условие, и даже не условие, а некая как бы сила, как бы сама возможность совершения духовного действия.

Почему же Христос, всемогущий Сын Божий, не мог сотворить чуда? А потому, что чудо творится для человека, который является образом Божиим. Одной из основных черт богоподобия человека является его свобода, его творческая способность, активность в духовном творчестве.

Эта свобода, эта творческая активность соединяются неразрывно с верой. Вера — это и есть творческая сила. Это не просто доверие, как мы часто думаем, упрощая для себя это понятие. Вера — это нечто другое, это какое-то особенное духовное состояние именно творческой возможности. Именно **верой творятся духовные действия**. И если бы Господь без веры присутствующих совершал бы чудеса, то это было бы насилием, и здесь Бог Сам отказывается от Своего всемогущества для того, чтобы сохранить свободу человека. Чтобы не умалить человека, не уничтожить его в некотором смысле, потому что насилие духовное было бы упразднением человеческой богоподобной свободы. Так что Христос здесь Сам Себя ограничивает — до невозможности. Не может Он преступить то, что Сам сотворил: дал человеку богоподобие и никогда не хочет его отнять.

Вера, таким образом, является необходимым состоянием для того, чтобы совершилось любое духовное действие. **«По вере вашей будет вам»**. Все возможно верующему, и только верующему. И всякое таинство, которое является всегда особенным духовным действием, чудом благодати Божией, — всякое таинство требует веры.

Что это значит? Вот, например, в церкви совершается какое-то таинство. Предположим, что там в это время есть какой-то неверующий человек. Совершится оно или нет? Да, оно совершится, если есть вера Церкви, если каким-то образом все-таки Церковь здесь выявляет свою веру. Если есть хоть один человек, через которого возможно выражение всей веры Церкви, всей церковной полноты. Может быть, это священник, а может, какие-то другие люди — словом, Церковь здесь имеет возможность во всей полноте эту веру явить. И тогда ради этой веры совершится таинство. Если не будет ни одного человека, если все присутствующие и священник не верят, то таинство не совершится. Нужно быть в этом совершенно убежденным.

Конечно, чрезвычайно трудная и конфликтная ситуация возникает, когда мы пытаемся совершать таинство, не имея свидетельства веры. Это бывает очень часто теперь, в особенности, когда мы крестим. Сегодняшняя ситуация, когда стало как бы нормой крещение совершенно формальное, когда приносят детей неверующие родители и, можно сказать, неверующие крестные, когда священник не имеет возможности убедиться в их вере и совершает, тем не менее, крещение, — такое крещение действительно становится для нас некоей чрезвычайной коллизией, столкновением неких совершенно как бы противоположных явлений.

Что я имею в виду? Тут вполне законно поставить вопрос: а совершается ли тогда таинство? Такое крещение, которое я уже описывал не раз, когда огромное количество людей, все они какие-то маловерные в лучшем случае, а иногда просто неверующие, и священник ничего не может ни объяснить, ни сказать, ни спросить. Совершается ли тогда таинство вообще? Если каким-то образом к купели подошел человек, который вообще не верит, а решил креститься просто так, «на всякий случай»? Или прислала его жена крестить ребенка. Сама не пришла, ей нельзя — 40 дней не прошло. И вот он, неверующий, пришел и крестит. Совершится ли это таинство?

Здесь следует сказать: если священник крестит с верой, то, конечно, свершится. Но если крещаемый не верит, то он не воспримет благодать этого таинства, т. е. таинство совершится, но в сердце его эта тайна не войдет и благодати этой он не унесет с собой. Это относится к любому таинству. Можно так же точно исповедаться, и таинство будет совершаться. Но человек не почувствует облегчения, не почувствует, что благодать Божия подействовала в нем.

Что это значит, как это понять? Это требует простого анализа. **Бог дает Свою благодать, а человек не в силах ее вместить.** Если бы Бог не дал Своей благодати, то значит, таинство не совершилось. И так, конечно, будет, если, как я говорил, ни одного верующего человека нет. Но если кто-то есть, то Господь дает Свою благодать ради их веры. А воспринять эту благодать или нет — зависит от того человека, которому она дается. Если он верит, то примет, и примет столько, сколько верит.

Поэтому-то здесь, может быть, в самой выпуклой форме по сравнению с другими чинопоследованиями содержится исповедание веры. Более того, не только исповедание веры, но и принесение крещальных обетов, т. е. принесение некоей присяги. «Отрицаешься ли ты сатаны, и всех дел его, и всех ангелов его, и всего служения его и всея гордыни его?». И крещаемый должен сказать: «Отрицаюсь». Священник спрашивает его второй и третий раз, и он говорит: «Отрицаюсь». Тогда он спрашивает: «Отрекся ли еси ты сатаны?». Там было в несовершенной форме — здесь усиливается вопрос, уже в совершенной форме ставится вопрос: «Отрекся ли ты сатаны?».

Смысл этого усиления таков: со всей серьезностью ты должен понять, как важен этот момент, момент твоего самоопределения. Ты отвечаешь Богу и перед Богом выбираешь свой жизненный путь. Отрекся ли ты, наконец, навсегда? И он говорит: «Отрекохся». Трижды задается этот вопрос, и трижды приносится ответ. И вот после этого еще одного усиления требует священник. Он говорит: «И дуни и плюни на него (на сатану — о. Владимир)». То есть вырази свое отречение еще и действием. И дело тут опять не в магии, не в том, что именно плюнуть и дунуть на сатану надо, и тогда он исчезнет. Дело не в этом, конечно, а в том, чтобы ты выразил то, что говоришь, еще более ясно, еще более наглядно.

И вот если такое отречение от сатаны «и всех дел его, и всех ангелов его» (т. е. от всех духов тьмы, от всякого темного духа лжи) мы с вами стали бы дополнять и анализировать, то мы должны были бы сказать сегодня: «И от экстрасенсов, и от НЛЮ, и от космических пришельцев». От всего этого нужно отречься, это все — разные ангелы сатаны, разные духи, всякие лживые учения.

От всего этого требуется отречься, чтобы отныне свое сердце отдать только Богу.

После такого отречения священник поворачивает оглашенного лицом к востоку, т. е. к алтарю, и спрашивает: «Сочетаваешься ли Христу?» Смысл понятен, но скажу еще, что в греческом подлиннике стоит слово «**синтаксис**» — «**соединение**» («Соединяешься ли со Христом?»). Не просто договариваешься и соглашаешься со Христом, а именно соединяешься с Ним. Оглашенный говорит: «Сочетаваюсь». И также священник спрашивает его второй и третий раз, а потом

усиливает этот вопрос в совершенной форме: «Сочетался ли еси Христу?». И оглашенный говорит: «Сочетахся».

Здесь тоже может возникнуть вопрос: как же сочетался, если он еще не крещен? Что здесь имеется в виду? Имеется в виду, конечно, что он окончательно решил соединиться со Христом. Не только хочет этого, но это уже его твердое окончательное решение, его присяга, его обещание отныне соединиться со Христом. И тогда священник спрашивает: «И веруеши ли ему?». Оглашенный должен ответить: «Верую яко Царю и Богу».

После этого он должен произнести Символ веры, исповедовать свою веру во все учение Церкви. Не просто сказать «да» на вопрос «веруете ли вы в Бога?», как это делают теперь многие, когда мы спрашиваем крещаемых: «Вот вы желаете креститься, а верите ли вы в Бога?». И слышим в ответ: «Ну да, я не отрицаю, что-то там такое есть». Нет, не такая вера здесь необходима. Здесь требуется исповедовать Символ веры, т.е. веру во все церковные догматы.

Вы помните, в конце Символа веры есть: «Верую во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь», т. е. в Церковь и во все то церковное учение, которое она содержит. То есть исповедание Символа веры означает принятие всей полноты церковной жизни, церковного учения, церковного сознания. Только тогда можно креститься. Никакая полувера, никакие сомнения здесь недопустимы. Если ты еще не стал православным, тогда не приходи в православную церковь креститься.

Может быть, вы заметили, что я сказал вам, что после трех вопросов «Сочетаваешься ли Христу?» и трех ответов «Сочетаваюся» следует один вопрос «Сочетавался ли еси Христу?» и один ответ: «Сочетахся». И потом — исповедание веры. Не думайте, что один. После того, как оглашенный произнесет Символ веры, священник снова его спрашивает: «Сочетавался ли еси Христу?». И он снова скажет: «Сочетахся». И священник снова скажет: «Веруеши ли Христу?», и снова он ответит: «Верую яко Царю и Богу». И второй раз повторит Символ веры, а потом то же самое повторяется в третий раз. Конечно, после третьего раза опять «Сочетался еси Христу?» — «Сочетахся». «Сочетался еси Христу?» — «Сочетахся». И третий раз

вопрос тот же. После этого говорится: «И поклонись Ему», и он поклоняется, говоря: «Поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней».

Эта часть чина оглашения занимает наибольшее время, если исполнить ее по требнику и не сокращать. Таким образом, можно сказать, что главная часть чина оглашения — исповедание веры и принесение крещальных обетов. Это как раз то, что теперь проходит почти незамеченным во время массовых крестин, потому что если у священника могучий голос, тогда он может кричать с амвона: «Сочетаваешься ли Христу?». А они не знают, что отвечать. «Отрицаешься ли сатаны?» — «Ладно, отрицаюсь, от всего отрицаюсь». То есть момент исповедания веры отсутствует по существу, тем более что Символа веры не знает практически никто из тех, кто приходит креститься. С них никто не требует, чтобы они заранее выучили Символ веры, и они его не знают. Священник читает его сам или ставит какую-нибудь алтарницу, помощницу, чтобы она его прочитала, и она читает Символ веры себе под нос, а им невдомек, что это такое и зачем это нужно. Происходит все совершенно формально — не исповедание веры теми, кто пришел креститься, а просто вычитывание чина. Конечно, происходит именно магия какая-то, и это трагично для нас. Когда вот так профанируется совершение оглашения, то что же удивляться, когда наш крещеный народ представляет собой такое страшное зрелище? Среди этого крещеного народа настоящих христиан почти нет. И так много одержимых, так много всяких бесноватых людей, больных. И этому не приходится удивляться, потому что все то, что должно быть дано в таинстве крещения, в этом удивительном чине, не воспринимается людьми. Они ни во что не верят, ничего не понимают и ничего не могут воспринять. И все идет как бы мимо них, они уходят из церкви не обогащенными.

И напрасно мы думаем, что все дело в том, чтобы над ними что-то совершить. Церковь так никогда не думала, она всегда считала, что самое главное — устроить сердце человека, наполнить это сердце верой, чтобы разум человека стал истинным, чтобы человек именно изнутри, в духе проникался Богом. Вот что важно, а вовсе не какие-то действия, совершенные над ним.

Так вот, нужно еще раз подчеркнуть, что обеты, данные в чине оглашения и крещения, являются необходимым условием для совершения крещения. Если бы, например, тот, кто желает креститься, сказал бы: «Нет, я не отрицаюсь», священник не имел бы права его крестить. Если он скажет: «Нет, я не сочетаюсь со Христом», то у кого поднимется рука его крестить? То есть принесение этих обетов есть необходимое условие для совершения таинства крещения, отсюда следует важность и ответственность этого момента.

И еще, конечно, нужно помнить, что эти обеты потом потребуют нашего ответа. На Страшном суде мы будем отвечать за то, соблюли ли мы верность этим обетам. Практически что это значит? Приходит креститься человек, до сих пор живший в каком-то грехе — например, как это часто бывает, в блуде. Он приходит, и священник должен обязательно его исповедать перед тем, как допустит к крещению. И когда он узнает, что человек этот живет в каком-то грехе, он должен объяснить, что это есть рабство — рабство греху, рабство сатане. Это несовместимое с православием, с церковной жизнью состояние. Если он хочет соединиться со Христом, то он должен покончить с этим рабством, прекратить свой грех. И когда он отрекается от сатаны, он отрекается от этого греха, обещает, что никогда в жизни больше такого греха не совершит. Это есть отречение от всякого смертного греха, того греха, который выводит человека из Церкви.

Недостаточность нашего оглашения проявляется как раз в том, что теперь все получается наоборот. Человек приходит креститься. Пытаешься его как-то приготовить, что-то объяснить, но, конечно, нет возможности, нет для этого нужного инструмента. И вот окрестил его и объяснил, и позвал его к церковной жизни. Показать ему хотя бы начало этой церковной жизни христианской, а человек после этого пропал. Церковь говорит: ты должен жить церковной жизнью, ты должен часто причащаться, должен молиться, должен войти в общину церковную. Все старое нужно забыть, к этому нет возврата.

А он пропал, и нет его день, нет его два, иногда он больше никогда не приходит, а часто приходит через полгода, через год и сообщает, что так случилось, что он не смог прийти, и снова он блудит или снова он пьянствует, или снова кого-то обокрал. И это бывает удивительно

больно священнику, потому что нет ничего больнее и страшнее, чем вот такое попрание благодати Святаго Духа. Какое кощунственное пренебрежение даром Божиим, какое отвержение Бога! Это самое страшное.

Можно понять, когда человек грешит, не зная Бога. Но вот теперь он Его узнал и может покаяться, может начать новую жизнь. Но когда он был сподоблен Богом этой новой жизни, когда ему были прощены всего его грехи в таинстве крещения, когда его уже ввели в Церковь и сподобили причастия Св. Христовых Таин и благодати и любви Христовой, он как бы уже рожден для новой жизни — и после этого он снова все это начинает попать, совершает поругание святыни, самой большой, самой великой святыни. Это страшно. Может быть, это самое страшное.

Почему так происходит? Это происходит потому, что мы не совершаем своего долга. Мы не объясняем людям достаточно, как велико то событие, к которому они приходят, которого они ищут, как велико таинство крещения. Мы не даем им этого почувствовать, мы не вводим их туда, куда должны ввести.

После исповедания веры священник возглашает: «Благословен Бог...» и читает молитву (текст молитвы). На этом оканчивается чин оглашения. Вот теперь, прежде чем перейти к самому чину крещения, я очень кратко познакомлю вас с описанием того, как оглашение происходило в древности. Тогда это было так. Те, кто собирается креститься, приводились к священнику или епископу, чаще к епископу. Он знаменовал их, т. е. осенял крестным знаменем, возлагал руку на голову их и говорил молитву: «Благословен ты, Господи Боже...» (текст молитвы). Здесь снова знаменует и записывает его имя среди оглашенных. И далее молится: «Ты, Владыко, послал миру святое Твое слово...» (текст молитвы).

Здесь есть еще одно удивительное описание, очень древнее, в чине оглашения. Это описание сохранилось от древней паломницы-француженки, некоей Сильвии Аквитанской. Ее рукопись найдена была в древних архивах и дала нам очень интересный материал.

Эта француженка была настоятельницей монастыря и поехала в Святую землю, где и прожила два года в Иерусалиме. Она очень

интересовалась тем, как совершается богослужение, и вообще всей церковной жизнью в Иерусалиме. И оставила такое свидетельство:

«И о том должна была я написать, как поучаются те, которые приемлют Святое Крещение на Пасху. Заявляют свое имя, делают это до дня Четыредесятницы (т. е. до Великого поста — о. Владимир). Имена всех записывает пресвитер, это бывает за восемь недель, в течение которых, как я сказала, продолжается Четыредесятница. Когда пресвитер запишет имена всех, на другой день Четыредесятницы поставляется для епископа кафедра в большой церкви, т. е. в мортириуме. По ту и другую сторону садятся на кафедре пресвитеры и становятся все клирики (значит, целый собор: в середине кафедры епископ, а по бокам от него — пресвитеры и клирики — о. Владимир). Затем приводятся по одному ... крещения. Если это мужи, то приходят со своими отцами, если жены, то со своими матерями крестными. Затем епископ поодиночке рассаживает... вошедшего, говоря, доброй ли он жизни, почитает ли родителей, не пьяница, не хвастун. И рассказывает о тех пороках, которые более тяжки в человеке. И когда он убедится, что тот безупречен во всем, о чем спрашивал епископ в присутствии свидетелей, то он собственноручно записывает его имя. Если же тот в чем-нибудь обвиняется, то епископ велит ему выйти, говоря: пусть он исправится, и когда исправится, приступит к купели.

Так он говорит, спрашивая о мужах и женах. Если же кто чужестранец, то он не так легко приступает к крещению, если только не представит свидетельства лиц, его знающих». Эта последняя фраза должна нас особенно удивить, потому что то, что мы прочитали, это уже не так легко. По ее наблюдениям, это наиболее легкая форма крещения. Если придет какой-то человек не местный, которого не знают здесь, то ему доступ к крещению будет еще гораздо более затруднен. Потребуется свидетели, которые знают его жизнь.

И вот теперь сравните это с тем, что делается у нас. Когда каждый прохожий может войти в храм, ничего ни с кем не говоря, заплатить за ящиком какую-то сумму и требовать, чтобы его окрестили (или его ребенка). И если его спросят, верует ли он в Бога или где его крестный, он будет возмущаться: делайте, мол, что положено, и все.

Я, к сожалению, слышал ужасные случаи. Например, когда крестным становился мусульманин. Случай, конечно, абсурдный совершенно, но реальный. Очень часто крестный бывает некрещеным. То есть люди современные ничего не понимают. Да и откуда им что-то знать и понимать? Они не воспитывались в вере, ничего не могли прочесть, никто их ничему не научил. Они только слышали, что когда крестишь кого-нибудь, то нужен крестный. Так что их обвинить в этом нельзя.

Но здесь тем более велика ответственность священника и тех, кто какое-то отношение имеет к этим людям из нас, из верующих людей. Вот поэтому мы с вами и имеем факультет катехизаторский и курсы катехизаторские, необходимо сделать что-то, чтобы изменить эту страшную сегодняшнюю обстановку и, по существу говоря, профанацию величайшего таинства крещения. Нужно обязательно преодолеть это. В этом залог того, что Церковь наша будет жить. Если же будем профанировать величайшие свои таинства, то Церковь стоять так не может.

Мы заговорили о крестных, и здесь следует сказать несколько слов о том, для чего они нужны и как они появились. В этом свидетельстве вы слышали, что мужи приходят с отцами, а жены с матерями. Вполне естественно, что на крещение всегда человекам кто-то приводит. Бывает, что человек приходит сам, но чаще его приводит кто-то, кто ему что-то расскажет, как-то его подготовит. Вот такой человек называется крестным или восприемником. В древности было установлено, что должен быть один крестный. Для взрослого человека это не обязательно, и роль крестного не так велика при крещении взрослых. Другое дело, когда крестится младенцы.

Здесь нужно остановиться на этой проблеме вообще, потому что крещение младенцев признается вовсе не всеми. Вы знаете, что баптисты вообще отрицают возможность крестить младенца, и если, скажем, какой-то православный человек приходит к баптистам, то узнав, что он был крещен младенцем, баптисты будут крестить его снова, потому что не признают этого крещения.

Аргументируют они это тем, что в древности, в первых веках, младенцев не крестили вовсе. Это действительно так. Хотя они, вероятно, это утрируют, но все-таки младенцев в 1 веке не крестили, вероятно. Не крестили по вполне понятной причине. Во-первых, было

немыслимо тогда вообще крещение младенцев, креститься в первое время — это был величайший подвиг. Это был подвиг веры, потому что вера христианская в глазах современников явилась какой-то новой сектой. Она была воспринята чрезвычайно враждебно не только теми, кто ненавидел Христа, но вообще всеми людьми, которые, по обычаю, консервативны. И вот появляется какое-то новое учение, причем учение, заявляющее о своей исключительности, которое говорит о том, что только оно одно спасительно, а все остальное — грех и заблуждение. С точки зрения язычников это была агрессивная секта. Христианство для язычников выглядело именно так, да и не только для язычников, но и для иудеев — в еще большей степени.

Поэтому креститься в тот момент, в то время было психологически очень трудно, почти невозможно. Это было большим подвигом. В последующее время, когда христианство стало распространяться и вроде бы стало креститься легче, стало уже много христиан, и благодатные дары их были очевидны, в это время начинаются страшные гонения. И новокрещенный очень часто тут же бывает отведен на площадь и подвергается пыткам и казни. Так что креститься очень часто означало — подвергнуться мучениям и лютой смерти. Для того чтобы креститься, надо было иметь решимость за Христа умереть прямо вот теперь.

Из многочисленных мученических жизнеописаний мы знаем, как бывало: воины, призванные для того, чтобы казнить и пытаться христиан, вдруг сами объявляли себя христианами и тут же становились в ряды мучеников, даже не успев pokреститься. И тут же подвергались пыткам и казни за то, что они себя только объявили христианами. И таких случаев было очень много.

Но это означало, что принятие веры православной христианской требовало всегда очень большого подвига, оно никогда не могло совершиться формально. И, конечно, христиане не могли подвергать такой участи детей, которые не имеют сил для того, чтобы исповедовать свою веру перед лицом гонителей, которые не могут сознательно идти на смерть. У детей, конечно, восприятие совершенно иное, но и у христиан тогда не было мысли, что некрещенный ребенок обязательно погибнет, если он не крещен.

Поэтому весьма поздняя интерпретация крещения, тоже, конечно, магического происхождения, была совершенно для христиан непонятной и чуждой. Естественно, что обречен на гибель тот, кто сознательно отрицает крещение, кто противится Богу. А ребенок, который просто не сознает всего, за это не может быть наказан. Поэтому крещение младенцев вовсе не воспринималось как нечто обязательное. Не было трагедией, если младенец не будет крещен, и не считалось, что он обречен на гибель. Не в этом дело.

Очень скоро крестить младенцев начали. Почему? Не потому, что боялись их гибели, если они не покрестятся. А потому, что появились христианские семьи. И вот такая семья, скажем, родители и старшие дети, живет полноценной церковной, литургической жизнью, т. е. часто причащается, молится Богу, является членом общины, живет в полноте благодатных даров, и вдруг рождается младенец и оказывается выключенным из этой жизни, он не может жить вместе со всей своей семьей.

Вот это, конечно, чрезвычайно неестественная ситуация. Младенец, который имеет ангельскую душу, он-то как раз и лишен полноты благодатной жизни, которую имеет вся семья. Это совершенно противоестественная ситуация и поставила вопрос о крещении младенцев. То, что баптисты этого не чувствуют, не сознают и в их семьях живут некрещеные дети, указывает только на то, что они не знают благодатной жизни. Если бы они знали благодатную жизнь, то, конечно, и они не могли бы вынести, что у родителей это есть, а у детей нет. Именно потому, что и у родителей ее нет, потому они и спокойно все это переживают. А древние христиане жили настоящей благодатной жизнью, т.е. они жили в Духе Святом. Это была жизнь, как мы говорили, харизматическая, постоянное присутствие благодати Божией ощущалось каждым христианином, и младенец, лишенный этой благодати, — это было непредставимо.

Тогда Церковь решила, что можно крестить младенцев, можно дать им благодатную жизнь, но тогда, когда она им гарантирована. Когда ребенок рождается в христианской церковной семье и будет воспитан в вере, будет часто причащаться, будет жить благодатной жизнью. И без того, чтобы убедиться в такой гарантии, Церковь не довольствовалась, скажем, просьбами родителей, а требовала как бы

еще одного независимого свидетеля, на которого возлагала ответственность за обеспечение церковной жизни младенца. Восприемник, крестный — это и есть такой человек, который берет на себя ответственность и перед Церковью обязуется, что ребенок будет жить церковной жизнью.

Одновременно он за младенца произносит крещальные обеты и исповедание веры, тем самым как бы принимая на себя обязательство воспитать младенца так, чтобы он, возрастая, подтвердил эти обеты и это исповедание веры. Здесь нужно отметить, что роль восприемника — крестного у младенца совершенно иная, чем у взрослого.

Восприемник, или крестный, взрослого человека ни за что особенно не отвечает. Он является просто помощником. Вся ответственность лежит на самом крещаемом, который сознательно приходит в Церковь к Св. Крещению, сам отрекается от зла, соединяется со Христом, исповедует веру, сам выбирает свой путь, и восприемник просто помогает ему. А у младенца это не так. Без восприемника вполне можно крестить взрослого человека, хотя лучше, если будет помощник. Но младенца крестить без восприемника нельзя, здесь совсем другая мера ответственности. И когда у нас это все забыто и младенцев крестят без всякого осознания ответственности, когда крестными становятся люди не церковные, которым вообще это все невдомек, которые сами не то что Символа веры не знают, но не причащаются, не молятся, а становятся кумовьями, празднуют, выпивают...

На таком уровне совершение крещения — это просто страшно, это трагедия, и каждый, кто так приходит к крещению, не должен удивляться, когда младенцы вырастают преступниками, или больными, или сумасшедшими — это вполне естественно. Потому что в начале их жизни совершилось нечто страшное — профанация величайшего таинства, попрание благодати Святого Духа.

02.02.94.

Лекция 14. Последование Святого Крещения

Сегодня мы начинаем изучать **последование Святого Крещения**. В прошлый раз мы закончили чин оглашения. В древности чин оглашения совершался отдельно от крещения, поэтому чин крещения

был гораздо короче и совершался совершенно самостоятельно. Теперь это не так. Теперь, как правило, оглашают и крестят подряд, так что под крещением, которое совершается теперь как треба, подразумевается сразу и оглашение, и крещение. Этим чин немного удлиняется и, конечно, комкается.

В требнике последование Святого Крещения начинается таким предисловием: «Входит священник и облачается в священническую одежду белую и нарукавницы. ...отходит к купели и кадит окрест и, отдав кадельницу, поклоняется. Также глаголет диакон: «Благослови, владыко». Священник же возгласно: «Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков».

Этот возглас начальный взят из чина литургии. Позднее мы узнаем, что еще только одно таинство начинается таким возгласом — таинство брака, чинопоследование брака. Сам по себе этот возглас указывает, во-первых, на значение совершаемого таинства. А оно имеет величайшее значение. А во-вторых, что еще более важно, указывает на то, что это таинство связано с литургией особенно тесно. Потом мы увидим, что оно совершалось просто как бы в составе литургии. Раньше крещение, как и другие таинства, были укоренены в литургии. Это не значит, что они не могли совершаться отдельно, но, как правило, Церковь мыслила таинства именно в составе литургии.

Конечно, это имеет для нас очень большое значение, потому что означает, что таинство крещения имеет всю полноту, всю особенную красоту и значимость, особенную благодатность, которую мы совсем теперь не чувствуем, когда крещение совершается где-то в углу храма, поспешно, как какая-то платная треба. Мы не понимаем, что здесь имеет место величайшее событие — рождение новых чад Церкви, что это действительно праздник всей Церкви. Это есть событие, которое невозможно оценить и описать, это как раз то, что свидетельствует о жизни Церкви: Церковь рождает новых чад своих. Подобно тому, как рождается в семье младенец, и это всегда бывает величайшим, огромнейшим событием в жизни семьи, вообще во всей ее истории. Точно так же и здесь: рождение новых чад церковных есть большой праздник, и такое рождение должно совершаться всей полнотой Церкви. Вот такая полнота, такое величие достигаются,

конечно, во время литургии. Поэтому в древности и совершалось крещение в чине литургии.

После литургийного возгласа следует мирная ектения, которая бывает в начале всякого большого богослужебного чина. Но после прошений обычных, как во всякой мирной ектении, следуют прошения особенные (текст молитвы). Эти прошения известны нам из чина великого водоосвящения, которое совершается в день Богоявления, и относятся они к освящению воды. А дальше снова идут необычные прошения, которые уже относятся к крещаемым (текст молитвы). Среди этих прошений я прошу вас обратить внимание на одно, очень важное для нас прошение: «О еже быти ему...». Что это значит? Почему в чине крещения говорится о том, чтобы ему, крещаемому, как бы приобщиться смерти перед крещением Христу, Богу нашему. Здесь мы имеем как раз указание на тот величайший смысл крещения, о котором мы говорили: крещение есть таинство умирания, сораспятия Христу, таинство смерти для жизни прежней и воскресения в жизнь новую, в жизнь вечную.

Это есть именно рождение водой и Духом и в то же время смерть и воскресение. И сам обряд крещения, который является погружением в воду, имеет, конечно, специальный смысл. Если у ветхозаветных евреев, у Иоанна Крестителя крещение в воде означало омовение, символизировало духовное очищение, то здесь мы находим нечто большее. В соответствии с этим прошением мы понимаем под погружением в воду не просто омовение водой, но как бы погребение в недрах, а восхождение из воды символизирует воскресение из гроба, воскресение из мертвых. Как всегда, форма, обряд являются символом духовного содержания таинства.

Это очень важно понять. Тогда мы будем понимать и то, почему православная Церковь придает такое большое значение именно погружательному крещению. Многожды раз в истории приходилось отстаивать это погружательное крещение. И в древности была борьба за это, и в средние века перед католиками православная Церковь отстаивала это крещение через погружение, потому что католики давно уже крестят обливанием. И в наше время, когда по не зависящим от нас причинам русская Церковь перешла на обливание

взрослых людей, все-таки оказалось, что ревность к сохранению таинства у нас не исчезла. И как только была дана свобода, во многих храмах нашей Церкви стали строить баптистерии, чтобы восстановить нужную форму крещения — крещение погружательное.

Заодно скажу сразу же: некоторые беспокоятся, что крещение обливательное не такое благодатное, не такое полное. И не нужно ли креститься заново тем, кто крещен был через обливание? Ответ на это однозначный: креститься заново не нужно, и крещение через обливание тоже является благодатным и полным. Но форма здесь ущербна. Святые обряды здесь как бы умаляются. В какой степени? Приведу вам интересный древний опыт. В древности бывали случаи, когда человек, желая креститься, принять христианскую веру, откладывал это крещение на самый конец жизни, потому что крещение было опасным: если ты крестился, то после этого можно было ожидать пыток и смерти, казни от язычников во времена гонений. И многие боялись креститься, хотя верили и желали присоединиться к Церкви и умереть крещеными.

Бывало так, что лишь на одре болезни или на смертном одре они призывали священника, чтобы принять святое крещение. Естественно, лежачего больного не погрузишь в воду, тем более что баптистериев тогда тоже не было, и на водоем его тоже не повезешь креститься. И приходилось пользоваться обливанием. Такие обливанцы тогда назывались иначе — **клиниками**. Отсюда, между прочим, и пошло название наших клиник. То есть, **крещение больных называлось кликой**. Конечно, это крещение признавалось полным, идентичным обычному крещению. Но вместе с тем было введено ограничение, совершенно неожиданное. Если такой клиник после крещения выздоравливал, он не мог быть рукоположен в священный сан. Почему? Не потому, что крещение было неполным, а потому, что вера у него была слабая. Если он не крестился до тех пор, пока смерть к нему не подошла, а раньше боялся, значит священником он быть не может. Не крещение у него было недостаточным, а вера его была недостаточной.

Таким образом, нынешнее обливательное крещение, которое никак не свидетельствует о недостатке веры, а свидетельствует о недостатке баптистериев, никаких ограничений на нас не

накладывает, но оно является ущербным по форме, в нем как бы утрачивается красота этого замечательного, чудного обряда крещения. А поскольку мы люди с вами плотяные, поскольку мы не имеем, к сожалению, достаточного духовного зрения, то очень часто, комкая обряд, теряя значимость формы, мы гораздо меньше можем усвоить в духовном содержании таинства. Чем менее величествен, чем менее красив, прекрасен обряд, тем труднее нам проникнуть в суть совершаемого события. И вот поэтому, конечно, следует везде и всюду, как всегда учила Церковь, стараться восстановить древний, освященный веками обряд крещения.

А теперь я возвращаюсь к последовательности крещального чина. После того как диакон скажет мирную ектению (а если диакона нет, то сам священник), обычно следует возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Мирная ектения всегда заканчивается таким образом. Но здесь такого возгласа нет. Недавно решил я с одним опытным регентом об этом поговорить и удивился. Регент этот очень давно регентует и хорошо знает службу, но, тем не менее, полагал, что этот возглас относится к самой ектении. Но это не так. На самом деле на литургии во время произнесения ектении священник читает молитву. И возглас является одновременно окончанием молитвы. Молитва читается тайно, в алтаре, а возглас, как всегда, говорится громко. То есть возглас связан не только с ектенией, но и с молитвой.

И вот здесь возгласа нет потому, что молитва здесь совершенно другая. Не та, которая бывает на литургии, а совершенно иная. Я вам сейчас ее прочитаю, а вы постарайтесь быть внимательными. Молитва эта читается тайно, хотя все другие молитвы из чина крещения читаются вслух (текст молитвы).

После этого священник громко возглашает: «...» Этот возглас произносится трижды. Он напоминает нам опять-таки о чине великого освящения воды на праздник Богоявления. Но молитва, которую я прочитал, не имеет аналога в богослужении, кроме одного случая — во время пения Херувимской песни священник читает такую же молитву. Не именно эту, другую, но такого же смысла: молитву о себе самом, в которой он просит Господа простить его

грехи и соделать его, недостойного и немощного, сильным, укрепить его Своей благодатью и через него совершить страшное и славное чудо — чудо рождения нового члена Церкви.

Эта умильнейшая, трогательная, возвышенная молитва показывает отношение Православной Церкви к таинству крещения и вообще ко всякому таинству. Если вы помните, всякое магическое отношение подразумевает договор: ты мне — я тебе. Не важно, что и как я сделаю, важно, чтобы я произнес некую договорную формулу, и дальше все должно исполниться независимо оттого, что у меня на сердце, чисто я живу или нет, грешен я или нет, достойный я или нет человек. Поскольку произнесен какой-то текст, пусть даже бессмысленный заговор, набор слогов каких-нибудь, тарабарщина, то автоматически должно все совершиться и исполниться. Это магическое действие, если оно основано на таком принципе.

В христианстве, в православной вере этого быть не может. Тут все зависит от веры, от любви, от устройства сердца человека. Поэтому-то здесь и молится священник, чтобы Господь его, недостойного, принял в смирении, очистил бы его сердце, дал бы ему веры, молитвы, укрепил бы его благодатной Своей силой, соделал бы его, недостойного и немощного, орудием Своего изволения, Своего творческого действия. Эта молитва в себе как бы являет учение о природе таинства.

После того как священник таким образом приготовится, он приступает к дальнейшему чину освящения воды. Дальше читается молитва (текст молитвы): «...и освяти воду сию». Я думаю, эта молитва вам знакома. Недавно она громко читалась в храме при великом освящении воды на Богоявлении. Эта молитва полностью взята из того чина. Возглас «...» тоже повторяется трижды, как и в том чине.

И дальше продолжение (текст молитвы): «...да сокрушатся ...вся супротивные силы». Этого уже в чине освящения воды нет. Такое действие происходит трижды, и мы опять возвращаемся к тому, о чем говорили в прошлый раз: опять священник дует на воду и благословляет ее трижды рукой. Затем идет молитва, которой тоже нет в чине освящения воды на Богоявлении: «...вкупе с ... Твоим Отцем и пресвятым и благим Твоим Духом, ныне и присно и во веки

веков. Аминь».

Эта длинная молитва имеет в себе как бы две части, и вторая часть — это молитва о том, чтобы крещаемый здесь сподобился обновлению и освящению, чтобы он стал общником воскресения: «...» (текст молитвы). «Общником воскресения будет» — то же самое, что было в особо прочитанном мною прощении мирной ектении, та же самая мысль. А в начале этой молитвы содержится несколько иная мысль, которая требует, мне кажется, специального объяснения потому именно, что, как показывает печальный опыт, эта мысль бывает непонятной даже священникам. Они считают ее архаизмом, пережитком язычества, потому что здесь говорится: «...» (текст молитвы). Молимся о том, чтобы в воде не было темного демона, чтобы не сошел лукавый дух вместе с крещаемым в воду, чтобы всякие неявленные воздушные привидения от нее отступили. То есть, как бы явные пережитки темного времени, когда боялись каждого сучка и каждой былинки и всюду мерещились темные силы, от которых надо было оберегаться, охраняться. Это в магии, в колдовстве очень часто встречается.

Такие вот «рудименты» языческого прошлого как бы проникли в эту молитву.

Думаю, что Церковь наша иначе мыслила, когда молитва эта составлялась. Что здесь имеется в виду? Вспомните о совсем другом моменте в жизни нашей Церкви. Вспомните, как в Евангелии в описании Тайной Вечери говорится о том, как Христос, преломив, давал хлеб апостолам и дал кусок хлеба и Иуде Искариотскому. И дальше в Евангелии сказано: «И по хлебе вниде в него сатана». И он, взяв этот хлеб и потребив его, пошел в Синедрион и сказал: «Что вы дадите мне, и я предам Его?».

То есть даже рядом со Христом, даже принимая из рук Христа хлеб, который не был еще евхаристией, как некоторые думают, но во всяком случае был не простым хлебом, это было особенное благословение Божие, это уже как бы прообразовало, готовило евхаристию. Я подчеркну этот момент. Есть разные толкования. Некоторые думают, что этот хлеб был хлебом причащения на Тайной Вечери, а по другим толкованиям это было не так, потому что пасхальный хлеб давался несколько раз. И вот евхаристическим

хлебом был последний опреснок. А сначала это был простой хлеб. Но все равно, даже если Иуда и не причастился Тела Христова, а просто хлеб получил, то это тоже было необычным, потому что от Христа он получил хлеб, как и все апостолы.

И тем не менее здесь, рядом со Христом, в этой Сионской горнице, все же смог войти в него сатана. Подобно этому, мы знаем, можно и причаститься Тела и Крови Христовым в осуждение себе. Подобно этому и всякое таинство может быть нам в осуждение. Всякая святыня, всякое благодатное действие Божие может быть нам во спасение, а может быть в осуждение. И если в осуждение, то, конечно, это и означает, что может войти в нас злая темная сила, и мы не освятимся, а станем еще большими причастниками греха.

Значит ли это, что сама по себе святыня может действовать пагубным образом для нас? То есть, значит ли это, что всякая святыня может нас освящать, а может и сгубить? Конечно, нет. Благодатное действие Божие направлено всегда к нашему спасению и освящению. Но если мы принимаем этот благодатный дар Божий без благоговения, без веры, без любви, без смирения, без благодарности, то тогда наше сердце оказывается неспособным вместить в себя благодать Божию, тогда совершается нами кощунство, и это кощунство — неправильное наше отношение к святыне, к благодатному Божию дару — оно-то и губит нас, оно и делается условием того, что может войти в нас сатана и злая сила. Наше сердце, которое попирает святыню, естественным образом делается обиталищем демона.

Таким образом, и крещальная купель тоже может быть для нас местом рождения духовного, а может быть и местом, где мы получим осуждение сугубое. Можно креститься тоже себе в суд и осуждение, как можно причаститься и исповедаться в осуждение себе. Может и здесь тоже войти в нас сатана, может и здесь оказаться, что наше сердце не способно принять благодатный Божий дар, но делается открытым для злой, темной силы.

И вот молитва, которую мы читали, говорит именно об этом. Дело ведь не в том, что как язычники охраняются, оберегаются от всяких стихийных сил и окружающие предметы, дело в том, что мы молимся о том: «Молим Тебе Господи, да отступит от нас всевоздушное ...привидение, да не утаится в воде сей демон темный». Видите: пусть

от нас отступит всякая злая сила, чтобы не получилось так, что в этой воде, к которой мы не сумеем правильно приблизиться, мы были осуждены; чтобы неблагоговейное наше отношение к ней соделало нас причастниками темной силы. Опять-таки это противоположно магизму, ибо речь идет о нашем сердечном устройении.

Эта молитва имеет очень большое значение для нас. И как пагубно то, что во время нашего богослужения вообще, и в частности во время крещения, мы так мало понимаем, так мало участвуем в этих молитвах. Мы не молимся об этом, мы не слышим голоса Церкви, мы не стараемся действительно устроить свое сердце так, как учит нас Церковь. Поэтому так часто и бывает, что человек, крестившись, уходит из Церкви навсегда. Это бывает теперь очень часто, когда крещение совершается неблагоговейно и самим священником, и тем, кто приходит ко крещению.

Но вот после того, как молитва прочитана, священник говорит: «Мир всем. Главы ваша Господеви преклоните». И дальше сказано: «И дунет трижды...» (текст молитвы).

Следует сказать, что помазание елеем — это очень древний чин. Как мы увидим дальше, помазание совершается не один раз в чине крещения. Вернее, в чине крещения один раз, а есть еще другой чин. Так вот, освятив таким образом елей и возгласив: «Вонмем», священник начинает петь трижды «Аллилуиа», и с ним поют все. Священник берет этот елей и совершает три крестных знамения в воде этим елеем, как бы помазывает этим елеем воду. Обычно это делалось перстами, теперь кисточкой мы берем елей и делаем крест на воде.

«...всякого идущего в мир ныне и присно и во веки веков. Аминь». И приносится крещаемый.

«Священник же возьмет от елея... и творит крестообразно на челе и в персях и на междорамии, глаголя: «Помазуется раб Божий (имя рек) елеем радования во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». И назнаменует его перси и междорамие..., глаголя: «Во исцеление души и тела» ...(молитва до конца).

Что значит «междорамие»? Это спина между лопатками. Теперь, к сожалению, при крещении обычно не помазывают как полагается:

лоб, грудь справа и слева, спину, уши, руки и ноги. Такой помазанный оглашенный полностью готов к совершению крещения. Теперь священник «крещает его, право его держа зряща на восток и глаголя: «Крещается раб Божий (имя рек) во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Святаго Духа, аминь».низводя его и изводя». Это значит, что священник берет младенца, если это младенец, или взрослого за руку и лицом на восток (с младенцами это редко получается, обычно младенца лицом к себе держит священник) и погружает в воду трижды: «Крещается раб Божий, скажем, Иоанн во имя Отца, аминь (погружает крещаемого и поднимает над водой или выводит из воды), и Сына, аминь (то же самое), и Святаго Духа, аминь».

Эту тайносовершительную формулу следует вам всем хорошо знать, хотя мы говорили много раз о православном отношении к тайносовершительным формулам. Почему надо ее знать? Потому что крещение — это единственное таинство, которое может совершить всякий христианин, а не только священник. В некоторых особенных случаях и приходится иногда это таинство совершать. Например, раньше повивальных бабок учили совершать крещение. Если рождается младенец очень слабенький и видно, что он может умереть сразу же, то такая восприемница тут же младенца крестила сама. Для этого надо иметь самую простую чистую воду (с ней ничего не надо делать) и в этой воде таким образом окрестить: «Крещается раб Божий ... во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Святаго Духа, аминь». Такое крещение считается полным и не повторяется. Если такое крещение совершено православным христианином или христианкой, то его священник повторять уже не будет.

Что можно сказать об этой формуле? Это называется крещение во имя Святой Троицы, и оно признано Вселенским Собором единственно правильным. Если кто-то крещен во имя одного лица Св. Троицы, то это будет неправославное крещение. Предположим, получится так, что священник устал и почему-либо скажет: «Во имя Отца, аминь; и Сына, аминь», а «во имя Святаго Духа, аминь» не скажет. Что тогда будет? По католическому учению крещение недействительно, потому что формула нарушена. Но по православному учению, конечно, такое крещение будет вполне правомерно и ничего страшного не произойдет. Дело не в том, чтобы

сказать волшебное «аминь», а в том, чтобы покрестить во имя Св. Троицы и трижды погрузить в воду. Конечно, чтобы не было искушений, нужно говорить все правильно, так, как написано в требнике, но не нужно придавать магического значения разным формулам, потому что это грех. Нужно к этим формулам относиться с уважением, это формула, которая поставлена Церковью, Церковью же утверждена и имеет большое значение. Но не сакраментальное, не магическое значение. Поэтому если вдруг окажется, что какой-то батюшка перепутал, как это иногда бывает, то не нужно ужасаться и думать, что теперь крещение недействительно. Это не так. Но самим, конечно, нужно всегда стараться все делать правильно, как это предписывается Церковью.

Если мы начнем произвольно нарушать сначала одно, потом другое, третье, то от чина ничего не останется и наступит хаос. А то, что благословляется Церковью — святые, каноны, обряды, — все это освящено многовековым опытом, традицией церковной, разумом церковным, и для нас это свято. Но нужно понимать это не в смысле магического значения, а в смысле почитания церковного обряда.

Возвращаюсь к крещению, совершаемому не священником, скажу, что после чина крещения в требнике содержится сокращенный чин крещения страха ради смертного, который может служить и сам священник. И мне приходилось совершать такой чин, когда действительно есть угроза смерти и длинный чин вычитывать нельзя. Тогда берется простая вода, читается одна молитва, которая приводится в требнике, и священник совершает крещение. И такое крещение тоже будет действительным.

Если же крестит мирянин, то никаких молитв он не читает, потому что молитва эта предписывается священнику. Он просто крестит, погружая в воду с верой во имя Отцы и Сына и Святаго Духа, произнося крещальную формулу, и такое крещение тоже будет действительным.

Нужно ли его потом восполнять? Если мы возьмем «Настольную книгу для священнослужителей», скажем, Булгакова или какую-то другую (их было несколько), то мы найдем разное отношение к этому вопросу. Есть мнение, что нужно восполнять. То есть если повивальная бабка крестила младенца, и он выжил, то нужно

принести ребенка в церковь и священник должен прочитать все то, чего она не прочитала, задним числом. Но такая ревность о полноте чина вполне делает честь любому старообрядцу, но она вполне бессмысленна. Мы же признаем крещение, оно уже совершилось, так какой же смысл читать молитвы, в которых просят совершить это крещение? Зачем освящать воду, в которой мы не будем заново крестить? Это, конечно, усердие чрезмерное. Поэтому такое восполнение не обязательно, в нем нет нужды, прочитывать молитвы задним числом совершенно не обязательно. Это примерно то же, как некоторые священники рекомендуют прочитать последование ко святому причащению после причастия, если ты не успел это сделать до причастия. Это все равно, что сначала пообедать, а потом сварить суп.

Так же и здесь. Можно прочитать другие молитвы, благодарственные, например, или благодарственный акафист, но зачем же читать то, что лишается смысла?

Но восполнить, тем не менее, такое крещение необходимо, и вот почему. После того как крещен младенец или взрослый, читается псалом 31: «Блажени иже оставишася беззакония и ихже прикрываша греси. Блажен муж, емуже не вменит Господь греха, ниже есть во устех его лесь. Яко умолчат, обветшаша кости моя, от еже звати ми весь день. Яко день и ночь отяготе на мне рука Твоя, возвратихся на страсть, егда унзе ми терн. Беззаконие мое познах и греха моего не покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего...».

Весь этот псалом имеет хвалебное, благодарственное звучание и должен был бы читаться трижды. Это показывает, что крещение совершалось неторопливо и, очень может быть, было много людей, которые крестились. Во время этого крещения, пока священник крестит, вероятно, читали этот псалом, даже не читали, а пели. После чтения этого псалма священник облачает новокрещенного со словами: «Облачается раб Божий (имя рек) в ризу правды, во имя Отцы и Сына и Святаго Духа. Аминь». И поется тропарь: «Ризу мне подаждь светлу...».

Священник облачает новокрещенного в «светлую ризу» — белую крестильную рубаху, в которой затем новокрещенный остается до

конца чина, а раньше оставался и дальше. Эта одежда тоже символична — она символизирует чистоту, которую приобрел крещаемый. По церковной традиции, по древней вере в таинстве Св. Крещения человеку прощаются все его грехи, какие бы он ни совершил, все его проступки, все то, что он сделал в жизни плохого, — все это как бы ни во что вменяется. Все это отныне забыто Богом, и должно быть забыто людьми. Он родился заново, а для прежней жизни умер. Это единственная и великая возможность помолиться и начать жизнь заново.

Некоторые скажут: крестился — значит тебе все прощено, и ты уже чистенький? Вообще, конечно, да. Но все-таки ты калялся или нет? Естественно, чтобы принять благодать Божию во всей полноте, нужно готовиться к крещению, нужно каяться, исповедоваться. Чин оглашения всегда подразумевал покаяние. Перед крещением взрослому человеку очень важно покаяться в своих грехах. Это не может быть обычной исповедью, которую мы рассматриваем как таинство покаяния, потому что до крещения к таинству никакой человек не допускается. Но придти к священнику и рассказать ему о своих грехах нужно обязательно. Зачем? По двум причинам.

Во-первых, священник объяснит, что целый ряд грехов с христианской жизнью вообще совершенно несовместим. Очень часто во время этой исповеди выясняется, что человек живет такой жизнью, при которой он не может быть крещен. Например, он живет в блуде, у него есть сожительница или сожитель. Если так, то крестить такого человека нельзя. Только при условии, что он тут же обещает такое блудное сожительство прекратить раз и навсегда и кается в этом. Если же он не предполагает прекратить незаконную жизнь, то допускать его до святой купели нельзя.

Подобно этому, если он подвержен какой-то другой страсти и постоянно пребывает в смертном грехе: ворует постоянно или находится в постоянной страшной ссоре, где он виноват, и не хочет мириться. Конечно, такого человека допускать ко крещению нельзя. Чтобы все это выяснить, чтобы условия крещения были соблюдены, необходимо, чтобы человек исповедовал свои грехи.

Но, кроме того, гласная, вслух произнесенная перед священником исповедь, более всего помогает человеку покаяться. Именно приходя

и открывая свою душу, он легче всего может покаяться в своих грехах. Недаром эта исповедь назначена нам Церковью. Так что перед крещением нужно обязательно принести покаяние. И если оно искренне и от всего сердца принесено, то тогда мы с уверенностью можем сказать, что все грехи Господь нам прости в святой купели.

После того как совершилось облачение в белую ризу, совершается новый чин, который теперь совершается одновременно с крещением, в одном чинопоследовании, хотя на самом деле это другое таинство, тоже одно из семи величайших таинств — миропомазание.

09.02.94.

Лекция 15. Таинство Миропомазания

Раньше оно могло как-то отстоять от крещения, поэтому помазание елеем, которое совершалось до крещения, было как бы именно крещением, и помазание елеем — это обряд, а не таинство. А вот миропомазание — это не обряд, а таинство.

Перед миропомазанием священник читает молитву: «Благословен еси Господи Вседержителю...» (текст молитвы). После этого священник берет святое миро и помазывает новокрещенного «на челе, и очесех, и ноздрех, и устех, и обоих ушесех, и персях, и руках, и ногах». И глаголет: «Печать Дара Духа Святаго, аминь». То есть на каждом указанном месте священник делает святым миром крест и произносит: «Печать Дара Духа Святаго, аминь». «Аминь» могут произносить крестные или сами крещаемые.

Святое миро есть великая святыня, которая обычно хранится на престоле. Оно освящается патриархом, обычно в Великий Четверток на Страстной седмице после литургии Тайной Вечери. Это святое миро потом раздается на разные епархии и приходы священникам. И священники тоже поставляют его на престол и охраняют как величайшую святыню. Большой грех это святое миро пролить или каплю его уронить на пол.

Освящение св. мира принадлежит только автокефальной, т. е. совершенно и вполне самостоятельной церкви, автономная церковь не имеет права освящать миро.

В древности это таинство совершалось иначе. Смысл его требует

особого разъяснения. Для чего оно нужно, если уже совершилось Св. Крещение? Ведь крестили мы во имя Отца и Сына и Св. Духа, зачем же еще нужно помазывать и говорить: «Печать Дара Духа Святаго»? Чтобы понять смысл этого таинства, обратимся к Св. Писанию.

Вы помните, что апостолы после Вознесения Господня получили повеление вернуться в Иерусалим и там пребывать в ожидании, что они и сделали — до дня Пятидесятницы. В этот день, когда они вместе были собраны в горнице на Сионе, они были вместе, потому что Пятидесятница — это большой ветхозаветный праздник, на них внезапно сошел Дух Святой в виде огненных языков: на голове каждого из апостолов почил огненный язык, огненное пламя. И они внезапно получили удивительные благодатные дарования. Деяния св. апостолов повествуют об этом так: они исполнились такого внутреннего восторга и такой благодатной силы, что тут же вышли на крышу дома, как это принято на Востоке (там плоские крыши, как террасы). Вокруг было много народа, и они стали говорить на разных языках. Народу было много потому, что в день Пятидесятницы все иудеи сходились в Иерусалимский храм, причем не только со всей Иудеи и с Галилеи, но даже и из стран рассеяния, из диаспоры. Все евреи должны были придти в храм для принесения праздничной жертвы. Поэтому вся Сионская гора была заполнена людьми.

И вот апостолы поднялись на кровлю и стали проповедовать Христово учение на разных языках, потому что среди присутствующих было очень много евреев рассеяния, которые уже и говорили на греческом и на многих других языках. Вот такой дар языков затем вошел как бы в жизнь первохристианских общин — дар говорить на многих языках.

После Пятидесятницы апостолы почувствовали в себе особую благодатную силу и поняли, что теперь они призваны к действию. Теперь они стали совершать постоянно Божественную евхаристию и пошли на проповедь, теперь они получили власть «крестить, вязать и решить». Отсюда начинается жизнь христианской Церкви, потому что Пятидесятница и называется днем рождения христианской Церкви.

В жизни каждого христианина должна быть такая личная Пятидесятница. Каждый христианин, крестившись, должен еще принять особую благодать Св. Духа, особым образом, подобно тому, как это было с апостолами. Учение об этом мы находим в Деяниях

апостолов еще несколько раз. Ап. Филипп крестил евнуха, и автор Деяний сообщает нам, что как только он крестил евнуха, и он вышел из воды, на него сошел Дух Святой, и ап. Филипп это видел. После этого ап. Филипп был восхищен от него, он стал невидим.

Есть и другое описание: ап. Петр был послан крестить семью римского сотника Корнилия. Он долго не хотел этого делать, потому что вначале апостолы думали, что они посланы только к еврейскому народу и не должны идти к язычникам. Но апостолу был несколько раз явлен сон, где ему спускалось с неба как бы связанное по углам полотно, в котором были чистые и нечистые животные. И был голос: «Петр, встань, заколи и ешь!» А он говорил во сне: «Господи, я никогда не ел ничего нечистого». Ему опять был голос с неба: «Что Бог освятил, ты не скверни». Когда он после этого проснулся, пришли посланные, которые позвали его крестить семью сотника Корнилия, и он понял, что сон предупреждал его, чтобы он не гнушался языческой семьей и окрестил ее.

И вот он пошел. И когда пришел, то увидел своими глазами странное явление: эти язычники еще не крещены, но Дух Святой на них уже сошел. Такое сошествие Св. Духа, присутствие Его апостолы или видели своими глазами, или ощущали сердцем совершенно однозначно. Об этом говорят нам и другие места Деяний. Например, как ап. Павел отправился в Азиатскую страну вместе со своим помощником. А дальше говорится, что Дух Святой не пошел вместе с ними. Тогда они вернулись и пошли в другую сторону, и Дух Святой пошел с ними. Они по этому узнавали волю Божию: если Дух Святой идет с ними, то тогда они в Духе, т. е. творят волю Божию. Если же они уклоняются от воли Божией, то Дух Святой сейчас же отходит от них.

Такое явное, ощутимое присутствие благодати Божией есть особенное харизматическое состояние древних христиан. И было совершенно очевидно для них, что после крещения требуется еще специальное принятие Св. Духа. Такое низведение Св. Духа на некрещеного происходило обычно через возложение на него апостольских рук. Когда апостолы крестили, они с молитвой возлагали руки на новокрещенного, и на него сходил Св. Дух, и это было для всех очевидно.

Затем такое таинство совершали епископы. Мы можем не удивляться тому, как ап. Павел говорит: «Вы род избранный, царственное священство, люди, взятые в удел». То есть каждый христианин получал такое епископское или апостольское рукоположение. Теперь мы священниками называем тех, кто получил епископское рукоположение на священство. Конечно, это не на священство рукоположение, но это все же архиерейское рукоположение. Это некое общее христианское священство.

Впоследствии, когда число крещаемых стало увеличиваться, и апостолы не могли возложить на всех руки и епископы не могли возложить на всех руки, тогда совершение крещения стало поручаться пресвитеру, священникам. А для того чтобы сохранить архиерейское рукоположение, была изменена форма таинства. Стали приготавливать св. миро, которое освящалось епископами, и потом священники миром помазывали голову и другие части тела крещаемых. Таким образом, это миропомазание идентично епископскому руковождению. Не таинству священства, конечно, но этому руковождению епископов. Таинство, которое дарует человеку благодать Св. Духа, в особенной мере, с особенным смыслом наделяя его отныне благодатными дарами, — это таинство называется миропомазанием.

После того как священник совершит миропомазание, он зовет восприемников, крестных и идет вокруг купели с пением: «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекохтесе». Трижды обходит купель, и хор поет или те, кто крестится, эту прекрасную песнь. Затем возглашается прокимен: «...» и читается Послание ап. Павла к Римлянам (6: 3-11): «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо,

что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем».

Это краткое апостольское чтение с удивительной точностью являет нам учение христианской Церкви о таинстве крещения. Здесь все сказано о том, что такое крещение. Затем читается последнее зачало из Евангелия от Матфея: «Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. И приблизившись, Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь».

Это и есть заповедь Христова крестить всех людей, все народы. После этого возглашается сугубая ектения, где есть прошение о восприемниках и о новопросвещенных, затем священник говорит: «Слава Тебе, Христе Боже, Упование наше, слава Тебе» и совершает отпуст, на котором по обычаю упоминается святой, во имя которого давали имя крещенному.

09.02.94.

Лекция 16. Святое Крещение

В прошлый раз мы закончили описанием совершения таинства миропомазания. После этого таинства, как уже говорилось, совершается торжественный ход вокруг купели с пением «Елицы во Христа креститися, во Христа облекухтися», потом читается Апостол, затем Евангелия, затем следует сугубая ектения, а потом следует отпуст. На отпусе принято поминать святого, в честь которого крещаемый получил свое имя.

Далее по требнику следуют так называемые обряды восьмого дня. Это отирание св. мира и пострижение волос. Оба обряда имеют свои трогательные молитвы, называются они обрядами восьмого дня потому, что совершались не сразу после крещения. Крещаемый в течение целой недели носил свою новую крещальную белую одежду, ходил в храм, каждый день причащался Св. Христовых Таин, и св. миро оставалось на нем. И уже после этой праздничной седмицы он

снова приходил в храм, и здесь совершалось это новое чинопоследование — отирали св. миро с него, постригали волосы, и он вступал в обычный ход жизни.

Сейчас я вам прочитаю описание крещения, которое совершалось на Пасху в Константинополе в древности. Описание взято из древних рукописей, из архива нашего великого литургиста Дмитриевского. К сожалению, этот материал еще не опубликован, так что для вас он будет особенно интересен. Он готовился к публикации, и Дмитриевский читал по нему лекции, но революция помешала публикации.

Документ из Константинопольской церкви дошел до нас в манускрипте 8 века; этот манускрипт называется «Кодекс Берберини». Еще есть рукопись 11 в. в библиотеке. Из этих двух документов можно составить описание того, как проходило крещение в Константинополе.

«Патриарх приходит в храм Св. Софии при пении стихир на «Господи воззвах». Его встречают по обычаю с Евангелием, крестом, тремя ручными подсвечниками, но молитвы входа он не читает. Войдя в алтарь, он восходит на трон и садится со священнослужителями и архонтами на запрестоліе при пении прокимна «Вся земля да поклонится Тебе».

По прочтении первой паремии при начале второй «Светися, светися» патриарх, архонт, епископы и священнослужители встают со своих мест».

Здесь нужно сказать, в какой момент, и в какой день это происходит. На Пасху поются стихиры на «Господи воззвах». Вечерняя Пасхалия совершается в Великую Субботу. Совершается она не вечером, а утром, как обычно. Вы помните, что в Великую Субботу рано утром совершают царские часы с чтением Страстных Евангелий, а потом начинается великая вечерня, в начале которой бывают стихиры на «Господи воззвах». Вот в это время и приходил патриарх.

По церковному времени, хотя это и Суббота Препоблагословенная, но это уже и Воскресение, потому что церковный день начинается с вечерни. Эта вечерня относится к воскресному дню. Так что это уже действительно начинается Пасха.

Так вот, по прочтении первой паремии (а паремии бывают, как вы помните, после входа и прокимна. Выходит чтец и читает паремии — их бывает 15 в Великую Субботу, и они довольно длинные. Если читать не торопясь, то это довольно долго, а если читать нараспев, то это потребует большого времени).

Итак: «По прочтении первой паремии, при начале второй “Светися, Светися” патриарх, архонт, епископы и священнослужители встают со своих мест. Второй диакон, взяв с престола Евангелие, лежащее на правой стороне, подает его патриарху, который, поцеловав, кладет Евангелие на свою кафедру или трон со всеми духовными чинами удаляется через... в великую крещальню».

Это замечательная особенность: на свой трон патриарх положил Евангелие, чтобы трон не остался пустым. Он уходит из Св. Софии и на троне оставляет Евангелие.

«В храме остаются чтецы и певцы с народом, продолжающие чтение положенных паремий. По входе в крещальню патриарх в раздевальне или верхнем помещении переодевается в белые священные одежды и даже надевает белую обувь. Затем кадит кругом обе купели или бассейны — правые для мужчин, а левые для женщин, благословляет их свечами и начинает тайно читать молитву: “Благоутробный и многомилостивый...”»

Архидиакон, одетый в белый стихарь и орать, став близ патриарха, произносит великую ектению на освящение воды, в которой испрашивается благодать иорданских вод. По окончании ектении патриарх громко читает: «Вели еси Господи...» и т. д. При словах «и страшное... да заключается познание креста» спускается в купель и по очереди в каждую трижды дует и пальцем трижды благословляет находящуюся в них воду».

Вы видите, что многое из того, что здесь говорится, осталось в нашем требнике.

«Затем во время чтения “Владыко Господи, Боже Отец наших...” диакон подносит сосуд с елеем. Патриарх трижды дует в него и троекратно благословляет. После молитвы священник берет струец из сосуда с елеем и делает на воде три креста, причем диакон говорит: “...” трижды и псалом “Блажени, ихже оставишася

беззакония...». Патриарх произносит: «Благословен Бог, просвещающая и освящающая всякого человека», пресвитер помазывает елеем чело, грудь и спину оглашенных, говоря: «Помазуется раб Божий (имя рек) елеем радования...» Диакон, согласно обычаям древнейшего времени, елеем помазывает в это время все тело готовящихся ко крещению мужчин, а диаконисса помазывает женщин.

Патриарх надевает на себя одежду крещения, т. е. ..., поручи и погружает крещаемого, произнося каждому формулу крещения: «Крещается раб Божий (имя рек) во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Святаго Духа, аминь». И все поют до конца псалом «Блажени, ихже оставишася беззакония...» три раза. Крещенные надевают белые одежды, опоясываются поясом и получают свечи. В рукописи 14 века при этом говорится: «Прими лампаду и сохрани ее целу, негасиму». Архидиакон возглашает: «Господу помолимся». Патриарх трижды произносит молитву: «Благословен еси Господи Боже Вседержителю...», в которой молится о даровании крещенным печати Дара Святаго и Всесильнаго Всепокланяемаго Святаго Духа и причащения ... Честныя Крове Христа твоего. И тотчас при пении «Елицы во Христа крестистесь» со всеми новопросвещенными отправляется в соседний храм Св. Апостола Петра.

Сюда второй священник и один из иереев Софийского храма приносят св. миро. Патриарх входит в алтарь, благословляет свечами святую трапезу, т. е. престол, целует индиктию, т. е. покров престола, и, облокотившись на ковер, положенный на алтарную преграду, начинает по очереди помазывать миром подходящих к нему новопросвещенных, говоря при этом: «Печать Дара Духа Святаго».

Видите, здесь говорится: патриарх находится в алтаре, на алтарную преграду кладется ковер, т. е. иконостасов там не было. То есть патриарх облакачивается на эту преграду и помазывает миром тех, кто подходит сзади к этой преграде — новокрещенных. Помазывается чело, глаза, ноздри и уста и оба уха. В рукописи Берберини мы находим при помазывании этих частей тела и соответствующую формулу: на глазах — «Благодать обоняния Святаго Духа», на ушах — «Благодать получения жизни вечной», на ладонях рук — «Благодать Святаго Христа Бога и печать», на сердце — «Полнота Дара Святаго Духа, сохранение веры и истины». Во все время миропомазания

певцы поют: «Елицы во Христа креститися».

В Великую Субботу патриарх, окончив миропомазание, также в храме Св. Апостола Петра совершает чин воскресной вечерни. Во время пения прокимна патриархии архонты, находящиеся в крещальне, переменяют свои обычные одежды на белые. Тропарь «...» вместо «Богородице Дево, радуйся» пели запечатанному гробу. Если патриарх ... заканчивал все вышеизложенное, подавалось известие в Софийский храм, и там чтецы после 8 паремии начинали чтение последней паремии пророка Даниила, а после нее певцы пели на амвоне песнь отроков в печи халдейской.

При окончании этой песни патриарх, архонты и его священнослужители, певцы из сировоспитательных домов во главе с певцом, одетым в ... фелонь с песнопением «Блажени, ихже оставишася беззакония» вели из крещальни новопросвещенных, несших в руках зажженные свечи, в Софийский храм через царские врата».

Тут нужно вспомнить, что царскими назывались не врата, ведущие с амвона в алтарь, находящиеся в иконостасе, а назывались врата, вводящие в храм. И назывались они царскими потому, что находились в центре, и через них входил царь, а с боков были боковые, где шел народ. Новокрещенных вели царскими вратами.

«Здесь патриарх, совершив на ковре троекратное поклонение, совершал молитву литургийного входа (раньше, как мы с вами слышали, молитвы входа не читались патриархом — о. Владимир) и через царские двери вместе с новопросвещенными патриарх вступал в храм. Новопросвещенные шли на солею, где они стояли потом всю литургию.

Шедший впереди процессии, сняв фелонь, в одном ... входил на амвон и, заменив певца, исполнявшего песнь отроков, пел «Елицы во Христа креститесь», после чего следовало беспрокимное чтение Апостола и Евангелия. Сопрестолние от патриарха в это время отделяет лишь 12 епископов-архонтов, остальные получают приглашение к патриарху на прием прочтения Евангелия. Когда после Апостола поются стихи «Воскресни Боже...», экзапостиларий сменяют, на место ее полагая золотую (пропуск в рукописи).

Во время пения «Воскресни Боже» все епископы стояли, а по прочтении Евангелия уже принимали участие в богослужении. Во время великого входа новопросвещенные с зажженными свечами, исполняя обязанности..., идут впереди Св. Даров с солеи. На целовании мира по древнему обычаю присутствующие в храме лобзали новопросвещенных. В обычное время за той же литургией все они причащались Св. Таин. По окончании литургии из храма с пением «Елицы во Христа крестистесь» они провождались домой.

В течение восьми следующих дней они не снимали белых крещальных одежд, присутствовали ежедневно на богослужении и даже причащались.

Подобный чин крещения совершался и в канун праздников Рождества Христова, Богоявления, Святой Троицы, Вербного Воскресения и Преображения. В восьмой день новопросвещенные являлись в храм для омовения помазанных миром частей тела, на разрешение пелен и пояса и на отпуст».

В «... Виссариона» имеются все три молитвы, которые читаются в нашем современном требнике. Никаких обрядовых действий, слов для произнесения священником там не имеется.

«В среду на Пасху император в самых парадных одеждах во дворце в золотой палате, в той ее части, которая носила название трипитона, после обычного приема придворных сановников принимал ... с шестью неофитами, или новокрещенными, и с шестью певцами из сирот, сопровождавшими новопросвещенных. Входил священник и вместе с ... вытирал на челе миром помазанное место. Император каждого потом целовал в лоб.

Когда оканчивалась эта церемония омовения и целования, певчие пели приличествующий случаю гимн и, получив от императора подарок, все вместе возвращались домой».

Видите, чем было крещение для древних христиан. Мы теперь не можем даже себе этого представить, что новокрещенный крещается самим патриархом, потом таким торжественным ходом идет в Софийский собор на пасхальную литургию, там стоит на солее и когда выходит великий вход со святыми сосудами, то впереди идут новокрещенные в белых одеждах с зажженными свечами. Потом они

8 дней ходят в храм, а на третий день они идут на прием к императору, и император каждого целует в лоб. Вот что такое было крещение раньше, какой исключительной важности событие. Император считал для себя обязательным приветствовать тех, кто родился в новую жизнь, кто соединился со Христом. И принимал их вместе с самыми почетными сановниками.

Действительно, это крещение было событием общецерковного значения, и каждый новокрещенный не мог забыть того, как совершалось крещение над ним. И, конечно, готовился к этому событию совершенно особенно.

Тогда, в древности, был обычай во время литургии при пении Символа веры давать друг другу целование мира. Вы помните: священник говорит «Мир всем», и священники в алтаре целуют друг друга в плечо, говоря «Христос среди нас, и есть и будет». Старший говорит: «Христос среди нас», а младший отвечает: «И есть, и будет». И целуют друг друга в правое, левое плечо и в руку.

Подобно этому и миряне тоже целовали друг друга: мужчины мужчин, женщины женщин. А на Пасху они целовали новокрещенных, и сам император тоже приходил и целовал троих из новокрещенных в знак своего приветствия. А когда они приводились потом во дворец, он как бы участвовал в омовении св. мира. Само участие патриарха и императора в крещении уже придавало этому событию государственное значение. Это действительно было великим праздником, и не удивительно поэтому, что из чина крещения очень многое вошло в нашу церковную жизнь. В частности, наш крестный ход на Пасху ночью, как считают исследователи, имеет своим началом шествие новокрещенных, когда они из храма Св. Апостола Петра шли в Софийский храм со свечами на литургию. Вечерня тогда совершалась вечером, это теперь она совершается утром. А тогда это было вечером, и паремии читались вечером, и все это переходило в литургию.

Это был, конечно, очень торжественный ход. Новокрещенных было множество, их готовили год или два, и особенно готовили Великим постом. Было два больших бассейна, где их крестили, и все это было очень величественно и торжественно.

На Пасху, если вы помните, у нас остался след в литургии от этого события. У нас поют на Пасху не «Святой Боже...», а «Елицы во Христа крестистесь» во время литургии. И пение «Елицы во Христа крестистесь» сохранилось и в другие праздники — на Рождество, Крещение, праздник Св. Троицы. Именно в память о том, что в эти дни в древности совершалось крещение.

Крещение воспринималось именно как величайшее событие в жизни Церкви. Церковь рождает новых чад Божиих — это действительно общецерковный праздник и даже, если хотите, сама Пасха, само Воскресение Христово как бы здесь воспринималось именно как осуществление Воскресения. Не просто как воспоминание того факта, что Христос воскрес, а именно воскрес и жительствоует, воскрес — и с ним вместе отныне воскресают люди. Крещение — это воскресение из мертвых для древних христиан, и на Пасху совершается общее воскресение.

Сила воскресения стала как бы жизнью Церкви, со Христом вместе воскресают люди от жизни греховной в жизнь вечную.

Еще здесь нужно сказать, что после крещения, когда в течение 8 дней новокрещенные ходили в храм, совершалась третья часть особенных занятий с ними. Сначала проходило оглашение, которое состояло из двух частей — общие огласительные беседы, а перед самым крещением, на Страстной седмице, они изучали Евангелие и Символ веры. А после крещения, на Пасху, в течение Пасхальной седмицы епископ проводил с ними тайноводственные беседы, посвящая их теперь уже в тайны церковной жизни. Он научал их таинственной благодатной жизни Церкви, объяснял им таинства церковные. В этом смысле наши с вами занятия тоже можно считать тайноводственными беседами, потому что мы тоже с вами изучаем таинства. И уже после того, как они прошли курс тайноводственных бесед, им отирали миро, подстригали волосы и они начинали жить обычной жизнью христианина. Конечно, церковной жизнью, а не так, как теперь.

Есть у нас теперь очень тяжелые традиции, по духу своему совершенно не церковные. Я служил в четырех разных приходах, и в трех из них бытовало мнение, что ни в коем случае нельзя причащать на Пасху, что это великий грех. Говорили, что Пасха для радости, а

для причащения пост. Так считали настоятели, священники. Вероятно, они хотели сказать, что на Пасху нельзя исповедаться, каяться нельзя. Совершенно верно. Но поскольку у нас причащение с таинством покаяния неразделимы теперь стали, то они говорили, что причащаться нельзя. Если причащаться, то надо исповедоваться на Пасху, а исповедовать на Пасху нельзя. И в этом они были совершенно правы — для этого и есть Великий пост. Омрачать пасхальную службу совершением таинства покаяния, покаянными молитвами, покаянными чинопоследованиями — это совершенно неправильно.

Но как не причаститься на Пасху? Без причастия Св. Христовых Таин какая же это пасхальная радость?

Но если уж каким-то чудом разрешат причастить людей в пасхальную ночь, то уж в следующие дни — никак. Это уже будет восприниматься как кощунство: как же это — причащать в понедельник, во вторник? Люди же мясо ели. На Пасху ведь самое главное как-никак разговеться. А раз люди ели мясо, то как же они могут причащаться?

К сожалению, такая странная традиция у нас очень сильно утвердилась. Сейчас она идет почему-то к нам с Украины, с Западной в особенности, но раньше такое и в Москве было. Сейчас уже это не так — за несколько лет последних удалось добиться изменений. Пришли молодые священники и начали причащать, и сейчас уже причащают в монастырях и патриархия не запрещает, этого, как раньше. Но вот в будние дни Пасхи этого пока еще не бывает.

Так вот, древние рукописи свидетельствуют нам о том, что новокрещенные, и не только они — об этом говорят и древние каноны — причащались каждый день на Пасху. Потому что вся пасхальная седмица по своему строю понимается Церковью как один день. Даже всю пасхальную седмицу чин литургии особенный, как в первый день. И каждый день полагается служить, полагается причащаться. И, конечно, мясо здесь не является препятствием. Дело не в том, чтобы не есть мясо, а в том, чтобы не объедаться. Надо вести духовную жизнь, а не развлекаться и увеселяться, должна быть духовная радость прежде всего, а еда не должна быть на первом месте.

Представьте себе, какая же это была Пасха. Вот они крестились, а

потом в церкви с ними каждый день беседует епископ, учит их новой жизни, они каждый день причащаются на литургии. Ходят в белых одеждах. Вот что такое крещение. Нам это даже представить себе трудно. Мы профанируем это замечательное таинство, когда где-то в углу, скороговоркой, так, что ничего нельзя понять, совершается эта треба. Причем совершается не всей Церковью, как в древности, а именно как треба: тебе нужно, сейчас мы тебя покрестим в пустом храме, в уголке.

А ведь раньше это было немыслимо. Раньше вся полнота церковная участвовала в этом таинстве.

Еще скажу вам, что у нас, конечно, невозможно даже подумать о том, чтобы 8 дней ходить в белых одеждах, 8 дней ходить на литургию — этого не позволит сегодняшняя жизнь. Но еще здесь сыграло роль одно очень существенное историческое обстоятельство. Дело в том, что со временем, и в частности у нас в России, крещение утратилось нами потому — не вполне, конечно, а в возвышенном смысле, как переживание великого праздника — потому, что перестали крестить взрослых, людей, которые понимали, что происходит. Стали крестить одних младенцев. Ну а им, конечно, неважно, кто их крестит — патриарх или священник, при всем храме или нет, в пасхальный или в будний день, в Софийском соборе или в каком-то уголке. С ними не проводились ни оглашение, ни тайноводственные беседы. То есть все потерялось именно тогда, когда стали крестить младенцев. И соответственно, конечно, не было смысла откладывать отирание св. мира на 8 дней, потому что младенцы не могли ходить в белых одеждах 8 дней. И все свелось лишь к каким-то памятным знакам. Поэтому теперь все эти чины восьмого дня совершаются сразу после крещения — сразу священник отирает миро и постригает волосы.

А в древности, как свидетельствуют рукописи, была очень интересная подробность. Для того чтобы сохранить лоб, при закрытых царских вратах. Открыть царские врата на этот возглас можно только на Пасху в первую седмицу или это является одной из самых высоких наград для священников очень заслуженных. А вот для тех, кто будет совершать крещальную литургию, это можно сделать, потому что крещальную литургию с закрытыми царскими вратами совершить не удастся. Поэтому при открытых царских вратах возглашается:

«Благословенно царство...». Затем священник и диакон тут же исходят из алтаря в баптистерий, и уже перед купелью диакон говорит ектению: «Миром Господу помолимся...». Ектению обычную, взятую из литургии, до прошения «Заступи и спаси и помилуй...», а затем следует прошение мирной ектении из последования Св. Крещения.

Священник в это время глаголет тайно молитву первого антифона литургии. Если в чине крещения совершается, как вы помните, тайная молитва священника перед крещением, то здесь произносится литургийная молитва. Затем возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава...», и хор поет первый антифон. А священник в это время читает тайные молитвы крещения. После этого уже нет обычной ектении, как бывает в литургии, и не читаются молитвы антифонов, а сразу следует возглас: «Вели еси Господи, чудны дела Твоя» и священник читает молитвы крещения вслух перед купелью.

После молитвы «Молимся Тебе, Господи» (третья молитва на освящение воды) хор поет второй антифон: «Слава, и ныне... Единородный Сыне...». И дальше опять нет ектении, а священник читает молитву на освящение елея: «Владыко Господи Боже...».

Диакон говорит: «Вонмем», священник с народом поет «Аллилуиа» и творит кресты елеем в воде. Затем возглас: «Благословен Бог, просвещаяй и освящаяй всякого человека, идущего в мир», и священник совершает помазание крещаемых елеем. После этого он уходит в алтарь вместе с диаконом и совершает вход с Евангелием — малый вход.

Хор поет «Во Царствии Твоем», тропари и кондаки, а священник в это время выходит из алтаря и после окончания тропарей и кондаков совершает крещение. Царские врата все время открыты. После крещения возлагает нательный крест, облачает в белую одежду; читается и поется псалом 31 «Блажени, иже оставишася беззакония», хор трижды поет «Ризу мне подаждь светлу», и священник читает молитву на миропомазание: «Благословен еси Господи» и совершает миропомазание.

Затем сразу следует литургийный возглас: «Яко свят еси Боже наш...». Диакон на амвоне говорит: «Господи, спаси благочествыя во

веки веков», а священник стоит перед купелью вместе с крещаемыми. Диакон подходит к нему со свечой и кадилом, и все вместе с новокрещенными и с крестными совершают торжественный ход вокруг купели с пением «Елицы во Христа креститесь» (вместо «Святой Боже», который поется на литургии). Получается очень красиво и торжественно — крестный ход со свечами, весь храм поет. Совершается такой ход (три раза обходится купель), новокрещенные остаются перед купелью, а священник и диакон уходят в алтарь. Здесь совершается чтение Апостола и Евангелия, как на литургии. Но прокимен, Апостол и Евангелие берутся из последования Св. Крещения. Можно, конечно, соединить и с дневным чтением, но можно взять крещальное чтение.

Затем следует сугубая ектения из чина литургии до последнего прошения, а вместо него произносится прошение из сугубой ектении крещального чина: «Еще молимся...» и дальше — о крестных, о восприемниках и о новокрещенных. После сугубой ектении опускаются ектения заупокойная и ектения об оглашенных, и начинается литургия по обычному чину с молитвой верных.

Когда священники причастятся в алтаре, совершается воцерковление новокрещенных: мальчиков вносят в алтарь, девочек прикладывают к иконам на амвоне. После этого отверзаются царские врата, священник выходит с чашей и всех причащает.

Литургия заканчивается обычным возгласом, а после отпуста совершаются обряды восьмого дня.

Все это, надо сказать, происходит довольно быстро, литургия задерживается не намного. Такая торжественная служба почему-то напоминает пасхальную службу и оставляет удивительно радостное чувство. Конечно, было бы замечательно, если бы мы понемногу стали возвращаться к такому совершению великого чудного таинства крещения.

16.02.94.

Лекция 17. Таинство Брака

Сегодняшняя наша тема — это таинство брака. Вы можете заметить, что мы начинаем изучение таинств с тех таинств, которыми как бы

рождается, устраивается человеческая жизнь — крещения, миропомазания, а теперь брака. И здесь нужно сказать, что именно эти таинства и еще таинство покаяния принадлежат к числу «узких мест» в нашей церковной жизни.

В нашей церковной жизни все пострадало: здания, люди, чинопоследования, сама вера и нравственная жизнь христиан. Пострадало и понимание очень важных моментов церковной жизни. Но все-таки одни здания пострадали больше, а другие меньше. Подобно этому, разные части церковной жизни пострадали по-разному. Можно с сожалением констатировать, что таинства крещения, брака и покаяния понимаются сейчас в среде людей, называющих себя христианами, так искаженно, что приходится говорить о профанации этих таинств. Такая их поврежденность имеет ряд причин и тяжелых следствий.

Неправильное, недостаточное понимание и совершение таинства крещения приводит к тому, что, крестившись, люди не живут потом церковной жизнью. Получается, что их крещение как бы не достигает цели. Точно так же неправильное понимание и совершение таинства брака приводит к тому, что люди после венчания не начинают жить христианским браком. Они живут обычной светской жизнью, которая очень часто в наше время кончается разводом.

Вы сами знаете, что в нашем веке церковные разводы стали не редкостью, хотя на самом деле церковного развода не бывает, но то, что мы называем церковным разводом, то есть распадение венчанной семьи, стало теперь довольно частым явлением, а прежде этого не было.

Для восприятия таинства брака есть особенная трудность. Это восприятие затрудняется еще и тем, что вообще христианское учение о браке весьма трудно. Есть в составе христианского учения более легкие моменты и части, а есть более трудные. Как раз учение о браке — это очень трудная область. Но можно сказать, что и вообще учение о браке не только в христианстве, но и в философии любой, и вообще в жизни человеческой очень трудно и бывает различным в разные века, у разных народов, в разных религиях.

В христианской богословской литературе тоже есть след такой

трудности. Католическая литература о браке довольно обширна, но само понимание брака в католичестве довольно сильно отличается от православного понимания. И католическая богословская литература, поэтому, для нас, в общем-то, неприемлема, хотя богослову нужно изучать своих оппонентов и знать смежные учения. Но для изучения православного богословия брака католическая литература нам будет мало полезной. Что же касается православной литературы, то она весьма скудна. В частности, русская богословская литература имеет считанные произведения, посвященные проблеме брака.

Назову несколько книг, дающих такое учение. Во-первых, книга Павлова «50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права». Это книга прошлого века — историческое исследование, посвященное законодательству и практике совершения брака, а также церковному законодательству о браке.

Другая книга, которая больше внимания уделяет нравственному значению брака, называется «Христианское учение о браке», автор Страхов (Харьков, 1895).

О браке довольно много написано русскими религиозными философами — Бердяевым, Розановым, и хотя их учение во многом не согласуется с православным учением о браке, эти философы сумели почувствовать недостаточность тех подходов — историко-канонического и морального — которые уже были сделаны в русском богословии. Философы не дают нам нужного церковного учения, но дают ощущение глубины этой проблемы, дают возможность понять вопросы, которые требуют освещения и решения.

Более полной богословской работой является книга Троицкого «Христианская философия брака», изданная в Париже в 1932 году. Но самая поздняя и, пожалуй, по-настоящему глубокая философская работа, дающая нам именно православное богословское учение о браке, это одна из лучших работ протопресвитера Иоанна Мейендорфа, которая называется «Брак и Евхаристия». Она была напечатана на русском языке в «Вестнике РСХД» (РСХД — Русское студенческое христианское движение) в NN 91, 92, 93, 95, 96 и 98 (ИМКА PRESS, Париж, 1969-70). Хотя эту работу найти не так-то просто, она у нас не переиздана (я даже обращался к редактору

«Вестника РСХД» Никите Алексеевичу Струве с просьбой разрешить нам переиздать эту работу, но нам это позволено сделать только в периодическом издании, которое у нас еще не налажено, а отдельно переиздавать нам не разрешено. Поскольку права издания у Струве, мы нарушить закон не можем). Тем не менее, я очень советую вам эту работу поискать и прочитать. Она невелика по объему, но это очень большое богословие. Правда, эта работа не содержит изучения чинопоследования брака, поэтому можно пользоваться книгой [«Таинства и обряды православной Церкви» протоиерея Геннадия Нефедова](#). В третьей части этой брошюры говорится о таинстве брака. Там излагается вкратце православное учение и чинопоследование таинства брака. Эта брошюра — результат лекций о. Геннадия в Духовной академии. Но той богословской глубины, которая есть у о. Мейендорфа, эта брошюра, конечно, не содержит.

Начиная нашу тему, следует сказать, что есть очень хорошее изречение, ставшее поговоркой: «Браки совершаются на небесах». В нем многое заложено, оно выражает веру в то, что соединение двух людей в браке не может быть плодом страстей, результатом случайностей, не может быть рассмотрено только лишь в чисто моральном или правовом аспекте. Нельзя рассматривать эту проблему и в категориях естественных человеческих потребностей или в категориях полезности для продолжения человеческого рода. Все эти подходы существуют и, конечно, имеют право на жизнь, но они недостаточны.

Есть необходимость в том, чтобы мы с вами вникали в онтологическую природу этой тайны — брака, т. е. мы должны понять, что само создание мужского и женского пола уже предполагает некую онтологию человека, некое учение о человеке вообще. Это есть как бы одна из очень важных, а может быть, основных проблем антропологии, т. е. учения о человеке.

Прежде всего стоит вспомнить, как учит, как говорит о создании мужского и женского пола Св. Писание. В Книге Бытия при описании творения Богом мира мы находим, что каждый день творения заканчивается приблизительно одинаково: Господь сотворил что-то, посмотрел и увидел, что все это «добро зело», все это очень хорошо получилось. И тогда Он переходит к следующему акту творения и

опять находит, что это тоже добро зело.

Так мы находим, что Господь творит мир в течение шести дней. Но когда Господь сотворил человека, то Он не сказал «добро зело», а через некоторое время сказал: «Нехорошо быть человеку одному». И здесь содержится замечательное Божественное свидетельство. Все творение было очень хорошим, а человек, если можно так выразиться, сначала не удался, нехорошо получился. «Нехорошо быть человеку одному», и после этого Господь сотворил ему помощника — жену.

Уже само это учение Библии о творении человека говорит, что мужской и женский пол только вместе могут явить нам Божественное «добро зело», только вместе они достигают той гармонии, полноты, красоты, которая достойна замысла Божия о человеке. Мы знаем, что в Новом Завете есть другое учение. Апостол Павел говорит, что во Христе нет ни мужеска пола, ни женска (там еще говорится о том, что нет ни элина, ни иудея, ни мужеска пола, ни женска, но нова тварь во Христе). Это означает, что пред Богом мужской пол и женский пол не имеют онтологической разницы, они являют одну природу, одну бытийную жизнь, и достоинство их пред Богом одно. Я советую вам получше вдуматься в эти доводы, и тогда снимутся многие и многие псевдопроблемы современности.

Сейчас, вы знаете, и на Западе, и у нас очень сильно феминистское движение. У нас веками обсуждался так называемый «женский вопрос». Этот вопрос, по существу говоря, всегда вращался вокруг того, что женщины чем-то обделены в отношении мужчин, и это несправедливо в отношении их устроено. Они чем-то недовольны и хотят во что бы то ни стало сравнять свое положение и добиться странного советского или коммунистического равенства. Настоящее же христианское отношение к этому вопросу вполне может эту озабоченность снять, потому что пред Богом никакого неравенства нет изначально. Пред Богом есть один человеческий род, одна человеческая сущность.

Более того, скажу весьма ответственную мысль. Вы помните, что человек сотворен по образу и подобию Божию. Когда говорят об этом, то говорят обычно о свободе человека, о разумности, о логосности человека (человек — единственная из всех тварей словесная тварь).

На самом деле черт Богоподобия гораздо больше. Это специальная тема, причем очень интересная. Именно на этой позиции можно развивать антропологию — учение о человеке.

Конечно же, не может так быть, чтобы столь существенное разделение на два пола было как бы вне этого Богоподобия. Этого не может быть. Конечно, здесь тоже можно искать черты Богоподобия, но было бы большой ошибкой зайти слишком далеко. На этом-то и пытаются всегда ловить недоброжелатели: это ересь, вы хотите во Святой Троице найти какую-то разнополость.

Конечно, это было бы страшной ересью, и делать этого не следует. Но не какой-то современный богослов и тем более не я придумал эту мысль. Эту мысль о Богоподобии именно в таком устройении человечества высказал святой отец, древний учитель Церкви Григорий Нисский. Он утверждает, что такое троичное устройство рода человеческого как раз именно здесь более всего является.

Мне приходилось читать разные работы, где говорилось, что в человеке тоже есть троичность. Например: ум, воля и чувство. Конечно, на самом деле это неправильно, потому что в жизни вообще очень часто встречается троичность, и это просто диалектическая черта всякого творения, всякой твари. Но ум, воля и чувство относятся к одной личности. А что такое Троица? Это Одна Божественная Личность в трех Ипостасях, в трех Личностях. То есть мы можем вполне искать и в человеческом бытии такую триипостасность, это будет закономерно: если мы утверждаем, что человек есть образ Божий, то значит, что триипостасность должна быть и в человеке.

Так оно и оказывается: человечество состоит из этого триединства — отец, мать и чадо, т. е. отцовство, материнство и сыновство. Эти личностные, ипостасные свойства, безусловно, имеют в себе черты Богоподобия. Ведь мы говорим о Боге Отце и о Боге Сыне. И говорим о том, что все совершается Духом Святым. Подобно этому, и в человеческом роде есть такие черты.

Замечательно, что «Дух Святой» в переводе с греческого на русский должен быть переведен в женском роде. Это, конечно, не значит, что можно приписать Святому Духу какое-то женское начало. Наоборот:

в женском начале можно искать какие-то черты Богоподобия, как и в мужском начале, и в сыновстве человеческом.

Все это я говорю для того, чтобы заранее подчеркнуть, что, говоря о таинстве брака, мы, прежде всего, обязаны обратиться к онтологии человеческого бытия, понять, что такое человек, потому что брак — это есть существенная онтологическая черта в жизни человека. И только то учение о браке будет полным и основательным, которое сумеет хотя бы как-то проникнуть в учение о человеке.

Так вот, слова ап. Павла, что во Христе нет ни мужеска пола, ни женска, утверждают именно ту мысль, что онтологическая сущность мужчин и женщин одна и та же. Отличаются они личностными свойствами; они являются как бы разными ипостасями одной человеческой сущности. И достоинство их совершенно одинаково пред Богом. Оно и не может быть разным, потому что это одна сущность, одна природа. И говорить о том, что мужчины лучше женщин, так же глупо, как говорить о том, что женщины лучше мужчин.

Мужчина и женщина — это как бы две части одного целого, и целостность человеческой природы не достигается вне единства полов. Но нужно сказать, что такое высокое учение о человеке и о браке открывается нам только в христианстве, только в связи с таким высоким учением о Боге, какое имеет только христианство. Если люди не имеют учения о Боге, то, естественно, у них нет и учения о человеке. Именно в Богоподобии мы находим основание для антропологии. Соответственно, если учение о Боге снижается, как это бывает в других религиях по отношению к христианству, то снижается сразу же и учение о браке, учение о человеке.

В христианстве брак понимается как великий Божественный дар, который делает Адама полноценным человеком, вполне добрым, вполне хорошим творением Божиим, и это есть путь к полноте, к преображению, к совершенствованию, к исполнению замысла Божия о человеке, т. е. к реализации, воплощению того замысла, который человеку приписывает самые высочайшие достоинства, достоинства Богосыновства. Адам только лишь творением Евы достигает такого достоинства.

В других религиях мы этого не находим. Когда же человек отпадает от Бога, теряет истинную веру и знание Бога, то учение о браке, конечно, искажается самым катастрофическим образом, так же, как искажаются и другие стороны жизни человека. Здесь все извращается и не просто снижается, а как бы крушится и падает в свою противоположность.

Вы помните, наверное, что у мусульман есть такая молитва: «Благодарю тебя, аллах, что я не женщина». Но есть, конечно, у язычников самые ужасные представления о браке, о смысле существования женского пола. И все это приводит к страшным извращениям и аномалиям. Вы знаете, конечно, что в язычестве, как и в мусульманстве, существовало всегда представление о полигамии — многоженстве. И только христианство учит об абсолютной моногамии.

Для того чтобы приблизиться к пониманию христианского учения о браке, нужно, прежде всего, приблизиться к истории. В таком кратком обзоре мы обращаемся, прежде всего, конечно, к Ветхому Завету. Хотя Ветхий Завет дает нам очень высокое учение о человеке, именно в творении Божиим человека по образу и подобию Своему мы и находим отправную точку для антропологии и учения о браке тоже. Тем не менее, Ветхий Завет — это время как бы безблагодатное, это время, когда люди еще не знают Бога. Они помнят Его, знают, что Бог един, что Он — истина. Но они Бога еще не знают по-настоящему, и потому их жизнь существенно ущербна, это как бы простая попытка удержаться до того момента, когда придет Мессия и спасет. До тех пор нужно как-то дождаться, выстоять. И вот эту невыносимую земную греховную, безблагодатную жизнь нужно как-то так прожить, чтобы не потерять самого главного — единственного пути в память о едином Боге.

Естественно, что учение о человеке и учение о браке в Ветхом Завете не имеет той глубины, которой оно достигает в христианстве. В Ветхом Завете брак понимался весьма специфически в силу того, что не было ясного учения о вечной жизни, о духовном мире. В связи с незнанием Бога древние евреи предполагали, что вечная жизнь человеку дается в его потомстве. Это чисто эмпирическое учение — вот они видят своими глазами, что умножается род человеческий, и

дети наследуют родителям по своей природе, т. е. отсюда является мысль: я как бы имею продолжение в своих детях. Отсюда возникает надежда: я буду жить вечно, если вечно будет жить мой род. Чем больше будет мое потомство, тем надежнее обеспечена моя вечная жизнь. Если же нет у человека потомства, то он лишен вечной жизни — и это было самым страшным проклятием для еврея. Поэтому бездетные семьи и считались отвергнутыми Богом, и бездетность была верным признаком каких-то тайных грехов.

Вы помните, как Иоаким и Анна терпели поношения бесчадства. Их даже не допускали в храм к принесению жертвы, потому что если они были бесчадны, это значит, что они были недостойны придти в храм и принести жертву Богу. Они отвергнуты Богом, и напрасно они будут молиться, напрасно будут ходатайствовать перед Богом об очищении — над ними уже есть как бы приговор, некое проклятие. Поэтому они так со слезами и молились о даровании им ребенка.

Это учение о браке имело свои интересные последствия. Одно из них — в том, что у евреев ветхозаветных женщина не могла остаться незамужней. Как вы помните из Евангелия, могли быть назореи — мужчины, посвятившие себя Богу. Но женщин обязательно всех выдавали замуж. Отсюда с очевидностью следует, что допускалось многоженство. Но оно было оправдано для еврея — оно допускалось не потому, что какой-то еврей хотел иметь много жен, а потому, что нужно было, чтобы у каждой женщины родились дети. Иначе она не будет иметь вечной жизни.

Более того, если бывало так, что кто-то оставался бездетным, то существовал в законе Моисеевом закон левирата (ужичества, как он называется по-славянски). По этому закону брат умершего должен быть взять его жену и восстановить семя брату своему. Дети, рожденные от такого левиратного брака, зачислялись умершему, чтобы умерший не остался без вечной жизни. Это одна из причин, по которой различается родословная Христа у евангелиста Матфея и евангелиста Луки. Но это потому, что в тех случаях, когда имел место левират, одни из позднейших историков зачисляли детей одному отцу, реальному, а другие — отцу законному. Потом это перемешивалось, и где левират, а где настоящий брак, уже трудно было вспомнить. Поэтому получалось, что родословные могли идти по

разным линиям... может, единственное в своем роде, и оно не имеет аналогов.

В нем, конечно, с одной стороны мы видим большую чистоту, потому что все пронизано идейным стремлением — нужно было, чтобы через брак и деторождение осуществилась вечная жизнь. Это возводит брак к очень определенной задаче: смысл его в том, чтобы через него достигать вечной жизни, жизни с Богом. А вечная жизнь понималась как достижение жизни в царстве Мессии. Вот придет Мессия, и очень важно, чтобы кто-то из моих потомков до Него дожил, тогда, значит, и я в этих потомках тоже буду вместе с Мессией, в царстве мессианском, которое и понималось как жизнь вечная, как будущее блаженство.

Таким образом, брак возведен к высокому идейному и религиозному пониманию. Но, с другой стороны, это придает ему некую утилитарность: брак нужен не ради брака, не ради того, что именно в нем достигается полнота жизни, а он нужен ради достижения каких-то будущих целей, собственно браку несродных. Этот утилитарный подход к браку лишает это учение подлинности, глубины, настоящей онтологии, т.е. бытийного учения, бытийного понимания. Оно делает понимание брака примитивным. А там, где нет настоящей глубины, настоящей подлинности и истинности, там всегда очень легко приражается нечто несродное, ложное, и всякие искажения, в том числе и нравственные, здесь, конечно, легче возникают.

В христианстве учение о браке иное. Кроме уже приведенных слов ап. Павла, мы можем вспомнить и другие слова Нового Завета, прежде всего слова Самого Христа. Вы помните, наверное, что вообще образ брака встречается в Евангелии довольно часто. Этот образ необычайно высок. Более того, Сам Господь Иисус Христос часто Сам Себя называет Женихом. И наши богослужебные тексты тоже часто называют Христа Женихом Церковным.

Ап. Павел прямо в своем Послании к Ефессянам, которое читается в чинопоследовании брака, дает нам удивительные слова: «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви». Он уподобляет брак между мужчиной и женщиной браку Христа и Церкви, и этот образ, это уподобление дают нам, с одной стороны, особенное и новое понимание Церкви и отношений Церкви и Христа,

а с другой стороны, дает нам удивительную глубину именно в учении о браке между мужчиной и женщиной.

Этот образ воспринят Церковью как, может быть, лучшее определение Церкви: Церковь есть Тело Христово, Церковь есть Невеста Христова. Нужно здесь вспомнить и другие слова Христа. Однажды, как вы знаете, Христос был искушаем саддукеями, которые не верили в вечную жизнь. Они хотели Христа привести к противоречию, поэтому приступили к Нему с вопросом: был у нас некий человек, который имел несколько братьев. И первый умер, не имея детей. Тогда его жену взял второй брат и тоже умер, не оставив чад. Тогда взял третий брат — и так до седьмого. И ни у одного из них не родились дети. Так вот, в вечности, в Царствии Божиим, чьей женой будет эта женщина — ведь все семеро имели ее в качестве жены?

Таким весьма тонким хитросплетением саддукеи думали уловить Христа и поставить Его в тупик. И таким образом привести Его к признанию их мысли о том, что вечности нет, вечной жизни и Царства Божия нет. Но Христос отвечает неожиданно: в Царстве Божиим не женятся и не посягают, а пребывают, как ангелы на небесах.

Эти слова Христа могут вас ввести в некое сомнение: не означает ли это, что Христос как бы отрицает онтологию брака? Не означает ли это, что Христос признает за браком только лишь временное земное значение? А вот на Небе, в Царстве Божиим, в Вечности не будут ни жениться, ни выходить замуж, а будут жить, как ангелы. То есть там брака не будет, там он не нужен.

Конечно, нужно понимать слова Христа в контексте того диалога, в котором они сказаны. Представление саддукеев о браке является очень низким. Для них брак — это нечто совершенно земное, они понимают брак как нечто временное и утилитарное устройство человеческой жизни. И такого плотского брака, земного брака в вечности не будет. Именно об этом говорит Христос: такого брака, о котором спрашивают саддукеи, в вечности не будет. И такие левиратные отношения, конечно, не могут сохраниться в Царстве Божиим. Такой брак, такие законы Христос отрицает для вечности.

В другом месте, когда Христа спрашивают фарисеи, можно ли человеку разводиться с женой, то Христос говорит совершенно другое: что Бог сочетал, то человек да не разлучает. Здесь прямое указание на то, что брак — это Божественное сочетание двух личностей, которое не должно разрушаться человеком. Иначе говоря, здесь мы видим начало христианского учения о браке: брак есть вечное соединение, онтологическое соединение двух личностей. Это есть Божественное учреждение, а следовательно вечное, а следовательно — онтологическое.

По учению христианской Церкви, исходя из всего того, что являет нам Новый Завет, мы видим, что брак христианский — это соединение в любви. Нужно здесь вспомнить и то, что Бог есть любовь. И вот такая Божественная любовь способна соединить две личности воедино. Это соединение Божественно, совершается Богом, и совершается навечно. Должно совершаться навечно. Здесь осуществляется замысел Божий о полноте человеческого бытия. Эта полнота плодоносит, дает возможность человеку достичь совершенства, в ней именно вполне осуществляется Богоуподобление человека, здесь именно он делается отцом и сыном.

23.02.94.

Лекция 18. Таинство Брака

Я рассказывал вам в прошлый раз о том, как понимался брак в Ветхом Завете. Брак имел значение прежде всего продолжения рода для будущего царства Мессии, чтобы достигнуть в своих потомках вечного блаженства в мессианском царстве. Поэтому у евреев допускался ливератный брак, поэтому и все понимание брака у них существенно отличалось от того, как понимала его православная Церковь.

Вы помните, что в древнееврейском ветхозаветном понимании брак не воспринимался только как некий союз любви, хотя у нас есть ветхозаветные тексты, которые воспевают любовь супружескую (Книга Песни Песней Соломона). Тем не менее, в браке не это было самое главное. Даже понятие о вечном значении брака не могло быть таким, как у нас, потому что представление о вечной жизни было совсем иным.

Когда мы возвращаемся к христианскому православному пониманию брака, мы не можем ограничиться только ветхозаветной историей, потому что христианское учение, безусловно, должно было как-то реагировать и, если хотите, вырастать из связи с той античной культурой, теми античными древнегреческими, римскими учениями, которые оно застало, которые нельзя было игнорировать, когда в христианство пришли греческие народы.

Естественно, что для понимания православного учения о браке нужно обратиться еще и к истории брака языческого. Я уже вас предупреждал о том, что учение о браке является весьма и весьма сложным в составе христианского вероучения. И сегодня опять говорю об этом, потому что довольно трудно объяснить православное учение, особенно в наше время, по разным причинам.

Во-первых, сейчас мы очень сильно испорчены довольно длительным советским периодом. Но не только этот атеистический период сильно повредил наше восприятие брака. Уже и в православной России, да и в Греции, понятие о таинстве брака весьма сильно трансформировалось. Здесь очень сильно было влияние католичества. Даже в православном богословии учение о браке не получило должного освещения, оно остается очень трудным и проблематичным даже до наших дней.

Я постараюсь объяснить вам то, что я сам понимаю, и что мне удалось почерпнуть в разных источниках, но не знаю, сумею ли я донести это до вас. Хочу вас предупредить. В силу сложности, непростоты этого учения кто-то из вас так и не сможет уяснить его. Не спешите обличать меня в ереси, сначала спросите, что вам непонятно, и, может быть, я смогу со второго или с третьего раза вам объяснить ту православную позицию, которая является существенно важной для нас. Если мы не поймем православного учения о браке, то вряд ли мы сможем в дальнейшем вообще совершать таинство брака правильно, вряд ли мы сможем понимать жизненно важные моменты во многих житейских коллизиях, связанных с браком, которых очень много. И не только для пастыря, но и для всякого преподавателя Закона Божия, всякого воспитателя, педагога, катехизатора очень важно понимать православное учение о браке. Но это требует серьезного напряжения, нам придется поработать, заглянуть в

историю.

Прежде всего, нужно вспомнить о том, каким было отношение к браку в Древнем Риме. Потому что государство, в которое пришел Господь Иисус Христос, было римским государством. Оно было не сию минуту создано, имело уже свою длинную историю и утвердилось в истории как одна из самых великих эпох государственности.

Римское государство создало правовые нормы, нормы гражданской жизни, которые стали основой для государств всех последующих эпох. Именно государственная норма, или идеал, Рима в очень большой степени повлияли на будущие представления о законодательстве, о социальном, общественном, гражданском и даже религиозном устройении жизни.

Необходимо посмотреть, как в Древнем Риме понимали брак. Как вы знаете, там были свободные люди и были рабы. И была такая презумпция, что закон существует только для свободных граждан Рима, рабы не являются объектами закона. Для рабов не существует законной жизни, не может быть норм законной жизни. Между свободными римлянами мог быть заключен брачный союз, брачный договор. И поскольку именно Рим имел такой особенный пафос юридического устройства жизни, то и здесь учение о браке носит на себе сильные черты юридикализма. Брак понимался именно как договор, юридический договор между свободными гражданами. Между рабами такого договора быть не могло, поэтому между ними не могло быть и брака в понимании Римского государства, могло быть только сожитительство, или ... (?). Такое сожитительство признавалось как некая наличная реальность, но никто не усваивал ему каких-либо юридических основ. Это сожитительство не могло иметь юридической защиты, то есть хозяин рабов мог свободно разлучить, скажем, мужа и жену или взять их детей; он мог распорядиться ими по своему усмотрению, и римское право этого не запрещало.

Для нас существенно здесь другое — то, что брак понимался именно как договор. Мы видим, что католическое богословие, которое, как всегда, и здесь находилось под очень сильным влиянием римского юридикализма, усвоило себе именно такое понимание брака: брак как договор. Конечно, договор между язычниками Рима был договором чисто земным, государственным, и имел силу до тех пор, пока

договаривающиеся стороны были живы. У католиков, естественно, трансформируется понятие о договоре, потому что они вовсе не чужды пониманию того, что брак есть таинство. Они, конечно, верят в благодатную таинственную жизнь Церкви, в духовную жизнь, у католиков есть христианское понимание о вечной жизни, о Царстве Божием, и они понимают, что церковный христианский брак есть некое новое состояние, которое утверждается благодатью Божией. Но зная об этом, они не могут преодолеть римского юридического подхода и считают, что таинство брака — это особенный мистический момент договора, который будет иметь вечную силу. То есть брак не перестает быть договором, он остается им, как у римлян, но только уже не земным, а небесным. Это договор, который заключается в вечности, заключается на Небе.

Это очень существенно для нас. Мы должны это усвоить, чтобы понять православное учение о браке. Если брак есть договор, который действует, пока живы договаривающиеся стороны, то естественно, что у католиков, когда договор получает как бы вечное значение, не может быть и речи о разводе. Развод невозможен, потому что договор заключен благодатным образом на Небе, и это неотменимо. Это не может быть разрушено человеком, поэтому развод категорически невозможен, он не существует. Но если один из вступивших в брак умер, то договор теряет силу — в римском понимании. И католики, как это ни удивительно, усвоили такой же взгляд. Для них тоже земная смерть одного из супругов означает, что договор как бы уже не имеет той силы даже и на Небе, которую он имел прежде, и поэтому возможен второй брак.

Православный взгляд на таинство брака совершенно иной. Брак не есть договор с точки зрения православной. Вообще это не договор. Брак есть таинство. Брак есть некий дар любви неразрушимой, Божественный дар любви. Этот дар нужно хранить и развивать, но он может быть утерян. Это не юридическая категория и не юридический акт — это момент духовной жизни. Поэтому таинство брака православными воспринималось как момент принятия благодати Божией, как момент совершения некоего чуда соединения, когда силой Божией два человека соединяются воедино.

Именно это является центром православного понимания брака. Если

юридический брак заключается между язычником и язычницей, то брак христианский заключается, совершается между христианином и христианкой. Возможно, это покажется вам тавтологией, но здесь очень важно понять, что брак имеет свое достоинство в зависимости от того состояния, в котором находятся брачующиеся. Не от того, какой обряд будет совершен над ними — не в этом главное. Главным является то, кем являются по существу вступающие в брак по своему сердечному устройению. Если, например, теперь часто бывает, когда крещеные люди приходят в церковь и хотят повенчаться, но по своему сердцу они христианами не являются, то естественно, что брак будет христианским только по форме, но он не может стать христианским по существу. Как нельзя, например, соединить между собой два куска железа и получить золото, так и здесь — нельзя, соединивши в браке двух не православных людей, получить православный брак. Это немыслимо, какие бы мы ни употребили при этом формы.

Таким образом, именно состояние души брачующихся определяет смысл события, которое происходит в браке. Конечно, это не только для брака так, это верно для любого таинства, но в других таинствах это как бы более понятно и очевидно. Скажем, если человек приходит ко Крещению формально, он не может усвоить данную ему благодать — это вещь очевидная, не требующая разъяснения. Здесь же мы говорим несколько о другом. Мы говорим о том, что люди, которые приходят формально к таинству брака, не только не могут усвоить того, что совершается над ними, но они по существу и не могут стать той православной семьей в онтологическом смысле, которой является православный брак.

Вы помните, что в таинстве брака есть такие слова: «Венчает в плоть едину». Эти слова нужно понять не только как просьбу или констатацию простого единства будущих мужа и жены, но речь идет о единстве мужа и жены в Теле Христовом, в единой плоти Церкви. Это именно так потому, что ап. Павел уподобляет брак между мужчиной и женщиной браку между Христом и Церковью и говорит: «Тайна сия велика есть». Так что, соединяя будущих мужа и жену, благодать Божия соединяет их в Церкви, в теле церковном, а это возможно только в том случае, если они являются членами Церкви,

если они являются чадами Церкви, находятся в составе Тела Христового. Тогда их брак будет действительно христианским таинством. И поэтому древние христиане таинство брака совершали особенным образом в некотором смысле. Всякое другое таинство имело свой образ. Например, при крещении погружали в воду, таинство дарования Духа Святаго совершалось возложением рук архиерея или потом через миропомазание.

Вы знаете, что через рукоположение совершалось таинство священства. Но таинство брака, о котором я говорю, что оно совершалось особым образом, не имело никакого особенного образа. Оно совершалось только лишь совместным причащением у Чаши Христовой. Конечно, общее причащение жениха и невесты было не таким, как теперь, когда мы говорим: «Если хотите повенчаться, то приходите обязательно вместе причаститься». И вот в толпе причастников находятся двое, ничем не выделяющиеся и никому не известные как собирающиеся венчаться, но они вместе причащаются. Не так, конечно, это было.

Церковная община знала, что они сегодня получают благодатный дар, сегодня совершается их брак на небесах. И, конечно, они приходили к Чаше Христовой вместе по благословию епископа и причащались с особой молитвой, испрашивая у Бога благодатный дар любви и единства. Епископ читал обычно очень краткую молитву о них при этом. Потом это делал священник. Но все-таки само таинство совершалось именно через Св. Причащение Тела и Крови Христовой. Ничего более не требовалось, чтобы совершить это таинство, не было никакого другого обряда, никакого другого особого действия. Потому что два члена Церкви внутри Церкви соединялись воедино. Они вновь обновляли свою церковную жизнь, причащаясь Тела и Крови Христовой вместе, это и было их соединением «в плоть едину».

Это нужно понять. Переживание древними христианами таинства брака было именно таким, это было чудо, которое совершалось в Евхаристии. Конечно, когда Церковь была гонима, не могло быть и речи о том, чтобы такое совершение брака было как-то особенно отмечено наподобие древних брачных обрядов, которые существовали, конечно, до христианства, существовали и в Ветхом Завете, у евреев, существовали у греков, у римлян — у всех

язычников, и были очень часто пышными, разработанными. Всего этого не могло быть во времена гонений, когда сама Евхаристия совершалась втайне. Но когда Церковь перестала быть гонимой, она не стала отвергать всю эту наличную жизнь, которая была дорога людям и вполне могла принять и воцерковить все то, что не противоречило христианской жизни. Нужно было только преобразить эту наличную жизнь и освятить ее.

Конечно, те, кто вступал в брак, очень скоро стали совершать это весьма торжественно. Их приводили в церковь в сопровождении друзей, иногда это было какое-то особенное шествие со свечами; конечно, были разные атрибуты, дары, брачные наряды. Например, у древних греков был обычай невестам обрезать волосы, потому что необрезанные волосы были принадлежностью девства. Полагалось обрезать их и принести в храм Дианы — покровительницы брака. И обрезание волос, и всякие прически, украшения, наряды, и другие торжественные атрибуты вполне могли быть воцерковлены. И, конечно, теперь брачующиеся были приводимы в церковь с большим торжеством и в этих особенных нарядах приступали к Святой Евхаристической Чаше. Но по-прежнему само таинство брака совершалось именно здесь, в их общем причащении — и больше ничего. Может быть, были еще какие-то краткие молитвы, было церковное благословение епископа. Но само таинство совершалось именно так.

Для того чтобы уяснить православное учение о браке, нам придется обратиться к тем проблемам, которые, казалось бы, прямо с таинством брака не связаны. Например, к проблеме второбрачия. Как я уже говорил, у католиков второбрачие стало законодopusным, но в древней Церкви второбрачие было невозможным. Потому что понимание брака евангельское, в соответствии со словами Христа, предполагало моногамию, т. е. единобрачие. Потому что соединенные благодатью Св. Духа воедино муж и жена остаются соединенными навеки. И даже смерть не может и не должна разлучить их единство, и всякое второбрачие будет разрушением этого единства, как бы отвержением того дара, который они испрашивали у Бога. Тем не менее у ап. Павла в одном из его посланий есть слова, где он повелевает, чтобы вдовы выходили

замуж, рожали детей и жили семейной жизнью.

Нет ли здесь противоречия? Противоречия здесь нет, потому что речь идет о разных вещах. Есть идеальное представление о воле Божией, о том, что устраивает Господь Своим Промыслом, Своей святой волей, каким является брак по замыслу Божию. И есть наличная жизнь, которая от замысла Божиего слишком часто, к сожалению, отличается, и слишком сильно отличается. Но Церковь всегда обращена к наличной реальности, она не может заблуждаться на тот счет, что реальная жизнь очень часто не достигает идеала. Идеал далеко не всегда достижим. Задачей Церкви является всегда спасение грешника, нужно прийти к тому реальному человеку, который сегодня не умеет жить идеальной жизнью, и постараться его преобразить, подвигнуть на жизнь праведную. Нельзя поставить ему невыполнимые задачи.

И вот существует экономия церковная — домостроительство, такой принцип, когда ради пользы церковной допускаются некоторые компромиссы. Из двух зол Церковь выбирает меньшее. И вот руководствуясь такой экономией церковной, ап. Павел повелевает вдовам выходить замуж во второй раз, чтобы препятствовать худшему нарушению церковной жизни — блуду. Пусть лучше они выходят замуж во второй раз, и не будет совершаться блуд. Это указание ап. Павла нужно обязательно сопоставить с его другим словом, когда он говорит, что советует соблюдать каждому свою деву. Вы помните, наверное, такие слова, когда спрашивают апостола, следует ли выдавать замуж девиц, дочерей своих. Для нас эти слова могут показаться странными, для нас не подлежит сомнению, что следует дочерей выдавать замуж, но для первохристиан это было не так, потому что они жили в напряженном ожидании конца мира. Они иногда буквально верили в слово Христа о том, что не прейдет род сей, как все сие будет, т. е. еще не умрут те, кто был свидетелем пришествия Христова, как уже совершится конец мира. А если так, то следует ли выходить замуж, устраивать семьи, есть ли в этом смысл?

Примерно такое значение имел этот вопрос, обращенный к ап. Павлу. Ап. Павел отвечает на этот вопрос совершенно иначе, он отвечает как бы навечно, он знает, что не обязательно конец мира наступит теперь же, и дает ответ, который может быть полезным для всех поколений:

лучше каждому соблюдать свою деву, т.е. не выдавать ее замуж, потому что, выходя замуж, она будет иметь скорби по плоти. «А мне вас жаль», — говорит апостол. И дальше он говорит, что всем желает быть таким, как он — оставаться в девстве.

Но здесь можно сказать, что речь уже идет об особом образе жизни — о монашестве. Тогда монашества еще не было, но именно монашеская девственная жизнь имеется в виду. Ап. Павел говорит, что этот образ жизни более высок. Как видите, ап. Павлу совершенно не свойственно снижение первохристианского понимания брака. И не из тех соображений, что он хочет снизить этот образ, он разрешает второбрачие и повелевает вдовам выходить замуж. Он говорит об этом из соображений дисциплинарных, чтобы предотвратить худшее зло.

Тем не менее, вопрос о второбрачии здесь до конца еще не разрешен. Церковь допускала вторые браки — это для нас очевидно. Но, если хотите, она их не благословляла. Не в том, конечно, смысле, что ни один священник никогда никого не благословил во второй раз выйти замуж или жениться. А в том смысле, что Церковь с самого начала второй брак понимала как некую уступку немощному человеческому естеству, немощной человеческой природе, и послабление, конечно, крайне нежелательное в принципе. Это видно из того, что каждый, кто желал вступить во второй брак, с точки зрения Церкви совершал как бы некий грех.

Вот человек женился или девушка вышла замуж, а муж ее потом умер. Конечно, Церковь не может не видеть в этом Промысла Божия. Это, конечно, означает, что воли Божьей нет на то, чтобы ей жить в браке. Раз так, надо принять эту волю и остаться одинокой. С точки зрения церковной здесь все ясно. Но если человек немощен и не может нести крест одиночества, то здесь явным образом проявляется его греховная немощь, греховная природа, и поэтому второбрачие воспринимается как некое отступление, некий грех и, конечно, должно подвергаться епитимье. Епитимьей же в древней Церкви с самого начала было отлучение от Чаши Христовой, Поэтому второй брак не мог заключаться таким образом, как заключался первый, т.е. те, кто вступал во второй брак, не могли причаститься Св. Христовых Таин, иначе говоря, таинство здесь уже не совершалось. Из этого

явствует, что Церковь второй брак просто не допускала, его не было в принципе как таинства, он был лишь как наличное состояние грешного человеческого рода.

Потом, однако, когда страсти улеглись, когда жизнь вступивших во второй брак как бы входила в колею и люди как бы принимали на себя новый грех в этой жизни, со временем, увидев, что в их сердце уже не бушуют страсти, которые не позволяли им остаться одинокими ..., епитимья, которая на них налагалась (отлучение от Чаши), была как бы исполнена, они впоследствии вновь допускались к Чаше, они могли причащаться. То есть они допускались в полноту церковной жизни, но их брак никогда не был равноценным первому браку, не становился подобным ему, тем, чем мог быть только один брак.

Для того чтобы дальше проследить эволюцию совершения таинства брака в истории, нам нужно будет обратиться к 10 веку. Тогда в Византии осознание жизни христианской было таким, что и само государство постепенно делалось некоей составной частью церковной жизни. Соответственно и Церковь начинала пониматься как некая неотъемлемая часть жизни государства. Такое понимание жизни неоднократно приводило к тому, императоры византийские проявляли весьма активную церковную законодательную инициативу. В конце 9 — начале 10 века император Лев VI издал так называемую 89-ю новеллу, в которой он выражает сожаление о том, что браки в предшествующих законах рассматриваются лишь как гражданские формальности, и постановляет, чтобы брак, не получивший церковного благословения, впредь не назывался браком, а назывался лишь незаконным сожителем. Иными словами, только церковное заключение брака отныне придает ему законную действительность. Это действие императора Льва, которое, вероятно, произвело на вас впечатление как проявление большого благочестия, имело в истории чрезвычайные последствия.

До сих пор очень часто в Церкви мы слышим такие слова: если ты не венчался, то ты блудник. Очень часто священники с амвона говорят о том, что те, кто не венчался, те блудники и поэтому их нельзя причащать. И на исповеди очень часто тех, кто не повенчан, заставляют каяться в блуде, потому что они не венчаны и их жизнь

не может быть признана браком. Это сегодняшнее сознание очень многих христиан и очень многих священников. Это сознание восходит, как видим, к императору Льву VI, к 9-10 веку Византии. И хотя оно выглядит как очень благочестивое начинание, на самом деле оно имело для Церкви, для самого таинства брака самые бедственные, самые разрушительные последствия.

Дело в том, что здесь Церкви навязывается совершенно не свойственная ей функция. Церковь имеет в этом мире одну задачу — она являет здесь Царство Божие и надмирна по своей природе. Ей не могут принадлежать функции этого мира, она не может на себя брать задачи государственные, юридические, не может заниматься общественной жизнью, политикой и т. д. Ее задача — благодатствование человека, соединение его с Богом, возведение его от земной жизни к жизни небесной. Здесь же, в этой новелле, Лев VI усваивает Церкви некие функции современного загса. Церковь должна отныне регистрировать браки, чтобы они получали некое законное оформление. И если такая регистрация Церковью не совершается, то люди не могут жить семейной жизнью. По силе этой новеллы эти люди оказываются блудниками, т.е. людьми заведомо как бы осужденными и выпадающими из правильной гражданской жизни. Дело не в том, что Церковь выдавала какие-то свидетельства, хотя она, конечно, должна была и свидетельства выдавать о том, что совершилось венчание. Но просто самому венчанию усваивалась функция законодательного оформления брака.

К тому же понятно, что как только это было утверждено, Церковь попала в очень тяжелое положение. В Церковь стали приходить все вступающие в брак. И Церковь уже не могла отказать им в таинстве брака, потому что они желали жить супружеской жизнью. Они были крещеными, и не было оснований им отказать. А коли так, то нужно было совершать это таинство, и очень часто совершать его как бы формально. Перед Церковью встала проблема: как сохранить святая святых ее жизни — Евхаристию. В самые страшные времена гонений, когда Церковь вынуждена была идти на разные компромиссы, иногда очень тяжелые, она все-таки сохраняла Евхаристию, сохраняла ее святыню, ее святость и неприкосновенность. Здесь же сама Евхаристия оказывалась под ударом, потому что к ней стали

приходить совершенно чуждые Церкви люди. Каждый вступающий в брак должен был прийти и причаститься Св. Христовых Таин, потому что именно это было заключением брака, его таинством.

Как всегда, среди тех, кто называл себя христианами, истинных христиан было мало. Настоящая Церковь всегда была малым стадом. И Церковь всегда старалась охранять Божественную Евхаристию от людей, которые, по существу, не были членами Церкви. Поэтому здесь совершается нечто для нас удивительное: Церковь меняет в принципе чин совершения таинства брака. Таинство брака отделяется от Евхаристии. Если раньше оно совершалось в самой Евхаристии, внутри ее, как никакое другое таинство, через причащение, то теперь Церковь постановляет, чтобы таинство брака совершалось другим образом. Именно в 9 веке вырабатывается чин венчания.

Конечно, венцы и раньше возлагались на брачующихся, они именно в венцах приходили причащаться Св. Христовых Таин. Но теперь возложение венцов приобретает смысл совершения таинства, а не причащение Св. Христовых Таин. Это то, что называется часто секуляризацией, то есть отделением брака от Евхаристии.

Конечно, здесь остается проблема венчания второбрачных, хотя она уже в значительной степени снята, поскольку таинство брака теперь уже не связано неразрывно с Евхаристией. Но для второбрачных составляется отдельный чин венчания. Если молитвы чинопоследования брака обычно бывают очень торжественными, радостными, то молитвы чина второбрачных имеют покаянный смысл. В них говорится о немощи естества и испрашивается милость и прощение у Бога. Но и то, и другое теперь как бы вне Евхаристии, утрачена та определенность, которая существовала в древней Церкви, когда первый брак совершался как таинство, а второй брак не совершался как таинство. Теперь венчание совершается и там, и здесь, нет того противопоставления, нет той чистоты, той ясности в учении Церкви.

Более того: если Церкви навязано законное оформление брака, то она вынуждена и снимать это законное состояние брака, благословлять разводы, что не только не свойственно ей, но и невозможно для нее, потому что здесь есть прямой запрет Христов: «Что Бог сочетал, того

человек да не разлучает. Разводы не могут благословляться Церковью никогда, ни в каком смысле. Но если Церкви усвоено законное оформление брака, то некуда деться — браки распадаются в жизни, следовательно, то законное состояние, которое Церковью зарегистрировано, должно быть Церковью и снято. Появляются бракоразводные комиссии, бракоразводные дела, начинает действовать церковный суд, появляется и специальное законодательство о том, когда допускаются и когда не допускаются разводы.

Все это совершенно чуждо природе Церкви. И в этом смысле наш 20 век, который Церковь освободил от не свойственной ей функции законной регистрации гражданских состояний, приблизил нас к древним временам и дал Церкви возможность снова понимать свою жизнь более ясно, чисто, естественно и просто. И надо сказать, что, несмотря на многие и многие несовершенства нашей современной церковной жизни, разводы Церковью не благословляются. Вы никогда не найдете ни одной бумаги, где Московская патриархия благословляет развод. Слава Богу, этого нет.

Как же обстоит дело все-таки с разводом? Мы не можем не задать этот вопрос, так как разводов сегодня как никогда много и совершаются вторые браки и даже третьи, и венчания совершаются. Как же Церковь себя ведет в этом случае?

У многих впечатление такое, что сейчас Церковь вообще ни на что не смотрит и все приемлет. Но это не так или не совсем так. В действительности Церковь, как я уже говорил, всегда обращена к реальной жизни, она всегда стремится наличную реальную жизнь возвести к жизни духовной, к Царствию Божию. Не отменить ее, не разрушить ее, не игнорировать ее, эту жизнь, а преобразить, восстановить ее, исцелять болящего — вот задача Церкви. А разводы, которые сейчас совершаются так часто, — это сегодняшняя реальность. Церковь их не благословляет, но если они существуют, то встает вопрос: как быть?

Для того чтобы уяснить этот вопрос, очень важно обратиться к тому евангельскому тексту, где Господь запрещает развод. Вы помните эти слова: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает». Но есть и продолжение: «...прелюбодеяния». То есть, иначе говоря, развод

возможен, казалось бы, если совершилось прелюбодеяние. Но это не так, это не значит, что Христос благословляет разводиться — разводиться по существу. Само прелюбодеяние — это и есть расторжение брака. Брак как единство уже не существует, это единство разрушается грехом прелюбодеяния. Недаром этот грех приравнивается Церковью к убийству. То единство, та единая жизнь, то единое существо — все это умерщвлено грехом прелюбодеяния, больше ничего этого нет, и брака не существует. Брак был заключен, совершен таинством Церкви, благодатью Божьей, но человек его разрушил. И поскольку брака больше нет, то Церковь это принимает как факт. И Христос принимает это как факт, поэтому и говорит, что развод законный является просто констатацией того факта, что брака больше нет.

Подобно этому и теперь, когда совершается развод по чьей-то вине, Церковь просто констатирует, что брака больше нет. Люди, которые получили дар супружеского единства во Христе, этот дар не сберегли, не сохранили его. Они, может быть, над ним надругались, разрушили брак, и Церковь констатирует этот грех.

Но не только этот грех совершается в жизни. Вся наша земная жизнь пронизана грехом, и Церковь приходит исцелить нашу греховную жизнь. И этот грех тоже может быть исцелен, хотя бы отчасти. Поэтому Церковь, когда находит это правильным и возможным, благословляет вступление во второй брак. Если вы сейчас напишете в Московскую патриархию просьбу совершить церковный развод, потому что вы повенчались, но развелись со своим мужем или женой, то вы получите очень короткий ответ о том, что Московская патриархия благословляет вас вступить во второй брак. Ни слова о разводе там не будет, развода Церковь не благословляла, и не будет благословлять. Но если вы уже развелись, свою семейную жизнь разрушили и просите у Церкви благословения на заключение церковного брака, Церковь вас благословит вступить во второй брак церковный для того, чтобы исцелить вашу греховную жизнь, оставить вам надежду и дать возможность снова начать строительство церковной жизни.

Это, конечно, опять-таки экономия, послабление, уступка немощи человеческой. Иногда эти уступки воспринимаются нами почти как

попустительство, но Церковь всегда помнит слова Христа: «Милости хочу, а не жертвы» и предпочитает чрезмерно уступить, а не проявить чрезмерную строгость, но это никак не означает, что взгляд на брак изменился. Плохо только то, что благодаря тойновелле Льва VI Церковь утратила прежний образ таинства брака, и теперь совершается второе венчание подобно первому, т.е. в самом чинопоследовании брака мы часто не почувствуем, что Церковь не признает второго брака, как первого, не придает ему того достоинства, которое придает первому и единственному браку. Теперь мы этого не почувствуем, особенно если вступает в брак, скажем, второбрачный с девицей или наоборот, когда ради вступающего в брак впервые венчание совершается по полному чину, а не по чину для второбрачных. Тогда не видно, где епитимья, не видно, что Церковь не меняет своего отношения к браку, которое диктуется Христовым евангельским учением.

Интересно, что сам Лев VI своей жизнью как бы показал, как вредно императору вмешиваться в церковную жизнь, в церковное законодательство, вообще в церковные нормы. Он, желая как бы таким образом освятить государственную жизнь, воцерковить ее, желая не по разуму духовному, сам же надругался над своими церковными законами, потому что пожелал вступить в четвертый брак. А Церковь, допуская второй и — с большими оговорками — третий брак, никогда не соглашалась никоим образом допустить четвертый брак. На это всегда существовал категорический запрет Церкви. Но император пожелал вступить в четвертый брак, но сам же постановил, что брак будет недействительным, если не будет повенчан, и он заставил Церковь венчать его в четвертый раз и тем самым показал, к каким последствиям привело его нелепое законодательство, т. е. к полной девальвации церковного чина. Иными словами, он вынудил Церковь отказаться от своего учения — вот к чему привела его неразумная ревность. Если бы не его новелла, то он мог бы жениться хоть пять раз — Церкви до этого нет никакого дела, это его частное дело. Когда он женился в первый раз, его бы причастили, а дальше его никто бы не стал причащать, и он мог жениться и регистрировать свой брак законным образом у государства, и Церковь к нему особых претензий бы не имела, поскольку это его личное дело. А вот теперь он навязал свой грех

Церкви.

Исходя из этого, очень важно отметить, что недопустимо и нелепо говорить, что невенчаный брак — это блуд. Если кто-нибудь скажет вам такое по неразумию, то помните, что это не церковное учение. Это точка зрения, которая берет начало из этой новеллы Льва VI, которая Церковью никогда по-настоящему не была воспринята. Такого учения мы не найдем и в Св. Писании. То, что говорил Господь о браке, то, что говорил о браке ап. Павел, находится в прямом противоречии с этим учением. Церковь всегда принимала брак как некое законное семейное устройство жизни. Этому браку Церковь всегда воздавала должное и считала этот брак вполне достойным и неукорительным способом жизни. И греха в этом Церковь никогда не видела. Просто брак может быть церковным и не церковным, но это брак, а не блуд. Блуд есть сожителство вне брака, незаконное сожителство, т. е. сожителство людей, которые не желают иметь семью, не желают, чтобы общество воспринимало их как семью, не хотят оформить законно свои отношения.

Вот сейчас часто бывает так: приходят к нам молодые люди и просят их повенчать. Их спрашивают: «А вы расписались в загсе?» Они говорят: «Нет. А какое вам до этого дело? Разве это для Церкви имеет значение? Мы хотим быть повенчанными». Мы говорим, что Церкви это очень важно знать — расписались вы или нет. Они спрашивают: «А почему это так важно? Разве имеет значение для Церкви печать в паспорте, запись в акте? Мы же говорим о таинстве венчания, о том, чтобы получить благодатную помощь Божию, чтобы Господь соединил нас в вечности. При чем же тут паспорт?»

Они искренне не понимают, почему мы так упорствуем, и даже подозревают, что это советская красная Церковь, и ей не позволили никого венчать без загса, и вот попы слушаются советских уполномоченных и т. д. Так бывает очень часто. Но мы остаемся твердыми и, как правило, отказываемся венчать, если пара не расписалась в загсе. И стараемся объяснить, что не сама по себе печать в паспорте нужна нам и не запись в загсе, и не приказ уполномоченного действует здесь — для нас важно, почему вы не хотите расписаться. И они, как правило, сначала молчат и уходят в сторону от этих вопросов, но в конце концов последует признание:

дело в том, что жених выпивает и если я с ним распишусь, то он пропишется в моей квартире, а потом я с ним буду разводиться, потому что он пьяница, а он у меня пол квартиры отберет. Или еще что-нибудь в этом же роде. Иначе говоря, люди не хотят расписаться потому, что они друг другу не доверяют. Потому что у них нет готовности полностью соединить свои жизни — во всем. Они готовы просто так сожительствовать, но чтобы «табачок врозь». Вот в чем дело.

Вот почему мы требуем, чтобы они расписались: узаконивая свой брак, они свидетельствуют о том, что их намерения серьезны, что они хотят иметь семейную жизнь, что перед обществом, перед государством они хотят быть мужем и женой и нести всю полноту ответственности за свою семейную жизнь. То есть они принимают друг друга такими, какие они есть, во всей полноте, с недостатками, и согласны нести свой крест, согласны жертвовать всем — вот почему мы требуем законного оформления брака. И если люди не хотят этого законного оформления, тогда мы говорим, что они блудники и живут незаконной жизнью.

Если же они свою семейную жизнь узаконили, то это брак. Но брак этот не церковный. Если это брак не церковный и теперь кто-то из супругов поверил в Бога и пришел в Церковь — будем ли мы его причащать? Конечно, будем. Более того, мы к нему можем применить слова ап. Павла о том, что если ты христианка и ходишь в церковь, а муж твой, который не является христианином, позволяет тебе ходить в церковь и не требует развода, то и ты не ищи развода. Потому что кто знает: может быть, ты приведешь своего мужа в Церковь. Эти слова ап. Павла вполне действенны в этом случае. И, конечно, мы в таком случае не будем вменять такой брак в грех женщине и говорить, что она блудница, потому что живет в невенчанном браке. Как она может быть повенчана, если муж ее неверующий? И ничто не препятствует таким людям причащаться Св. Христовых Таин.

Более того: очень часто, когда во время поста встают разные проблемы, приходится идти на всякие послабления, потому что невозможно в семье такой сложной устроить во всей полноте церковную жизнь. Но ради доброго намерения, доброго подвига — ведь женщина обратилась к вере, — ради этого вполне возможны

разные послабления. Другое дело, если православная христианка возьмет и выйдет замуж за неверующего человека или некрещеного, бывает даже за мусульманина. Вот здесь во всей строгости может быть применен закон Церкви, который написан в правилах апостольских, т. е. в самых древних правилах: в этом случае женщина должна быть пожизненно отлучена от Церкви как изменившая Богу, изменившая Церкви. И не потому, что она стала блудницей, а потому, что она имела полноту церковной жизни и променяла ее на жизнь не церковную. Она знала о том, что такое церковный брак, она была призвана к этой чистой, полной, благодатной жизни. И променяла ее на жизнь не полную, не благодатную, не праведную. Не может быть церковного брака с неверующим человеком. Она это знала и захотела такой неправедной жизни, она отказалась от своего призвания, от жизни со Христом отказалась ради того, чтобы удовлетворить своим чувствам, своим пристрастиям. Это воспринимается Церковью как предательство, и в древности Церковь была здесь неумолимо строга. Вот таких по строгости закона не полагается причащать.

В наше время, правда, и здесь священники действуют по принципу: милости хочу, а не жертвы. И здесь проявляется снисхождение, но это уже дело совести священника, и никакие каноны не могут его оправдать. Конечно, церковного брака здесь уже нет. Хотя бывают, по милости Божией, удивительные случаи, когда и здесь любовь каким-то образом с помощью Божией торжествует и постепенно какими-то неведомыми путями Промысл Божий приводит второго супруга в Церковь и впоследствии можно бывает этот брак воцерковить.

Таким образом, брак православного христианина с нехристианином Церковью всегда воспринимался как тяжкий грех, как измена Церкви. И, конечно, это ничем нельзя оправдать и никак нельзя смягчить церковную норму. Хотя опять-таки бывают случаи каких-то исключений, и исключений этих отрицать нельзя, потому что благодать Божия выше закона. Поэтому священник может иногда взять на себя какое-то экстраординарное действие, противоречащее букве закона, но воспринимаемое им как следование воле Божией, если он чувствует со всей ответственностью, что может здесь дерзать и отвечать перед Богом за свое дерзновение.

Очень существенно для понимания таинства брака понять те

ограничения, которые полагались Церковью еще в посланиях апостола Павла на священнослужителей для принятия сана. Если идеальные нормы христианской жизни очень часто не достигаются в жизни мирской, то, конечно, для священнослужителей Церковь эти нормы оставляет в силе и требует, чтобы для священников осуществлялся тот идеал, который следует из Евангелия. Поэтому для священнослужителей Церковь оставляет требование абсолютной моногамии, т. е. в священники может быть рукоположен только тот, кто вступает в брак только один раз и женится на девице. Всякое другое понимание личной жизни Церковью считается препятствием для принятия сана. Здесь должна быть соблюдена абсолютная чистота, и до сих пор, слава Богу, наша русская православная Церковь отрицает второбрачие духовенства, т. е. священник не может быть рукоположен, если он второбрачен, а если он овдовел, то он не может жениться второй раз.

Очень характерно здесь то, что Церковь в древности таинство крещения принимала как смерть для прежней жизни и рождение в жизнь новую. Поэтому все, что было до крещения, считается как бы не бывшим. И если священник теперешний был, скажем, до крещения женат, а потом развелся, то его вступление в брак в крещенном состоянии не считается вторым браком, а считается первым браком. Здесь нет препятствия для принятия сана, потому что все, что было до крещения, не является препятствием.

Строгость этой нормы особенно видна в такой коллизии. Если, например, жена священника изменила ему и священник ее простит и примет, то тогда он запрещается в служении по канону, т. е. не имеет права служить. И поскольку прелюбодеяние — это смертный грех, который считается Церковью концом брачной жизни, он должен с ней развестись, если желает служить дальше. Потому что смертный грех не может быть терпим среди священников. Он должен развестись и больше не жениться — либо оставаться вдовым, либо принимать монашество, но вступить во второй раз в брак он не может и остаться с этой женой тоже не может.

Здесь вы видите строгость, с которой Церковь проводит свое учение на протяжении уже 2000 лет. Именно в русской православной Церкви эти нормы продолжают жить и действовать, и из них видна идеальная

церковная позиция, идеальное учение о сущности брака.

Для того чтобы те запреты, о которых я говорил, были для вас более ощутимыми, скажу еще об отношении Церкви к смешанным бракам. Так называются браки между православными и инославными. Например, между православной или католиком, католичкой и протестантом. Вам, наверное, известно, что Святейший Синод (не спешите меня поправить: именно Святейший, а не Священный; до революции, когда не было Патриарха, Синод назывался Святейшим) в России, где бытовали и даже, может быть, в особой степени те византийские нормы, когда император считал себя вправе весьма серьезно вмешиваться в церковную жизнь (так называемый цезаропапизм), — в России Святейший Синод в угоду царской власти шел на весьма серьезные компромиссы. В частности, смешанные браки допускались Святейшим Синодом. И трудно было их не допускать, потому что русские императоры, как известно, постоянно брали себе жен из немецких протестантских семей. Если не сами императоры, то их родственники ближайшие. В царской фамилии эти браки практиковались постоянно, и не допустить их Святейшему Синоду было чрезвычайно трудно. Поэтому они допускались, и более того, допускалось венчание.

Конечно, это венчание не было тем таинством брака, которое совершалось в древней Церкви, потому что оно отделено от Евхаристии. Может быть, поэтому Святейший Синод относился к этому более легко, хотя, может быть, даже не все митрополиты были в курсе такого учения о браке. Богословское учение о браке в 19 веке было очень немощным, слабым и не проясняло такого церковного отношения к браку, о котором я говорю сейчас. Но, тем не менее, митрополиты, движимые необходимостью компромисса, допускали венчание — но и только. Конечно, никто не причащал протестантов Св.Христовых Таин. Брак этот был, конечно, с точки зрения церковной не было таинством в полном смысле слова. Естественно, что таинство и не могло совершаться в полном смысле слова над тем, кто не был членом Церкви.

С точки зрения древней Церкви такие смешанные браки невозможны. Именно в силу того, что таинство брака есть дар единства в едином Теле Христовом, — с этой точки зрения брак

невозможен как таинство вне этого единства. И древние Соборы — Лаодикийский, Карфагенский, Халкидонский — определяют, что подобные браки, заключенные по гражданскому закону, должны быть в Церкви расторгнуты как условие для принятия церковного таинства. То есть не только не могут быть приняты, но даже к Чаше Христовой не допускается тот, кто допустил такой смешанный брак — по древним законам.

Это весьма важный момент. Можно легко перепутать, и такая путаница очень часто имеет место. Можно спросить: вы же только что говорили, что можно причащать женщину, которая замужем за неверующим, а если она замужем за католиком, то ее уже нельзя причащать. Где же логика? Логика здесь есть, и притом самая железная. Дело не в том, в каком отношении к Церкви или в каком инославии находятся супруги, а в том, с каким сердечным устроением человек вступал в брак и подходит к Св. Чаше. Если человек, будучи неверующим женился или женщина вышла замуж за неверующего, а потом обратилась к вере, т. е. от неверия идет к вере, к Церкви, то никто ей в этом не препятствует. Это похвально, и никто не видит здесь греха. Она выходила замуж за неверующего, потому что не могла выйти за верующего, будучи сама неверующей. Теперь она поверила, и брак их воспринимается как брак, и теперь есть надежда, что муж ее воцерковится и брак освятится. Здесь нет препятствий для ее причащения.

Другое дело, когда человек, имевший полноту церковной жизни, от нее отказывается и уходит из Церкви для того, чтобы устроить свою жизнь по похотям этого мира. Здесь противоположная направленность, противоположная тенденция: не к Церкви человек идет, а от Церкви, не ко Христу, а от Христа. И коль скоро он повернул от Христа, мгновенно закрываются царские двери от него и к Чаше он, конечно, не допускается. В его жизни нет той направленности, того стремления, которое диктует всегда любовь. Он не к Богу стремится, а к удовлетворению своих чувств, своих эмоций, к устроению своей земной жизни. Не любовь к Богу, ко Христу, к Церкви является законом его жизни, а его собственные чувства, его влюбленность, его земные планы и т. д. Тогда нет ему пути к Чаше Христовой, тогда он является предателем, изменником. Таковой

отлучается от Церкви.

Но эта древняя строгость была утрачена в русской Церкви императорского периода, и, разрешая венчать смешанные браки, Церковь не отлучала от причастия православную половину. И надо подчеркнуть, что в жизни бывают исключения, и в церковной жизни тоже — и очень часто. Такие исключения могут диктоваться особенным Промыслом Божиим.

В качестве примера такого исключения я приведу вам брак великого князя Сергея Александровича с великой княгиней Елизаветой Федоровной, который был заключен, когда она была протестанткой, и по действующему законодательству Святейшего Синода они были повенчаны. С точки зрения древней Церкви это полнейший абсурд: они были повенчаны в православной церкви и в протестантской кирхе. Дважды были повенчаны. Конечно, если бы о таком сказать древнему канонисту или епископу 8 века, то он, наверное, сказал бы, что это не только абсурд, но и святотатство. Тем не менее, это имело место.

Более того. Они прожили семь лет, и Сергей Александрович никогда не оказывал никакого давления на свою супругу и не требовал, чтобы она приняла православие. Но через семь лет она пожелала принять православие, а потом овдовела, приняла тайное монашество, стала подвижницей, а потом приняла мученическую смерть за Христа и теперь канонизировала у нас как великая преподобная мученица, великая святая.

Так что в последние времена буква церковных канонов не всегда соблюдается, не всегда исключение из правил бывает губительным. Поэтому не следует только одним канонам усваивать спасительное значение — жизнь церковная шире канонов. Но в то же время нельзя умалить значение канона в Церкви, эти каноны недаром называются святыми. Они выражают церковное сознание, и изучая каноны, нужно всегда уметь почувствовать дух учения Церкви и этому духу следовать. Букве канона мы часто следовать не можем, лучше даже сказать так, что нет, вероятно, в истории Церкви ни одного канона, который бы не нарушался. Каноны писались на текущий момент, и Церковь сама очень часто их меняла. Но дух этих канонов всегда оставался одним и тем же, и этот-то дух мы должны постигать и быть

ему верными.

Надо сказать, что Церковь, даже потеряв тот замечательный образ таинства брака, который был с первых времен христианства и до 9 века употребляем, т. е. когда брак заключался в Евхаристии, Церковь все-таки не забыла этого своего учения о том, что полнота этого таинства требует единства в едином Теле Христовом, т. е. требует соединения у Чаши Христовой. И когда таинство брака было секуляризованное, т. е. выделено из литургии, и заменилось чинопоследованием венчания, тогда еще долгое время на престоле поставлялась Чаша с запасными Св. Дарами, и древнее чинопоследование брака (13, 14 и даже до 15 века) сохраняет следы причащения брачующихся запасными Св. Дарами. В чинопоследование брака входили такие возгласы, как «Преждеосвященная Святая Святым!» или молитва «Чашу спасения прииму», т. е. чтение таких молитв, которые известны по литургии Преждеосвященных Даров. Таким образом, Церковь старалась сохранить, удержать древнее понимание таинства брака. И в наше время следует всячески стремиться к тому, чтобы таинству брака вернуть эту древнюю евхаристическую полноту, евхаристическую природу.

Мы стараемся теперь, когда приходят к нам и просят нас о венчании члены Церкви, известные нам по церковной жизни люди, объяснить, что венчание обязательно должно быть с литургией, и зовем их к причастию в день венчания. К сожалению, пока мы еще не смогли вернуться к древнему чину. Нужно было бы, конечно, чтобы к Чаше они приступали в своих брачных нарядах, чтобы все знали, что они сегодня венчаются. И я думаю, что со временем можно будет поставить вопрос о том, чтобы соединить венчание с литургией. Не ликвидируя, конечно, чин венчания, но, объединяя его с литургией, подобно тому, как мы можем сейчас вернуться к крещальной литургии. Святейший Патриарх Алексий сейчас благословил нас совершать крещальную литургию, то есть чин крещения соединить с литургией. Думаю, что позднее можно будет соединить и чин венчания с литургией, вернув таинству брака тем самым церковную полноту. Но на это, конечно, требуется какое-то время, хотя я думаю, что это обязательно придет. И таинство брака, которое будет

совершаться должным образом, будет восприниматься всей Церковью и брачующимися так, как должно. Они почувствуют тот великий благодатный дар, который дается им и дает им начало новой жизни. Конечно, и сами браки от этого станут другими, они обретут благодатную природу.

23.03.94.

Лекция 19. Таинство Брака. Чинопоследование

Сегодня мы с вами должны изучать чинопоследование таинства брака.

Вы знаете, что у всякого чинопоследования есть своя история. Наивно думать, что то чинопоследование, которое дошло до нас, однажды появившись, никогда не менялось. Как правило, история развития чинопоследований бывает трудна, сложна и малоизвестна, потому что большинство чинопоследований дошло до нас только во фрагментах и довольно поздних списках. Древних списков чинопоследований у нас не много. Если тексты древних литургий, и то приходится собирать в виде мозаики из разных древних списков, то, конечно, чинопоследования таинств в этом смысле еще более бедны.

Как правило, исторические корни большей части чинопоследований уходят в глубокую древность, для нас малодоступную. Но вот чинопоследование брака в этом смысле представляет собой исключение, потому что в основных своих чертах оно развилось только в 9-10 веках. Соответственно позднему времени возникновения осталось и дошло до нас гораздо больше списков этого чинопоследования.

Вы помните и понимаете, почему так поздно возникло это чинопоследование — потому что именно в 9 веке Лев VI, византийский император, издал указ о том, что только венчаный брак считается законным. Таким образом, Церковь была вынуждена воспринять не свойственную ей функцию регистрации брачного гражданского состояния. В связи с этим Церкви пришлось сделать очень страшный шаг, имевший тяжелые последствия в истории, — отделить таинство брака от литургии, от Евхаристии. В результате получился новый чин венчания. Произошло это в конце 9 — начале

10 века, потому и чинопоследование венчания создано так поздно. Сохранились довольно поздние рукописи, я их назову. Это прежде всего рукопись 8 века «Кодекс Берберини». Это рукопись Сенатской библиотеки 9-10 веков N 957; есть еще другая рукопись Сенатской библиотеки, называемая «Канон иконсиатикус» (середина 12 века); есть рукописи лавры Афанасия Афонского NN 88 и 105 (15 век). Даже эти рукописи дают весьма полную и яркую картину того, как постепенно создавалось последование таинства брака. Эти рукописи были весьма детально изучены и описаны проф. Дмитриевским, знаменитым русским литургистом, которого называют «русским Гоаром» (Гоар — знаменитый католический литургист примерно 16 века).

Чинопоследование брака, конечно, содержится в требнике и состоит из двух частей: обручение и венчание. Такое разделение нас с вами не должно удивлять, потому что мы знаем, что так бывает и в литургии (она состоит из литургии оглашенных и литургии верных), и в таинстве крещения, где само чинопоследование предваряется чинопоследованием оглашения. Такое разделение имеет очевидный духовный смысл: первая часть подготовительная, а вторая, главная, совершительная. Но кроме этого духовного естественного смысла, есть и историческая причина в разделении на две части. Потому что в древности Церковь должна была, естественно, стараться оформить церковным образом те обычаи и традиции, которые существовали в это время в Византии. И вы, конечно, понимаете, что брак есть, можно сказать, наиболее яркая сфера, где развивались различные народные обряды.

Всякое событие в жизни человека естественно сопровождалось народным творчеством, но более всего брак всегда украшался разными весьма торжественными обычаями. И когда какие-то деятели культуры изучают народное творчество, то, прежде всего, обращаются к свадьбе, браку — тут более всего сохранилось брачных песен, разных очень интересных древних традиций, нарядов и т. д. Естественно, что Церковь должна была как-то воцерковить наличную жизнь, очистив ее от всего несовместимого с христианством, прежде всего от разных языческих обычаев. Но в древности был обычай, что браку обязательно предшествовал некий брачный договор, иначе

называемый сватовством или сговором, и это оформлялось у разных народов в разные времена по-разному.

Вы знаете, что в некоторых случаях нужно было давать выкуп за невесту или увозить ее. Такие моменты всегда очень пышно обставлялись и обыгрывались в народе. Некое предварение самой свадьбы, некий предварительный момент сговора, договора соответствует предварительному чину в таинстве венчания. Открывая требник, мы находим сразу предисловие, но сначала заглавие: «Последование, бываемое о обручении». А потом предисловие, как всегда, набранное киноварью. Оно очень интересно.

В нем говорится: «По божественной литургии, священнику, стоящу в святилище, предстоят хотящии спрягатися пред святыми дверьми: муж убо одесную, жена же ошуюю. Лежать же на десней стране святых трапезы перстни их два, златый и серебряный, серебряный убо уклоняся к десным, златый же к левым, близ друг друга. Священник же назнаменует главы новоневестных трижды, и дает им свечи возжжены, и введь я внутрь храма, кадит крестовидно, и глаголется от диакона: Благослови владыко».

Что это все значит? Это значит, что священник находится в святилище, т. е. в храме, а предстоящие, которые «хотят спрягатися», находятся перед святыми дверями. Так назывались церковные двери. Иначе говоря, желающие войти в храм стоят в притворе. Вы помните, что в древних храмах притворы были очень большими, часто они бывали больше самого храма. И двери, которые вели из притвора в храм, назывались святыми дверями, или царскими вратами. Сначала они были устроены так, что были центральные врата и боковые. Центральные назывались царскими, потому что через них входил царь или епископ.

В этом притворе находились во время литургии оглашенные, кающиеся, припадающие — целый ряд категорий, находящихся под епитимией, которые не имели права быть на литургии верных. Поэтому в притворе были иконы, это было некое преддверие храма, совсем не похожее на то, что есть теперь. Потому что в наших храмах притворы бывают совсем маленькими, холодными и там стоят обычно только нищие, все остальные хотят зайти в храм.

И вот те, кто желал вступить в брак, приходили сначала к святым дверям и оставались в притворе, а их перстни должны были быть принесены на святую трапезу (престол). Перстни должны были быть освящены. Освящались они тем, что полагались на святой престол. Золотой и серебряный перстни полагались таким образом: золотой с правой стороны от престола ближе к центру престола, а серебряный ближе к краю престола. Золотой перстень предназначался мужу, а серебряный жене, что подчеркивало главенство мужа.

Затем священник исходит через царские врата из алтаря, выносит с собой Евангелие и Крест, выносятся перстни и свечи и священник выходит к желающим вступить в брак, благословляет их («назнаменует главы новоневестных трижды, и дает им свечи возжжены»). Практически это делается так: зажигаются свечи, и священник этими свечами благословляет каждого три раза, а потом дает свечи в левую руку, потому что на правые руки будут возлагаться перстни. Только после этого новобрачных вводили в храм, но поскольку у нас притворов настоящих нет, то мы сразу же приводим новоневестных в храм и ставим жениха одесную, а невесту ошуюю — справа и слева. Священник приходит, берет за руку жениха, подводит к невесте и ведет их обычно на середину трапезной части храма, где аналой. Здесь и происходит первая часть чина обручения.

Священник: «Благословен Бог наш». А дальше диакон, если он есть, или священник говорит мирную ектению. В ней есть специальные прошения: «О рабе Божиим (имя жениха) и рабе Божией (имя невесты), ныне обручающихся друг другу, и о спасении их, Господу помолимся. О еже подати сим чадам в приятие рода, и всем яже ко спасению прошением, Господу помолимся. О еже низпослатися им любви совершенней, мирней, и помощи, Господу помолимся. О еже сохранитися им в единомыслии и твердой вере, Господу помолимся. О еже благословитися им в непорочном жительстве, Господу помолимся».

Затем читается молитва: «Боже вечный, разстоящаяся собравый в соединение, и союз любве положивый им неразрушимый: благословивый Исаака и Ревекку, и наследники я Твоего обетования показавый: Сам благослови и рабы Твоя сия (их имена) наставляя я

на всякое дело благое. Яко Милостивый и Человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков, аминь».

Затем читается еще одна молитва: «Господи Боже наш, от язык предобручивый Церковь деву чистую, благослови обручение сие, и соедини, и сохрани рабы Твоя сия в мире и единомыслии. Тебе бо подобает всякая слава, честь и поклонение, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Теперь священник берет перстни и дает мужу золотый, а серебряный жене, говоря: «Обручается раб Божий (имя) рабе Божией (имя), во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь».

Затем здесь говорится: «И егда речет на едином коемждо трижды, творит крест перстнем на главах их: и налагает я на десных их перстах. Таже изменяет перстни новоневестных восприемник». Получается, что невеста получает перстень жениха, а жених — перстень невесты. Раньше полагалось на этих перстнях писать имена, так что на руке у мужа был перстень с именем жены, а на руке у жены перстень с именем мужа.

Что за восприемник здесь имеется в виду? Как я уже говорил, в древности все начиналось сложнее, должен был быть заключен договор, и этот договор требовал свидетелей, так что совершение брака было весьма сложной процедурой. И некий восприемник, или поручитель, должен был здесь обязательно присутствовать. И сейчас в загсе есть свидетели. В церкви, правда, свидетелей нет, остались только шаферы. Поручитель, или свидетель, должен был свидетельствовать прежде всего чистоту вступающих в брак, что они действительно не обманывают, что у жениха действительно нет разведенной жены с детьми, а невеста действительно является девицей, а не ушедшей от мужа женой. Все это нужно было удостоверить и подтвердить. Для этого совершался обыск, как это называлось по-славянски. То есть обо всем этом нужно было специально узнать. Это осталось даже и сейчас кое-где. Вот, например, недавно еще был жив такой старец — отец Иов, архимандрит, в Западной Украине. Он часто венчал, и в храме можно было услышать, как он громко объявлял: через две недели будет совершаться венчание такого-то и такой-то, и если кто-то что-то о них

знает, если они не имеют права венчаться по закону, пусть придет в храм и скажет об этом. То есть заранее брак объявляется, чтобы можно было выяснить, нет ли каких-то препятствий, какого-то обмана. Конечно, могло быть такое, что придет кто-нибудь и скажет: а вы знаете, этот человек — обманщик. Он выдает себя за достойного человека, а на самом деле он жулик и бросил уже свою семью.

Вы знаете, конечно, что перстни использовались с глубокой древности — это весьма древний способ воссоединения или поручения. В Ветхом Завете обменивались перстнями, так что это древний обычай. Еще есть слова: «священник кадит крестовидно». Это дальше будет. Вы, может быть, не понимаете: как это — кадить крестовидно? Некоторые думают, что священник при этом обходит жениха и невесту с четырех сторон. Это непонятно потому, что теперь наше кадило не приспособлено для крестовидного каждения. А раньше, да и теперь у старообрядцев, было специальное кадило на твердой ручке, которым кадят, делая знамение креста.

Теперь кольца обменивает сам священник, потому что восприемников теперь никаких нет, свидетели — чистая формальность, а шаферы — вообще пережиток прошлого. Поэтому не следует играть ни в какие рудиментарные игры, и священник делает все это сам: обменивает кольца и читает молитву. В молитвах, которые читались раньше, и в этой молитве очень много ветхозаветных образов. Вспоминаются браки праотцев: Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Рахили (и Лии), а в чине венчания родители Иоанна Предтечи, Божией Матери. И это, конечно, не только потому, что нужно привести примеры брака, а потому, что брак святых людей в Ветхом Завете предстает перед нами как некое исполнение воли Божией, т. е. это есть некий особенный путь благословения Божия, осуществление Его воли даже у целых народов.

Вы помните, как судьба народа израильского подготавливалась в браках праотцев, как нужно было найти невесту Исааку, потом Иакову, и Господь неоднократно подтверждал Свои обетования: от тебя произойдет народ великий, как песок морской. Так что именно брак является особенным путем действия благодати Божией в роде человеческом, и брак благословен.

Вспоминая эти образы святых браков, известных нам в Ветхом Завете,

мы молимся о том, чтобы и брак, который мы собираемся совершить, был благословенным от Бога устроением жизни не только этих вступающих в жизнь людей, но и как бы устроением Церкви, церковным делом.

После молитвы совершается ектения сугубая короткая, а потом отпуст, что, конечно, выражает собой отделенность чина обручения от чина венчания. В древности такое обручение совершалось заранее, иногда очень задолго, иногда даже в детстве. И обручению придавалось великое значение. Если мальчик и девочка или девушка и молодой человек были обручены, то они уже не могли изменить друг другу, измена считалась прелюбодеянием. Они дали обещание верности друг другу и должны его хранить, хотя они еще не были в браке.

Здесь возникали свои сложности. Если Петр I в 1602 году издает закон о необходимости промежутка в 6 недель между обручением и венчанием, то Святейший Синод в 19 веке в 19 веке издает указ о том, чтобы обручение совершалось непосредственно перед венчанием, т.е. соединяет эти две части чинопоследования. Петр I исходил из того, что нужно иметь некоторый срок для проверки серьезности намерений вступающих в брак. Если заранее их обручить, то за 6 недель можно все-таки посмотреть, как они будут себя вести. Но вели они себя, видимо, не всегда хорошо, и скорее всего часто плохо, и Святейший Синод, видимо, отчаялся, почему и было принято решение соединить эти две части, чтобы не давать повода к разным искушениям, потому что если они были обручены, а потом себя плохо вели, то это было препятствием к совершению брака, и тут возникало очень много разных проблем. Чтобы Церковь не занималась такими спорами и выяснениями разных неправильностей, было решено соединить две части чинопоследования.

После отпуста чина обручения следует последование венчания. Здесь в примечании мы находим другие слова: «Аще убо хотят в тожде время венчаться, входят во храм со свещами возжженными, предыдуще священнику с кадильницею, и поющу псалом 127, сице: Людие же на кийждо стих глаголют: Слава Тебе Боже наш, слава Тебе».

К сожалению, мы с вами не находим уже здесь никакого упоминания о Божественной литургии. Если перед чином обручения говорилось, что после литургии совершается обручение, то здесь уже нет об этом речи, потому что это уже не после литургии, а после обручения, то есть как бы еще дальше расходится чинопоследование с литургией. Фактически сейчас совершается уже так: после обручения священник, сложив вместе руки жениха и невесты и взяв их епитрахилью, ведет их в главную часть храма, где уже стоит приготовленный аналой с Крестом и Евангелием и лежит коврик, на который будут поставлены жених и невеста. Это бывает очень красивое и торжественное шествие, а за женихом и невестой, которых ведет священник, следуют родственники, друзья, и это всегда очень торжественный момент.

Вы знаете, что на коврик все обязательно кладут полотенце — еще не изжит суеверный обычай гадания: кто вступит первым на коврик, тот будет в браке главенствовать. Следует сказать, что с этим обычаем нужно бороться, потому что он показывает крайнее легкомыслие тех, кто участвует в браке. Это не просто шутливая невинная традиция, а имеет место некий магизм, колдовство, гадание — словом, нечто совершенно чуждое моменту, когда нужно молиться Богу, а не думать о главенстве, а тем более не гадать о чем-то. В этот момент люди занимаются неизвестно чем. Так что эти полотенца желательно не допускать к употреблению.

Поется псалом, вернее, его читает обычно священник после слов «Слава Тебе Боже наш, слава Тебе». Но здесь есть еще примечание: «Посем глаголет иерей поучительное слово, сказуя им (то есть жениху и невесте), что есть супружества тайна: и како в супружестве богоугодно и честно житьелствовати имут. По скончании же слова, вопрошает иерей жениха, глаголя...»

Эта ремарка имеет уникальное значение, потому что нигде больше в требнике мы не найдем такого требования, чтобы священник сказал обязательно поучительное слово. Действительно, здесь более, чем где-либо, необходимо, чтобы священник это слово сказал. Как это замечательно сказано: слово о том, что есть супружества тайна. Нужно в этом слове объяснить смысл таинства брака, величие момента, смысл брачного союза, как учит об этом Святая Церковь.

Нужно напомнить тем, кто вступает в брак, о том, какой должна быть семейная жизнь. Все это очень важно.

Но в наше время есть еще особенная необходимость говорить такое слово, потому что наше время привело к тому, что таинство венчания стало восприниматься многими просто как некий красивый обряд, и в церковь сейчас часто приходят совершенно не верующие люди, которые хотят повенчаться. И если вы спросите их, почему они хотят повенчаться, они ответят: потому, что это просто красиво. Конечно, не все так говорят, некоторые хотят, чтобы их кто-нибудь охранял, чтобы все было не так буднично. Словом, когда они приходят в загс и там некая дама объявляет их мужем и женой, то это их почему-то не удовлетворяет вполне и они думают, что лучше все-таки, если их повенчает священник в красивом облачении и на голову их возложат венцы и будет молитва, и хор будет петь, и будут красивые обряды совершаться. Им хочется, чтобы свадьба не была бы такой будничной, а была бы красивой. Вполне понятное и приличное желание, это все очень хорошо, только всего этого недостаточно. Поэтому священник должен обязательно объяснить им, и не только в этом слове, но и заранее, что такое по существу есть таинство брака, что невозможно приступать к таинству брака неверующим людям. Нельзя допустить, чтобы таинство совершалось над людьми, чуждыми Церкви. Таинство — это глубина церковной жизни, и совершается оно по вере. Если мы будем совершать его над неверующими людьми, то это будет страшной профанацией, кощунством и приведет к очень тяжелым последствиям и для священника, и для тех, над кем совершается такое неправильное венчание.

Правда, бывают исключения. Я знаю священников, которые говорят: если просят венчать, надо венчать всех, без особенного разбора. Раз они просят, значит, что-то у них на душе есть, чего-то они хотят, а дальше благодать Божия сделает свое дело сама. Наше дело повенчать, а дальше Бог Сам все управит. И когда-нибудь, может быть в какой-то момент благодать Божия проявится, они обратятся к Церкви и т. д. И такие случаи бывают. Не стану отрицать, что это возможно, я сам знаю такие счастливые случаи. Но я бы считал их исключениями из правила, которые, как всегда, только подтверждают правило, но не опровергают его. А правилом является

совершенно иной случай: люди, которые венчались не всерьез, так же как и те, кто крестится несерьезно, как правило, уходят из Церкви и часто совсем туда не приходят или совершают какие-то страшные тяжелые грехи.

Очень часто, поэтому, теперь венчанные браки распадаются, чего раньше не было. Очень часто люди сначала приходили венчаться и имели еще какие-то серьезные намерения, потом они разводятся, хотя были повенчаны, и уже во второй брак вступают, не венчаясь. И не хотят венчаться больше. Так что, конечно, нужно помнить, что наше православное учение исключает такое отношение к таинству. Оно должно совершаться сознательно, по вере, с большим чувством ответственности и со стороны священника, и со стороны новобрачных. Конечно, Господь сделает Свое дело, но это никоим образом не снимает ответственности с нас. Еще раз напоминаю вам поговорку: не предаждь Христа в беззаконные уста. Точно так же и обо всех таинствах можно сказать: ни в коем случае нельзя совершать таинство над людьми, которые совершенно не готовы воспринять благодать Божию.

И вот священник должен обязательно объяснить все это заранее, т. е. какая-то катехизация должна быть проведена, и нужно исследовать, насколько эти люди верят в Бога и хотят жить церковной жизнью. А потом нужно объяснить им великое православное учение о христианском браке, чтобы они поняли, что они вступают на новый путь, что они связаны теперь навечно, что никогда ничто их не должно разлучить.

Нужно, конечно, объяснить им здесь, что только церковная жизнь может гарантировать им их настоящую счастливую семейную жизнь. После такой проповеди священник должен спросить жениха: «Имаши ли (имя), произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль, пояти себе в жену сию (имя), юже zde пред тобою видиши». И жених отвечает: «Имам, честный отче». И священник дальше спрашивает: «Не обещался ли еси иной невесте». И жених отвечает: «Не обещахся, честный отче».

Потом такой же вопрос обращен к невесте: «Имаши ли произволение благое и непринужденное, и твердую мысль, пояти себе в мужи сего (имя), егоже пред тобою zde видиши» и «Не обещалася ли еси иному

мужу».

Эти вопросы стоят здесь потому, что раньше очень часто бывали случаи, когда жениха и невесту женили родители, не спрашивая их согласия. Очень часто таким образом устраивались какие-то выгодные сделки, люди заботились о умножении своего богатства, имени — словом, и помещики, и купцы очень часто этим устраивали, как им казалось, будущее молодой семьи, соединив свои капиталы или подобрав по родословным подходящую пару своим детям.

В литературе описаны во множестве такие случаи. Но Церковь не может совершать таинство насильно. А раньше бывало такое часто, потому что нужно было только повенчать, и уже никто не мог расторгнуть повенчанных. Скажем, дочка не хочет выходить замуж за богатого жениха, но повенчали ее — и все, дальше ей уже некуда деться. Поэтому привозили и венчали.

Церковь не может это благословить, насильно таинство совершаться не может, оно совершается только по вере, по любви, с молитвой. И если здесь будет употреблено насилие, то это будет кощунство, святотатство. Чтобы предупредить такие случаи, священник здесь и спрашивает жениха и невесту: имеешь ли ты произволение благое, т.е. свободное, доброе, и крепкую мысль взять себе в жены эту невесту? И также невесту спрашивает. И если кто-то из них скажет: нет, я не по своей воле сюда пришел и не хочу венчаться, то священник не имеет права их венчать.

Все это в прошлом и теперь, конечно, лишено всякого смысла. И, может быть, было бы гораздо более уместным спросить жениха и невесту: а сказали ли вы своим папе и маме, что вы собираетесь сегодня повенчаться, или они ничего не знают? Так что в буквальном смысле этот вопрос сейчас неуместен: никто никого не может сейчас насильно повенчать.

Необходимо увидеть в этом вопросе другой смысл, который не только не потерян, но наоборот, стал еще гораздо более важным в наше время. Здесь нужно подумать о сокровенном смысле этого вопроса: имеешь ли ты благое непринужденное желание взять себе жену, иначе говоря, вступить в брак, иметь семейную жизнь, взять на себя крест этой семейной жизни? Понимаешь ли ты, куда идешь и какую

ответственность берешь на себя? Добровольно ли ты это делаешь? Хочешь ли ты сознательно взять на себя этот крест и нести его всю жизнь, не отречешься ли ты когда-нибудь от этого, не скажешь ли, что ты не знал что делал? Не легкомысленно ли ты решаешь свою судьбу в этот момент?

Эти вопросы сейчас имеют смысл более, чем когда-либо, потому что сейчас приходит к решению о совершении брака очень часто совершенно легкомысленно. И вот только объяснив молодым людям, что означает брак с точки зрения церковного христианского, православного учения, какую ответственность они берут на себя, только после этого священник начинает чин венчания.

Начинается он возгласом: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков, аминь», т. е. возгласом литургийным. Здесь мы видим, что осталась связь между чином венчания и литургией. Затем опять говорится мирная ектения, в ней тоже должно быть прошение о вступающих в брак, Затем следуют три довольно больших молитвы. Эти молитвы опять апеллируют к древним ветхозаветным образам, напоминают о тех ветхозаветных браках, которые вошли в историю по замыслу домостроительства Божия. Я прочитаю вам несколько выдержек из этих молитв, чтобы вы прониклись высотой этих образов.

«Боже Пречистый, и всея твари содетелю, ребро праотца Адама за Твое человеколюбие в жену преобразивый и благословивый я, и рекий: раститесь и множитесь, и обладайте землею, и обою ею един уд показавый сопряжением: сего бо ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится жене своей, и будет два в плоть едину: и яже Бог спряже, человек да не разлучает. Иже раба Твоего Авраама благословивый и разверзый ложесна Саррина, и отца множества языков сотворивый: иже Исаака Ревекке даровавый, и рождество ея благословивый: иже Иакова Рахили сочетавый, и из него дванадесять патриархов показавый: иже Иосифа и ... спрягий, плод детотворения им, Ефрема и Манассию даровавый: иже Захарию и Елисавете приемый, и Предтечи рождение им показавый: иже от корня Иессеева по плоти израстивый Приснодеву, и из Нея воплотивыйся, и родивыйся во спасение рода человеческого...»

Все эти образы здесь являют нам настоящее брачное богословие,

говоря нам о том, что для того, чтобы Сам Христос воплотился, необходим был высокий брачный подвиг; о том, что брак есть путь, по которому действует благодать Божия в этом мире.

В другой молитве говорится: «Подаждь рабом Твоим сим... живот мирен, долгоденствие, целомудрие, друг ко другу любовь в союзе мира, семя долгожизненное, в чадах благодать, неувядаемый славы венец». Видите, Церковь утверждает, что подвиг брачный может снискать неувядаемый славы венец. Это есть именно учение Церкви.

Мы очень часто с вами унижаем брак, потому что в современном мире редко бывает прекрасен брак, обычно он бывает унижен и часто даже страшен. Очень часто противопоставляется браку подвиг монашеский: вот это ангельское житие, а брак — это некая уступка немощи человеческой. Но Церковь учит иначе, она возводит брак на удивительную высоту и говорит о его Божественном достоинстве. Потому-то и совершается здесь чинопоследование венчания, что мы хотим увидеть неувядаемой славы венец в браке, т.е. подвиг, который венчается от Бога венцом славы.

«Сподоби я видети чада чадов, ложе ею ненаветно соблюди, и даждь им от росы небесныя свыше, и от тука земнаго: исполни дома их пшеницы, вина и елея и всякия благостыни, да преподают и требующим, даруя купно и сущим с ними вся яже ко спасению прошения».

Здесь утверждается, что брак должен стать как бы неким очагом, который согревает многих. Не только самое себя семья растит и греет, но и всех требующих, всех проходящих может согреть у своего очага. То есть это некий очаг жизни или, как принято говорить у нас в православии, малая Церковь.

После второй и третьей молитвы совершается само венчание. Выносятся венцы, и священник возлагает сначала венец на главу жениха, говоря: «Венчается раб Божий (имя) рабе Божией (имя) во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». Затем возлагает венец на невесту с аналогичными словами. Затем благословляет их трижды, говоря: «Господи Боже наш, славою и честью венчай я».

Обычно бывает так: священник говорит эти слова, воздевая руки, обращаясь к алтарю, потом поворачивается и благословляет

брачующихся. Эти слова по католическому богословию считаются тайносовершительной формулой, сакраментальной формулой брака. Но мы с вами договорились не говорить о сакраментальных тайносовершительных формулах. В православии не должно быть этих формул. Но мы вполне можем говорить, что это есть кульминация чинопоследования венчания.

После этого сразу же возглашается прокимен: «Положил еси на главах их венцы, от камней честных, живота просиши у Тебе, и дал еси им». И читается Апостол к Ефесянам, который и мужья и жены должны очень хорошо знать. Этот Апостол заключает в себе целое богословие брака, причем богословие самое возвышенное. О нем мы уже отчасти говорили, я не буду читать полностью это зачало из Послания к Ефесянам, прочту несколько отдельных мест.

«Мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюбил Церковь...». Но сначала, наверное, надо прочитать другое: «Жены, своим мужем повинуйтесь, якоже Господу: зане муж глава есть жены, якоже и Христос глава Церкви, и той есть спаситель тела. Но якоже Церковь повинуется Христу, такожде и жены своим мужем во всем».

Такое учение о послушании жены мужу на Западе, например, не прозвучит сейчас. Там феминизация зашла уже так далеко, что жены никак не хотят на себя принимать обязанность повиноваться мужьям, скорее наоборот. Но на самом деле здесь нет ничего для женщины унижительного, и никоим образом не утверждается ее второсортность, как думают феминистки. Ей говорится о тайне сотворения человека Богом. Вы помните, что Бог сотворил жену как помощницу Адаму, т. е. женщине свойственно слушаться мужа, и если вам известны счастливые семьи, то вы должны знать, что любящая жена всегда с радостью повинуется своему мужу. В этом нет никакой проблемы: она с радостью уступает, слушается, смиряется и в этом находит для себя великое счастье. Такие семьи бывают как раз очень счастливыми. И более того: непослушание, отсутствие смирения женского всегда делает женщину уродливой. Я вижу, некоторые из вас этим словом недовольны, но я все-таки скажу, что это так. Не только женщины — мужчины не смиренные тоже уродливы. Дело в том, что есть смирение мужское, а есть смирение женское. Скажем, мужчине приходится смиряться на работе перед

начальником. Мужчине дана заповедь в поте лица есть хлеб свой. И там, в этом труде, обязательно есть начальники, и мужчине приходится смиряться с лихвой. А женщине сказано: смиряться перед мужем. И то и другое обязательно.

Здесь говорится не об онтологической разнице между мужчиной и женщиной, а об их функциональном различии. И если бы не было такого повеления Божия, то браки были бы невозможны. В каждом браке была бы тогда драка. В наше время именно так и бывает сплошь и рядом, потому что никто никому не хочет уступить.

И еще я не сказал об одной тайне, которая современным женщинам, может быть, неизвестна. Очень часто бывает, когда приходит девушка или женщина, и даже весьма солидная, и спрашивает: почему жена должна слушаться мужа? Почему не наоборот? Я всегда объясняю это так: мать в особой степени отвечает за воспитание детей. Дети находятся на ее попечении. Отца нет дома, а мать должна их воспитывать. Всем известно, что воспитание в основном совершается через пример. И вот когда мать слушается мужа своего, т. е. их отца, то она очень легко научает этому и детей. Посмотрите сами: в хорошей семье, где послушные дети, там всегда бывает послушная жена. Если мать не слушается мужа, то никакими способами она не научит слушаться детей. Потому что они в ее лице видят пример обратного. Не нужно слушаться отца, и они не будут слушаться ни отца, ни мать. И Господом это не просто так сказано. Если бы не было этого принципа, то не только семья не была бы возможной, во вообще жизнь человеческая была бы невозможной, нельзя было бы научить послушанию и смирению никого. Вот это великое поручение — учить смирению в детском возрасте — возложено на мать. И мать учит, прежде всего, своим примером. Это нисколько не умаляет образ женщины, а наоборот, возвышает его. И сами вы знаете, что несравненное величие Божией Матери является именно в ее удивительном смирении. Чем более смиренен человек, тем более он бывает возвышен и благодатен. Так что это не есть какое-то умаление женского достоинства, наоборот, это есть свидетельство о красоте женской души.

Кроме этих слов, говорится: «Мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюбил Церковь, и Себе предаде за ню». То есть, тут

приводится возвышенный пример того, как нужно любить — как Христос Церковь. Так, чтобы всегда отдавать жертву. Каждый муж, каждый отец прежде всего призван жертвовать собой ради своей семьи, ради жены. Защищая жену, каждый муж должен быть готов отдать свою жизнь.

Вы знаете, что так всегда и было: война, мужья идут на фронт и умирают там за свои семьи. Но самым, конечно, великим и удивительным образом, который приводится в этом послании, являются слова: «Тайна сия велика есть». Тут сказано так: «Сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будете два в плоть едину. Тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа, и во Церковь».

Все это послание постоянно возводит проблему брака к образу Христа и Церкви. Об этой тайне брака говорится: «Тайна сия велика есть». Потому что она сходна с тайной единства Христа и Церкви. Вот как велик этот образ брака. Вот как он свят и непорочен, какое имеет Божественное происхождение. Вот есть образ любви, которая должна быть в браке.

Затем читается Евангелие от Иоанна, зачало 6. Это рассказ о чуде в Кане Галилейской. Обычно всегда Евангелие имеет некое отношение к тому, что совершается в таинстве. И здесь рассказывается о браке. Но не только о браке, но и о чуде — первом чуде Христа, вышедшего на проповедь. Это чудо состояло в претворении воды в вино.

Кроме буквального рассказа о чуде в Кане Галилейской, здесь есть сокровенный, очень глубокий смысл, который тоже нужно знать и уметь объяснить. Я вам это так подробно рассказываю потому, что вы должны быть катехизаторами для своих друзей, если они не церковные люди. Вы должны им объяснять, что такое брак. А может быть, не только друзьям помогать будете, но и священникам.

Итак, в Евангелии говорится о том, как на брачном пире в Кане Галилейской не хватило вина. По древнему обычаю на свадьбе тоже было много вина. И если не хватило вина, то это было как бы дурным знаком, страшным признаком. Может быть, тут суеверие имело место, словом, это была целая беда. И вот в этой беде Божия Матерь, Которая была звана на этот брак, обращается ко Христу, желая

помочь. Она говорит: «Вина не имеют». «Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой».

Вы, наверное, знаете, что Христос называет Матерь Свою «жено» по-славянски не потому, что хочет назвать ее просто женщиной.

Наоборот, это имя было самым почетным («О жено! Велия вера твоя?»), самым возвышенным обращением. Поэтому так Господь и говорит. И объясняет Ей: ну и что же, что у них нет вина? Он как бы почтительно отказывает Своей Матери в помощи в этом деле.

Но Божия Матерь, вместо того чтобы принять отказ, говорит слугам: «Что скажет Он вам, то сделайте». Сын Ее, Господь Иисус Христос, Ей отказал, сказав «не пришел еще Мой час», а Она, не обсуждая с Ним ничего, не возражая Ему, просто говорит слугам: «Что скажет Он вам, то сделайте». Видите, какое у нее было материнское великое дерзновение к Сыну — Она уже не просит Его, Она просто уверена, что Он сделает так, как Она хочет.

Это удивительное место в Евангелии, единственное такое место. Больше в Евангелии нет такого места, где Божия Матерь так относится ко Христу. Это показывает нам силу Ее молитвы. Это есть образ заступничества Божией Матери, ходатайства Ее. И действительно Иисус Христос, тоже ничего больше не говоря и не обсуждая, исполняет волю Своей Матери. Тут говорится дальше: «Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры».

Я недавно был в Кане Галилейской и в храме, который там построен; правда, он не древний, но в нем стоят древние каменные водоносы. Их два, но священник, который там служит, верит и уверяет всех, что это те самые водоносы. Но даже если они не те самые, но это точно, что они вмещают 2 или 3 ведра воды. Шесть водоносов — это довольно много получается, примерно ведер 15-20.

Потом Христос говорит: «Теперь почерпните и несите к распорядителю пира». И когда зачерпнули из этих водоносов воду, принесли распорядителю пира, и он попробовал, то он удивился и пригласил жениха. И сказал жениху: всякий человек сначала подает доброе вино, а когда люди уже опьянеют, дает худшее. Им уже все равно, что пить. А ты доброе вино дал только теперь (он не знал еще,

откуда это вино, а слуги знали, что была там вода, а получилось вино).

Это Евангелие имеет в себе некий сокровенный и совершенно удивительный смысл. Вино здесь есть символ любви. Здесь как бы рисуется нам замечательный образ как бы вообще брака. Обычное вино, обычная любовь всегда оскудевает. Ее не хватает для брака, и это бывает большой бедой. И вот тогда нужно просить Божию Матерь, и по Ее ходатайству Господь может дать новое вино, новую любовь, которая будет гораздо лучше прежней. Ее будет так много, что уже никогда не будет недостачи в ней, в этой благодатной любви. Это есть, собственно говоря, образное богословие брака, православного христианского брака.

И действительно, когда люди приходят к решению вступить в брак, они обычно бывают движимы влюбленностью, неким прекрасным эмоциональным, душевным, а вовсе не особенным духовным состоянием. Эта влюбленность всегда кончается, хотя она может быть очень сильной, романтической, некоторые говорят — мучительной. Во всяком случае, она всегда кончается, и если больше ничего не будет, тогда семья жить не может, она распадается.

Но если на место этой влюбленности придет благодатная духовная любовь, которая будет гораздо лучше, гораздо прекраснее, чем влюбленность, то тогда брак будет жить. Эта любовь уже не стареет с возрастом, она пребывает в вечности. Все это нужно хорошо объяснить тем, кто вступает в брак. Источником этой любви настоящей, духовной, прекрасной, благодатной является Господь. И только в Церкви, только живя духовной жизнью, можно получить этот великий дар, столь жизненно необходимый.

После Евангелия бывает ектения, молитва, еще одна ектения, поется «Отче наш».

Древнее чинопоследование брака имеет в этом месте причащение запасными Дарами. На престоле бывает Чаша с запасными Дарами, и хотя чинопоследование брака было уже отделено от литургии, но все-таки можно было причаститься. Тут бывали даже некоторые литургийные возгласы, обычно литургии Преждеосвященных Даров.

Теперь уже этого не осталось, и после «Отче наш» священник

приносит чашу вина и дает жениху и невесте испить трижды от этой чаши. Есть мнение, что эта чаша с вином как бы заменяет евхаристическую Чашу, но можно думать и иначе, потому что общая чаша — это очень древний обычай. И сама евхаристическая Чаша появилась именно в результате обычая пить из общей чаши на Вечери Пасхальной. Скорее всего, здесь имеют место оба смысла.

После того как молодые в знак того, что они будут пить общую чашу и радостей, и скорбей жизни, трижды отпивают этого вина, произносится короткая молитва, а потом священник берет Крест, берет епитрахилью руки жениха и невесты, и начинается очень красивое и торжественное шествие вокруг аналоя с пением тропарей. Первый тропарь: «Исаия ликуй, Дева имет во чреве, и роды сына Еммануила, Бога же и человека, Восток имя Ему: Егоже величающе, Деву ублажаем».

Почему именно этот тропарь поется? Потому что, как и в Евангелии, устроительницей брака является Божия Мать. Вполне естественно, потому что и Она родилась в святом браке. Через брак происходит постепенное приуготовление к воплощению Сына Божия. Поэтому Божия Мать является покровительницей брака.

Потом поется: «Святити мученицы, добре страдальчествовавши, и венчавшиися, молитесь ко Господу, помиловатися душам нашим». И последний тропарь: «Слава Тебе Христе Боже, апостолов похвало, мучеников радование, ихже проповедь, Троица Единосущная».

Эти мученические тропари поются для того, чтобы прообразовать, сублимировать крестный и победный подвиг вступающих в брак. Еще раз говорится, что их подвиг будет трудным, не бывает легких браков, не бывает легкой жизни в браке. Будет много скорбей и страданий, но подвиг может быть победным, как был победным подвиг мучеников.

Здесь очень важно вспомнить о том, что когда совершается рукоположение священника, то его тоже водят трижды вокруг престола с пением тех же тропарей, хотя там тропарь Божией Матери бывает последним. Такое сходство чинопоследований дает основания говорить, что священника венчают с паствой по образу брака Христа и Церкви. Это очень важный образ.

Потом священник снимает венцы с молодых и говорит еще две молитвы. Последняя молитва очень важная, она говорится лицом не к алтарю, а к брачующимся: «Отец, Сын, и Святой Дух, Всесвятая и Единосущная, и Живоначальная Троица, едино Божество и Царство, да благословит вас, и да подаст вам долгожитие, благочадие, преспевание живота и веры, и да исполнит вас всех сущих на земли благих: да сподобит вас и обещанных благ восприятия, молитвами святыя отцы, и всех святых, аминь».

Затем говорится отпуст, на котором поминаются свв. апостолы, Боговенчаные цари Константин и Елена и великомученица..., которые считаются покровителями брака.

Затем следуют отдельно молитвы на разрешение венцов в 8-й день. Это две короткие молитвы, которые называются молитвами восьмого дня именно потому, что в древности таинство крещения и таинство брака совершались как бы во времени. После венчания молодые еще целую неделю ходили в церковь в брачных нарядах и носили венцы. Это было время духовного восторга, особого праздника, торжества, которое подчеркивало значительность совершенного, всю красоту и величие таинства, начало новой жизни. Все это, конечно, создавало очень высокий образ, высокое понимание брака.

Есть мнение, очень вероятное, что молодые и свою супружескую жизнь начинали после 8-го дня, когда с них снимались венцы и читали молитвы на разрешение венцов. А первую неделю они ходили в церковь, причащались Св.Христовых Таин. Но это, вероятно, бывало по-разному в разные периоды и в разных местах. Сейчас молитвы читаются сразу после отпуста. Таким образом, они уже делаются как бы более формальными, а некоторые священники их вообще не читают.

30.03.94.

Лекция 20. Таинство Покаяния

Сегодня мы постараемся успеть изучить таинство покаяния.

В требнике чин этого таинства называется так: «Последование о исповедании». Здесь говорится: «Приводит духовный отец хотящаго исповедатися единаго, а не два или многия, пред икону Господа

нашего Иисуса Христа непокровенна». Далее — обычное начало: 50-й Псалом, потом тропари «Помилуй нас, Господи, помилуй нас». Затем читаются две молитвы. Первая звучит так: «Боже, Спасителю наш, Иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся даде в своих согрешениих оставление даровавый, и Манассиину в покаяние молитву приемый, Сам и раба Твоего (или и рабу Твою)..., кающагося (или кающаюся), в нихже содела согрешениих, примии обычным Твоим человеколюбием, презираяй ему (или ей) вся содеянная, оставляяй неправды, и превосходяй беззакония. Ты бо рекл еси Господи: хотением не хочу смерти грешника, то тако еже обратитися, и живу быти ему: и тако седьмьдесят седмерицею оставляти грехи. Понеже тако величество Твое безприкладное, и милость Твоя безмерная, аще бо беззакония назриши, кто постоит; яко ты еси Бог кающихся, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков, аминь».

Затем вторая молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, Пастырю и Агнче, возьми грех мира, Иже заимования даровавый двема должником, и грешнице давай оставление грехов ея: Сам Владыко остави, прости грехи, беззакония, согрешения вольная и невольная, яже в ведении и не в ведении, яже в преступлении и преслушании бывшая от рабов Твоих сих. И аще что тако человеци плоть носяще, и в мире живуще, в диавола прельстишася. Аще же в слове, или в деле, или в ведении, или в неведении, или слово священническое попраша, или под клятвою священническою быша, или под свою анафему падоша, или под клятву ведошася: Сам яко Благ, и Незлобивый Владыко, сия рабы Твоя словом разрешатися благоволи, прощай им и свою их анафему и клятву, по велицей Твоей милости. Ей, Владыко Человеколюбче Господи, услыши нас молящихся Твоей благости о рабах Твоих сих, и презри яко милостив прегрешения их все, измени их вечныя муки. Ты бо рекл еси Владыко: елика аще свяжете на земли, будут связаны на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешени на небеси. Ты Един Безгрешен, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков, аминь».

Далее священник говорит некое увещание: «Се чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое, не осрамися, ниже

убойся, и да не скроеши что от мене: но не отбинуяся рцы вся, елика соделал еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа. Се и икона Его пред нами: аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся, елика речеши мне: аще ли что скарыеши от мене, сугуб грех имаши. Внемли убо: понеже бо пришел еси во врачбницу, да не неисцелен отыдеши».

Затем в требнике написано: «Духовник вопрошает его (кающегося — о. Владимир) прилежно едино по единому, и ожидает его (или ее), донельже отвечает противу коегождо вопрошения».

Священник вопрошает: «Рцы ми чадо: аще веруеши, яко церковь кафолическая апостольская, на Востоке насажденная и взращенная, и от Востока по всей вселенной разсеянная, и на Востоце и доселе недвижимо и непременно пребывающая, предаде и научи; и аще не усомнишася в коем предании». В ответ на этот вопрос кающийся должен прочитать Символ веры — не формально, конечно, ибо это момент исповедания православной веры.

Затем следуют другие вопросы, которых в требнике весьма много. После всех этих вопросов, которые большинство из вас, наверное, никогда не слышали, священник должен прочитать еще одно увещание, которое, наверное, тоже никто из вас никогда не слышал: «От сих всех отныне должен еси блюстися, понеже вторым крещением крещаешися, по таинству христианскому, и да положиши начало благое, помогающе тебе Богу: паче же не поглумися на тоежде обращаяся, да не твориши человеком смеха, сия бо христианам не суть прилична: но честно, и право, и благоговейно пожити да поможет тебе Бог Своею благодатию».

Только теперь, после этого увещания, кающийся должен еще раз проверить свою совесть и если что-то скрыл, должен сказать, что он сделал плохого. Когда же он исповедался полностью, он должен стать на колени, и священник читает над ним разрешительную молитву: «Господи Боже спасения рабов Твоих, милостиве и щедре и долготерпеливе, каяйся о наших злобах, не хотяй смерти грешника, но еже обратитися, и живу быти ему: сам и ныне умилоствися о рабе Твоем (или рабе твоей)..., и подаждь ему образ покаяния, прощение грехов и отпущение, прощая ему всякое согрешение, и соедини его святей Твоей Церкви, о Христе Иисусе Господе нашем, с нимже Тебе

подобает держава и великолепие, ныне и присно, и во веки веков, аминь».

А дальше следует неожиданное по смыслу добавление: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти чадо (имя) вся согрешения твоя, и аз недостойный иерей, властью Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь».

Обычно в это время священник кладет епитрахиль на голову кающегося и благословляет его крестным перстосложением со словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Это и есть разрешительная молитва.

Может быть, вам это покажется странным, но такой чин таинства покаяния появился лишь в конце 17 века. Мы с вами говорили о том, что разные чины появлялись не мгновенно в апостольское время, а постепенно, с ходом истории. Например, проскомидия оформилась в 8 веке, таинство брака, чин венчания — в 8-9 или даже 10 веке. А вот таинство покаяния — в 17 веке. Тут встает вопрос: что же, из 20 христианских веков в течение 17 таинства покаяния не было? Церковь жила без этого чина?

Ясно, что это не так — были какие-то другие чины, и это нас в особенности побуждает обратиться к истории этого таинства, истории его жизни в Церкви. Вероятно, история его была особенно не простой, если только в 17 веке можно было утвердить такой чин.

Но и здесь скажу вам несколько грустных слов, потому что хотя этот чин и появился в 17 веке, я думаю, что ни один из вас не исповедался по этому чину полностью. И вряд ли вы когда-нибудь слышали, чтобы где-нибудь в церкви этот чин полностью осуществлялся. В некоторых церквях он читается в сокращении, но так, чтобы одному человеку священник полностью читал этот чин, спрашивал его таким образом, и чтобы он читал Символ веры — я думаю, вы не встречали такого. Я тоже не встречал.

Значит, история становления чинопоследования таинства покаяния не окончилась? В 17 веке чин составлен, но он опять-таки не удовлетворяет каким-то церковным возможностям, церковным потребностям и не осуществляется Церковью все равно. Т. е., иначе

говоря, Церковь с этим чином как бы особенно мучается — более чем с каким-либо другим чином. Это таинство, оказывается, может быть, наиболее трудным, наиболее непонятным и таинственным, здесь кроется какая-то особенная проблема.

Вы знаете, как сейчас обычно совершается таинство покаяния в церквях. По большей части утром, во время часов или в начале литургии собирается в приделе храма народ, который собирается причаститься, и священник начинает читать чинопоследование с большими или меньшими сокращениями, но обычно хотя бы две молитвы, которые я прочитал вначале, читаются. А затем происходит нечто странное — то, чего в чинопоследовании вообще нет, и что взялось непонятно откуда. Священник вдруг начинает говорить: «Кайтесь в своих грехах» и достает какую-то бумагу, скорее всего собственного изготовления или откуда-то переписанную от руки (во всяком случае, нигде не изданную) и говорит: «Грешны». В чем? Во всем: в неверии, в богохульстве, в клятвопреступлениях, во всяких отречениях от веры, в колдовстве — все, все грехи, касающиеся веры, потом все грехи, касающиеся гордыни, потом — гнева, потом — любостяжания, воровства. Более или менее полный список всевозможным грехов по заповедям. А уже наученные кающиеся периодически восклицают: «Грешны, батюшка, грешны!» Некоторые говорят: «Грешны, батюшка, во всем». А там чего только не написано: и убийства, и конокрадство, и поджоги...

Иногда эти списки бывают такими, что страшно делается. Мне довелось видеть один такой список под названием «Тайная исповедь», он был опубликован подпольно одним ревнителем покаянного благочестия. Там было столько перечислено грехов, что я получил целое «образование» и, конечно, сжег эту бумажку и советовал никому никогда не читать такие вещи.

Но вот в прошлом или позапрошлом году под грифом Оптиной пустыни (говорят, что это было подложное издание) была опубликована такая общая исповедь, в которой, кажется, около 500 грехов таких, что некоторые вызывали хохот, а иные ужас.

Все такие списки пишутся потому, что у священника, у духовника есть такая мысль: нужно исповедоваться как можно полнее. Нельзя ни одного греха забыть, и нужно предусмотреть все-все, что бывает

на свете. А вдруг кто-нибудь согрешил и забыл?

Прочитав такой список, священник говорит: «Теперь наклоните головы». И читает разрешительную молитву. Затем другая команда — и все начинают быстро подходить под епитрахиль к аналою, где лежат Крест и Евангелие. Уже не читая повторно разрешительную молитву, священник просто всех благословляет причащаться. Исповедь окончена.

Как видите, такая общая исповедь фактически стала повсеместной нормой. И у нас, в России, и на Украине (а там другого просто не бывает, говорят), и это означает, что Церковью что-то не приемлется. Многие священники, старцы, духовники эту общую исповедь обличали, отрицали, чуть ли не проклинали ее, говорили, что это профанация таинства. Даже патриарх Алексий I напечатал в «Журнале Московской патриархии» статью, где была осуждена эта общая исповедь. Неоднократно многие епископы выступали с осуждением общей исповеди. Тем не менее, она живет и нисколько не уходит из нашей жизни — наоборот, все больше и больше приживается.

Наверное, кто-кто хочет сказать: все попы обманщики, лентяи, просто не хотят исповедовать, ведь так проще и легче жить. Но я в это не верю. По крайней мере, по опыту своему не вижу, чтобы все священники были обманщики и лентяи.

В чем же дело? Значит, что-то другое есть, какая-то другая причина того, что священноначалие говорит «нельзя», а священники не слушаются епископов и все равно только так и делают. В чем же дело? И народ это принимает.

Более того. Я знаю священников, которые начинали свое служение с того, что исповедовали очень ревностно, обстоятельно, подробно, медленно. Я сам, когда начинал служить, на исповеди, как говорится, горел. Отчасти поэтому меня и прогоняли из одного храма в другой, что не могли вытерпеть этой исповеди, которую я там заводил. Там все время бывали общие исповеди, а я старался не исповедовать так, как запрещалось, это противоречило совести моей. И поэтому я оказывался неприемлемым для храма, и меня переводили.

Так что я от этого немало даже пострадал, а вот теперь, как и многие

мои знакомые, очень ревностные священники, я иногда склоняюсь к тому, что, может быть, было бы и неплохо сделать общую исповедь. Во всяком случае, проводить такую исповедь, как в молодости, я уже не могу, не хочу и не буду.

Значит, есть что-то такое, что противоречит нашей жизни? И Церковь ищет новую форму, новое адекватное понимание этого таинства — и никак не может найти.

Это тема очень и очень важная для нас. Она необходима и для будущей катехизации, и вообще для будущей церковной жизни, для воспитания своих собственных детей, да и для вас самих. Для священников будущих и для мирян необходимо понимать, что такое таинство покаяния. Но, к сожалению, у нас очень мало времени, и сегодня мы сможем обсудить только самое главное.

Попробуем разобраться: что же происходит с таинством покаяния в истории и в чем трудность сегодня?

В истории таинство покаяния учреждено Самим Спасителем. Вы помните Его слова по воскресении из мертвых: ихже отпустите грехи — отпустятся, ихже свяжете — будут связаны. Эти слова Христа считаются словами, утверждающими таинство покаяния. И мы знаем, что в древности, в 1 веке по Р.Х., таинство покаяния, действительно, понималось как второе крещение. Недаром эти слова остались в увещании, которое теперь никогда не читается, хотя и содержится в чине исповеди. Второе крещение — т.е. таинство возрождения для того, кто не смог удержаться в Церкви, который от нее отпал, погиб. Вот для такого погибшего человека, который родился в таинстве крещения, а потом от Церкви отпал, потому что согрешил тяжко (это называется смертным грехом), — для такого человека имеется возможность покаяться и возродиться в Церкви, вернуться в нее.

Какие грехи первохристиане считали самыми страшными смертными грехами? Прежде всего — отречение от Христа. Второй грех — убийство, третий — прелюбодеяние. Эти смертные грехи считались не только несовместимыми с христианской жизнью, но убивающими христианина. Человек, согрешивший так, уже не являлся членом Церкви. Впоследствии православная аскетика выработала более подробное учение о смертных грехах, и мы имеем список смертных

грехов более пространный. Это, конечно, всякий блуд, воровство, клятвопреступление, кощунство, колдовство, ворожба. Это грехи, которые делают пребывание в Церкви невозможным.

Чтобы уврачевать такое отпадение от веры, Господь нам оставил таинство покаяния. Оно совершалось над тяжко согрешившими кающимися людьми особым образом. В древности практиковалась исповедь публичная, когда согрешивший человек должен был перед всей общиной сказать о своем грехе, покаяться в нем и попросить прощения у Бога. Правда, древние памятники говорят нам о том, что всегда практиковалась и исповедь частная. Видимо, с 1 века была и частная исповедь тоже, но публичная исповедь была не редкостью, не исключением, а правилом. Если же человек, уже прошедший таинство покаяния, вновь согрешал, то сначала (в 1 веке) первохристиане считали, что во второй раз таинство покаяния совершать уже невозможно. Т. е. таинство покаяния, так же как и таинство крещения, совершалось однажды в жизни. Если человек крестился и согрешил, покался и вновь согрешил — значит, он не христианин, не хочет быть христианином. В 3 веке в Карфагене был Собор, где обсуждался вопрос о том, можно ли принимать падших в Церковь через таинство покаяния. Под падшими разумелись те, кто во время гонений отрекся от Церкви, от Христа. Были сторонники того мнения, что падших в Церковь принимать нельзя, и таинство покаяния для них не может быть совершено. Но победило милосердие, и Карфагенский Собор решил, что все-таки надо принимать и падших, хотя они и должны быть подвергнуты строгой епитимье.

Церковь и дальше постоянно шла по пути милосердия и смягчения строгости. От века к веку мы видим смягчение требований, и все-таки на протяжении веков составила так называемая покаянная дисциплина, которая имела весьма запутанный кодекс грехов и епитимий, соответствующих им, т. е. исправительных наказаний — не в смысле возмездия, а в смысле научения. Человек, который тяжко согрешил, должен свое покаяние явить в жизни, победить этот грех в себе, и тогда только он мог быть в Церкви.

Были такие нормы: за убийство от причастия отлучали на 15-20 лет, за прелюбодеяние — на 15 лет, за блуд — на 7, за то, что мы теперь

называем аборт (убийство во чреве, которое было известно и в древности, хотя это был и очень редкий грех) — на 10 лет, за гадание — на 3 или 5 лет.

Те, кто был отлучен от причастия, должны были не просто сидеть дома и не ходить в церковь, а должны были постоянно пребывать в церковном притворе (а они зачастую бывали больше самих храмов) и там, в зависимости от категории, они должны были проходить то или иное послушание. Таких категорий было четыре: припадающие, плачущие, служащие и купно стоящие. Припадающими назывались те, которые должны были стоять на коленях, а плачущие должны были плакать, стоя на коленях; служащие могли стоять в храме вместе с оглашенными и вместе с ними выходили из храма, когда раздавался возглас: «Оглашенные, изыдите!» После этого они могли оставаться только в притворе. Купно стоящими назывались те, кто могли присутствовать на литургии верных, но не имели права причащаться.

Такая покаянная дисциплина говорит о том, что несмотря на смягчения, покаянные нормы были весьма строгими. Многие правила номоканона, Свв. Отцов или Вселенских Соборов поражают нас своей строгостью. Понятие о нравственности христианской было очень высоким, и Церковь неохотно шла на компромиссы в этой области. Но теперь мы эту покаянную дисциплину забыли. Теперь от причастия на столько лет не отлучают даже в случае самых тяжких грехов. Наши епитимии никогда не бывают такими строгими. Вы не видели в притворе стоящих на коленях, плачущих, припадающих. Есть, правда, купно стоящие — тайно стоящие купно, но не причащающиеся. Но и это бывает в исключительных случаях. Епитимии тоже бывают, но очень мягкие: прочесть Евангелие или сделать поклоны. Таким образом, эта строгая покаянная дисциплина утрачена в наше время, и это не случайность, конечно. Она перестала соответствовать уровню требований сегодняшнего дня, тому духу, который царит сегодня в Церкви. Этот дух стал гораздо более слабым, немощным, чем в древности. К тому же и дух времени, дух мира стал особенно страшным, жестоким, даже ужасающим, поэтому труднее спастись в наше время.

Но мы должны разобраться не в букве канонов, а постичь дух

церковного понимания таинства покаяния. Вы помните, как в Деяниях апостолов говорится, как ап. Павел со своими спутниками пошел в какую-то сторону и Дух Святой не пошел с ними. Тогда они вернулись и пошли в другую сторону, и Дух Святой пошел с ними. Такое харизматическое понимание жизни христианской, т. е. жизни благодатной, в Духе Святом, является основой для христианской жизни во все века. Хотя мы не можем сейчас жить так, как жили первохристиане, мы в такой мере не благодатствованы, может быть, не способны к такой мере духовности, но, тем не менее, именно это есть цель жизни христианской — стяжание Духа Святаго. Древний христианин каялся тогда, когда чувствовал, что Дух Святой отошел от него из-за того, что он согрешил. Он должен был покаяться в своем грехе, чтобы благодать Божия вернулась к нему.

И сейчас тоже таинство покаяния нужно понимать, конечно, не формально. Если кто-нибудь думает, что достаточно вот так постоять в толпе, помолиться, потом подойти к аналою, чтобы священник прочитал разрешительную молитву, и все в порядке, — он тяжело заблуждается. Всякое таинство, тем более таинство покаяния, должно быть ощутимо. Человек должен почувствовать облегчение оттого, что с души его спал тяжкий груз греха. Он должен уйти от аналоя просветленным, должен почувствовать, что Господь его простил. Это должно быть. Но бывает только тогда, когда человек действительно кается. Не тогда, когда он совершает что-то формально — стоит, поклоны кладет и т.п. или когда напишет целую тетрадь своих грехов и долго рассказывает о них священнику. Но не это есть покаяние. Покаяние есть сокрушение сердца, когда человек испытывает горечь, боль, когда совесть его мучает, когда человек испытывает жажду очищения, жажду прощения. Когда он чувствует, что больше так жить не может, что он лишился самого главного — Господь отошел от него. И вот он ищет прощения и умоляет Господа простить и вернуться к нему. Такое настоящее покаяние и есть необходимое условие того, что таинство покаяния будет совершаться.

Если мы только помыслим на одну минуту, что таинство покаяния может совершаться без покаяния, то мы станем магами, католиками, но к православной жизни это никакого отношения уже иметь не будет и не может. Ничто формальное, никакая сакраментальная

формула не может спасти положения. «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» — так написано в 50 Псалме.

Сокрушенное, смиренное сердце, сознание своего греха и желание очиститься здесь необходимы.

Но не только это. Можно говорить о необходимых условиях покаяния. Прежде всего, конечно, нужно осознать себя грешным. Второе — испытать покаяние. Затем нужно исповедовать свой грех. Зачем нужна исповедь? Разве нельзя молча покаяться перед Богом, ничего не говоря священнику? В исключительных случаях можно. Бывают такие случаи, когда человек, не имея возможности обратиться к священнику, кается, и Господь его прощает. Но не случайно Церковь сделала исповедь необходимой составной частью покаяния.

Дело в том, что исповедь — это то действие, когда человек действительно просит прощения. Объяснить это легко. Вот ребенок сделал что-то плохое. Маме хочется его простить, но она молчит. Почему? Потому что он набезобразничал, а мама скажет: «Прощаю тебя», и будет только вред. Ребенок должен прийти и сказать: «Мама, прости». Просить прощения — это необходимость для него, без этого прощать его не только бессмысленно, но даже вредно. Только вред вы причините ребенку, если будете прощать его, когда он об этом не просит. Значит, нужно, чтобы он попросил прощения. Но когда он просит прощения, мы замечаем, что часто он это делает формально. И тогда мы говорим: «Вот ты говоришь «прости», а за что ты просишь прощения, скажи-ка?» И очень часто мы видим, что ребенок пытается как-то вывернуться, уйти от ответа. Очень редко он возьмет и скажет обо всем честно и открыто. Даже чистой детской душе покаяние дается с большим трудом. И необходимость сказать вслух о своем грехе, произнести эти слова имеет огромнейшую силу. Сказать свой грех — это оказывается сильнейшим средством покаяния, самым сильным. Скажи свой грех! В древности — не только священнику. И это помогало человеку покаяться.

Можно о психологии этого момента более подробно говорить, но, наверное, здесь все более или менее ясно. Но скажу вам по опыту: очень часто бывает, что человек свой грех сознает и в некотором смысле даже кается — плачет, бьет себя кулаком в грудь. Потом с большой легкостью приходит к священнику и говорит — иногда даже

больше, чем надо. И, тем не менее, священнику почему-то очень трудно прочитать разрешительную молитву. Как говорится, рука не поднимается наложить на него епитрахиль. Не чувствует он, что есть покаяние. Почему? Потому что есть еще одна необходимая составная часть покаяния — твердое желание, твердая решимость больше так не согрешать.

Вот эти четыре составные части покаяния нам нужно обязательно знать и понимать. Между прочим, когда кающийся после исповеди целует Крест и Евангелие, это есть древняя форма клятвы, обещания. В летописях русских мы часто находим такие слова: «Целуй мне крест на том-то и на том-то». Скажем, князь говорит своим подчиненным: «Целуй крест, что ты сделаешь то-то». Что это значит? Это значит: обещай мне, что ты это сделаешь, и в подтверждение того, что не нарушишь своего обещания, целуй крест. То есть обещай мне это перед Крестом и Евангелием, т. е. перед Христом распятым. Так вот, когда кающийся целует Крест и Евангелие, то он обещает больше так не грешить.

Это необходимые составные части покаяния. Тогда только может быть действительно таинство, когда со стороны кающегося соблюдены эти основные условия. Но, говоря о том, что такое покаяние, мы еще далеки от проблемы, которая была поставлена вначале: в чем же трудность, которая так ясно нами ощущается, так тяжело переживается Церковью? Почему это таинство не вписывается в жизнь Церкви легко и просто? Почему общая исповедь является по существу профанацией таинства покаяния — профанацией столь сильной, что даже крупнейший митрополит сегодняшнего Синода мне сказал, что сомневается в том, что это таинство совершается таким образом, т. е. посредством общей исповеди.

Мы не говорим никогда о таких сомнениях, когда служим литургию или крестим. Даже когда крещение совершается очень поспешно, очень плохо, очень неправильно, мы все-таки не допускаем таких сомнений — совершилось крещение или нет? Оно все-таки совершилось. Может быть, даже в суд и в осуждение, но совершилось. А вот тут епископ, митрополит высказывает сомнение. Почему же это так? В чем причина такой катастрофической действительности нашей?

Причина есть. Легче всего ее понять, рассматривая историю. Когда первые христиане прибегали к таинству покаяния, все было совершенно иначе: они переживали грех отпавшего от общины человека как свой грех. Скажем, была община. В ней могло быть 20 человек. И вот эта община вместе живет, молится, трудится, вместе провожает на мученическую смерть кого-то из своих членов и радуется за этих мучеников как за достигших Царства Христова. А может, потом один из членов этой общины отрекся, отпал от Христа — публично отрекся во время гонений под угрозой смерти. Это тяжкий грех. И такого грешника нужно утешать, довести до покаяния. Может быть, он 20 лет будет стоять с припадающими, но он хочет вернуться в Церковь, он исповедует свой грех. А другой, может быть, взял и изменил жене. Это тоже страшный грех, тоже нетерпимый в Церкви.

Вот как воспринимался грех в древности, и соответственно этому воспринималось и покаяние. Но потом приходит время, когда Церковь распространяется. Представьте себе, во время гонений тебя того и гляди могут вывести на площадь, подвергнуть пыткам и казнить. Тут иначе выглядит вся жизнь христианская. Все неверные, все слабые отрекаются, уходят от Церкви. Остаются только те, кто готов умереть за веру, за Христа. Они хотят умереть за Христа, имея чистую совесть. Опять-таки здесь особая атмосфера, особое понимание духовной жизни.

Но потом гонения кончаются, наступает эпоха Константина, и огромные толпы вчерашних язычников приходят в Церковь, крестятся массами, и им ничто не грозит, никаких гонений нет. Они приносят с собой в Церковь совершенно иные понятия о жизни, о грехе. Грехи становятся очень частыми, и уже нет возможности общине так переживать, общины делаются очень большими. И вот новая жизнь уже не вмещает в себя прежние нормы. Возникает новая норма — исповедь делается только частной, только тайной. И постепенно приходит в Церковь такое сознание, что причастие Св. Христовых Таин как бы связано с таинством покаяния.

Сначала это было очень опосредовано, очень не сразу, но это от того происходило, что согрешил человек, и его отлучали от причастия. Значит, чтобы снова причащаться, нужно покаяться. Но в древности

— и вы должны это знать — люди причащались без таинства покаяния. Оно совершалось только для тех, кто отпал от Церкви, остальные причащались без исповеди, без покаяния. Постоянно причащались, каждую неделю. Так, как теперь это делают священники. Они служат и вовсе не обязательно перед причастием исповедуются.

Раньше это было нормой. Но постепенно она уходит. По мере того как все большее количество язычников приходит в Церковь, и Церковь разрастается, уровень духовной жизни катастрофически снижается. Начинают грешить постоянно и причащаться редко. Епитимии отлучают от причастия на годы, и очень многие могут причаститься только раз в год. Целый год они не причащаются, потом приходят к исповеди и причащаются, как на Пасху, а потом опять долго не причащаются. Словом, постепенно получилось так, что в России (в особенности) возникла норма очень тяжелая, в каком-то смысле трагическая норма: без исповеди нельзя причащаться, таинство причастия соединилось с таинством покаяния неразрывно. Мирянин не может причаститься без исповеди.

Говорят, что это отчасти по полицейским соображениям так было, это ввели Петр I и его Синод. Но я думаю, что не только в этом дело. Это норма довольно поздняя. Еще в 16, 15 веке можно было причащаться без исповеди, только в 17-м веке был наложен такой запрет. Естественно, когда перед причастием нужно говеть (семь дней поститься, усиленно молиться, ходить в храм, исповедоваться) и только потом причаститься, причастие делается очень редким. Эта норма оборачивается другой стороной. Она была установлена для того, чтобы не допускать к причастию людей формально, чтобы нельзя было грешить и причащаться, чтобы христиане все-таки помнили, что причащаться можно только с чистой совестью.

Но получается результат другой: если нельзя причащаться без исповеди, то будем причащаться редко. И вот в России устанавливается ужасная норма — причащаться раз в год Великим Постом. Вроде бы заодно уж попустишься, поговеешь. Наступает расцерковление, потеря литургической жизни. Но это отчасти можно объяснить. Если обязательно нужно исповедоваться перед причастием, то не только самим кающимся трудно пройти эту

покаянную дисциплину, но и священнику невозможно постоянно всех причащать и исповедовать. Это просто невыносимо. Если для каждого, как написано в требнике, нужно такое правило прочесть, то на каждого нужно потратить час времени. Даже если приход небольшой, человек сто, то это уже сто часов. Где же их взять?

Поэтому и священники начинают уже ограничивать причастие, причащаться только редко. Но вот здесь нас подстерегает новая беда: если причащаться редко, раз в год, Великим Постом, то на священника обрушиваются толпы кающихся. И тут начинается уже борьба темных сил за то, чтобы и этот единственный раз в году тоже отнять у христиан. И когда приходит на исповедь человек 200 или 400, их тоже никак нельзя исповедовать подробно. И эта единственная в году исповедь тоже теряется. Отсюда и появляется общая исповедь.

Я служил в таком приходе, где было много прихожан пожилых, они причащались раз в год, Великим Постом. И вот начинается литургия, и вот эти бабушки набиваются битком в храм. Я служил в двухэтажном храме в Вешняках. В нижнем храме идет литургия, а исповедь идет в верхнем, потому что не помещается народ. А ведь все те, кто хочет причаститься, кто являются полными, настоящими участниками литургии, они стоят в верхнем храме, а литургия идет в нижнем. Их набивается человек 400 там, а воскресная литургия идет два часа. И если на каждого такого человека потратить всего полминуты, то нужно уже 200 минут — больше трех часов. В литургию не успеть. А они — любую спроси — все причащались год назад. «Какие у тебя грехи?» — «Во всем грешен, батюшка». Во всем — и все. Этих людей уже не пробьешь. Надо такого человека трясти 20 минут, чтобы он сказал хоть один грех.

Что делать? Практически тут ничего не остается, кроме как, ничего не говоря, прочитать молитвы и сказать несколько слов о том, что все мы грешны, а потом прощать и разрешать — может быть, успеешь к концу литургии. Как хочешь, так и выходи из положения. А если ты не пропустил кого-то до литургии, то все с ревом бросаются на тебя: «Батюшка, как же так, я пришла с клюкой, шла полчаса по лужам, я не могу ходить, а ты меня не причастил!»

Ситуация ужасная, безвыходная. Поэтому священники и вынуждены

прибегать к общей исповеди. И хотя я всегда был поборником исповеди подробной, обстоятельной, но в этой ситуации тоже был вынужден поступить таким образом. Правда, я никогда не вычитывал грехи за бабушек, не обманывал их в этом, не делал вид, что все в порядке. Я просто говорил, что нужно покаяться в своих грехах, а дальше уж на вашей совести. Большая часть времени уходила на то, чтобы объяснить, как это все плохо. Но их это не волновало.

Вот в чем сегодняшняя проблема.

Почему так получилось? Есть еще одна причина. Не только постоянно повышающийся уровень греховности нас погубил. Когда язычники пришли в Церковь в огромной массе при Константине Великом, значительная часть ревностных христиан ушла в пустыню, в монастыри. Возникло монашество. Именно потому, что была утрачена та духовная атмосфера, та духовная жизнь, которая была во время гонений, и они, оказавшись в миру, решили уйти в пустыню.

У монахов в монастырях сложилась своя духовная жизнь, и там покаянная дисциплина осталась, но в другом виде. Там нужно было каждому монаху постоянно исповедовать свои грехи, свои помыслы старцу. А старцем назывался авва, которому поручался новоначальный инок, новоначальный монах. Этот старец изначально не был священником просто потому, что в первые века христианства монашество и священство были несовместимы. Считалось, что монах священником быть не может. Таким образом, исповедь своих помыслов старцу не была таинством покаяния. Это было покаяние, но как бы покаяние дисциплинарное, учебное, оно понималось как способ духовного возрастания, духовного научения, воспитания. Такая дисциплина преследовала как бы воспитательную цель.

Затем эпоха иконоборчества внесла некий новый момент в жизнь Церкви. Во время иконоборчества (а эпоха эта продолжалась примерно полтора века, это была очень длительная ересь) белое духовенство себя очень сильно скомпрометировало, потому что в массе своей перешло на сторону иконоборцев. А иконопочитание отстаивали монастыри, монахи. Поэтому в народе церковном утвердилось такое понимание, что можно ходить в храм, но в руководители, в духовники надо выбирать себе монаха настоящего, настоящего духовника. К белому духовенству появилось большое

недоверие.

Когда монахи стали духовниками и для мирян тоже, то они привнесли со своей стороны в таинство покаяния эту монашескую дисциплину откровения помыслов, т.е. они как бы соединили то таинство покаяния, которое Церковь имела с первых веков христианства, с дисциплинарным покаянием периодическим, частым, которое осуществлялось в монастырях. И дело окончательно запуталось, потому что таинство покаяния нужно совершать редко, а открывать свои помыслы старцу — каждый день. Как же исповедоваться теперь — часто или редко?

Все это вместе взятое составило ком, клубок противоречивых пониманий этого таинства, и все это досталось теперь нам. И здесь надо сказать, что положение наше безвыходное. Хотя разные выходы ищут в наше время разные богословы. Например, на Западе католики или западные православные решили так: разделить снова таинство покаяния и таинство причащения, т. е. разрешить причащаться без исповеди. В Америке, во Франции везде практикуется такое понимание этих таинств. Ты можешь причащаться без исповеди, но раз в месяц или раз в полгода надо все-таки поисповедоваться. Независимо от причастия, а так, как у нас живут священники. Вернуться в этом к древней норме.

Вроде бы это хорошо, и многим священникам это нравится. Так просто и хорошо разрубили этот гордиев узел, поставили все на свои места, сделали все как в древности: причащение — это одно, покаяние — это другое. Почему каждый христианин должен обязательно все время каяться? Не все же мы отпадаем от Церкви каждую неделю, зачем же нужно таинство покаяния?

Вообще говоря, это правильно, и нужно было бы это сделать — по таким показаниям. Но вот ужас: на Западе это сделали, а получилось только хуже. Христиане западные православные вообще утратили ощущение покаяния. И теперь, когда их священники как-то побуждают к этому, они отвечают: «А зачем? Я не грешник». То есть дело, оказывается, вовсе не в том, чтобы формально соответствовать первому веку христианскому. Нельзя формально нормы первохристианские перенести в 20 век — это невозможно. Это станет возможным только тогда, когда будет перенесен дух первохристиан в

наше время. Как, например, во времена гонений в нашем 20 веке в России это было вполне возможно. Когда наступили гонения, когда опять стали убивать, сажать в тюрьмы, подвергать пыткам, тогда первохристианские нормы, первохристианский образ жизни сам вошел в нашу жизнь. И христиане начали жить так сами собой, даже не зная о том, как это было во времена первохристианства, не имея книг, археологических раскопок. То есть перенести это можно только вместе с самим духом первохристианства. А вот перенести дух — это так просто не делается. Недостаточно взять и перевести на русский язык, скажем, Св. Писание, или службу, или ввести катехизацию. Таким образом, механическое перенесение тех норм в наше время ничего не дает, делается только хуже.

Какой же выход? Общая исповедь — плохо, разделение таинств — плохо, сделать исповедь частной, постоянной и подробной — тоже плохо.

Мы у себя в храме по вечерам проводим длинные исповеди под праздник, под воскресенье до глубокой ночи, чтобы каждый мог поисповедоваться отдельно. И многие священники, особенно те, у кого сил побольше, просто погибают на этих исповедях, и я сам погибал, приходилось по 18 часов там проводить. Должен сказать: и это плохо, результата нет. Более того, такая постоянная подробная исповедь может быть даже вредной. Вам это непонятно, вы удивляетесь, но я вам скажу. Вот у меня есть община, которую я подробно исповедую много лет, стараюсь с каждым работать по отдельности. Ну и что? Там очень высокий уровень духовной жизни? Ничего подобного. Люди привыкают к подробной исповеди, и она профанируется. Люди привыкают проходить эту исповедь, но они не умеют каяться. Потому что покаяние в сердце человека. От того, что мы сделаем это так, или иначе, или еще как-нибудь, сердце-то не меняется.

То есть вот такая подробная исповедь с откровением помыслов, к которой у нас многие стремятся и упрекают своих духовников: «почему вы меня не слушаете, я хочу постоянно вам свои грехи открывать — каждый день или хотя бы раз в три дня», — это все от лукавого. Это вовсе не является признаком высокой духовной жизни. Наоборот, скорее всего это приведет к фарисейству, лицемерию,

лукавству и к духовному отупению.

Все это я говорю потому, что это мною выстрадано, это не просто теория. Какой же выход? Его нет. Таинство покаяния не случайно не вписывается в нашу жизнь. Почему? Потому что покаяния нет. И пока не будет покаяния, мы не найдем никакой формы, ее не будет. Чего стоит форма без содержания?

Поэтому Иоанн Предтеча, когда пришел, восклицал: «Покайтесь!» И Христос начал свою проповедь с этого слова. Христианства без покаяния нет. А покаяние есть подвиг. Пока не будет такого подвига, пока не будет в нас постоянно покаянного духа, таинство покаяния совершаться правильно не будет. И никакие формы, никакие проповеди ничего не дадут.

Что же нам делать теперь? Во-первых, не нужно делать никаких революций. Отменять таинство покаяния перед причастием нельзя. Это нельзя было даже на Западе делать, потому что это дает только худшие плоды. А у нас тем более: если при нашей жизни разрешить причащаться без покаяния, это будет просто проходной двор. Толпа хлынет и смятет священника. Это означает, что мы будем причащать всех убийц, блудников, это будет полная профанация таинства. Недаром наши старцы категорически это воспрепятствуют. Они знают духом, что нет на это воли Божией.

Можно ли сделать общую исповедь? Таковую, как у нас сейчас проводят, — нет. Это обман. Потому что те, кто проводит общую исповедь, хотят внушить народу, что они покаяться. Вместо того чтобы совесть будить, они ее успокаивают, они хотят сделать вид, что люди исповедались и покаяться. А они ни в чем не каются и ни в чем не исповедовались. Это батюшка читал грехи, а они пришли, когда он уже все прочел. Или вообще опоздали.

Так что общей исповеди быть не должно. Но должна ли быть вот такая постоянная и подробная частная исповедь? Конечно, нет. Она невозможна, она нереальна. Даже если в Москве будет 10 тысяч священников. А если даже это и получится, то в результате будет фарисейство и лицемерие. Покаяния-то нет. Значит, это тоже не способ.

Что же делать?

Опыт и слово самых мудрых наших духовников таковы: мы ничего сейчас не можем отменить; хотя первохристианские нормы лучше наших, вернуться к ним механически мы не можем. Значит, нельзя исповедь отменять, нужно ее проводить. Но нужно ввести как бы два способа исповеди. Один — для тех, кто часто причащается, живет церковной жизнью, не совершает тяжких смертных грехов: не убивает, не делает аборт, не блудит, не ворует, не колдует, не бьет родителей, не пьянствует, не колется наркотиками — не делает вещей, абсолютно не совместимых с христианской жизнью, не совершает смертных грехов. Для этих людей нужно ввести исповедь упрощенную. Они должны иметь возможность покаяться кратко, двумя-тремя словами, может быть, дать записку. И получить разрешительную молитву к причастию. Не нужно вычитывать этим людям списки этих грехов — они их не делают. Им нужно сказать другое: вы будете причащаться, имейте в виду, что причаститься вы можете в суд и в осуждение, если вы лукавите, лицемерите, фарисействуете, если совесть ваша молчит, если у вас нет в душе покаяния. Их нужно предупредить, а дальше пусть они по совести подходят и получают разрешительную молитву.

Это не будет общей исповедью. Она есть там, где для всех произносится общая исповедь, которой на самом деле никто в сердце не имеет. Этого делать не надо. Второй способ покаяния — для тех, кто отпал от Церкви или пришел в церковь впервые, кто только что обратился к вере или отпал от Церкви, совершив страшный смертный грех. К таковым относятся, в частности, все люди, кто не причащался год, пять, десять лет. Это тоже люди, отпавшие от Церкви, не христиане. Это те, кто не удосужился прочитать Евангелие за всю свою жизнь, которые не желают жить церковной жизнью: не соблюдают посты, не приходят в храм на праздники, не причащаются, не говеют. Или те, кто живут в браке, но не считают нужным повенчаться. Все это — люди, находящиеся вне Церкви.

Им необходима подробная частная исповедь. Ее невозможно совершить во время литургии. Им нужно назначить время, чтобы они пришли и поисповедовались подробно отдельно. Как это практически получается? У нас в храме, например, введена норма — часто причащаться. Нам очень трудно, за каждой литургией у нас бывает

400-600 причастников Великим Постом, а в обычное время — 200-300 человек. Начинается литургия, священник идет на исповедь. Я делаю так. Я говорю: те, кто часто причащается и не имеет на совести тяжких грехов, проходите к разрешительной молитве. Читаю молитву, а они мне говорят два-три слова. Кто-то плохо молился, кто-то обидел маму, поссорился с женой и т. п. И все. Так можно пропустить много людей. А те из вас, кто не причащался больше года без особой причины, пришел первый раз, согрешил тяжкими грехами, те должны подойти ко мне в конце. Сначала я пропускаю тех, кто являются церковными людьми, а остальные пусть подходят во вторую очередь, с ними нужно поговорить более подробно.

Фактически получается так, что все, кто может причаститься, проходят, а все, кто не может, остаются после литургии и исповедуются. И здесь я некоторых поисповедую, а некоторым назначу время: прочитайте Евангелие и приходите в такое-то время. Вот как должно быть на сегодняшний день, так это благословляется и духовниками нашими.

20.04.94.

Лекция 21. Таинство Покаяния

Я не успел вам сказать довольно важную вещь: в современном виде таинство покаяния, как вы знаете, имеет форму католическую, — в том смысле, что имеет в себе ярко выраженную тайносовершительную молитву: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти чадю (имя) вся согрешения твоя, и аз недостойный иерей, властью Его мне данную прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». Эта молитва читается одновременно с возложением епитрахили на голову кающегося и совершением крестного знамения на голове его.

Как я вам уже говорил в прошлый раз, этой молитве предшествует другая молитва, перед которой есть киноарное примечание: «Тогда преклоняет главу исповедуемый: духовный же глаголет молитву сию: Господу помолимся. Господи Боже спасения рабов Твоих, многомилостиве и щедре и долготерпеливе, каяйся о наших злобах не хотяй смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему: Сам и

ныне умиловивися о рабе Твоем (или рабе твоей)..., и подаждь ему образ покаяния, прощение грехов и отпущение, прощая ему всякое согрешение, вольное же и невольное: примири, и соедини его святей Твоей церкви, о Христе Иисусе Господе нашем, с Нимже тебе подобает держава и великолепие, ныне и присно, и во веки веков, аминь».

Это древняя православная молитва, и раньше именно она называлась молитвой разрешительной, или кульминационной. Не тайносовершительной, здесь не было магического элемента; этой молитвой священник просит о том, чтобы кающийся был примирен и соединен со святою Христовой Церковью. Это есть молитва священника над кающимся, тут нет и слова, и мысли о том, что «я прощаю и разрешаю тебе». Такое весьма юридическое звучание в разрешительной молитве последней появляется, конечно, под влиянием католическим. Сама формула этой тайносовершительной молитвы поражает нас: пожалуй, ни в одном другом таинстве, ни в одном другом чине мы не найдем такой юридической формы: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти чадо ... вся согрешения твоя, и аз недостойный иерей властью Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих...» То есть тут все юридически оговорено: Господь тебя простит, и я тебя прощаю властью, которая мне дана, — все объяснено, все формально соблюдено и обусловлено. Но этот формализм и этот юридизм как раз и оказываются самыми вредными и самыми как бы противоречащими сути этого таинства. И до сих пор богословы не находят возможности объяснить, каким образом древний смысл таинства покаяния вдруг начинает пониматься совсем другим образом, когда власть прощать и разрешать, данная апостолам, здесь вдруг кладется как бы в основу: «и я прощаю и разрешаю тебя».

Тем не менее, все-таки мы подвергаем некоторому историческому анализу разные исторические наслоения в этом чине, как и в других чинах, выделяя здесь католическое влияние. Но все-таки мы должны помнить, что здесь есть влияние евангельского слова. Господь в Евангелии говорит: кому простите, тому простятся, кому оставите, тому оставятся. Видно, что католическое понимание таинства

восходит именно к той установительной форме, которая дается в Евангелии, а оттуда как бы продолжает силу этого таинства.

Конечно, сейчас мы ничего не можем тут менять, не можем ничего подвергать сомнению, но должны помнить, что православное понимание таинства состоит не в магическом употреблении власти, а в молитве и любви, в вере. Не так важно нам помнить, что «я властью Его мне данною, прощаю и разрешаю»; тут упор делается на преемство апостольской власти.

Гораздо ближе нам православное понимание таинства, когда священник читал молитву, но в основном он именно молился; ему была дана эта власть, и он ее использовал, молясь. Но в наше время это таинство подвергается вновь очень сильной деформации, и понимание его очень сильно меняется под влиянием разных трудностей времени. Мы часто оказываемся лицом к лицу с тяжелой проблемой: что же будет дальше, если так пойдет, и что можно исправить. И надо сказать, что исправить что-либо очень трудно, потому что время такое сейчас скорбное, духовно трудное, когда покаяние как бы теряется человечеством. Люди перестают понимать, что значит каяться. Соответственно этому как бы уходит постепенно и таинство покаяния из жизни христианской.

04.05.94.

Лекция 22. Таинство Елеосвящения

Сегодня мы переходим к следующему таинству, — таинству елеосвящения. Вы помните, что таинство созидает жизнь человека: крещение, в котором человек рождается для новой жизни; миропомазание, таинство брака, в котором созидается семья; таинство покаяния, где отпавший от Церкви человек вновь возвращается в нее.

И вот, — таинство елеосвящения. Оно имеет некий сходный смысл с таинством покаяния. Об этом лучше всего говорится в Послании ап. Иакова, где апостол заповедует нам совершать это таинство: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит Его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему. Признавайтесь друг пред другом в проступках и

молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного».

Этот текст лучше всего указывает нам на происхождение этого таинства. Оно заповедано Самим Господом Иисусом Христом. Вы помните, что Господь во множестве исцелял болящих, одержимых и очень часто, исцеляя, говорил: «Прощаются тебе грехи твои». Сам помазывал болящих, иногда брением, иногда как-то еще; погружал в воду. И когда апостолы были посылаемы Христом на проповедь, они тоже исцеляли болящих и часто мазали больных елеем, и они исцелялись. Значит ли это, что они уже совершали таинство елеосвящения в полном смысле слова? По-видимому, нет, потому что силу таинства все приобретает после Пятидесятницы. Но как крестили они крещением Иоанновым еще до Пятидесятницы, а потом это крещение стало таинством рождения духовного, так же точно и здесь было, по-видимому, некое приготовление формы этого таинства.

И вот уже в Новом Завете после Пятидесятницы Церковь это таинство как бы из рук ап. Иакова, брата Господня, принимает, чтобы совершать всегда. Здесь говорится уже о том, что таинство это совершается над болящим, и нужно призвать не одного священника, а нескольких, чтобы они молились над ним вместе, потому что тяжелая болезнь требует общецерковной молитвы.

Очевидно, что свое название соборование получает именно оттого, что здесь требуется собор священников, соборная молитва Церкви. Чинопоследование этого таинства находится во второй части нового требника и называется оно так: «Последование святого елея, певаемое от семи священников, собравшихся в церкви, или в дому». И дальше написано, как следует готовиться к нему: поставляется столец, на нем бывает какой-то сосуд, куда насыпается пшеница, затем сосуд с елеем; приготавливается вино обычное. Каждому священнику нужен струец, — помазок, чтобы мазать елеем. Обычно заготавливают таких семь помазков. Зажигаются свечи, и говорится возглас: «Благословен Бог наш». Далее, — обычное начало; потом читается 142 Псалом, малая ектения, поется «Аллилуиа» со стихами: «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажешу мене. Помилуй мя Господи, яко немощен есмь». Затем покаянные тропари: «Помилуй нас Господи, помилуй нас», 50-й

Псалом и канон покаянный «Моря чермную пучину», которым испрашивается исцеление болящих.

После пения канона и экзапостилария повторяется обычное начало. Это немного странно, но потом причина этого повторения станет ясной. Затем поется тропарь «Скорый в заступлении един сый Христе», — тропарь о болящих и, наконец, произносится мирная ектения, в которой имеются особые прошения: «О еже благословитися елею сему силою и действием и наитием Святаго Духа, помолимся. О рабе Божии (или: о рабе Божией)... и о еже в Бозе посещении его, и еже приити на него благодати Святаго Духа, Господу помолимся. О еже избавитися ему и нам от всякия скорби, гнева и нужды».

После этого священник вливает в кандило (лампаду) елей и вино и читает молитву на освящение этого елея с вином: «Господи, милостию и щедротами Твоими...». Сослужащие ему священники читают эту молитву как бы вместе с ним.

Затем поются тропари на разные гласы, и возглашается прокимен; читается Апостол, потом Евангелие, затем говорится краткая ектения, читается молитва об исцелении и, наконец, молитва «Отче святой». Во время чтения этой молитвы (которая здесь считается тайносовершительной, если мы будем обращаться к семинарскому обычному пониманию таинств, то есть кульминационной молитвой) или после чтения ее священник помазывает болящего елеем: лоб, ланиты, ноздри, уста, грудь, руки с двух сторон. Конечно, не возбраняется вам помазать какое-то другое больное место, например, глаза или уши.

Такой цикл повторяется семь раз, — по числу священников, которые должны участвовать в таинстве. Но собрать семь священников не так-то просто. Так было и раньше: один священник в одном селе, другой, — в другом. Есть оговорка: таинство может быть совершено и меньшим числом священников, и даже одним священником.

Все чинопоследование, если читать довольно быстро, идет примерно полтора часа. Это полтора часа непрерывного чтения. Конечно, это весьма утомительно, и для болящего, и для священника. Иногда священник просто изнемогает, и в трудных случаях, особенно когда

болящему угрожает быстрая смерть, разрешается прочитать только начало первой молитвы и помазать елеем. Конечно, Апостол, Евангелие, ектения, начало молитвы «Отче святой». И помазывается елеем. И тогда считается, что таинство совершилось, даже если помазан болящий будет только один раз.

Такие нормы, которые предусматриваются для экстремальных случаев, особенно трудных, очень часто переворачиваются в жизни и делаются нормами общепринятыми: раз достаточно один раз помазать, то и хорошо, будем мазать один раз. И многие священники, когда ходят по домам помазывать, мажут один раз. Если можно ограничиться только началом молитвы, значит, так и сделаем.

Конечно, это неправильно. И если позволяет состояние болящего, то нужно читать чин полностью, тем более что он удивительно красив и удивительно благодатен. Представьте: читается семь апостольских посланий, семь Евангелий, семь молитв замечательных. Так что эта полнота выражает соборность. Имеется в виду, что каждый священник читает этот цикл сам, а потом помазывает. То есть сам этот чин выражает идею соборности. Даже когда один священник совершает его, то все-таки эта идея выражается чином, как бы в этом чине сохраняется идея соборности, что, конечно, очень важно. Поэтому и называется: «соборование».

После семикратного повторения чина священник открывает Евангелие, возлагает его на голову больного, и читается еще одна молитва: «Царю святой», — очень трогательная, имеющая покаянный характер. В ней есть такие слова: не я возлагаю руку на главу болящего, но Ты Сам, Господи, в этом Евангелии, которое держит сослужитель мой, Ты в нем возлагаешь руку и исцеляешь этого больного. Смысл этой молитвы прямо противоположен смыслу той молитвы, которая читается в конце исповеди («И аз недостойный иерей...»). Здесь как раз наоборот: не я, а Ты, Господи, возлагаешь руку через это Евангелие, которое мы держим над головой болящего. Это смиренное, очень православное и умиленное понимание таинства.

Потом болящий должен поцеловать Евангелие и поблагодарить священников, что обычно никто не делает, конечно. В отпуске поминается ап. Иаков, брат Господень.

Таков чин этого таинства. Но, рассказав о нем, мы далеко еще не продвинулись, потому что совершение этого таинства являет нам немалую проблему. Какую?

Совсем недавно многие священники (да и сейчас есть такие) категорически отказывались совершать это таинство таким образом, как оно совершается постоянно теперь. Они говорили: это таинство должно совершаться только у одра больного на дому, а вовсе не в храме. Сейчас, как мы знаем, Великим постом, а в некоторых местах постоянно, совершается это таинство над множеством людей, которые приходят без разбора, — и больные, и здоровые, и взрослые, и дети. Бывает, собирается 700-900 человек, полный храм. Людей ставят рядами, настоятель обычно начинает быстро читать чинопоследование, а остальные священники ходят по рядам и мажут всех, не останавливаясь и нисколько не согласовывая свои действия с чтением чина таинства. Очень часто из-за большого числа желающих собороваться священники не успевают помазать всех, пока читается чин, и ограничиваются двумя-тремя помазаниями. Во время такого чинопоследования очень много всяких нарушений из-за большой спешки; все как бы формализуется. Священник, который помазывает, уже почти и не молится, ему надо быстро все сделать, и он сердится, когда кто-то не так подает ему руки и т. п. или «поджигает» его свечкой.

Такое совершение таинства иногда, к сожалению, производит довольно тяжелое впечатление. И многие благоговейные старцы отказываются совершать таинство таким образом. Должен быть один больной и семь священников, а не 700 больных и один священник. Нужно, чтобы таинство совершалось в тишине и благоговении, в сосредоточенной молитве над болящим, когда действительно просят об исцелении этого болящего, потому что он тяжело страдает. А не так, что приходят все, кто попало, и неизвестно зачем, просто потому, что сказали: надо пособороваться.

Здесь есть некий экономический момент: если соберешь несколько сот человек и каждого попросишь заплатить, то это уже было неплохо для храма или для кармана батюшки. И этот экономический стимул немалую роль сыграл в том, что утвердилось такое совершение таинства, когда привлекается как можно больше народа и

соборование проходит не один раз, а дважды за пост.

В пастырских руководствах обычно говорится, что собороваться в одной и той же болезни два раза нельзя. А вообще соборование совершается раз в год. То есть это не такое таинство, которое можно совершать часто: сегодня в Донском, завтра в Даниловом, а потом к себе в храм приду, пособоруюсь. Такая беготня если и приветствуется, то только из экономических соображений, и больше не из каких.

Тут мы видим одну важную проблему. Удивительно серьезное, таинственное совершение соборования на дому над болящим часто дает чудесное исцеление болящему, когда соберется много священников, и они усердно молятся. Все это может потеряться в погоне за деньгами и за «охватом», и часто так получается.

Решить эту проблему не так просто: нельзя взять и сказать, что так соборовать нельзя. Такое массовое, всем храмом, соборование Великим постом, и не только Великим постом, обязано своим появлением настойчивым советам современных старцев. Не знаю, почему они так на этом настаивают, — потому ли, что они в курсе разных исторических колебаний, по духовному ли наитию? На самом деле их настойчивость оправдана, потому что оказывается, что таинство это в истории, как и все другие таинства, в разные эпохи понималось по-разному. Если ап. Иаков говорит, чтобы болящий призвал к себе домой пресвитеров церковных, это было еще в то время, когда храмов не было много, это были самые первые времена. На дому совершалась и Евхаристия. Немного позже, когда Литургия и Евхаристия начинают развиваться и совершаться во всем христианском мире, становятся центром жизни христианской, все таинства укореняются в Евхаристии, соединяются с нею, тяготеют к храму и к престолу Евхаристии. Тогда таинство елеосвящения тоже присоединяется к Евхаристии или к какой-то другой службе церковной, например, вечерней.

Следы этого мы находим в древних списках чинопоследования этого таинства. И вот оказывается, что канон, который теперь читается в начале чинопоследования, в древних списках отсутствует. Поэтому после канона и сохранилось второе обычное начало: возглас (если есть священник; а если нет, то молитва...), затем «Царю Небесный»,

«Святый Боже», «Пресвятая Троице, помилуй нас», «Господи, помилуй» (трижды), Слава, и ныне, «Отче наш», «Господи, помилуй» (12 раз). Этот цикл, которым начинается любое чинопоследование, называется обычным началом. В чинопоследовании елеосвящения оно встречается дважды: в самом начале и после канона.

Оказывается, в древности канона не было, а совершалась какая-то церковная служба, — литургия, но, скорее всего, вечерняя служба или утреня, — а потом совершалось елеосвящение. Есть списки, в которых елеосвящение помещается в начале литургии, после «Благословенно Царство», еще до пения антифонов. Мирная ектения, елеосвящение, а потом уже те, кто пособоровались, причащаются за литургией.

Когда это таинство присоединяется к литургии, включается в храмовый молитвенный круг, то, естественно, оно совершается уже не только над тяжелобольными. И понимается оно уже в смысле таинства очищения, — духовного исцеления. Поэтому оно совершается Великим Постом, в те периоды, когда особенно мы заботимся о покаянии.

Так, в древних чинах есть сведения о том, что таинство совершалось в Страстную седмицу, — в Великую Пятницу или Великую Субботу. Те, кто прошел пост, приходили и здесь как бы заканчивали, дополняли свой постный подвиг таинством соборования. Полностью очистившись от всех ведомых и неведомых грехов, приступали к Пасхальному торжеству.

Конечно, когда понимание таинства расширяется и получается, что оно нужно не только телесно больным, в нем начинают участвовать многие и таинство начинает совершаться над многими людьми в храме. То есть вовсе не только в наше время выдуман этот способ совершения таинства. Он был известен в глубокой древности, но потом наступает эпоха секуляризации таинства, т.е. отделения, выделения его. Это слово вам необходимо знать и понимать его смысл, потому что оно очень употребительно в богословской литературе. Говорится, например, об отделении Церкви и от Церкви, выделении из Церкви, скажем, искусства. Раньше искусство было церковным, потом оно выделяется из Церкви, становится независимым. Школа отделяется от Церкви. И не только от Церкви.

Скажем, жизнь, даже церковная, очень часто в какой-то мере отделяется от литургии. Вот такой процесс секуляризации, т. е. выделения таинств из состава литургии (мы уже говорили об этом в применении к таинствам крещения и брака) затрагивает и таинство елеосвящения. И тогда снова как бы елеосвящение начинает совершаться вне храмовой молитвы, вне суточного или годового круга, независимо от него.

Для того чтобы восполнить пробел, который образовался здесь, к таинству и присоединяется канон. Он как бы заменяет собой те службы, которые предшествовали таинству елеосвящения, — вечерние или утренние. Такое чинопоследование составилось на Руси примерно в 15 веке. Конечно, здесь сыграло роль и то, что примерно с 13 века исчезает обычай строить церковные больницы при храмах, и чин елеосвящения теперь совершается не в этих церковных больницах, а на дому и все дальше и дальше от литургии, от храма уходит снова в домашнюю жизнь, что очень сильно затрудняет совершение таинства. В России, где священников всегда не хватало, всегда большие пространства русской земли приводили к некоторому качественному изменению жизни. Есть такой диалектический принцип: количество переходит в качество и в ту, и в другую сторону. Когда священников много, то другое качество жизнь церковная приобретает. Когда их мало, то это качество теряется. Так вот, плотность священников «на один квадратный километр» в России всегда была катастрофически мала, — слишком много квадратных километров, и у нас появляются многие страшные явления.

Например, многие крестьяне до революции вообще никогда в жизни не видели епископа. Потому что наши русские епархии по территории бывали с целую Европу. Якутская епархия, например, больше Европы, поэтому естественно, что большинство православных якутов никогда не видели епископа, — объехать епархию на санях не представляется возможным. Даже сейчас, в наше время, самая большая по территории русская Церковь имеет весьма малое количество епископов. В Греции, которая очень мала, епископов гораздо больше, чем у нас. Тем более священников.

И вот такое малое количество священников (до революции их было 300 тысяч, и это очень мало, не говоря уже о теперешних 10 тысячах)

производило свои тяжелые следствия: священники не могли сделать многого из того, что делалось, например, в Греции, где на каждого священника было небольшое количество прихожан. И, конечно, ходить по деревням по домам совершать соборование, — это очень трудно. Возникает такая норма: собороваться нужно только в крайнем случае, когда человек уже умирает. А раз так, то и понимание таинства соборования в народе делается противоположным. Если из Евангелия, из Послания ап. Иакова оно доходит до нас со смыслом исцеления, прощения грехов для дальнейшей жизни, то теперь, раз нужно только перед смертью собороваться, то значит, это есть приготовление к смерти. Само слово соборование легко перепутать со словом «собрание», — «собираться на тот свет». Поэтому очень часто у нас интеллигентные люди не хотят собороваться, они считают, что еще надо пожить.

В наше время происходит новый возврат к древней традиции, когда соборование возвращается в жизнь Церкви, в жизнь громадных масс наших церковных людей. Это знамение времени. Оно выражается в старческих благословениях больше всего, и старцы это тоже ощущают как некую необходимость и потребность. Чем диктуется эта потребность, почему старцы так настаивают на соборовании? Потому что это таинство, как вы знаете, восполняет таинство покаяния. Оно совершается во исцеление и прощение забытых, неисповеданных грехов. Это вполне естественно, что в то время, когда исповедь теряется, уходит, когда осуществляется общая исповедь и никто уже не кается, по существу говоря, значение таинства соборования очень возрастает. И вот старцы как бы хотят восполнить отсутствие настоящей исповеди совершением таинства соборования.

Мы должны очень радоваться, что соборование возвращается в нашу церковную жизнь, делается доступным для всех, но ни в коем случае нельзя допускать профанации этого таинства. Хоть это и весьма трудно, но нужно совершать его очень благоговейно, не торопясь. Надо стараться, чтобы в храмах, где собирается много народа, были семь священников или хотя бы сколько-нибудь, и чтобы все эти священники по очереди читали молитвы, Евангелия, помазывали бы всех по очереди, а не так, что одни мажут, другие читают или одни не читают, другие не мажут. Все это нарушает благоговение этого чина.

Теперь я кратко еще хочу сказать вам о том, как прекрасен этот чин. Первый священник читает послание ап. Иакова, где сами слова, заповедающие совершать это таинство, настраивают нас на молитву, чтобы священники собрались и молитву сотворили над болящим, и эта вера спасет болящего. Видите, с какой верой сам апостол об этом пишет: он уверен, что когда священники соберутся и помолятся над болящим, то он исцелится и грехи, если совершил он, простятся ему. Вот какая сила молитвы предполагается здесь. Поистине это послание мы должны были бы хорошо знать, и помнить, и перечитывать, чтобы не совершать наши службы механически и формально, как мы часто это делаем.

Апостол говорит еще о том, что мы должны принять в свое сердце образ страданий и долготерпения, должны помнить, как сказали пророки, должны вспомнить кончину Господню (это все в том же послании говорится), о том, что Господь пришел пострадать и потерпеть, поэтому мы к своим скорбям должны относиться не как к беде или несчастью, а как к кресту, который нужно нести для того, чтобы быть со Христом. Если мы имеем такое устройство, то мы можем просить Христа о помощи, и мы просим Господа быть с нами, просим нам помочь быть с Ним. Если мы будем так относиться к своим скорбям, тогда мы будем с Богом, и молитва наша будет иметь совершенно другой смысл, — высокий христианский смысл.

Есть особенная проблема христианского отношения к болезни. Ко всякому злу, и в частности к болезни, и к исцелению. Не всякое исцеление хорошо, и это очень важно для современного человека, потому что люди сейчас готовы любыми средствами получить исцеление от болезни. Они готовы получить его откуда угодно, даже из рук сатаны. Церковь же говорит, что это не так, что исцеление хорошо только в том случае, если оно происходит по воле Божией. Не от Бога исцеление не нужно, потому что оно не по воле Божией и не принесет пользы. У Господа же не требуют, а просят.

После этого апостольского чтения читается Евангелие от Луки о человеке, впадшем в разбойники. Там тоже есть назидание Господне о том, кто такой есть ближний твой: ближний, — это то, кого мы любим. И мы будем ближними тому человеку, которого мы любим. Для того чтобы быть ближним, нужно быть милостивым и любящим,

тогда мы сами будем ближними и любимых людей сделаем ближними себе.

Потом читается эта замечательная молитва первая: «Безначальне, вечно, свете святых, Единороднаго Твоего Сына низпославый, исцеляющего всякий недуг...». Она удивительно глубока и трогательна, как и другие молитвы, — их всего семь.

Второе чтение начинается с Послания ап. Павла к Римлянам: «Братие, должни есмы мы сильнии немощи немощных носити, и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к созданию». Здесь опять говорится, что мы должны искать не своего, не своей воли, а должны стараться угодить ближнему своему.

Все чтения апостольские и евангельские удивительно поучительны и трогательны. И здесь подчеркивается, что таинство соборования есть таинство особенное, где любовь побеждает беду, побеждает болезнь, страдание.

Дальше читается второе Евангелие, — от Луки о Закхее. Вы помните, что Закхей кается пред Господом и говорит: «Се пол-имения моего дам нищим, и аще кого чим обидех, возвращу четверницею». И Господь отвечает: «Днесь спасение дому сему бысть», потому что Господь пришел взыскать и спасти погибшего.

Третье послание, — Послание ап. Павла к Коринфянам, известное нам под названием «Гимна любви» (1 Кор, 13). Наверное, вы все знаете этот текст. И надо перечитывать его часто, потому что мало что написано лучше о любви. Здесь тоже подчеркивается, что любовью и верой мы можем помочь страждущему. И страдающий тоже не должен ожесточаться от своих страданий, а должен претерпевать их с любовью.

Замечательно, что здесь говорится в евангельском чтении о прокаженных, где Господь призывает Своих апостолов исцелять болящих, очищать прокаженных, воскрешать мертвых, изгонять бесов. Здесь есть слова Христа: «Туне приясте, туне дадите». Эти слова всегда должны быть напоминанием, и священнику тоже, что мы все от Господа приняли даром, не по заслугам своим. Мы ничего не приобрели своими подвигами, а все получили даром. Как даром воспринимаем благодать Божию, так даром должны ее давать. То есть

если священник думает о деньгах, когда он совершает какое-нибудь таинство, то это страшно, — для него, прежде всего, и вообще страшно. Из такого места хочется бежать.

Четвертое послание начинается словами: «Братие, вы есте Церкви Бога жива, якоже рече Бог, яко вселюся в них и похожду, и буду им Бог, и тии будут мне людие». Мы, — это Церковь Божия, и Господь хочет вселиться в нас и в нас пребывать. Если бы мы умели это помнить и принять в свое сердце, тогда бы мы не стали унывать. Вот такое удивительное увещание читается болящим: «Вы есте Церкви Бога жива». Ты лежишь больной, ты страдаешь, ты унываешь и мучаешься, ты забыл, что ты остался в Церкви Бога живого и Господь хочет пребывать в твоём сердце. Подумайте, если бы эти слова дошли до нашего сердца, то действительно можно исцелиться от одних этих слов.

Евангелие, которое читается четвертым священником, говорит о том, как Господь исцелил Петрову тещу, «лежащу и огнем жегому». И она тут же встала и служила Ему.

Пятое послание содержит рассказ ап. Павла о том, как он впал в тяжкую скорбь в своём путешествии по Азии, «яко попремногу и паче силы отяготихомся, яко не надеятися нам и жити». Но дальше он говорит: «Но сами в себе осуждение смерти имехом» (т.е. имея в себе осуждение смерти, — о.В.В.), он спасся от смерти, когда уже невозможно было уповать на собственные силы. Его спасло упование на Бога, и Господь не оставил его. Этим своим упованием он делится с нами, чтобы мы тоже надеялись на Господа, и это увещание говорится болящему.

Пятое Евангелие, — притча о десяти девах (Мф), о мудрых и юродивых. Болящему напоминает о том, чтобы он уподобился мудрым девам, чтобы он готовился встретить грядущего Жениха: «Се, Жених грядет в полунощи». Ты болеешь, но ты должен бдить, а не унывать, не расслабляться, не отчаиваться, не терять веру, не роптать. Ты находишься в подвиге, так соверши этот подвиг до конца, чтобы тебе встретить Господа.

Шестое чтение, — Послание к Галатам, — содержит удивительные слова, которые мы все должны были бы знать наизусть: «Братие, плод

духовный есть...». Далее апостол говорит о том, какие духовные плоды должны все мы знать. Я прочитаю вам сейчас это послание полностью:

«Братие, плод духовный есть: любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание: на таковых несть закона. А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми. Аще живем духом, духом и да ходим. Не бываем тщеславни, друг друга раздражающе, друг другу завидяще. Братие, аще и впадет человек в некое прегрешение, вы духовнии исправляйте такового духом кротости: блюдый себе, да не и ты искушен будеши. Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». Эти дивные слова также обращены к болящему.

Шестое Евангелие рассказывает об исцелении дочери хананеянки, которая со смирением просила об исцелении. Последнее послание, — к Солуньянам содержит наставление: «Братие, молим вы, вразумляйте безчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем... Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь. О всем благодарите». Эти слова тоже обращены к болящему.

Все это дает нам целую картину, целое учение о болях, о скорбях, о том, как нужно претерпевать скорби в жизни. И если мы этого не знаем, то мы не имеем права называть себя христианами. Христианин должен уметь принимать скорби именно таким образом и претерпевать их с радостью и упованием.

Последнее Евангелие рассказывает о том, как мытарь Матфей был призван Господом. Заканчивается оно такими словами: «Иисус же слышав рече им: не требуют здравии врача, но болящии. Шедше же научитеся, что есть: милости хошу, а не жертвы; не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние».

Все это должно вас утвердить в ощущении этого таинства как великого таинства. Скажу вам в завершение, что каждый священник, который совершает таинство соборования, знает много случаев реальных исцелений, много случаев самых удивительных чудес, когда самые тяжело или безнадежно болящие люди или получают решительное облегчение, или исцеляются. Я помню, как совершалось таинство над тяжелым раковым больным, которого мучают страшные

боли. После таинства соборования боли проходят и больше к нему не возвращаются. Он не исцелился, он так и скончался от рака, но больше не страдал болями. И много таких удивительных случаев. Это таинство имеет великую силу. И не менее великую силу оно имеет для нашего душевного, духовного строя, поэтому все мы должны приходить к этому таинству с надлежащим благоговением и с покаянием.

Есть обычай: сначала поисповедоваться, потом пособороваться, потом причаститься, потому что никакое таинство не бывает полным без причащения Св.Христовых Таин. Однако когда мы соборуем 500 человек, то, конечно, поисповедовать их перед этим, а потом пособоровать, — это просто нереально. И мы не требуем этого, а требуем другого: нужно, чтобы в соборовании принимали участие те люди, которые часто исповедуются, часто причащаются, живут церковной жизнью. Если ты давно не исповедался, то перед соборованием должен исповедаться за несколько дней. Конечно, когда собрались 500 человек, то тут исповедовать начинать невозможно. Значит, исповедаться нужно заранее, незадолго перед соборованием. Также и причаститься в тот же день нереально, но можно на другой день или через несколько дней, чтобы все было связано в нашей духовной жизни.

04.05.94.

Лекция 23. Таинство Священства

Сегодня мы будем говорить о последнем таинстве — таинстве священства. Это таинство может быть совершено только епископом, поэтому чинопоследования его нет в требнике — этой книге, которая является постоянной спутницей священника. Чинопоследование этого таинства содержится в другой книге, которая называется «Архиерейский чиновник» (ударение на втором «и»). Это книга довольно редкая, так что познакомиться подробно с ней не так просто.

Чинопоследование таинства священства весьма кратко. Прежде чем приступить к его описанию, необходимо обсудить основы таинства, основы учения о православном священстве. Что это такое?

Мы все знаем слово «иерархия» и понимаем, что иерархия

необходима в жизни, чтобы был порядок. Собственно говоря, иерархия есть некое старшинство по важности дела. Мы теперь это слово толкуем расширительно, и я говорю, что иерархия в жизни существует везде, есть иерархия любых ценностей, любых дел, любых служений, Чтобы был порядок, нужно знать соотношение разных ценностей в жизни, т. е. представлять, что более важно, а что менее важно — без этого порядка быть не может. Это расстановка по важности, а если быть ближе к этимологии этого слова, — по святости («иерос» — «святой»).

Принцип иерархичности подразумевает различную функциональную значимость, если мы говорим о служении человеческом. Это значит, что здесь не идет речь об онтологическом различии в служении («онтологический» значит «бытийный, сущностный»).

Онтологическая разница — разница по природе, по существу. Когда мы говорим об иерархическом различии, то мы имеем в виду не онтологическое различие, а функциональное. Ярким примером этого является учение о приоритете мужского пола, например.

Христианство никогда не учило, не учит и учить не собирается о том, что мужчина лучше женщины. Но оно всегда учило, учит и будет учить о том, что мужчина — глава семьи. Это значит, что мужчине усваивается некое функциональное первенство в семейной жизни — и не только в семейной, а в церковной, например. Это не значит, что мужчина лучше женщины. Это значит, что мужчина не таков, как женщина, по своей природе, что существует некое функциональное различие, необходимое для жизненного порядка. Если в семье не будет главы, то не будет порядка, семья жить не сможет. Если не будет в Церкви главы, не сможет продолжаться церковная жизнь.

Мы с вами знаем, что Церковь почитает Божию Матерь как Царицу Небесную. Следовательно, никакого унижения женщины в христианском учении нет. Или, например, спускаясь на землю, мы можем сказать: совсем не обязательно думать, что Президент — это самый лучший человек на свете. Но если мы хотим, чтобы в государстве был порядок, чтобы оно могло жить, нужно слушаться президента. Нужно повиноваться Президенту, как и всякому начальнику, если он, конечно, не призывает нас к совершению явного зла.

Когда мы повинемся, слушаем и почитаем начальствующих людей, то в этом просто утверждается некое иерархическое различие, т. е. функциональная разница людских положений, и чем выше это положение функциональное, тем, естественно, больше людей должны человеку подчиняться, больше у него почета, больше власти. Все это не имеет никакого отношения к вопросу о спасении человека, о его святости, достоинстве пред Богом. Мы даже знаем, что чем выше стоит человек на иерархической лестнице, тем труднее для него спасение. Гораздо легче спастись простому христианину, чем священнику, священнику — чем епископу. Потому что чем выше положение человека, тем тяжелее крест его, тем труднее этот крест нести, труднее прожить жизнь непорочно и свято.

В христианство иерархический принцип пришел из Ветхого Завета. Вы знаете, что по воле Божьей Моисей поставил своего брата Аарона во священника. И было установлено, также по воле Божьей, что потомство Аарона будет родом священным, который будет служить скинии или, впоследствии, храму ветхозаветному. Был род левитов, которые должны были служить Ковчегу Завета. Здесь явным образом указывается и формулируется некое функциональное значение. Но там священство было родовым — был избран Аарон, и весь род, все потомство его было священством.

Но надо сказать, что попытки свести священническое служение Церкви к одному только иерархическому принципу совершенно недостаточны. Вы помните, что именно о таком, только лишь иерархическом, принципе, в священстве говорят обычно протестанты. Это типичная их ересь. Но вы знаете и то, что священство — это не просто иерархия. Об этом сказано в Новом Завете. Вот слова ап. Петра, обращенные к христианам вообще: «Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел». Это сказано в отношении всех христиан — и мужчин, и женщин. Все христиане в таинстве крещения получают особый дар Святаго Духа, который дает им благодатное рождение и делает их «родом избранным, царственным священством», священниками в этом мире.

Здесь не говорится ничего об иерархическом порядке, здесь говорится об онтологии священства — т.е. о том, что священство есть

особое призвание, благодатная жизнь и благодатное служение. Некоторые протестантствующие богословы хотят забыть об этой онтологической природе священства, и надо сказать, что иногда хочется об этом забыть. Почему? Потому что очень часто наличествует противоположная тенденция — сделать священников и священство носителями особой благодати, а весь народ Божий — профанной массой, т. е. не народом Божиим, не «царственным священством», а какой-то серой массой, которая только один способ и имеет связи с Богом — через своих священников. Здесь утрируется вторая основа учения о священстве, и такая исторически сложившаяся тенденция, особенно сильная у нас на Руси, вызывает протест, потому что в этом случае священство начинает пониматься формально.

Приведу пример. Допустим, на Пасху я хочу причастить своих духовных чад. А мне говорят: нельзя этого делать, они же мясо ели, они уже разговелись к понедельнику. «Батюшка, простите, а вы разве мясо не кушали?» — «Ну, так я же священник, мне же можно». Иначе говоря, священство понимается здесь как нечто в принципе иное — священник здесь уже не обычный человек, обычный христианин, а нечто совсем иное. Ему можно, от него не требуется усиленный подвиг, усиленное воздержание, молитва. Просто потому, что он священник, ему можно.

Если так понимать священство, то священство очень быстро снижается в своей жизни и делается ужасным и в некотором смысле даже отвратительным. Таким примеры были и в Ветхом Завете.

Так понимать священство нельзя. Нужно всегда помнить, что священник, с одной стороны, это избранник Божий, который имеет благодатное поставление и особый дар Божий. А с другой стороны, цель этого избранничества — в том, чтобы возложить на него особый подвиг, в том, чтобы он предстоятелем народа Божия, в том, чтобы он служил Церкви и народу Божию. От него требуется именно это иерархическое служение. Таким образом, чтобы понять православное христианское учение о священстве, нужно иметь в виду эти две основы учения. Только потому и возможно православное христианское священство, что вообще все христиане являются царственными священниками. Т. е. онтологическое понимание

священства в православном понимании, на котором мы настаиваем, в отличие от протестантов, немислимо, невозможно в том случае, если нет этого священства у всего народа Божия. То есть взять и выделить одних только священников и их наделить онтологическим священством, а весь народ Божий оставить как бы неосвященным невозможно. Точно так же, как потому возможно было воплощение Сына Божия, что весь род человеческий создан был по образу и подобию Божию. Так же и священство отдельного священника в высшем, онтологическом смысле возможно только потому, что весь народ Божий наделен царственным священством. То есть в священнике это царственное священство как бы концентрируется и достигает своего апогея — наиболее полного выражения.

Итак, две главные составляющие христианского учения о священстве: его онтологическая природа и иерархический принцип.

Как вы знаете, в Новом Завете священство устанавливается Самим Господом Иисусом Христом, когда Он избирает 12 апостолов и говорит им: «Не вы Меня избрали, но Я избрал вас». Затем избирает 70 апостолов, посылает их на служение, дает им власть изгонять духов нечистых, совершать чудеса, исцелять больных, учить об истине Божьей.

Наконец, по своему Воскресении Христос является Своим ученикам и говорит: «Примите Духа Святаго; как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Кому оставите грехи, тому оставятся, кому разрешите грехи, тому они разрешатся». Таким образом, Господь поставляет апостолов как особых носителей особой благодати Св. Духа и носителей особенной онтологической власти, которая не присуща человеку вообще по его первоначальному устройению. Это есть власть благодати, дарованная только лишь Самим Сыном Божьим.

Православное христианское священство имеет свое непосредственное основание в новозаветном учении и благословении Христовом. И особенно оно рождается, совершается в Пятидесятницу, когда рождается Церковь, когда на апостолов снисходит Дух Святой, и они обретают благодатную силу. Тогда только они делаются апостолами в полном понимании этого слова, и здесь начинается их благодатное и таинственное служение.

Из Деяний апостольских и апостольских посланий нам известно, что апостолы стали поставлять пресвитеров, епископов, но, прежде всего, они поставили диаконов. В переводе на русский язык «диакон» означает «служитель». Диаконов поставили потому, что многие христиане стали приносить к ногам апостолов свои имения — деньги, имущество, продукты питания — для того, чтобы можно было устроить некую коммуну первохристианскую, которая больше в истории никогда не имела серьезных аналогов. И очень скоро апостолы были вынуждены заниматься разделением всего принесенного им, и лишились возможности служить Церкви так, как они служили сначала. Тогда они обратились к народу и предложили выбрать семь диаконов, т.е. помощников, служителей, которые будут служить столам, как сказано в Деяниях. Замечательны и другие слова, которые сказали апостолы: «Мы же в служении слова пребудем». То есть здесь как бы подчеркивается несколько умаленный принцип. Сейчас очень часто и много говорят о благотворительности, служении милосердия. Это понятно, потому что в течение многих десятилетий Церковь была лишена этого служения в силу условий гонения. И теперь приходится призывать всех христиан и священников к благотворительному милосердному служению. И мы очень часто начинаем впадать в другую крайность и говорить, что самое главное — это благотворительность и милосердие. А апостолы, оставляя служение благотворительности и милосердия диаконам, для себя избирают совершенно определенно служение слову. Потому что это служение является главным для священника, оно ни с чем не сравнимо и ничем не заменимо. Благотворительность — это хорошо и необходимо, но первым призванием священника является служение слову.

Замечательно, что первые семь диаконов избираются народом, а апостолы только поставляют их в диаконы. Здесь мы имеем тоже очень важный принцип избрания на священническое служение: здесь должно присутствовать избрание народное.

Вторая степень священства — пресвитер. Это тоже греческое слово, которое переводится на русский язык как «старец», человек, умудренный опытом как старший. В дальнейшем в посланиях ап. Павла мы находим еще одно понятие — епископ, которое на русском

языке означает «блюстителю».

Таким образом, мы имеем трехстепенную иерархию: епископ — пресвитер (священник) — диакон. Однако в первохристианское время такая иерархия сложилась не сразу, и в этом одно из мест преткновения для протестантов и протестантствующих богословов, которые говорят, что трехстепенная иерархия — измышление человеческое и на этом основании по существу отрицает священство, отрицает апостольское преемство. Православные очень часто, чтобы противостоять этой ереси, с упорством настаивают на том, что с первых дней церковной жизни существовала трехстепенная иерархия. Но, конечно, это недоразумение, потому что совсем не обязательно, чтобы все было вот так сразу формально и схематично устроено в жизни. В жизни никогда и ничего не бывает таким образом; в жизни все течет и изменяется, так и христианская жизнь, которая устанавливается Христом, Его учением и благодатным действием Св. Духа, постепенно испытывает становление, постепенно развивается и может меняться — не в онтологическом смысле (сущностном), а по внешним признакам. Как и человек: рождается младенчиком, потом растет, а потом наступает момент, когда мы его уже и узнать не можем в том 20-летнем юноше, в которого он развился. Он сильно изменился, но это не значит, что природа его изменилась. Она осталась той же самой, просто раскрылась, развилась.

Так и в истории происходит. Конечно, в апостольское время апостолы поставляли диаконов, пресвитеров и епископов. Диаконы имели как бы служебное значение, они должны были помогать. А пресвитеры и епископы не разделялись между собой, как теперь, но были совершителями литургии, т. е. помогали апостолам в гораздо большем смысле. Но власть поставлять, руководить церковной жизнью принадлежала только апостолам.

Постепенно, по мере того как апостолы стали уходить в горный мир из этой жизни, стало очевидно, что их служение должно в основном (хотя во всей полноте это и невозможно), в чем-то существенном сохраниться в Церкви. И тогда их место было усвоено епископам. Они стали как бы отличаться от пресвитеров как бы полнотой власти, им стало принадлежать то, что первоначально принадлежало только

апостолам: они возглавляют Церковь, они рукополагают клириков. Но это не сразу получилось и это ничего не меняет. Одним словом, трехстепенная иерархия весьма быстро установилась в церковной жизни.

По древнему учению Церкви, епископ обладает всей полнотой церковной власти. Понимание этого принципа мужем апостольским, епископом Антиохийским Игнатием Богоносцем в идеальном и абсолютном выражении заключается в словах: «Где епископ, там и Церковь». В его сознании Церковь без епископа невозможна. Епископское служение является необходимым и достаточным для того, чтобы существовала Церковь. А у нас обычно эта формула и сейчас повторяется как некая безусловная и не подлежащая никаким поправкам и обсуждению аксиома церковной православной жизни. И мы, конечно, так это и оставим, и не будем подвергать сомнению. Но было бы неправильным умолчать о том, что, как это ни грустно, но понимание епископского служения в Церкви в разные эпохи было разным. И это нисколько не удивительно, так было, есть и будет: меняется эпоха — меняется понимание разных вещей в жизни Церкви. Это нисколько не означает, что меняется благодатная природа или благодатная жизнь Церкви.

Я постоянно на этом настаиваю, чтобы научить вас мыслить не формально, а глубоко и по-настоящему. Нужно принимать жизнь такую, какая она есть. Если мы будем подменять жизнь схемой, тогда мы не сможем в этой жизни разумно действовать, мы всегда будем исходить из каких-то схем и жизнь нам будет непонятной, она всегда будет ставить нас в тупик, мы всегда будем находиться в противоречии с жизнью и не сможем знать истину, чувствовать ее, потому что наше сердце будет мертвым, неподвижным, т. к. не будет воспринимать ничего живого, а только мертвую неподвижную схему. Как, скажем, в науке или, лучше, в искусстве: можно научить любого человека рисовать или срисовывать что-нибудь, но он никогда не станет художником, если у него не будет ощущения жизни, если он не будет сам чувствовать жизнь и воплощать ее в образах. Точно так же можно научить играть на любом инструменте любого человека, но если в нем нет ощущения жизни музыки, он никогда настоящим музыкантом не станет. Так же и в Церкви: церковная жизнь никогда

не будет полной, если мы будем иметь в виду вместо нее только схему.

Почему я это говорю? Потому что жизнь ставит немало проблем для нас. Современные епископы в жизни Церкви занимают во многом не такое место, какую занимал, например, Игнатий Богоносец. Очень часто епископы, к великому сожалению (и их собственному тоже), делаются администраторами. Происходит это по необходимости, особенно у нас в России, где епископов всегда катастрофически не хватает. Скажем, в Греции в каждом мало мальском селении или городке был епископ, а в России один епископ приходился, может быть, на половину Сибири. Поэтому естественно, что на епископа ложится такая нагрузка, что он не может жить в такой тесной связи с народом, какая необходима и какая подразумевается в словах Игнатия Богоносца. И получается, что епископ далек от народа Божия, что люди часто не знают епископа в лицо и не могут к нему обратиться, они не могут быть на богослужениях архиерейских. Очень часто так бывает, и постепенно из-за этого положение священников тоже делается иным. Потому что епископ где-то есть, но неизвестно где, а в наличии есть только священник. И священнику приходится усваивать в жизни те функции, которых он не должен был бы иметь.

Одним словом, такая трансформация понимания иерархии, иерархических служений в истории имеет место. И нужно это понимать, чтобы знать, как должно быть, чтобы стремиться к идеалу. Только не надо думать, что те недостатки, которые в исторической жизни накопились, являются нормой. Это ужасно, если мы будем все неправильное считать нормой — тогда мы не будем понимать настоящей нормы. Поэтому естественно, что каждый настоящий епископ стремится больше служить литургию, больше быть с народом, беседовать, быть во главе Церкви реально, благодатно, а не только административно.

Подобно этому меняется и служение диаконов. Если в первой Церкви они были помощниками в благотворительном, милосердном служении, должны были в основном пещись о столах, то теперь, как вы знаете, диакону требуется, по несколько вульгарной поговорке, волос и голос. То есть диаконы — это некие украсители службы, они

должны обязательно говорить басом «паки и паки», а в больших соборах быть вместо граммофона. У нас на Руси сложилась тяжелая традиция диаконского служения. Сейчас возобновились некие диаконские конкурсы (а до революции они бывали постоянно каждый год, это были некие фестивали диаконские, куда приезжали диаконы со всей России и поражали своими басами, а их выбирали для епископских соборов. Существуют воспоминания о том, как архидиакон Константин Розов (замечательный архидиакон патр. Тихона впоследствии) в Германии освящал собор с одним архиереем. Когда он послужил, вся Германия поняла, что такое Россия, и германский король понял тоже, что воевать с русскими не надо.

Это все шутки. К разряду шуток можно отнести рассказ совершенно реальный о том, как наш недавний патриарх Алексей I приехал в Англию и там служил. На службе присутствовал архиепископ Кентерберийский — глава англиканской церкви. В то время было модно беседовать о том, чтобы англикане как-то сблизились, а может быть, и соединились с православными, хотя это и было нереально. Но об этом было модно вести богословские переговоры. И когда патр. Алексей там послужил, архиепископ Кентерберийский сказал: «Нет, все-таки мы, пожалуй, не будем переходить в православие», — «Почему?» — спросил очень удивившийся патр. Алексей. — «Вас Бог, очевидно, не слышит, вам приходится очень громко кричать», — сказал архиепископ.

Как видите, понимание диаконского служения в истории совершенно изменилось. Теперь пойдите, найдите диакона, который занимается благотворительностью, «служит столам». Вряд ли вам это удастся. Есть, правда, такой один отец — в отделе благотворительности. Конечно, изменилось и понимание священнического служения, хотя, может быть, и в меньшей степени.

Все это я говорю для того, чтобы вы почувствовали, как установилась трехстепенная иерархия, и как она понималась первыми христианами.

В чем изменилось служение пресвитера? Об этом очень интересно пишет протопресвитер Николай Афанасьев в книгу «Церковь Духа Святаго». Он настаивает на том, что у первохристиан о священнике было понятие такое, что священник — это предстоятель народа

Божия, он есть просто глава общины; он такой же, как и весь народ Божий, но просто старший, его избирает община, а епископ как бы утверждает его в этом предстоятельстве. Церковь живет органической полнотой, это семья, а главой семьи является пресвитер.

Сейчас мы находим совершенно другое положение. Может быть, в последнее время как-то возрождается общинная жизнь благодаря мученикам, старцам. Но даже еще в 19 веке (да и в нашем) мы найдем массу священников, у которых нет никаких общин, никаких духовных чад, а есть приход. И вот на этом приходе есть поп, который нужен для того, чтобы служить, что-то освящать, водой кропить и т.д. Он может совершить любую требу, он требоисполнитель. Ну, может быть, какой-то духовник. Но, во всяком случае, никто его не представляет себе как предстоятеля. Есть у нас батюшки, вот пусть они и служат — такое представление о священническом служении существует в народе. Ярким примером является отношение к литургической жизни в Грузии и вообще на Кавказе. Я бывал там неоднократно и всегда поражался тому, как грузины и вообще кавказцы ведут себя на литургии.

Они приходят в храм, обязательно положат записки, подадут просфоры, поставят свечи, а потом выходят в садик при церкви и садятся на лавочку. Если их спросишь, почему они сидят здесь, а не участвуют в литургии, они скажут: «Ну, батюшка же молится...». Они все сделали, а молиться — пусть батюшка молится. После литургии они заходят в церковь, берут просфорки и идут домой. Или приводят какого-нибудь козла и заставляют батюшку обвести его трижды вокруг церкви, а потом еще и зарезать его. Это остатки языческого культа, который каким-то образом перешел в христианство.

Таким образом, отношение к священнику как к некоему жрецу — отношение языческое — в некоторой степени наличествует в нашей современной жизни. Это совершенно не то представление о священнике, которое было у первохристиан. В их понимании священник был предстоятелем народа Божия. Он священствовал вместе с народом Божиим, с царственным священством. Без него невозможно было совершить литургию или какое-нибудь таинство. Но так же невозможно было ему служить без народа Божия, т.е.

священническое служение совершалось всей полнотой Церкви. Церковью совершалось все в Церкви. Теперь очень часто об этом совершенно забывают. Вот, мол, есть батюшка, пусть он все и совершает, что надо, а мы заплатили, возьмем вот просфорки, поставим свечи, а молиться — пусть он молится.

Так что представление о священстве тоже очень сильно трансформировалось. Мы пытаемся и стараемся вернуться к древнему пониманию священства, мы хотим, чтобы священник был действительно главой общины, главой семьи церковной, чтобы христиане участвовали в церковной жизни, чтобы все таинства, как и литургия, совершались в полноте церковной жизни. Точно так же было бы замечательно, если бы диаконы были действительно помощниками священникам, а не только бы рычали «паки и паки» на амвоне. Чтобы они действительно помогали бы, скажем, в милосердной благотворительной жизни. Пока ничего этого нет. И если это исполняется, то не диаконами, а диакониссами, а диаконы совершенно забыли о своем предназначении.

В таком учении о. Николая Афанасьева есть и некоторая опасность. Если мы будем настаивать на том, что священник есть только глава, предстоятель народа Божия, на этом сконцентрируемся, то мы можем забыть о другой природе священства и таким образом очень сильно приблизиться к протестантскому пониманию священства, что не менее, а может быть, даже и более страшно. То есть все-таки священник — это священник, и ни в коем случае нельзя умалять дар священства, данный ему.

Для того чтобы понять это, необходимо знать еще одну основу учения о священстве: что именно дается в таинстве священства? Что есть тот благодатный дар, который дается в таинстве рукоположения?

Это, конечно, дар особенной пасторской любви; если хотите, это есть дар носить образ Христов на себе. Мы знаем, что всякий человек создан по образу и подобию Божию, но в таинстве священства дается как бы еще особенное подобие, уподобление Христу. Предизбранному к священству в этом таинстве дается дар носить на себе образ Первопастыря, почему и носит священник у себя на груди распятие — образ Христа распятого. Потому что в этом как бы и состоит особенная сущность этого дара — дара священства. И это, конечно,

не может быть сводимо только лишь к предстоятельству в народе Божиим. Это нечто большее.

Очень важно для нас понять, что всякая крайность губительна и нехороша. Мы знаем из истории Церкви и событий недавних, что существовала масса служений, масса жизненных коллизий. Было часто невозможно иметь церковную жизнь в том порядке, который предполагается в идеале. Знаем, что часто священники служили без епископов. Это значит, что епископов всех пересажали в тюрьмы. Был момент, когда осталось только 4 или 3 епископа на своих кафедрах. А священники служили литургию. Бывали случаи, когда священники в этих условиях поминали просто всякое епископство православное, потому что просто было некого помянуть конкретно. И мы теперь не считаем, что это не было литургией, что не было служения настоящего церковного. Мы говорим о том, что таинство должно совершаться в полноте Церкви, то есть вся Церковь должна участвовать в совершении всякого таинства. Но мы знаем массу случаев, когда литургию совершали втайне, когда священник один совершал литургию, когда втайне крестили, втайне венчали. Т. е. экстремальные условия не означает, что церковная жизнь повреждается в ее онтологическом бытии, ее сущностной природе. Мы говорим о том идеале, который имеет в виду Церковь. Но по милости Божией, особенному усмотрению, Промыслу Божию, вся историческая христианская жизнь как бы воцерковляется со всеми трудностями и коллизиями, со всеми реальными противоречиями, бедствиями и трагедиями. И никогда нельзя быть формалистом.

Следует сказать о том, как совершается таинство священства. Есть такие греческие слова: «хиротесия» и «хиротония». По-русски мы знаем слово «рукоположение» и очень часто называем таинство священства рукоположением, или хиротонией. Но буквально «рукоположение» ближе по смыслу слову «хиротесия», потому что «хир» — «рука», а «хиротесия» — «власть возлагать руку». Слово «хиротония» означает «избирать поднятием руки», это не совсем то же, что «рукоположение». Уже в этимологии этого греческого слова мы видим интересную закономерность: хиротонией, то есть таинством поставления во священника, называлось вначале не столько рукоположение, сколько поставление во священника,

которое в древности совершалось народом. Первым этапом такого поставления было народное избрание.

Нужно оговориться сразу, что с первых же времен бывало и иначе: бывало, что и апостолы поставляли клириков без народного избрания, а потом и епископы сами рукополагали и диаконов, и священников и даже епископов — без всякого народного избрания. Потому что бывали в жизни всякие ситуации. Но все-таки народное избрание вошло в сознание Церкви как очень существенная часть таинства священства.

Хиротония, которая теперь переводится как бы в расширительном смысле как таинство священства, в Церкви понималась с самого начала как некое особое таинство. Это важно понять, чтобы понять учение о священстве. Дело в том, что всякое таинство — крестим ли мы, венчаем, исповедуем ли или соборуем и даже причащаем, — всякое таинство имеет целью освятить приходящего к нам человека, оно совершается над человеком ради его спасения, ради его освящения. Хиротония же совершается не для этого. Мы рукополагаем в священника, в диакона, в епископа не для того, чтобы освятить и спасти ставленника. Его рукополагают для Церкви, чтобы через него спасались другие люди. Это есть в особенности преимущественно общецерковное дело. Оно совершается не ради конкретного человека, а ради всей Церкви. В этом таинстве на первом месте стоит служение общецерковное, служение Церкви, а не спасение конкретно одного человека. В этом — принципиальное отличие хиротонии от всех других таинств.

Чинопоследование это совершается во время литургии. Здесь тоже мы имеем замечательную особенность. Все таинства в той или иной степени укоренены в литургии, и есть учение святоотеческое, которое говорит, что без причастия Св. Христовых Таин ничто не полно в Церкви, ни одно таинство не бывает совершенным. То есть любое таинство в Церкви обретает свою полноту, свое совершенство именно в причастии Св. Христовых Таин. Но, как известно, все таинства Церкви секуляризировались, т. е. выделились из состава Церкви, отделились от литургии. Теперь и крестины совершают отдельно, и исповедь, и венчание, и соборование, хотя в древности было иначе. Но таинство священства не выделилось из состава

литургии. Оно осталось общецерковным таинством, которое совершается со всей полнотой церковной, потому что оставлено в литургии.

Я уже сказал, что совершает это таинство только епископ. В древности редко приходилось видеть это таинство, в наше время чаще рукополагают. Я вам очень советую всем обязательно пойти на литургию, когда совершается рукоположение.

Рукоположение диакона совершается в конце литургии, после освящения Св. Даров и пения «Достойно и праведно есть»; рукоположение священника совершается после пения «Херувимской песни», т. е. до освящения Св. Даров; рукоположение епископа совершается после пения «Святой Боже». Как видим, чем выше степень священства, тем раньше в литургии совершается рукоположение.

Совершается оно похожим образом. Накануне рукоположения диакона ставленник приносит епископу подрясник, чтобы он его благословил; обычно это бывает перед всенощной (я рассказываю, как теперь это делается). Во время всенощной он читает шестопсалмие. Наутро, во время облачения архиерейского посредине храма, совершается поставление, или хиротесия, ставленника в младшие степени — сначала в чтеца, потом в иподиакона. Сейчас так делается — прямо подряд, хотя раньше это делалось не обязательно в связи с хиротонией. После поставления в иподиакона на нового иподиакона надевают новый стихарь, и он стоит около царских врат с подносом — он должен прислуживать епископу во время умовения рук перед «Херувимской песней». Когда наступает время рукоположения, то выходят обычно два диакона, берут под руки ставленника и вводят его в царские врата — впервые в жизни он переступает царские врата. В алтаре в это время сначала все духовенство, а потом подхватывает хор — начинают петь мученические тропари: «Святити мученицы, добре страдальчествовавши, и венчавшиися, молитесь ко Господу» и «Слава Тебе Христе Боже», потом «Исаия ликуй». Во время пения этих тропарей диаконы водят ставленника три раза вокруг престола, причем он каждый раз целует престол и делает поклоны епископу. После этого он встает на колени, а священник возлагает на его главу

омофор и руки и читает две молитвы рукоположения, в которых есть такие слова, громко произносимые епископом: «Божественная благодать всегда немощная врачующия, оскудевающия, восполняющия, пророчествует (?) во благоговейнейшего иподиакона (имя рек) в диакона. Помолимся убо о нем, да придет на него благодать Всесвятаго Духа». В это время хор медленно поет «Господи помилуй».

Мало в Церкви таких святых моментов, когда так явственно ощущается присутствие Божие. Это действительно особенный, благодатнейший момент, когда легче всего почувствовать, как благодать Божия приходит и освящает нас, когда хочется молиться со слезами о человеке, который оставил все в этом мире и посвятил свою жизнь Богу. И вот Господь приходит и освящает его для Себя, для его жертвенного служения, для того, чтобы он отныне больше никогда не принадлежал себе и обычной земной жизни. Не принадлежал бы своей семье — и в знак этого священник еще перед рукоположением снимает с руки ставленника обручальное кольцо (это, правда, русский обычай, очень трогательный и символический, но не везде так делается) и кладет его на престол. Больше никогда это кольцо на свою руку не надевает рукоположенный — в знак того, что отныне он обручен другой семье. В первую очередь это Церковь. И как Христос является Женихом церковным, так и священник теперь имеет другую невесту — Церковь, другую семью — Церковь.

После того как прочитаны молитвы, епископ выводит рукоположенного на амвон, и иподиакон дает ему в руки орарь (если это был диакон). Епископ поднимает орарь, показывает его народу и громко говорит: «Аксиос» и возлагает орарь на плечо новопоставленного диакона, а хор от лица народа громко поет: «Аксиос, аксиос, аксиос» («достойн»). Этим словом народ как бы утверждает архиерейское поставление. Так же, как обычно в конце молитвы народ восклицает «аминь», утверждая то, что сказал священник. Так и здесь народом утверждается избранничество и поставление: «Аксиос». Это очень существенный момент таинства священства.

Вначале должно быть избранничество, которое теперь совершается весьма условно и вообще не всегда, а народное избранничество

вообще редко бывает. Избранничество бывает в виде избранничества духовником, который как бы избирает и от лица своей общины поставляет кандидата. Теперь так бывает, но тоже далеко не часто. А до недавнего времени это бывало совсем редко.

Итак, избрание народное, поставление архиерейское и утверждение народное («Аксиос»). Потом надевают поручи и тоже говорят «аксиос», дают «Служебник», а если это священник, то дается ему крест священнический и фелонь, а если архиерей, то омофор и саккос.

В этом служении, в этом таинстве есть еще один очень важный момент, который обычно бывает в священническом рукоположении. Священника рукополагают после «Херувимской песни». Вскоре начинается Евхаристический канон. Новопоставленный священник стоит после первого священника, вторым, хотя он должен был бы быть последним (а в архиерейском служении бывает обычно очень много духовенства). Но новопоставленного священника всегда ставят вторым — так же, как и диакона. И вот когда наступает момент литургии после «Достойно», епископ берет частицу «ХС», отделяет от Агнца, полагает на специальный дискос и дает в руки новопоставленному священнику. А потом говорит: «Приими залог сей, о немже будешь истязан на Страшном Суде Христовом». Это частица Тела Христова, ведь Церковь — это Тело Христово. Именно часть Тела Христова, часть Св. Агнца вручается священнику с этими страшными словами. Это очень существенный момент в чинопоследовании таинства священства.

После литургии радостно бывает приветствовать новопоставленного диакона или священника. Если это диакон, то он в конце литургии возглашает свою первую ектению; а если это священник, то он исходит читать заамвонную молитву, а потом ему обычно дают крест и он этот крест предлагает всему народу, который целует крест и поздравляет новопоставленного.

Мы как бы проскочили с вами младшие степени священства — чтеца, иподиакона, я только упомянул, что в них происходит поставление непосредственно перед литургией, но так получилось не случайно. Здесь нужно обязательно поговорить об условиях для принятия священства. Подробно об этом мы говорим в курсе пасторского

богословия. Я же приведу выдержку из Первого Послания ап. Павла к Тимофею о том, как относится Церковь к поставлению во священника, епископа или диакона (3:1-13): «Верно слово: если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, страннлюбив, учителен, не пьяница, не убийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую. Диаконы также должны быть честны, не двуязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допускать до служения. Равно и жены их должны быть честны, не клеветницы, трезвы, верны во всем. Диакон должен быть муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим. Ибо хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса».

В другом месте ап. Павел пишет Тимофею: «Руки ни на кого не возлагай поспешно» (т. е. не будь легкомысленным, совершая таинство рукоположения, будь строгим и разборчивым). Отсюда мы можем сформулировать некоторые необходимые условия священства. Отчасти в апостольских посланиях (так называемых пастырских посланиях) есть источник для этого учения, отчасти в церковных канонах, апостольских правилах, в постановлениях Вселенских Соборов мы можем найти необходимые условия для принятия священства.

Человек, имеющий на совести смертные грехи (убийство, блуд, прелюбодеяние), не должен избираться на священство. Не только сам ставленник должен быть целомудренным и не может быть, даже в прошлом, убийцей, блудником или вором, но и жена его тоже должна быть целомудренной, должна быть девицей, должна быть соответственной тому высокому идеалу, который рисуется нам в

Послании ап. Павла.

И сейчас есть так называемые канонические препятствия к принятию священства. Если человек совершил тяжкие грехи в своей жизни, то он не может быть избран на священство. Если он женат не на девице, например, а на разведенной, его уже нельзя рукополагать. И не только на разведенной, а просто на женщине, не сохранившей девства. Он должен также иметь доброе свидетельство от внешних, т. е. не должен иметь справедливого укора от общества, от неверующих. Например, есть такое правило, что ставленник не должен иметь судимости, не должен быть осужден. Даже если он уже отбыл срок, он не может быть рукоположенным. Здесь, конечно, имеется в виду осуждение справедливое, ведь существует масса примеров, что люди просидели в тюрьме много лет и были потом рукоположены, если это было гонение за веру и они никаких преступлений на совести не имеют. А если он, скажем, осужден за воровство, то он уже не может быть рукоположен. Также не может он быть и пьяницей. Почему? Он же покался, почему же его нельзя поставить? А потому что если кто-то может его укорить в чем-либо даже за прошлое, то это укорение возводится как бы на Церковь; он делается поводом, причиной того, чтобы укоряли Церковь. Таким образом, он соблазняет народ и препятствует людям обращаться к Церкви. Если будут говорить: ну, в этой церкви все воры или прелюбодеи, пьяницы поставлены в священники. Тогда, конечно, это будет существенным препятствием для прихода в Церковь. Священник должен быть непорочным, он должен иметь свидетельство от народа, от внешних именно как чистый человек.

Что касается девства и целомудрия. Здесь утверждается то требование, о котором мы говорили с вами, изучая таинство брака, — требование абсолютной моногамии. Если священник овдовевает, то он не может жениться во второй раз. Если же человек был женат и, скажем, овдовел и женился во второй раз, он не может быть рукоположен, потому что в христианстве есть учение о браке, учение об абсолютной моногамии. Один муж для одной жены, одна жена для одного мужа предусмотрены Богом, и если Церковь, учитывая немощь человеческую, снисходит и разрешает второй брак, то для священника идеал христианский должен обязательно соблюдаться во

всей своей строгости. Исключение — только один случай — когда после каких-то браков или грехов совершилось крещение. Потому что крещение есть таинство рождения, в котором человек рождается в новую жизнь, и все, что было с ним раньше, аннулируется и уже не является препятствием к священству. Но и здесь есть некая оговорка: если человек женился на женщине, которая раньше была замужем, а потом развелась и крестилась, то можно на такой женщине жениться и стать священником. Но если у нее есть дети от первого брака, то уже нельзя. Казалось бы, все покрылось, но ее прежняя жизнь оставила существенный след. Дети, оставшиеся от прежней жизни, сделают жизнь этой семьи уже не идеальной. В этой семье будут дети от первого, от второго брака и т. д. А жизнь священнической семьи должна приближаться к идеалу.

Существенным препятствием для принятия священства является неправильная жизнь — например, если у священника дети неверующие. Он не может быть рукоположен. Если дети не церковные люди, живут какой-то нехорошей жизнью, то это препятствие для поставления, для служения священнического. Для священника это постоянная мука, если в его семье происходят какие-то беспорядки.

В наше время бывают ужасные случаи, когда священства ищет человек, у которого жена не православная. Это, конечно, полный абсурд и явное каноническое препятствие для священства, такого человека нельзя рукополагать. Как апостол говорит: если в своей семье он не умеет навести порядок, воспитать свою семью в вере, то, как же он будет воспитывать других людей, содействовать порядку в церковной жизни?

После хиротонии уже не может быть и брака, т.е. если рукоположили женатого человека, то у него будет семья, он будет белым священником; он не может развестись с женой, не может ее оставить. Но если жена, скажем, изменила ему, то он не может ее принять и должен обязательно с ней развестись и принять монашество. Но если жена изменила священнику, и он ее снова принял, то он запрещается в служении.

Такая строгость в отношении священнической жизни очень назидательна для нас. Так Церковь блюдет чистоту своего

священства.

Соответственно этому, если человек принял священство (т. е., скажем, сан младшего диакона), то после этого он уже не может жениться, он остается целибатным, т.е. безбрачным. Он уже избран для новой жизни, для особого церковного служения и всякие брачные заботы теперь уже не могут соответствовать его служению. Когда он уже освящен церковному служению, с этим уже не совместимы какие-то романы, чувства и заботы об устройении семьи. Это так строго, что относится не только к диакону, но даже к иподиакону и чтецам. Т. е. если совершилась хиротесия чтеца, то после этого жениться уже нельзя.

Такая строгая норма имеет свою обратную сторону. В жизни церковной эта норма не удержалась во всей полноте, но в то же время она должна быть сохранена. Поэтому возник парадокс: наши чтецы и иподиаконы, как правило, не имеют хиротесии. Их благословляют носить стихарь, благословляют читать и прислуживать архиереям, они называются иподиаконами, но они не имеют рукоположения, чтобы не лишить их возможности жениться. Это, конечно, некое переворачивание церковной нормы, но здесь опять имеет место экономия — некий компромисс, который стал для нас привычным, и мы на это согласилась, Церковь пошла на этот компромисс. Но для своей трехстепенной иерархии она этой нормы не уступила, т. е. служение диаконское, священническое уже никак не может быть воспринято без таинства. Собственно, таким таинством не называется только рукоположение в диакона. Конечно, хиротесия в чтеца и в иподиакона, но оно не относится к числу главных таинств. Поэтому мы и допускаем служение чтеца без хиротесии, и очень часто теперь просто священник обычно благословляет читать, петь на клиросе, прислуживать в алтаре, а хиротесия совершается только непосредственно перед диаконской хиротонией.

11.05.94.

Лекция 24. О церковных служениях

Сегодня у нас последняя лекция. Она будет посвящена теме церковных служений, хотя по смыслу нашего курса нужно было бы

еще о многом рассказать и действительно церковное предание включает в себя еще многие стороны жизни христианина. Но необъятное объять никто не может, поэтому сегодня на этом мы закончим. Может быть, потом мы сможем расширить свои познания в этом направлении.

Под церковными служениями мы понимаем те служения, которые не входят в служение трех степеней церковной иерархии: епископа, священника и диакона. Понятно, что служение Церкви не ограничивается этими тремя степенями. Обращаясь к Св. Писанию, мы находим у ап. Павла в Послании к Коринфянам такие слова: «Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать. Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом; а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение» (14:1-3).

В другом месте (12:1-31) он говорит: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных. Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам, так, как бы вели вас. Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым. Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Телом же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели

оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи? Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший».

Эта длинная цитата дает нам ясное представление о том, как еще в апостольское время понималась церковная жизнь. В ней было множество разных служений, и у апостола мы находим учение о природе этих служений. Все они имеют основание в Духе Святом, в благодати Божией, они являются как бы харизмой, особым благодатным даром, который дается этому данному члену Церкви.

Мы говорили о том, что жизнь первохристиан была харизматичной. Не было еще Писания, Евангелия и апостольских посланий. Сначала было только устное предание. Но и оно не было столь богатым, как теперь, потому что прошло еще очень мало исторического времени, было мало опыта. Христиан было не так много, многие стороны жизни, многие исторические коллизии еще не были испытаны. Не было богословской науки, не всегда можно было спросить у более опытного человека, как поступить. Но в Церкви действовала благодать Св. Духа очевидно, видимым образом, т. к. каждый

христианин чувствовал совершенно несомненно действие этой благодати. И ап. Павел изображал это так. Лука пишет об ап. Павле: мы двинулись в такую-то страну, и Дух Святой не пошел с нами. Тогда мы вернулись и пошли в другую сторону, и Дух Святой пошел с нами. Для них было очевидно, когда они пребывают в Духе Святом. И если в Духе Святом, значит все правильно, все хорошо. Если нет — так жить не годится, что-то не так, Богу что-то не угодно и нужно искать удобное Богу направление жизни.

Это замечательным образом созвучно словам прп. Серафима, сказанным Мотовилову в беседе о смысле и цели христианской жизни: «Если вы, выше боголюбие, в Духе Святом, то нечего беспокоиться, значит, все хорошо. А если почему-либо вы чувствуете, что Дух Святой оставил вас, значит, что-то вы не так делали, значит, вы погрешили и надо молиться и вопрошать Господа: в чем я согрешил? И каяться в этом, и добиваться прощения, пока Господь Дух Святой снова не придет к вам».

Это учение прп. Серафима через 18 веков совершенно тождественно тому, что мы находим в Св. Писании. Настоящий опыт жизни в Боге всегда один и тот же. И именно такая жизнь является нормой, она должна существовать в Церкви. Это жизнь святая, праведная, благодатная. Но хотя и в наше время есть такие святые люди, живущие благодатью Божией, знающие волю Божию, тем не менее, мы вынуждены признать, что в истории чем дальше, тем сильнее совершается отход от такой жизни. И масса людей, которые называли и называют себя христианами, как правило, такой жизни не знают. Они не умеют различать волю Божию и ощущать благодать Св. Духа в своем сердце. Они просто не умеют жить в Боге, жить благодатной жизнью. И если случится человеку когда-нибудь в жизни испытать такое благодатное присутствие, то он уже этому бесконечно радуется и запоминает это как самый счастливый момент своей жизни, как момент особенной милости Божией. Потому что, как правило, вся его жизнь проходит иначе, она бывает безблагодатной. Почему? Потому что нет той любви, нет той веры, нет того усердия, как говорил сам прп. Серафим, которое было у первохристиан. Нет того самоотвержения, того целомудрия, той чистоты, нет желания жить в Боге — такого, как говорили святые, огнепального желания, т. е.

такого желания, которое возжигает сердце огнем. Желания жить с Богом, Богу отдать всю свою жизнь. Такого желания нет у громадной массы людей, называющих себя христианами. Поэтому совершенно утерян тот строй жизни, который был характерен для первохристиан.

Харизматическая жизнь. Следовательно, и дары были тоже харизматическими, так они и называются. Как они выглядели? Мы можем теперь только предполагать, только попытаться представить себе, какую была эта жизнь. По-видимому, это было так: христианин, поверив в Бога, принимал Св.Крещение и уподоблялся какому-то благодатного дара. И он этот дар чувствовал в себе, этот дар его призывал к служению, побуждал его служить Церкви. Мы знаем, как апостолы, когда благодать Св. Духа в Пятидесятницу сошла на них, тут же вышли на кровлю и стали проповедовать на разных языках, так что каждый пришедший в Иудею на праздник слышал свой язык. Это было чудо, дивное зрелище, когда 12 апостолов одновременно говорили на 12 языках об одном и том же. Это чудо было столь поразительным, что множество людей решили креститься и пришли к апостолам с верой.

Такой дар языков, описанный в Деяниях, является редчайшим, особенным даром, известным только в апостольское время. Вероятно, бывали такие чудесные дары и потом, но они никогда не бывали такими массовыми, такими систематическими служениями, как это было в первое. Тогда дар языков был очень хорошо известен христианам. Правда, мы находим уже в Посланиях ап. Павла мы находим несколько иное описание этого дара. Там рассказывается о том, что человек чувствует в себе благодать и начинает говорить на каком-то языке, совершенно ему непонятном, на каком-то таинственном языке. Очевидно, что это происходит от благодатного действия Божия, от какого-то благодатного восторга. Тем не менее, этот дар внушает ап. Павлу некое сомнение, и он даже говорит, что лучше пять слов сказать на понятном языке, чем множество слов на никому не понятном. А если уж что-то говорить таким непонятным образом, то пусть найдется пророк, который будет истолковывать эти откровения, сможет их донести до окружающих. Но снова ап. Павел подчеркивает, что предпочтительнее другие дары, которые будут служить Церкви более определенным образом. Не просто будут

восторгом и выражением этого восторга, каких-то озарений, а будут полезными всей Церкви. Он уже тогда испытывает некоторые опасения. Были другие дары — пророческие, когда в собрании церковном кто-нибудь один, а может быть, не один, вдруг ощущал присутствие некоего откровения, ему сообщалось некоторое знание. Он выходил на середину и говорил: так мне говорит Господь, будет то-то и то-то. В Деяниях описан такой случай, когда вышел такой человек, взял пояс ап. Павла и сказал: так говорит Дух Святой — человек, которому принадлежит этот пояс, будет связан в Иерусалиме. И связал этот пояс. Так это и произошло: ап. Павел был арестован. Такие пророческие дары тоже были очень распространены. Были также дары чудотворений, дары исцелений, дары назидательного слова, проповеди, дар учительства. Все это особым образом украшало и отличало жизнь первохристиан.

Но весьма скоро появляется нечто другое. Апостолы уходят из этого мира, на их место становятся епископы. И с первохристианских времен мы находим уже практику архиерейского поставления на церковное служение. Требуется архиерейское благословение и поставление (как впоследствии стали называть — хиротесия), т. е. некоторое рукоположение не на священническое, диаконское или епископское служение, но на какие-то меньшие степени церковных служений. Появились рукоположения во чтеца, певца; рукополагали диаконисс, получали благословение дидаскалы (церковные учителя). И всякое служение в Церкви должно было быть с благословения епископского — харизматический способ жизни уходил из Церкви. Уменьшалась ревность христиан, их способность жить детски-благодатной жизнью и появлялась опасность, что вместо явного благодатного состояния появилась некая прелесть, и люди будут говорить, что они чувствуют что-то или слышат от Бога, а на самом деле они этого не слышат, и это будет обман, прелесть. Чтобы избежать такого самообмана, такого прельщения, приходится ввести церковную дисциплину, приходится сказать: без благословения и поставления архиерейского никто пусть не дерзает ничего делать в Церкви и выдавать себя за кого-либо. Это вынужденная мера, она сохранилась в Церкви на все последующие века.

Но служения церковные остались. Правда, они стали немного

меняться. Если в первое время мы находим такой распространенный дар — дар языков (по-гречески голосолалия), то постепенно этот дар уходит, мы не видим упоминаний о нем в последующие времена.

Весьма редким даром делается и дар пророческий или дар чудотворений, исцелений. Эти дары теперь усваиваются как бы нами и Церковью не всем христианам, а святым людям и делаются как бы характерным отличием святых людей, угодников Божиих. И Церковь как бы проникается таким критерием, что обычные христиане не могут творить таких чудес, они даются только в ответ на праведную, святую жизнь и характерны именно для святых.

Зато появляется и растет служение церковное, которое вызвано к жизни ростом Церкви — служение диаконов. Служение диаконов очень быстро развивается в Церкви, причем не в нашем понимании как помощников при служении, а служения общественные, благотворительные, милосердные. Конечно, церковные служения развиваются, потому что в Церковь приходит все больше и больше людей, среди них много больных, престарелых, есть сироты, инвалиды, бедные люди или многодетные, которым требуется помощь: детей нужно учить, воспитывать. Поэтому развиваются диаконические служения.

Первые века знают много замечательных диаконов, многие из них причислены к лику святых. Диаконы не могут исполнять диаконское служение при богослужении, и это название вовсе не означает, что в первые века были священницы или диаконы как младшие священники. Они были помощниками епископов и пресвитеров в общественном служении благотворительном, милосердном служении: они ходили по тюрьмам, по больницам, помогали в Церкви при крещении, помогали содержать в порядке храмы, помогали кормить бедных или тех, кто храму служил. Собственно, это было все то, что сохранилось и в нашей церковной жизни, только тогда это было более развито, чем теперь. По мере хода времени развивается богослужение, потому развиваются и потребности церковной службы. В церкви нужно много читать, много петь, со временем появляются иконописцы, необходимо шить, вышивать облачение. Все это требует многих трудов. Отсюда появляются и чины поставления в чтеца, певца.

Всякое служение церковное было, конечно, тоже избранием. Никогда в Церкви не было такого порядка, что тот, кто послужил Церкви, тот Церковь благодетельствовал и поэтому ему Церковь должна заплатить или очень его благодарить. Наоборот: всегда считалось служение Церкви даром Божиим. Если тебя избрали на служение церковное, то, значит, ты получил дар от Бога и должен благодарить Бога за это служение. Так было в отношении высших священных степеней, так было и в отношении низших степеней церковного служения. Это было избранничество, и если ты получил его, ты должен благодарить Бога и служить Церкви бескорыстно — без тщеславия, без честолюбия, без всякого карьеризма. Ты должен радоваться, что можешь внести свою лепту в жизнь церковную и послужить Богу.

Здесь мы находим резкое отличие нашей сегодняшней жизни от жизни древних христиан, уже не харизматиков первого века, но тех чтецов, певцов, диаконисс, которые в первые и последующие века христианства полагали свою жизнь на служение Богу. Тогда у каждой церковной общины было множество своих забот: были свои больные, устраивались собственные богадельни. Был обычай строить больницы при храмах, потом он ушел и возродился в более позднее время в другом виде, когда храмы стали строить при больницах. А в древности больницы строились при храмах, потому что вокруг храмов шла вся жизнь.

Естественно, что в общине каждый имел свое место и свое служение — так же как и в теле человека все имеет свой смысл, свое назначение и свое служение. Нет бессмысленных частей или членов тела. Так и в теле церковном каждый имел свое место и служение, свое назначение. В наше время стало по-другому: в истории укоренилась плачевная картина, когда резко отличаются клирики и причетники (так называются те, кто должен петь, читать, стоять за ящиком или убирать храм — причт церковный) от прихожан — тех, кто живет вокруг храма и приходит в храм, чтобы что-то получить от Церкви: исповедаться, причаститься, креститься, венчаться, отпеться, отслужить молебен. Одним словом, что-то заказать и получить, а исполнять это будут причетники. То есть возникают отношения такие, как в некоем магазине духовных нужд. Подобно

тому, как мы (доведем пример до крайности, чтобы он стал очевидным), когда нам нужно что-то в магазине, приходим туда и знаем, что есть сотрудники магазина, а есть другие люди, и это люди совсем разные. Мне нужно, я пойду, спрошу у сотрудника в магазине, что где продается, сколько стоит, попрошу упаковать что-то. Заплатил и ушел оттуда.

Подобное отношение к храмовой жизни в значительной степени уже давно в истории делается доминирующим. Более того, теряется вообще память даже о том, что были отношения другие, что когда-то были общины, что Церковь вообще есть община, есть Тело Христово. Конечно, в богословии это сохранилось, и в семинарии мы учились и учим тому, что Церковь есть мистическое Тело Христово. То есть мы, кто причащается Св. Христовых Таин, одного Тела и Крови Христовых, мы соединяемся в одно тело. Это всегда осознавалось, и так было, и действительно телом таким Церковь оставалась. Но это часто бывало похоже на тело человека, лежащего в тяжелейшем инсульте. Действительно, это одно тело, в котором еще кровь как-то по жилам течет, но только ни рукой, ни ногой, ни языком, ни головой это тело не владеет, они ему не служат, а являются тяжелым привеском, нагрузкой, и нужно, чтобы кто-то приходил и поворачивал это тело, чтобы у него пролежней не было.

К сожалению, наша церковная жизнь стала похожа на такого вот больного человека, который утратил способность ходить, что-то слышать ушами, видеть глазами, говорить языком. Все в нем истлело, осталось только последнее дыхание жизни, и кровь еще движется по жизни. На такого полумертвеца очень часто походит современная Церковь в ее земном смысле. Не подумайте, что я хочу умалить Церковь Христову, она всегда тождественна сама себе, всегда непорочна и совершенна. Но в каком смысле? В смысле духовном, в смысле вечном, в смысле своей полноты. В богословии мы имеем такое разделение: Церковь воинствующая, земная, и Церковь торжествующая, небесная. Это разделение несколько условно и я его не очень люблю, потому что оно упрощает картину, но все-таки мы часто говорим о земной жизни Церкви и о Церкви Царства Небесного. Я, конечно, имею в виду только земную жизнь Церкви, которая может быть и бывает в истории ущербной. И все это как раз

и проявляется в упадке церковных служений, хотя, конечно, не только здесь. Но более всего именно здесь.

Как уже говорилось, мы находим постоянный упадок в совершении таинств, в совершении пастырского служения. Но, может быть, самое разительное падение церковной жизни видно именно в забвении, каком-то полном омертвлении церковного служения. Где теперь диакониссы, кто о них помнит? Их просто нет. На протяжении второй половины 20 века или, может быть, всего 20 века, богословы взывают о том, чтобы возродить диаконисс, но этого не происходит. А кто теперь где-либо видел поставленных чтецов или певцов? Не находим мы этого. Мы видим теперь, что епископ рукополагает в чтеца только лишь непосредственно перед хиротонией в диаконы. Почему? Потому что не находим мы таких чтецов, которые действительно готовы принять это как свое церковное служение. Ведь оно ко многому обязывает. После такой хиротесии уже нельзя было жениться. Так, где же эти люди, которые решили посвятить себя служению чтеца? Таких людей мы не видим. Тем более не видим мы таких певцов. Но видим обратное: на правом клиросе у нас стоят сплошь и рядом неверующие люди, иногда некрещеные, иногда мусульмане и поют «Иже херувимы» просто потому, что у них есть голос, слух и музыкальное образование и они хотят заработать. До недавнего времени это был неплохой способ заработать. А во время шестопсалмия можно выйти покурить.

Это все, к сожалению, наши будни, наша сегодняшняя церковная жизнь. Сейчас, когда наступило некоторое отдохновение, что ли, историческое, кажется, что все-таки есть настоящие певцы и хоры. Да, сейчас благодатный момент: денег стало мало в Церкви, и певцы дорогостоящие реже могут найти такой клирос, где получают нужную зарплату. Это очень хорошо, и я очень рад и желаю, чтобы не осталось ни одного правого хора в нашей Церкви, который вот таким образом живет. Потому что на правом хоре даже узаконено было, что певцов приводит регент, священник даже не знает, кто сегодня поет литургию или какой там встал грешник или не грешник.

Произносится во время литургии: «Оглашении, изыдите!», но никому из правого хора не приходит в голову выйти, потому что он не верит в Бога. Не просто оглашенный, а некрещеный и не

собирающийся креститься.

Я еще помню таких певчих, которые говорили: «Мы доброе дело делаем, мы попов раздаиваем». Значит, у Церкви деньги отнимаем. Такие хулиганы еще недавно пели у нас на клиросе.

Скажу еще и о другом. Церковь в древности знала служение ктитора, т. е. попечителя о храме. И поэтому у нас ретивые диаконы в 20 веке очень часто поминали ктитора такого-то, хотя ктиторов эти давно уже не существуют, а существуют старосты, которые в течение многих десятилетий засылались исполкомами или уполномоченными с целью грабить Церковь. Не быть попечителем, а просто воровать у Церкви и отдавать эти деньги в райком партии, в исполком. Так что наши храмы московские, как это ни парадоксально, по существу говоря, содержали райкомы и исполкомы. Зарплата у них была не очень большая, поэтому они, зная, что в Церкви есть касса «левая», государством не охваченная, запускали в эту кассу руку. Люди церковные несли в храм денежки, думая, что они на Церковь их несут, а райкомы, исполкомы и их уполномоченные выгребали оттуда все дотла, так что у Церкви часто не оставалось денег ни на что, кроме зарплаты и средств, чтобы прокормить тех, кто обед варил. А если ты делал ремонт в храме, потому что крыша прохудилась, то нужно было обязательно пойти и нанять таких рабочих, которых даст опять же исполком. И они продиктуют, сколько рабочих взять и сколько им заплатить. И мы платили им деньги, а потом говорили: «А теперь вы уйдите, а мы все сделаем сами». Такие времена были еще недавно.

Так что церковные служения не только потерялись, но каким-то сатанинским образом извратились, сменились на что-то противоположное. Те, кого называли ктиторами, стали самыми страшными разбойниками, от которых священники не знали куда деваться и как их изжить. Вместо певчих, которые должны были совершать вместе со священником Божественную литургию, появились певцы правохорные, которые не дают возможности молиться, потому что устраивают какую-то свою оперу и ведут себя совершенно непотребно. И так далее. А все настоящее, положительное было запрещено — учить детей, оказывать благотворительную помощь. Еще недавно по советским законам

Церковь не имела права никому ничем помогать. Никакая благотворительность церковная не была возможна, она была запрещена и уголовно наказуема. Так же, как уголовным преступлением считалось обучать детей религии. Если возьмешь и будешь учить двоих-троих детей, то от двух до трех лет тюрьмы полагалось за это. Это еще совсем недавно было, хотя вы уже, наверное, этого не помните. В 80-е годы все это еще было, хотя и с меньшей остротой, чем в 50–60-е годы. В 80-е годы, когда мы делали детский хор, спевки проводились то на одной, то на другой квартире, потому что это было серьезной опасностью.

Служения утратились, но это случилось не сразу. Еще до революции что-то можно было делать, и что-то Церковь делала, но настолько уже был потерян дух церковного служения, что все это постепенно как бы атрофировалось. Именно поэтому и стал возможен такой переворот — атеизм советский, революция, гонения на Церковь. Потому что Церковь как бы в паралич попала, ее жизнь стала нездоровой, ненормальной. Как всякая болезнь, это состояние имело свой кризис. Обычно болезнь развивается, человеку становится все хуже, а потом наступает момент, когда он или выздоравливает, или умирает. Скажем, гангрена: человеку нужно отрезать ногу, и он выздоровеет. Нечто подобное случилось и с нами: Церковь испытала страшное гонение, оно по существу привело к тому, что многие как бы мертвые члены Церкви отпали. Здоровых членов убили, а мертвые просто отпали, испугавшись. И Церковь в значительной степени освободилась от огромного балласта номинальных христиан, которые вовсе Церкви служить не хотели, которые никогда себя не мыслили настоящими членами Церкви, а были всего-навсего прихожанами по традиции — и все.

И вот сейчас, если мы хотим, чтобы Церковь жила, чтобы действительно возрождалась церковная жизнь... (пропуск в записи), потому что если Церковь не встанет на ноги, России не будет больше.

18.05.94.